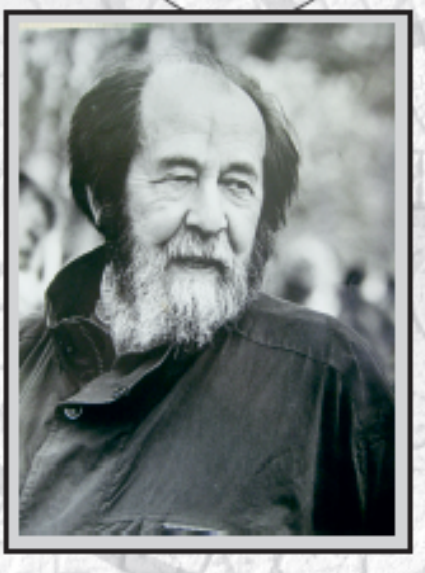
№ 4
2018



К 100-летию со дня рождения
Александра Исаевича Солженицына

ИЗВЕСТИЯ
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИЗВЕСТИЯ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

DOI: 10.23683/1995-0640

2018

№ 4

Известия ЮФУ
Филологические науки
2018. № 4

Редакционная коллегия:

Н. В. Изотова, главный редактор, д. филол. наук, профессор,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
С. Г. Агапова, зам. главного редактора, д. филол. наук, профессор,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
В. Ю. Меликян, зам. главного редактора, д. филол. наук, профессор,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
И. В. Нефедов, зав. редакцией журнала, к. филол. наук, доцент,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
Е. В. Ахмадулин, раздел журналистики, д. филол. наук, профессор,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
Л.Г. Ларионова, раздел образования, д. пед. наук, профессор,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
С. В. Коростова, раздел языкознания, к. филол. наук, доцент,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
Л. В. Табаченко, раздел рецензий и хроники, д. филол. наук, профессор,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
В. Н. Чубарова, раздел литературоведения, к. филол. наук, доцент,
Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Редакционный совет:

Т. Н. Ломтева, д. пед. наук, профессор,
Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
Джордж Гайдн Фоулер, Ph.D., профессор, университет Индианы, Блумингтон, США
О. В. Александрова, д. филол. наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
А. Д. Дейкина, д. пед. наук, профессор, МПГУ, Москва, Россия
Афит Эрнандес Вильальба, Ph.D., профессор, Технологический университет Монтеррей,
Кампус Куэрнавака, Мексика
О. Н. Лёвушкина, д. пед. наук, профессор, Московский институт открытого образования,
Москва, Россия
Е. Л. Вартанова, д. филол. наук, профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия
Т. Б. Михеева, д. пед. наук, доцент, Донской государственный технический университет,
Ростов-на-Дону, Россия
Вольфганг Мюль-Беннингхауз, Ph.D., профессор, Берлинский университет им. Гумбольдта,
Берлин, Германия
Л. П. Громова, д. филол. наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия
С. Н. Зотов, д. филол. наук, профессор, Таганрогский институт им. А.П. Чехова, Таганрог, Россия
В. И. Карасик, д. филол. наук, профессор, Волгоградский государственный педагогический
университет, Волгоград, Россия
Мануэль Перес Хименес, Ph.D., профессор, Университет Алкала, Алкала-де-Энарес, Испания
Стефенс Митчел, Ph.D., профессор, Нью-Йоркский университет, Нью-Йорк, США
Хуан Мануэл Маркос, Ph.D., профессор, UniNorte, Асунсьон, Парагвай
О. А. Джумайло, д. филол. наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
У. М. Панеш, д. филол. наук, профессор, Адыгейский государственный университет, Майкоп, Россия
Ким Вон Хан, Ph.D., профессор Государственного университета Чонбук, Чонджу, Южная Корея
С. М. Кравцов, д.филол.наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Номер подготовил редактор В.И. Литвиненко

Адрес редакции:
344082, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 150, к. 11, тел. (863) 264-47-88

Учредитель и издатель:
ФГАОУ ВО "Южный федеральный университет".
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Св. о рег. ПИ № ФС77-28745 от 05.07.2007 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия

© Редакционная коллегия журнала «Известия Южного федерального университета. Филологические науки», 2018 г.

Proceedings of Southern Federal University. Philology 2018. № 4

Editorial board

Natalya Valeryanovna Izotova, chief editor, Ph.D., professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
Sofiya Grigorievna Agapova, deputy of chief editor, Ph.D., professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
V**adim Yurievich Melikyan**, deputy of chief editor, Ph.D., professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
I**gor Vladislavovich Nefedov**, head of the editorial's, candidate of philology, associate professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
Evgeny Valerievich Ahmadulin, journalism section, Ph.D., professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
Ludmila Gennadievna Larionova, education section, Ph.D., professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
Svetlana Vladimirovna Korostova, linguistics section, candidate of philology, associate professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Feder ation
Lyudmila Vladimirovna Tabachenko, reviews and chronicles section, Ph.D., professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation
Valentina Nikolaevna Chubarova, literarure study section, candidate of philology, associate professor,
Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Editorial Council

Tatyana Nikolaevna Lomteva, Ph.D., professor, North-Caucasus Federal University, Stavropol,
Russian Federation
George Hayden Fowler, Ph.D., professor, Department of Slavic Languages and Literatures, Indiana University, Bloomington, IN 47405-7103 USA, United States
Olga Viktorovna Alexandrova, Ph.D., professor, Moscow State University of M.V. Lomonosov,
Moscow, Russian Federation
Alevtina Dmitrievna Deykina, Ph.D., professor, Moscow State Pedagogical University, Moscow,
Russian Federation
Afit Hernandez Vilalba, Ph.D., professor, Technological University of Monterrey, Cuernavaca
Campus, Mexico
Olga Nikolaevna Lyovushkina, Ph.D., professor, Moscow University of Open Education,
Moscow, Russian Federation
Elena Leonidovna Vartanova, Ph.D., professor, Moscow state university of M.V. Lomonosov,
Moscow, Russian Federation
Tatyana Borisovna Miheeva, Ph.D., associate professor, Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russian Federation
Wolfgang Mull-Benninghaus, Ph.D., professor, Berlin University. Humboldt, Berlin, Germany Ludmila
Petrovna Gromova, Ph.D., professor, St. Petersburg State University, Saint-Petersburg,
Russian Federation
Sergey Nikolaevich Zotov, Ph.D., professor, Taganrog Institute of A.P. Chekhov, Taganrog,
Russian Federation
Vladimir Ilyich Karasik, Ph.D., professor, Volgograd State Pedagogical University, Volgograd,
Russian Federation
Manuel Peres Jimenes, Ph.D., professor, University of Alcala, Alcala de Henares, Spain
Stephens Mitchell, Ph.D., professor, New York University, New York, United States of America
Juan Manuel Marcos, Ph.D., professor, UniNorte, Asuncion, Paraguay
Olga Anatolyevna Dzhumaylo, Ph.D., associate professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don,
Russian Federation
Panesh Uchuzhuk Mashkhudovich, Ph.D., professor, Adyghea State University, Maikop, Russian Federation
K**im Won Han**, Ph.D., professor, State University of Jeonbuk, Jeonju, South Korea
Kravtsov Sergey Mihailovich, PhD., professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federetion

The editor of the issue is V.I. Litvinenko

Mailing Address:
Office 11, 150, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don,
Russian Federation, 344006
Nefedov Igor Vladislavovich
Phone: +79604643321, Email: igornef@yandex.ru

© Editorial board of "Proceedings of Southern federal university. Philology", 2018.

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4

СОДЕРЖАНИЕ №4 2018

К 100-летию со дня рождения Александра Исаевича Солженицына

Богданова О.В.

«Искать избитых правоту» (Место А. Солженицына и В. Шаламова в русской литературе XX века) 12

Калашникова С.М.

А.И. Солженицын о Петре I 21

Ларионова М.Ч.

Вопрос о памятнике А.И. Солженицыну в Ростове-на-Дону: взгляд литературоведа 28

Алтынбаева Г.М.

Нравственный мир Японии в контексте мировоззренческой географии А.И. Солженицына 36

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Николаев С.Г.

Монолингвизм героев песни *The Beatles* '*Michelle'* как причина коммуникативного коллапса в лирическом тексте. Часть 2 48

Щербакова И.В.

Гендерная специфика репрезентации эмоций в художественном тексте 54

Склярова Н.Г.

Освещение сирийского конфликта в англоязычном милитарно-медийном дискурсе 64

Локтионова Н.М., Фомина О.А., Кузьминова И.А.

Языковой вкус и языковая мода в лингвоэкологическом контексте 74

Косякова Я.С.

Эпистемическая оценка и прагматические факторы её мотивации в тексте новостного репортажа 82

Щемелинина И.Н.

Вербализаторы *рубеж, порубежный* концепта *территория* в сочинении Г.К. Котошихина 92

Матвеева Н.В.

Принцип доминантности и ключевые слова как основа механизма порождения текста: психолингвистический аспект 98

Назарова Е.А.
Символика дней недели в паремиологическом фонде французского языка 107
Зубарева А.В.
Никнейм как особый тип онимов: в поисках интегрального признака 115
Маслова М.Н.
Специальные наименования в сфере морской навигации 124
Ковалёва Н.А., Ковалёва О.С.
Салонное письмо как разновидность эпистолярного дискурса И.С. Тургенева 133
Козакова А.А.
Лексико-семантический анализ образа В.Я. Брюсова в очерке М.Цветаевой «Герой труда» 142
Мельник А.Д.
Фразеосхема «Was + Pers. Pron1 [<Art1>Sub1] + <Nicht>++ Verb!(?)» в языке и речи 151

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Белаш Е.Ю.
Пародирование жанра лирического романа в «Бритом человеке» А. Мариенгофа 162
Уманцева Л.В.
Русская литература как предвестник юридического знания 171
Гредель В.П.
Многоступенчатость жанровой структуры романа Е. Замятина «Мы» 179
Дьяченко Т.А.
Тема востока в поэзии Валерия Брюсова (на примере стихотворения «В магическом саду») 188

ОБРАЗОВАНИЕ

Беднарская Л.Д.
Фактор системности в современной образовательной парадигме 196
Дашко Е.Л.
Изучение формирования образа войны в творчестве В. Борхерта и А. Роб-Грийе на занятиях по мировой литературе в вузе 206
Лубянова М.А., Ханюкова Т.А.
Речевая самостоятельность как фактор формирования иноязычной коммуникативной компетенции 215

Шутько Г.Г.
Специфика национального менталитета
в методике преподавания РКИ 224
Цуканова Е.И.
Лексико-семантическая характеристика
методической терминологии 230

ЖУРНАЛИСТИКА
Козлов В.И.
Развитие экосистемы для бизнеса
как технология роста медиакомпании 236

AD MEMORIAM
Максимова Е.С.
Своя чужая речь: о грамматисте
М.К. Милых вспоминают ученики и коллеги 244

РЕЦЕНЗИИ
Кучумова Г.В.
Феномен метаромана Томаса Бернхарда. (*Котелевская В.В*. Томас Бернхард и модернистский метароман: монография. Ростов н/Д.; Таганрог: Изд-во Южного федерального ун-та, 2018. 352 с.) 248

ХРОНИКА
Осипова Т.О.
«Изучение творчества М.А. Шолохова на современном этапе: проблемы, концепции, подходы»: XX Шолоховские чтения (ст. Вешенская) 254
Козакова А.А., Литвинова И.А.
«Фортунатовские чтения в Карелии»
(10–12 сентября 2018 года, Россия, Петрозаводск) 256

Светлой памяти Вадима Николаевича Белопольского 258

Положение о правилах рецензирования статей в журнале «Известия Южного федерального университета. Филологические науки» 260

Требования к материалам, публикуемым в журнале 261

CONTENTS №4 2018

To 100-year anniversary of Alexander Solzhenitsyn

Olga V. Bogdanova

«To Look For Truth For Beaten» (A. Solzhenitsyn and V. Shalamov in Russian Literature of the XX Century) 12

Svetlana M. Kalashnikova

A.I. Solzhenitsyn about Peter I 21

Marina Ch. Larionova

On the Issue of a Monument to A.I. Solzhenitsyn in Rostov-on-Don: View of a Literature Theorist 28

Gulnara M. Altynbaeva

Japanese Moral World in the Context of A.I. Solzhenitsyn's Worldview Geography 36

LINGUISTICS

Sergey G. Nikolaev

Monolingualism of the Song Characters "Michelle" by the Beatles as the Reason of Communicative Collapse in Lyrical Text. Part 2 48

Irina V. Scherbakova

Gender Specificity of Emotions Representation in the Fiction Text 54

Natalya G. Sklyarova

Syrian Conflict Coverage in the English Military-Media Discourse 64

Nadezhda M. Loktionova, Olga A. Fomina, Irina A. Kuzminova

Language Taste and Language Fashion in Linguaecological Context 74

Yana S. Kosyakova

Epistemic Assessment and Pragmatic Factors of Its Motivation in the Reportage News Text 82

Irina N. Schemelinina

Verbalizers *Рубеж, Порубежный* of the Concept *Territory* in the Work by G.K. Kotoshikhin 92

Natalya V. Matveeva

Principle of Dominance and Key Words as the Basis of the Mechanism of Text Formation: Psycholinguistic Aspect 98

Ekaterina A. Nazarova

Week Days Symbolics in Paremiologic Fund of the French Language 107

Anastasia V. Zubareva
Nickname as Special Type of Onym:
in Search of Integrated Sign 115
Marina N. Maslova
Marine Navigation Special Names 124
Natalya A. Kovaleva, Olga S. Kovaleva
Salon Letter as a Variety of Epistolary Discourse by I.S.Turgenev 133
Alexandra A. Kozakova
Lexico-semantic Analysis of V. Bryusov's
Image in M. Tsvetaeva's Sketch "Labor Hero" 142
Anastasia D. Melnik
The Fixed Phrase Scheme «Was + Pers. $Pron_1$ [<Art_1>
Sub_1] + <nicht> + Verb!(?)» in the Language and Speech 151

LITERATURE STUDY
Ekaterina Yu. Belash
Lyrical Novel Genre Parodying
in "Shaved Man" by A. Marienhof 162
Lidiya V. Umantseva
Russian Literature as a Harbinger of Legal Knowledge 171
Veronika P. Gredel
Genre Structure Multistage in E. Zamyatin's "We" 179
Tatyana A. Dyachenko
Orient Theme in the Poetry by Valery Bryusov (on the Example
of the Literary Work «In the Magic Garden») 188

EDUCATION
Larisa D. Bednarskaya
Factor of Consistency in the Modern Educational Paradigm 196
Elena L. Dashko
Study of the War Image Formation in the Creativity
of V. Borhert and A. Rob-Griye during Lessons in World
Literature at the University 206
Marina A. Lubyanova, Tatyana A. Khanyukova
Speech Self-dependence as the Factor of Developing a Foreign
Language Communicative Competence 215
Galina G. Shutko
Specifics of the National Mentality in the Teaching
Methodology of Russian as a Foreign Language 224

Ekaterina I. Tsukanova
Lexico-semantic Characteristics of the Methodological Terminology 230

JOURNALISM
Vladimir I. Kozlov
Ecosystem Development for Business as Mediacompany Growth Technology 236

AD MEMORIAM
Maksimova E.S. *Own non self speech: students and colleagues remember about* the grammarian M.K. Milykh 244

REVIEWS
Kuchumova G.V.
Phenomenon of metanovel by Thomas Bernhard. Review on the book: Kotelevskaya V.V. Thomas Bernhard and the modernist metanovel. Monograph. Rostov-on-Don; Taganrog: Publishing House of the Southern Federal University, 2018. 352 p. 248

CHRONICLES
Osipova T.O.
"Studying the works of M.A. Sholokhov at the present stage: problems, concepts, approaches": XX Sholokhov Readings (Vil. Veshenskaya) 254
Kozakova A.A., Litvinova I.A.
"Fortunatov's readings in Karelia" (September 10–12, 2018, Russia, Petrozavodsk) 256

In Hallowed Memory of Vadim Belopolsky 258

Issue on review procedure of the articles in the journal "Proceedings of Southern federal university. Philology" 260

Guideline for the materials, publishing in the journal 261

К 100-летию со дня рождения Александра Исаевича Солженицына

УДК 82-32
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

О.В. Богданова

«ИСКАТЬ ИЗБИТЫХ ПРАВОТУ» (МЕСТО А. СОЛЖЕНИЦЫНА И В. ШАЛАМОВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XX ВЕКА)

Рассматривается лагерная проза А. Солженицына и В. Шаламова, сопоставляются «Один день Ивана Денисовича» и «Колымские рассказы», определяется место и роль писателей в русской литературе второй половины XX века. В ходе анализа показывается, что разное влияние Солженицына и Шаламова на развитие современного литературного процесса обусловлено тем типом героя, который каждый из прозаиков поставил в центр своего повествования: герой из «середины» и «массы» в одном случае противопоставляется герою «на грани» в другом случае.

Ключевые слова: *русская литературы второй половины XX века, проза, тема лагеря, А. Солженицын, В. Шаламов.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-12-20

Богданова Ольга Владимировна – докт. филол. наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института филологических исследований Санкт-Петербургского государственного университета
Тел.: 8-921-962-39-23
Email: olgabogdanova03@mail.ru

© Богданова О.В., 2018.

В русской литературе 1960-х – 1980-х гг. к теме лагеря обращались (не)многие писатели, однако главное слово в разработке этой темы сказали А. И. Солженицын и В. Т. Шаламов. Именно эти художники наметили и воплотили магистральные направления в раскрытии темы лагеря – и сделали это каждый по-своему, не только самобытно и особенно, но и противореча один другому, сталкиваясь и расходясь в центральной интенции и ментальной художнической позиции.

Осмыслению «лагерной» темы в русской литературе этого периода посвящено немало критических и литературоведческих работ, среди них монографии и статьи Ю. Андреева [Андреев, с. 109–117], А. Бочарова [Бочаров, с. 186–194], Т. Вознесенской [Вознесенская, с. 20–24], Е. Волковой [Волкова, с. 7–174], В. Есипова [Есипов, с. 41–50], Н. Ивановой [Иванова, с. 27, 147–149, и др.], Н. Молчановой [Молчанова, с. 107–110], И. Некрасова [Некрасов, с. 4–12], И. Сиротинской [Сиротинская, с. 101–112], Л. Тимофеева [Тимофеев, с. 182–195], Е. Шкловского [Шкловский, с. 254–263] и др. Однако проблема «Солженицын vs Шаламов» продолжает волновать современных исследователей как в России, так и за ее пределами.

По прошествии времени – с момента появления «лагерных» произведений писателей и «возвращения» их читателю, с установлением некоторой темпоральной перспективы – в отечественной литературе отчетливее становятся видны не только тенденции развития лагерной прозы, но и яснее

прорисовываются место и «статус» писателей, обратившихся к этой проблемно-тематической линии.

Несмотря на то что Шаламов несколько старше Солженицына и его лагерный опыт более длительный и суровый, тем не менее открытие лагерной темы в русской литературе связано с именем А. И. Солженицына, с его рассказом «Один день Ивана Денисовича» (1959).

В «Одном дне Ивана Денисовича» Солженицын избирает главным героем повествования человека обыденно простого, намеренно «усредненного», внешне неприметного – крестьянина из российской глубинки. Подобно М. Шолохову, Солженицын сознательно обращается к истории «идеального негероя», чья судьба – судьба человека, судьба одного из многих, судьба «простого Ивана» («Архипелаг ГУЛаг»). Образ Ивана Денисовича, человека безропотного, бессловесного, безобидного, позволял Солженицыну показать колоссальные масштабы того процесса, который поражал все слои существовавшего государственного строя и уничтожал опору национального мироустройства – русского крестьянина.

Установка на универсальность (типичность и характерность) судьбы крестьянина Шухова достигается Солженицыным уже в названии – «один день», т.е. один из многих и подобных. Замена слова «зек», политизирующего и по-своему ограничивающее хронотоп повествования в первоначальном названии «Щ-854» с подзаголовком «Один день одного зека», в окончательном варианте замененного именем героя – Иван Денисович, доводила типизацию до еще более высокого предела узнаваемости и обобщения. В фокусе авторского внимания оказывалось не сугубо единичное, рельефно-масштабное или индивидуальное, а типическое (и однотипное), повторяющееся, общее.

В потоке событий одного дня одного зека Солженицын избирает эпизоды не особого характера и свойства, как, например, банный день у Шаламова, а самые рядовые, а точнее – регулярные: подъем, прием пищи, выход на работу, возвращение в лагерь и отбой. Событие же неординарного характера – пронос Иваном Денисовичем в лагерь куска металлической пилы, хотя и упомянуто автором, но осуществляется почти случайно («по забывчивости») и теряется в череде других, самых привычных для лагерной жизни обстоятельств, утрачивая таким образом характер особости и вставая в ряд событий хотя и значительных, но случайных и нетипичных.

Подобно тому, как избранный «один зек» у Солженицына – средний, простой, ничем особым не выделяющийся, так и «один день», который описывает художник, – не просто один из многих, а самый рядовой, от других мало чем отличающийся, не самый плохой и не самый хороший.

Некая «середина» ощущается во всем: барак, в котором спит Иван Денисович, – не блатной, не уголовный; место, которое он занимает, – не у самой печки, но и не «у параши», из трех ярусов барачной «вагонки» он спит на средней; работа, на которую отправляют его бригаду, – не натягивание колючей проволоки на голом пространстве снежной пусты-

ни под пронизывающим леденящим ветром и не долбление железным обледенелым ломом вечной мерзлоты, что достается другим заключенным, но и не «тепленькая» чистая работа писаря Цезаря, а кладка кирпича на ранее недостроенном здании ТЭЦ, в котором не так холодно, как на открытом месте, но и не так тепло, как в помещении.

И погода в избранный Солженицыным день средне-зимняя: мороз не сорок градусов, когда заключенных могут оставить в бараке и не погнать на работу, а всего «двадцать семь с половиной» [Солженицын, 1991, 10], «как всегда»; и солнце не играет на небе, но и не скрыто совсем – оно «как бы во мгле» [Там же, с. 30], «без лучей, как в тумане» [Там же, с. 36]. И 104-я бригада, в которой оказывается герой, – не самая плохая и состоящая не на самом плохом счету (во всей бригаде из лагерников-шакалов только один Фетюков). Даже лагерная похлебка-баланда у Шухова в изображаемый день «серединная»: «Попало так, средне. Не с начала бака наливали, но и не доболтки» [Там же, с. 13].

Для усиления степени типизации образа главного героя Солженицын создает ряд персонажей, сопутствующих Ивану Денисовичу. Одни из них сопоставимы с образом главного героя по принципу подобия (бригадир Тюрин, Сенька, Гопчик, заключенный Ю-81,), другие – по принципу несхожести (кинорежиссер Цезарь, кавторанг Буйновский). Если в первом случае выделяется родство героев (подобно Ивану Денисовичу бригадир Тюрин и заключенный Ю-81 еще хранят в себе традиции народно-крестьянского нравственного уклада: например, не могут «себя допустить есть в шапке»), то во втором случае даже имена, зековская профессия и поведение в лагере подчеркивают исключительность персонажей. И в этом плане Шухов опять оказывается «по середине» – между «осоветизированным» Буйновским, спящим на нижних нарах, и Алешкой-баптистом, глубоко верующим человеком, занимающим верхнюю полку.

Иван Денисович воспринимает окружающую его жизнь почти неосознанно, подсознательно, на уровне интуиции, сравнивая происходящее по своей мощи и причинно-следственной мотивации с процессом стихийным, почти природным, в известной мере неуправляемым. Однако «выжить», по Солженицыну, – не превратиться в «шакала», подобного Фетюкову, не опуститься до низости и доносительства, угодничества и предательства, а «не уронить себя»: «миски не лизать», «на санчасть не надеяться», «к куму стучать» не ходить [Там же, с. 5], т.е. сохранить нравственные представления и понятия всей предшествующей жизни – самого Шухова и не одного поколения его предков, простых русских людей. «Выжить» у Солженицына звучит как «надо жить» («...переживем! Переживем все...»; [Там же, с. 94]), не неся в себе некоего сознательного начала, но являясь отражением природного и народного «инстинкта самосохранения» [Акимов, с. 271]. За внешней пассивностью, покорностью и непритязательностью героя Солженицына скрывается не нравственная слабость личности, а устойчивая сила целого мира традиционных крестьянских представлений, тех неписаных законов, ко-

торые обеспечивали жизнеспособность нации в условиях многих «радостей и горестей», непростой и неоднозначной русской/советской жизни.

Данный подход удвоил силу воздействия рассказа Солженицына, ибо, с одной стороны, он открывал новую тему в советской литературе, с другой – возрождал традиционный литературный характер, посредством которого давал жизнь новому течению – деревенской прозе, которая стала объективно лидирующим направлением в течение почти трех десятилетий в русской литературе второй половины XX в., открывая пути к развитию новой русской литературы постперестроечного периода. В отличие от Ивана Денисовича герои Ф. Абрамова, В. Астафьева, В. Белова, С. Залыгина, Б. Можаева, Е. Носова, В. Распутина, В. Шукшина избежали заключения, но они жили в той же социальной системе, были «винтиками» той же государственной структуры, ощущали на себе ту же тяжесть нарушения естественных общественных отношений, что и герой «Одного дня...», тем более что (как показал Солженицын в «Матренином дворе») положение в русской деревне послевоенного времени мало чем отличалось от положения в лагере. В прозе писателей-деревенщиков «поверхностная» острота лагерной темы оказалась снятой, «незаконная» тема сменилась темой, обретающей права законности, но существо проблемы осталось прежним – противостояние личности и государства, обеспокоенность судьбой России и ее народа.

В современной критике устоялось мнение, что «Колымскими рассказами» Варлам Шаламов вступает в спор с Солженицыным, внося новое (или иное) видение лагеря. Действительно, в «Колымских рассказах» Шаламов не столько опирается, сколько, кажется, сознательно отталкивается от повествования Солженицына. Если в рассказе Солженицына труд – это радость и духовное освобождение («вкалывать на совесть – одно спасение», «от болезни работа – первое лекарство» [Солженицын, с. 16]), – те редкие минуты, когда заключенный ощущает себя и предстает на страницах рассказа независимым и свободным, то у Шаламова работа – это каторга и подневольщина, «в лагере убивает работа» [Шаламов, 1989, с. 71], «лагерь бы местом, где учили ненавидеть физический труд, ненавидеть труд вообще» [Там же, с. 70]. Отказ от работы – «преступление, которое карается смертью» [Там же, с. 51]. И если на какой-то миг герою Шаламова работа может показаться «мелодией», «музыкой», «симфонией» («Артист лопаты»), то уже в следующий момент она превращается в какофонию, в скрежет и рваный ритм, и еще недавнее ощущение радости труда оборачивается разочарованием, обманом, ложью [Там же, с. 48 – 49]. Если в произведении Солженицына Иван Денисович живет и работает в бригаде слаженной, где бригадир, «как отец», «не предаст» [Солженицын, с. 65] и поддержит, то у Шаламова бригада – только видимость, внешне сбитое, неорганичное и порочно-опасное единство («Артист лопаты»). Если у Солженицына рабочий день длится 11 часов, а задержка на работе даже в четверть часа – событие едва ли не чрезвычайное, то у Шаламова заключенные возвращаются в лагерь «после двадцати трёх

часов работы» [Шаламов, с. 22], и впереди их еще ожидает уборка барака и поход за дровами.

У Шаламова в рамках лагерного социума все элементарно-привычные представления о жизни поруганы. Если у героя Солженицына был дом, семья, (редкие) письма, в прошлом – даже посылки к Пасхе, то герой Шаламова не ждет вестей из дома, не хочет «быть обязанным в чем-то никому, даже собственной жене» [Там же, с. 73]. А на вопрос, «хочет ли он домой», без тени иронии отвечает: «Лучше в тюрьму» [Там же, с. 17].

В лагере Шаламова заключенный полностью разобщен с окружающими, обособлен, самоизолирован. Здесь каждый сам по себе и сам за себя. Если у Солженицына Иван Денисович, поступая тем или иным образом, осознает, что заслуживает одобрение или порицание собригадников, добивается расположения или уважения окружающих (прежде всего на работе: «Кто работу крепко тянет, тот над соседями тоже вроде бригадира становится» [Солженицын, с. 63]), то у Шаламова этого нет, да и не нужно: «любовь, дружба, зависть, человеколюбие, милосердие, жажда славы, честность – ушли от нас с тем мясом, которого мы лишились за время своего продолжительного голодания» [Шаламов, с. 31]. По Шаламову, человеческие чувства и чувства вообще раньше или позже, но обязательно атрофируются в заключенных.

Если герой Солженицына и в лагере придерживается законов традиционной народной (и прежде всего трудовой) жизни («...так устроен Шухов по-дурацкому, и никак его отучить не могут: всякую вещь и труд всякий жалеет он, что не зря гинули» [Солженицын, с. 70]), то в лагере Шаламова законы человеческого существования разрушены и подавлены, в силу вступают и бесконтрольно правят законы лагеря и зоны, жестокие настолько, что деформируются не только чувства, но и разум, порождая «Великое Безразличие» [Шаламов, с. 22, 28, 42, 67 и др.]. «Нас ничто уже не волновало, нам жить было легко во власти чужой воли» [Там же, с. 38].

Наконец, если главное ощущение Ивана Денисовича после прожитого дня – «ничего, еще поживем», в котором форма множественного («коллективного») числа значит не меньше, чем семантика всей фразы, то, по Шаламову, «девяносто девять процентов людей... пробы <лагерем. – *О. Б.*> не выдерживали», а «те, кто выдерживал – умирал вместе с теми, кто не выдерживал» [Шаламов, с. 66]. Если герой Солженицына размышляет: «Переживем все, даст Бог кончится!» – [Солженицын, с. 94]), то, по Шаламову, выжить в лагере можно только «случайно» [Шаламов, с. 66].

Примеры показывают, что Шаламов если и не намеренно и не сознательно, то в любом случае – откровенно и определенно спорит с Солженицыным, не соглашается, стремится доказать нечто иное. А такие шаламовские фразы, как «...и по русскому обычаю, по свойству русского характера, каждый, получивший пять лет, – радуется, что не десять» [Шаламов, с. 24] или «...всякий, кто хвалит лагерный труд – под-

лец или дурак» [Там же, с. 71], указывают на нескрываемую полемику с автором «Одного дня...».

Спор между Шаламовым и Солженицыным, главным образом, актуализируется в том, кого художники избирают главным героем повествования, т.е. считают наиболее представительным носителем истины. И если объектом типизации Солженицын избирает человека «из народной гущи» – потомственного российского крестьянина из деревни Темгенёво, то Шаламов – представителя интеллигенции, человека образованного, с университетским образованием, эрудированного, тонко чувствующего, пишущего стихи. Выведенные в рассказах Шаламова под разными именами герои Голубев, Андреев, Крист представляют собой один человеческий, поведенческий и мировоззренческий тип, обусловленный происхождением, приобщенностью к научному и эстетическому знанию, рационально-осмысленным (в противовес шуховскому – природно-естественному) восприятием жизни. В эссе «О прозе» Шаламов назвал их «людьми высокой умственной культуры».

Выбор Шаламовым иного типа героя, перенесение центра тяжести с образа природного крестьянина на образ мыслящего интеллигента позволили писателю взглянуть на изображаемые события под другим углом зрения, многое увидеть острее, прочувствовать больнее, воссоздать пронзительнее, посредством иного уровня восприятия представить события в обобщенно-символическом ключе, с определенной долей аналитичности и философского обобщения. При этом если герою Солженицына ближе сдержанная, эпически-спокойная манера мышления, без броской метафорики, с ориентацией на народно-поэтическое творчество, то герой Шаламова в большей мере тяготеет к условно-эстетическому, обобщенно-символическому и абстрактно-рационалистическому восприятию мира. Замена героя оказалась принципиально важной для Шаламова: более просвещенный, его герой позволял художнику аналитичнее подойти к изображаемым событиям, образованный и думающий, он способствовал осознанию отдельных событий и фактов в единой логической цепи взаимосвязанных исторических событий, по-своему более тонкий, чем крестьянин Шухов, он больнее и трагичнее передавал сам дух лагеря, заключения, ограничения человеческой свободы. В самом упрощенном виде можно констатировать, что герой Солженицына – хозяйственный и практичный крестьянин-реалист, тогда как герой Шаламова – возвышенный и тонкий интеллигент-идеалист. Типизация у Шаламова обрела иное направление, чем у Солженицына. Обобщения художника подчас облекались в форму некой рационалистической абстракции. Автор обозначал лишь общекатегориальные признаки, отказывался от какой-либо индивидуализации, создавал не характеры или образы, а некие знаки, выступающие заместителями художественной конкретики. Если Солженицын избрал для своего повествования общий план, где

важна сама ежедневная и ежечасная – обобщенная и привычно-узнаваемая – картина в совокупности фигур и событий, то Шаламов обратился к крупному плану, где игра светотени, контраст и антитеза, преобладание символической детали, интерес к единичному и исключительному если и не заслоняли всей картины, то определенно требовали к себе особого внимания. Избранный Шаламовым герой выглядит благодаря этому крупнее, рельефно-ощутимее, приближеннее и трагичнее. Но и необычнее, индивидуализированнее.

Если проза Солженицына ориентирована главным образом на «обычность» (лагеря, героя, условий и обстоятельств), то Шаламов избрал для себя художественную установку «на пределе», «за гранью» – изображение «ада», аномалии, запредельности человеческого существования. В результате подобного подхода герой Шаламова в обстоятельствах неординарных, исключительных, нередко героических воспринимается как личность неординарная, исключительная, нередко героическая. Герой Шаламова оказывается одиночкой, героем трагически единичным, выделенным из толпы и массы, тогда как герой Солженицына – герой, слиянный с массой, спаянный с народом, с большинством.

Именно последним обстоятельством объясняется тот факт, что при всей насыщенности шаламовской прозы, будь то насыщенность фактическая, идейная или образно-эмоциональная, она не оказала на литературу 1960–70-х гг. воздействия, подобного солженицынскому. Ее влияние на последующее развитие литературы было ослаблено не только в результате цензурных преград, не давших возможности своевременной публикации «Колымских рассказов», но прежде всего тем, что Шаламов избрал центральным звеном своего повествования исключительного героя, разделившего общую народную судьбу, прошедшего все круги лагерного ада, но в известной мере смотрящего на случившееся и происходящее со стороны своего «рацио», с точки зрения человека, стоящего над многими, вне многих, героя с элементами идеалистически-романтического мышления.

Литература

Акимов В. М. «...Но люди и здесь живут!» («Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына) // *Акимов В. М.* На ветрах времени: размышления о книгах. Л.: Детская литература, 1991. С. 263 – 281.

Андреев Ю. Размышления о повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в контексте литературы начала 60-х годов // Радуга. Киев, 1991. № 6. С. 109–117.

Бочаров А. Г. Две оттепели: вера и смятение // Октябрь. 1991. № 6. С. 186–194.

Вознесенская Т. Лагерный мир Александра Солженицына: тема, жанр, смысл // Литературное обозрение. 1999. № 1. С. 20–24.

Волкова Е. В. Трагический парадокс Варлама Шаламова. М.: Республика, 1998. 176 с.

Есипов В. Норма литературы и норма бытия: Заметки о писательской судьбе Варлама Шаламова // Свободная мысль. 1994. № 4. С. 41–50.

Иванова Н. Б. Воскрешение нужных вещей. М.: Московский рабочий, 1990. 217 с.

Молчанова Н. Потенциал жанра: к вопросу о жанрово-стилистических особенностях рассказов В. Шаламова // Вестн. Моск. ун-та. История, языкознание, литературоведение. 1990. № 4. С. 107–110.

Некрасов И. В. Варлам Шаламов прозаик: Поэтика и проблематика: автореф. дис.... канд. филол. наук. Самара, 1995. 15 с.

Сиротинская И. О Варламе Шаламове // Литературное обозрение. 1990. № 10. С. 101–112.

Солженицын А. И. Малое собр. соч. М.: Инком НВ, 1991. Т. 3: Рассказы. 288 с.

Тимофеев Л. Поэтика «лагерной прозы» // Октябрь. 1991. № 3. С. 182–195.

Шаламов В. Т. Левый берег. М.: Современник, 1989. 559 с.

Шкловский Е. Правда Варлама Шаламова // Дружба народов. 1991. № 9. С. 254–263.

References

Akimov V. M. «...No lyudi i zdes' zhivut!» («Odin den' Ivana Denisovicha» A. Solzhenitsyna). *Akimov V. M. Na vetrakh vremeni: razmyshleniya o knigakh*. L., Detskaya literatura, 1991, pp. 263-281. (In Russian).

Andreev Yu. Razmyshleniya o povesti A. Solzhenitsyna «Odin den' Ivana Denisovicha» v kontekste literatury nachala 60-kh godov. *Raduga. Kiev,* 1991, no. 6, pp. 109-117. (In Russian).

Bocharov A. G. Dve ottepeli: vera i smyatenie. *Oktyabr',* 1991, no. 6, pp. 186-194. (In Russian).

Voznesenskaya T. Lagernyy mir Aleksandra Solzhenitsyna: tyema, zhanr, smysl. *Literaturnoye obozreniye*, 1999, no. 1, pp. 20-24. (In Russian).

Volkova E. V. *Tragicheskiy paradoks Varlama Shalamova*. M.: Respublika, 1998. 176 p. (In Russian).

Esipov V. Norma literatury i norma bytiya: Zametki o pisatel'skoy sud'be Varlama Shalamova. *Svobodnaya mysl'*, 1994, no. 4, pp. 41-50. (In Russian).

Ivanova N. B. *Voskresheniye nuzhnykh veshchey*. M.: Moskovskiy rabochiy, 1990. 217 p. (In Russian).

Molchanova N. Potentsial zhanra: k voprosu o zhanrovo-stilisticheskikh osobennostyakh rasskazov V. Shalamova. *Vestn. Moskovskogo un-ta. Ser. Istoriya, yazykoznaniye, literaturovedeniye*, 1990, no. 4, pp. 107-110. (In Russian).

Nekrasov I. V. *Varlam Shalamov prozaik: Poehtika i problematika: avtoref. dis.... kand. filol. nauk*. Samara, 1995. 15 p. (In Russian).

Sirotinskaya I. O Varlame Shalamove. *Literaturnoye obozreniye*, 1990 no. 10, pp. 101-112. (In Russian).

Solzhenitsyn A. I. *Maloye sobr. soch*. M.: Inkom NV, 1991. *T. 3: Rasskazy.* 288 p. (In Russian).

Timofeev L. Poehtika «lagernoy prozy». *Oktyabr'*, 1991, no. 3, pp. 182-195. (In Russian).

Shalamov V. T. *Levyy bereg*. M.: Sovremennik, 1989. 559 p. (In Russian).

Shklovskiy E. Pravda Varlama Shalamova. *Druzhba narodov,* 1991, no. 9, pp. 254-263. (In Russian).

Olga V. Bogdanova (St. Petersburg, Russian Federation)

«To Look For Truth For Beaten» (A. Solzhenitsyn and V. Shalamov in Russian Literature of the XX Century)

The article discusses the GULAG prose of A. Solzhenitsyn and V. Shalamov, compares «One day of Ivan Denisovich» and «The Kolyma tales», determines the place and role of the writers in Russian literature of the second half of the XXth century. The analysis shows that different influence of Solzhenitsyn and Shalamov on the development in Russian prose of the XXth century relates to the type of main character that writers put into the center of their work. The hero of the "middle" and "mass" in one case opposed to the hero "on the verge" in another case.

Key words: *Russian literature of the second half of the XXth century, prose, theme of the GULAG camp, A. Solzhenitsyn, V. Shalamov.*

Olga V. Bogdanova – Ph. D. of Philology, professor, chief scientific worker. Institute of philological researches. St. Petersburg State University. Phone: 8 (921) 962-39-23; email: olgabogdanova03@mail.ru

УДК 882.09(043.3)+929Солженицын
ББК 83.3 (2 Рос+Рус) 6-923

С.М. Калашникова

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН О ПЕТРЕ I

На материале публицистики А.И. Солженицына и его «повествованья в отмеренных сроках» «Красное Колесо» проанализирован образ Петра I, оценочная система координат личности которого в творчестве писателя обосновывается авторской историософской концепцией причинно-следственных связей русской истории, объясняющей катастрофу 1917 г.; доказано, что монологичность и односторонность характеристик Петра I и его преобразований, присутствующая в текстах публицистики А.Солженицына, начинает видоизменяться, встраиваться в сложную историософскую авторскую парадигму, подчиняться историософской стратегии художника, организующей художественное целое «Красного Колеса». Образ Петра I в ситуации оценки Солженицыным феномена монаршей власти приобретает положительную коннотацию за счет используемого художником принципа исторической аналогии.

Ключевые слова: *А.И. Солженицын, Петр I, художественная историософия, «Красное Колесо», историософия монаршей власти.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-21-27

Калашникова Светлана Михайловна – канд. филол. наук, доцент кафедры отечественной литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-928-151-12-38
E-mail: svetkalash@mail.ru

© Калашникова С.М., 2018.

Совершенно особой системой координат для русской литературы стал так называемый «петербургский текст». При этом концептуальное поле этого текста формировалось уже не только в прямой привязке к топосу города, но и через феномен «мифа о Петре». Образ Петра I для многих русских писателей становится точкой преломления их понимания феномена русской истории, узловым ее моментом, механизмом, запускающим в действие историософскую стратегию художника, взаимопроникновение истории и литературы на русской почве происходило именно под знаком историософской рефлексии. Так, свой вклад в формирование «петербургского текста» пытался внести и Л.Н. Толстой, пытавшийся художественно осмыслить историческую эпоху петровских реформ и саму фигуру Петра I. В 1869 г. выходит из печати шестой том «Войны и мира», и в этом же году Толстой отмечает в записной книжке в связи с новым замыслом романа из эпохи Петра I: «Вы говорите: время Петра не интересно, жестоко. Какое бы оно ни было, в нем начало всего. Распутывая моток, я невольно дошел до Петрова времени, в нем конец» [Толстой, т. 61, с. 291]. Толстой затратил много сил на изучение материалов, которые должны были раскрыть перед ним как общее содержание эпохи, так и многочисленные ее детали. «До сих пор не работаю, – писал Толстой Н.Страхову 17 декабря 1872 г. – Обложился книгами о Петре I и его времени; читаю, отмечаю, порываюсь писать и не могу. Но что за эпоха для художни-

ка. На что ни взглянешь – все задача, загадка которой только возможна поэзией. Весь узел русской жизни сидит тут» [Там же, с. 349]. В конце концов Толстой пришел к выводу о том, что «личность и деятельность Петра I не заключали в себе ничего великого, а, напротив того, все качества его были дурные» [Мардов, 2005, с. 294], роман о Петре I и его эпохе так и не был написан, Толстой, столь однозначный в своих оценках исторических личностей, не справился со столь противоречиво им оцененной фигурой Петра I.

А.И.Солженицын, чье творчество столь часто рассматривается в поле традиций Л.Н. Толстого, в своих рассуждениях о причинно-следственных связях русской истории не мог обойти такой важный узловой ее момент, как эпоха Петра. При этом себя как художника Солженицын мыслит в контексте бóльших возможностей и по отношению к публицистике. При публицистической оценке истории и современности Солженицын монологичен, художественный вариант предоставляет возможности полифонического, объемного изображения: «всякая публицистика однолинейна, а художественная передача – объемна. Стану я сейчас рассуждать о веках самодержавия в России или стану рассуждать о распространении коммунизма по миру – в обоих случаях я буду выступать как политический публицист. Я бы предпочел этого не делать» [Солженицын, 1997, с. 301].

Тем не менее при публицистическом обращении к фигуре Петра и петровским реформам Солженицын, как и Толстой, достаточно категоричен в оценках. Солженицын отказывает царю в уме – «заурядный, если не дикарский ум», и в звании реформатора. По Солженицыну, «трудно сохранить за Петром звание *реформатора*: реформатор – это тот, кто считается с прошлым и в подготовлении будущего смягчает переходы. /.../ Петр был не реформатор, а – *революционер* (и большей частью – без надобности в том)» [Солженицын, 1995, с. 621]. В чем же Александр Исаевич обвиняет Петра I? «Он не возвысился до понимания, что нельзя переносить (с Запада) отдельные результаты цивилизации и культуры, упустя ту психическую атмосферу, в которой они (там) созрели. Да, Россия нуждалась и в техническом догоне Запада, и в открытии выхода к морям, особенно к Чёрному. /.../ Нуждалась – но не ценой того, чтобы ради ускоренного промышленного развития и военной мощи – растоптать... исторический дух, народную веру, душу, обычаи. (По нынешнему опыту человечества мы можем видеть, что никакие материальные и экономические “прыжки” не вознаграждают потерь, понесенных в духе.) Пётр уничтожил и Земские Соборы, даже “отбил память о них” (Ключевский). Взнуздал Православную церковь, ломал ей хребет. Налоги и повинности росли без соотнесения к платёжным средствам населения. От мобилизаций оголились целые области от лучших мастеров и хлеборобов, поля зарастали лесом, не прокладывались дороги, замерли малые города, запустеневали северные земли – надолго замерло развитие нашего земледелия. Крестьянских нужд этот правитель вообще не ощущал. Если по Уложению 1649 года крестьянин хотя и не

мог сходить с земли, но имел права собственности, наследования, личной свободы, имущественных договоров, то указом 1714 о единонаследии дворянства – крестьяне перешли в прямую собственность дворян. Пётр создал – на 200 лет вперёд – и слой управляющих, чуждый народу если не всегда по крови, то всегда по мирочувствию. А ещё эта безумная идея раздвоения столицы – перенести её в призрачные болота и воздвигать там "парадиз" – на удивление всей Европы – но палками, но на той фантастической постройке дворцов, каналов и верфей загоняя вусмерть народные массы, уже так нуждающиеся в передышке. Только с 1719 по 1727 население России убыло умершими и беглыми почти на 1 миллион человек, то есть едва ли не каждый десятый! (Не случайно в народе создалась устойчивая легенда, что Пётр – самозванец и антихрист. Его правление сотрясалось бунтами.) Все великие и невеликие дела Петра велись с безоглядной растратой народной энергии и народной плоти» [Солженицын, 1995, с. 619 – 620].

Солженицын ставит Петра в один ряд с Иваном IV Грозным: «Для национальных мыслителей России оба эти царя были предметом порицания, а не восторга, а народное сознание, фольклор решительно осудили первого как злодея, второго как антихриста. Что Петр I разрушал русский быт, обычаи, сознание, национальный характер, подавлял религию (и встречал народные бунты) – это лежит на поверхности, это всем известно» [Там же, с. 395].

Монологичность и односторонность характеристик Петра I и его преобразований в системе художественных координат произведений А.Солженицына начинает видоизменяться, встраиваться в сложную историософскую авторскую парадигму, подчиняться историософской стратегии художника. Самое главное, по утверждению самого автора, произведение писателя – «повествованье в отмеренных сроках» «Красное Колесо», первой часть которого стал Узел «Август Четырнадцатого», открывается автобиографическими главами, посвященными семье Лаженицыных: «И в свой холостой год между гимназией и университетом Саня выпросился у отца съездить посмотреть места их предков (а на самом деле еще и ко Льву Толстому метил попасть). Дед Ефим, когда жив был, рассказывал, что на его пращура Филиппа напустился царь Петр – как смел поселиться инде без спросу, и выселил, и слободу их Бобровскую сжег, так осерчал)» [Солженицын, 2007, с. 23]. Именно в этом произведении наиболее ярко проявились особенности художественной историософии Солженицына, в частности, возможностный модус мышления Солженицына, позволяющий ему выводить актуализированное в реальности исторического событие за рамки традиционных причинно-следственных связей и формировать авторскую схему развития сюжета российской истории, а также принцип исторической аналогии.

Проблемы, связанные с нарушениями в основании историософской вертикали, т. е. в системе глубинных отношений человека и Бога, у Солженицына естественным образом влияют на горизонталь причинно-следственных связей исторической реальности, явленной в систе-

ме историософской парадигмы писателя через Узлы. Главная формула всех катастроф XX в. и, в частности, российской революции заключена в следующем: «Люди – забыли – Бога». Попытка обозначить причинно-следственные связи главной трагедии русской истории приводят Солженицына к поиску Узлов, в точках которых исторический процесс как бы сбивается с истинного пути. Первым узловым моментом такого рода становится, по мысли писателя, Смута XVII в. как время «разорений Руси и разврата душ» и последовавший за ней церковный раскол, который «отозвался нашей слабостью и в XX веке» [Солженицын, 1995, с. 617 – 619]; это «был такой удар по хребту русскому, который сказался и в 1917 году. Если бы не было того раскола... если бы не начали... теснить, искоренять собственное тело, мы были бы гораздо крепче к XX веку» [Солженицын, 1997, с. 362]. Петр I усугубил раскол, окончательно подавив насильственными преобразованиями религиозный дух и национальную жизнь, увлекшись «интеллектуальными играми» Запада. Кроме того, он расколол народ социально, расслоил русских как бы на две разные нации, создав чуждые народу слои населения, например, «слой управляющих», а также положил начало «петербургскому периоду» российской истории, мыслимому Солженицыным в исключительно пессимистическом контексте. Дальше колесо российской истории начинает свое стремительное качение к трагическим событиям XX в. При этом вычерчивается некая спиралеобразная схема движения истории, в системе которой некоторые разведенные в горизонтали временного вектора исторические Узлы трагическим образом соотносятся по характеру событийности, находясь при этом в причинно-следственных отношениях: «Три таких великих болезненных Смуты – Семнадцатого века, Семнадцатого года и нынешняя (90-х годов. – *С. К.*) – ведь они не могут быть случайностью» [Солженицын, 1995, с. 698]. Эти три трагические для истории эпохи как бы повторяют друг друга на определенных витках спирали графика исторического развития.

Идея повторяемости истории обнаруживает себя в «Красном Колесе», пересекаясь по смыслу с главным образом-символом повествования – колесом. Солженицын предлагает в повествовании целый спектр возможностных модусов в своей трактовке причинно-следственных связей истории, делая ставку во многом на внутренний духовный и душевный статус конкретного человека и на его чувство долга перед историей и будущим. Главная же вина Петра I в данной системе координат состоит в том, что он усугубляет духовную ситуацию раскола в русском народе, его реформы становятся мостиком к октябрьскому перевороту. Другими словами, образ Петра I видится Солженицыным в возможностном модусе его художественной историософии: не было бы Петра I, не было бы катастрофы 1917-го г. А если еще точнее, то если бы не Петр, то не было бы убийства Столыпина, а его «обширная программа переустройства России к 1927–1932 годам, быть может, превосходящая реформы Александра II, простёрла бы Россию ещё невиданную и небывавшую, впервые в полном раскрытии своих даров» [Солженицын, 1983, с. 243], если бы не «Август Четырнадцатого» – разгром русской армии, не «Март Семнадцатого» – низложение монархии, «Апрель Семнадцатого» –

общественный хаос, давший большевикам шанс для захвата власти, – все могло бы произойти иначе: и поражения можно было бы избежать, и трон устоял бы, и не было бы тех страшных эпилогов «Красного Колеса», включая Архипелаг ГУЛАГ, шарашку со всеми ее кругами, судьбы всех иванов денисовичей и, наконец, состояние России в обвале.

В художественной системе такого масштабного и сложно устроенного произведения, как «Красное Колесо», столь однозначно отрицательная характеристика образа Петра I и его роли в русской истории интересным образом смещается в несколько иную сторону при обращении Солженицына к вопросу о природе монаршей власти. Совершенно очевидно, что наивысшая активность в истории возможна лишь для исторических деятелей. Чем большей властью обладает эта историческая личность, тем более она ответственна перед историей, тем активнее и духовнее должна стать ее деятельность. В этом смысле интересным воплощением историософских взглядов писателя на проблему человеческого поступка и его роли в истории стала личность Николая II, столь последовательно воплощенная в повествовании «Красное Колесо» и столь интересующая писателя на всем протяжении его творчества.

При обрисовке образа Николая II Солженицын всячески подчеркивает одну из ключевых проблем его личности – фатализм царя. Как только возникали трудности – а это случалось слишком часто во время переполненного бедами правления Николая, – царь, как правило, сводил все к фразам о том, что все происходит по воле Божьей. Жизнь Николая II в «Красном Колесе» на всем протяжении его Узлов – это вереница нереализованных возможностей, предоставлявшихся человеку, который мог изменить ход истории, что опять-таки соответствует авторскому историософскому модусу восприятия событий. Ярко характеризует эту точку зрения Солженицына эпизод из «Октября Шестнадцатого», в котором описывается встреча царя с представителями Думы: «Если бы этот человек не был вечно скован заклятою непростотой от неуверенности в себе – ещё и в этот день ему доступно было изменить историю России: вдруг бы глянув открыто, улыбнувшись широко, руки депутатам пожимая по-мужски, да даже взойдя быстро на думскую трибуну под свой же холодный длинный портрет и оттуда с широкой душой открывшись российским подданным /.../. Но ещё со смертью Александра III умерла энергия династии и её способность говорить открытым полным голосом» [Солженицын, 1984, с. 328]. Даже императрица Александра Федоровна упрекает своего царственного супруга за то, что он, призванный защищать ее «в грозе и гневе», «не защищал её даже тогда, когда, в старой Ставке, Николаша с императорскими офицерами и великими князьями обсуждали, как живую, царствующую, нераскоронованную императрицу – запереть под замок, как вещь, как зверя» [Солженицын, 1984, с. 542]. Ее призыв к мужу – это призыв к активной деятельности, к решительности: «Будь твёрдым и внушай страх, ведь ты мужчина! Будь как железо. Дай почувствовать им всем твою волю и решительность! Хвати кулаком об стол! Будь хозяином! Правит царь, а не Дума! Будь Петром Великим, Иоанном Грозным, императором Павлом – и раздави их всех под собой! Будь львом против малой кучки негодяев

республиканцев! Идёт война – и в это время внутренняя война есть государственная измена...» [Солженицын, 1984, с. 536].

В призыве царицы возникают два имени, столь важные для Солженицына в его понимании роли решительного поступка в контексте исторического процесса. Речь идет о Петре I и Иване Грозном. Понятно, что к Петру I Солженицын относится отрицательно, видя в его деятельности лишь силу, способствующую секуляризации русского общества и озападниванию русской культуры. С учетом отрицательной оценки революции как явления становится очевидной и негативная оценка деятельности Петра I как исторической личности. При этом саму личность Петра как источник максимально деятельного начала Солженицын оценивает достаточно высоко. В частности, трагически погибшего председателя совета министров Петра Столыпина, к исторической фигуре которого писатель относится с нескрываемой симпатией, а в активности его видит синтез духовности и решительности, Солженицын сравнивает именно с Петром I: «Это опять был Петр над Россией – такой же энергичный, такой же неутомимый... такой же преобразователь, но с мыслью иной, и тем отличаясь от императора Петра» [Солженицын, 1983, с. 223]. Николай II, этот милый, добрый, мягкий человек, порочен, так как нерешителен в своей деятельности: «Может быть, все предшествующие цари романовской династии были нравственно ниже Николая II, – и конечно Пётр, топтавший народную душу, и себялюбивая Екатерина, – но им отпустилось за то, что они умели собою представить необъятную силу России» [Солженицын, 1995, с. 471].

Николая II Солженицын характеризует как «христианина на троне», подчеркивая в своих «Размышлениях над Февральской революцией», что «монархия – сильная система, но с монархом не слишком слабым» [Солженицын, 1995, с. 470]. И если в «Красном Колесе» как в сложном художественном целом образ Николая II столь же объемен и сложен, а автор предоставляет все-таки право любому человеку, в том числе и монарху, сделать свой выбор и объясняет этот выбор со всей мотивированностью и психологической глубиной, то в «Размышлениях» Солженицын однозначно и бесповоротно утверждает, что решительные действия царя и армии могли предотвратить и революционную катастрофу, и гражданскую войну, и последующий террор, и гибель миллионов, могли изменить судьбу России: «Слабый царь, он предал нас. Всех нас – на всё последующее» [Солженицын, 1995, с. 477]. Так, Николай II, «христианин на троне», порочен, так как нерешителен в своей деятельности, а образ Петра I, как ни странно, в системе оценки Солженицыным феномена монаршей власти приобретает положительную коннотацию за счет используемого художником принципа исторической аналогии.

Литература

Мардов И. Б. Лев Толстой. Драма и величие любви: Опыт метафизической биографии. М.: Прогресс – Традиция, 2005. 632 с.

Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. Т. 1. Ярославль: Верхняя Волга, 1995. 720 с.

Солженицын А. И. Публицистика: в 3 т. Т. 3. Ярославль: Верхняя Волга, 1997. 560 с.

Солженицын А. И. Собр. соч. в 20 т. Т. 12: Красное Колесо. Вермонт; Париж: YMCA-Press, 1983. 546 с.

Солженицын А. И. Собр. соч. в 20 т. Т. 14: Красное Колесо. Вермонт; Париж: YMCA-Press, 1984. 588 с.

Солженицын А.И. Собр. соч. в 30 т.: Т. 7: Красное Колесо. Узел I. Август Четырнадцатого. Книга 1. М.: Время, 2007. 432 с.

Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. (Юбилейное издание): в 90 т. Т. 61. М.: Гослитиздат, 1958.

References

Mardov I.B. *Lev Tolstoy. Drama i velichiye lubvi: Opyt metaphizicheskoy biografii*. Moscow, Progress-Traditsiya, 2005, 632 p. (In Russian).

Solzhenitsyn A. I. *Publitsistika v 3 t. T. 1*. Yaroslavl', Verkhnyaya Volga, 1995. 720 p. (In Russian).

Solzhenitsyn A. I. *Publitsistika v 3 t. T. 3*. Yaroslavl', Verkhnyaya Volga, 1997. 560 p. (In Russian).

Solzhenitsyn A. I. *Sobr. soch.* v 20 t. T. 12: *Krasnoye Koleso*. Vermont; Parizh:YMCA-Press, 1983. 546 p. (In Russian).

Solzhenitsyn A. I. *Sobr. soch.* v 20 t. T. 14: *Krasnoye Koleso*. Vermont; Parizh:YMCA-Press, 1984. 546 p. (In Russian).

Solzhenitsyn A.I. *Sobr. soch.* v 30 t. T. 7: *Krasnoye Koleso, Uzel I, Avgust Chetyrnadczatogo, Kniga 1*. Moscow, Vremya, 2007. 432 p. (In Russian).

Tolstoy L.N. *Poln. sobr. soch. (Yubileynoye izdaniye)*. V 90 t. T. 61, Moscow, Goslitizdat, 1958. (In Russian).

Svetlana M. Kalashnikova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

A.I. Solzhenitsyn about Peter I

In the article on the material of A.I. Solzhenitsyn's publicistic works and his "narration in the measured terms of the "Red Wheel" the image of Peter I was analyzed, whose evaluation coordinate system in the writer's work is based on the author's historiosophical concept of causal relations of Russian history explaining the 1917 catastrophe; it is proved that the monologue nature and one-sidedness of the characteristics of Peter I and his transformations, which are present in the texts of A. Solzhenitsyn's publicistic works, begin to change, integrate into the complex historiosophical author's paradigm, obey the artist's historical-philosophical strategy organizing the artistic "Red Wheel". The image of Peter I in the situation of Solzhenitsyn's assessment of the phenomenon of the royal authority acquires a positive connotation due to the principle of historical analogy used by the artist.

Key words: *A.I. Solzhenitsyn, Peter I, artistic historiosophy, "The Red Wheel", historiosophy of royal power.*

Svetlana M. Kalashnikova – candidate of Philology, associate professor. National Literature dpt. Institute of Philologu, Journalism and Cross-cultural Communication. Southern Federal University. Phone: 8-928-151-12-38; E-mail: svetkalash@mail.ru

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)6

М.Ч. Ларионова

ВОПРОС О ПАМЯТНИКЕ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНУ В РОСТОВЕ-НА-ДОНУ: ВЗГЛЯД ЛИТЕРАТУРОВЕДА*

В 2017–2018 гг. в Ростове-на-Дону развернулась дискуссия по поводу предполагаемой установки памятника А.И. Солженицыну. Противники памятника считают писателя очернителем отечественной истории. Сторонники апеллируют к художественному творчеству Солженицына. В статье предлагается литературоведческий аргумент в пользу установки памятника именно в Ростове-на-Дону – связь образа степи в рассказе «Один день Ивана Денисовича» с южнорусской литературной традицией, представленной Гоголем, Чеховым и Шолоховым.

Ключевые слова: *Солженицын, Ростов-на-Дону, памятник, степь, Гоголь, Чехов, Шолохов.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-28-35

Ларионова Марина Ченгаровна – докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры отечественной литературы Южного федерального университета, зав. лабораторией филологии Южного научного центра Российской академии наук
Тел.: +7-903-439-86-71
E-mail: larionova@ssc-ras.ru

© Ларионова М.Ч., 2018.

2018 год – юбилейный для писателя А.И. Солженицына. Подготовка к 100-летию со дня рождения писателя началась еще в 2014 г., когда президентом России был подписан соответствующий указ. В рамках юбилейных мероприятий планировалась установка памятников Солженицыну в разных городах, в том числе и на родине писателя, в Ростове-на-Дону. Городские власти анонсировали обсуждение места установки памятника. Предлагались несколько локаций: недалеко от Южного федерального университета, бывшего Ростовского государственного университета, где учился Солженицын, или в новом микрорайоне, где один из проспектов носит имя писателя. Нашелся и спонсор – профессор, математик Алексей Сухарев. Его фонд имени священника Илии Попова, расстрелянного в 1937 г., выделил деньги на установку памятника. Автором проекта стал известный донской скульптор Д. Лындин.

Однако территориальные споры сразу переросли в идеологические. Как только было объявлено о планах по установке памятника, в июне 2017 г., с категорическими возражениями выступило ростовское отделение общественного движения «Суть времени», начавшее сбор подписей против памятника Солженицыну. Активисты этой организации провели в Ро-

**Публикация подготовлена в рамках реализации ПФИ Президиума РАН I.52 «Обеспечение устойчивого развития Юга России в условиях климатических, экологических и техногенных вызовов» (ГЗ ЮНЦ РАН на 2018 г., № гр. проекта АААА-А18-118011990322-1)*

стове митинги и пикеты в защиту своей позиции, а также подготовили открытое письмо в адрес Администрации области. Была создана группа ВКонтакте «Ростов против Солженицына» [Ростов против... URL].

Приведу наиболее характерные аргументы противников памятника.

«Наше отношение резко негативное, поскольку мы считаем, что Солженицын – это не та фигура, которая достойна примера для подражания, память которой надо увековечивать в нашем городе. Он не нравится нам тем, что в его произведениях, в частности, в книге "Архипелаг ГУЛАГ", практически в каждом ее томе открыто прославляются члены коллаборационистских формирований, воевавших на стороне гитлеровской Германии. Это власовцы и бандеровцы, в других произведениях он говорит о "лесных братьях". Фактически те, кто пошли с нацистами против нашей страны. Заявляется, что это – ничего страшного, режим советский был так плох, что это нормально... В связи со всем этим и учитывая, что победа в Великой Отечественной войне – это главный символ, объединяющий наше общество, мы считаем, что памятник такому человеку в принципе не может быть установлен в нашем городе» [Автор памятника... URL].

«Солженицын метил в Советскую власть, а попал в Россию, став антирусским орудием в руках США» [Памятник Солженицыну расколол... URL].

«Считаю, что этот памятник в нашем городе не нужен. Солженицын – антирусский, антигосударственный деятель» [Там же].

«Он обосновался в США, где начал активно выпускать издания, очерняющие историю нашей страны. В книге "Архипелаг ГУЛАГ" он делится мыслями о том, что нацистская оккупация русских земель была не так страшна и, в случае победы нацистов, хуже бы не стало. Что фактически является попыткой приравнять нашу страну к гитлеровской Германии. Благодаря его произведениям на Западе начал складываться образ России как жесткого тоталитарного государства, который активно эксплуатируется и по сегодняшний день. Известен Солженицын и своими неоднократными призывами к руководству США с просьбой вмешаться во внутренние дела нашей страны» [Гопало, URL].

Защитниками идеи памятника стали прежде всего ростовские филологи, преподаватели Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета Н.А. Архипенко, В.И. Козлов, Е.В. Белопольская и С.М. Калашникова, выступившие в сентябре 2017 г. с коллективным заявлением в поддержку инициативы по установке памятника. Полностью это заявление было озвучено в сентябре 2017 г. на пресс-конференции в медиа-холдинге «Donnews» и размещено в открытом доступе [Владимир Козлов URL]. Приведу его в сокращении:

«Те лозунги, которые пишутся на плакатах отдельных активистов, устраивающих митинги и собирающих подписи с целью запрета памятника Солженицыну в Ростове, по нашему мнению, могут быть написаны только людьми, которые не читали книг и трудов Солженицына, никог-

да всерьез не изучали его биографию....Мы можем не соглашаться с теми или иными высказываниями или взглядами любого из великих культурных деятелей прошлого, но наши идеологические сиюминутные оценки не должны влиять на оценку реальной роли, которую... человеку выдалось сыграть в отечественной культуре. И тем более вызывающий споры вопрос о степени патриотизма не должен быть основанием для принятия решения о создании памятника писателю в Ростове.

Идеологический критерий оценки не работает ни в какой области деятельности, кроме собственно политики. По критерию идеологической правоверности нельзя судить о состоятельности культурного деятеля, также как о состоятельности математика, пианиста или строителя....Солженицын сыграл огромную роль в культурной ситуации, сложившейся в СССР в 1960–70 годах. Это был крайне противоречивый период, когда писатель был даже номинирован на Ленинскую премию (1963 год), но в результате выслан в Германию после нескольких лет кампании по буквальному выживанию его из страны. ...За этот период был сформирован и запущен почти весь арсенал дискредитирующих обвинений, которые в ходу до сих пор. Дело сегодня доходит до того, что оспаривается даже сам факт обучения Солженицына в Ростовском государственном университете. Это “черное мифотворчество” пора прекратить. Эпоху горячих дискуссий о масштабе фигуры Солженицына пора закрыть. ...Ростов-на-Дону – большой и многогранный город, имеющий амбиции в сфере развития не только торговли, промышленности, науки, но и культуры. И если такие амбиции есть, город не может себе позволить “забыть” о единственном Нобелевском лауреате по литературе, который жил в Ростове. Городу, безусловно, нужен памятник Солженицыну.

Тему памятника Солженицына сегодня пытаются противопоставить памяти о других деятелях истории и культуры. Это неправильно. Город может и должен определять свои отношения с каждым из своих героев по отдельности, не противопоставляя их друг другу. Для примера скажем: в Институте филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ уже много лет портреты Солженицына и Шолохова, между которыми были очень сложные отношения, висят рядом – так же рядом на полках в библиотеках стоят их книги.

Самые разные общественные группы, живущие в Ростове, имеют “свои” памятники, отвечающие особенностям их исторической памяти и ценностей. И в этой сфере не должно быть запретов. Тем более запреты не должны касаться того ростовчанина, которым вправе гордиться национальная культура.

Мы разделяем мнение о том, что работа над памятником Солженицыну в Ростове должна вестись открыто, финальное решение должно выбираться на конкурсной основе. В работе по обсуждению идеи и концепций должны принимать участие специалисты по наследию писателя.

Считаем, что Министерство культуры Ростовской области должно занять более внятную позицию в вопросах о том, быть ли памятнику Солженицына в городе и каким ему быть».

72 % горожан, принявших участие в голосовании, высказались против установки памятника. Однако наши коллеги продолжили дискуссию в прессе. «Процитирую пьесу М. Булгакова о Мольере: “Для его славы ничего не нужно, но он нужен нам для нашей славы”, – сказала заведующая кафедрой отечественной литературы ЮФУ Елена Белопольская. – Мне кажется, это в полной мере можно отнести к Александру Исаевичу Солженицыну. Действительно, он не нуждается ни в какой защите. Это живой классик, который смог обогатить наше наследие и вступить в полноправный диалог с Достоевским, Толстым и многими другими философами. Он останется в истории, его можно назвать мыслителем. И конечно, он великий гражданин, который взял на себя тяжелую миссию: это человек, который смог побороть систему. То, что сейчас происходит... Мне жаль, что это в моем городе. Хочу, чтобы люди с плакатами “Ростов против Солженицына” называли себя конкретно. Это и мой город тоже» [Костенко, URL].

«Ростов против Солженицына – такого не существует!» – заявил доцент кафедры отечественной литературы Южного федерального университета Владимир Козлов. – Я против запретов! И запрет установки памятника писателю может нанести вред культурной столице юга. Солженицын – это центр культуры» [Там же].

Насколько нам известно, вопрос о памятнике еще не решен окончательно. И настоящая статья посвящена теме, которая могла бы стать аргументом в пользу увековечения в Ростове-на-Дону памяти «великого “спорного” писателя» [Чалмаев, 1994, с. 16].

Как известно, рассказ «Один день Ивана Денисовича» был задуман Солженицыным в Экибастузском особом лагере [Урманов, 2004, с. 11]. Этот район Казахстана располагается на засушливой равнине, поросшей ковылем и полынью, – в степи. Однако, несмотря на точное следование географическим реалиям и то, что действие происходит зимой, степь в рассказе по семантике и функциям заставляет вспомнить прежде всего родную для писателя южнорусскую степь. А точнее – литературную традицию, создавшую устойчивое художественное наполнение этого пространственного образа, от фольклора к Гоголю и Чехову, а от них – к Шолохову и Солженицыну.

Степь – один из древнейших символов, отразивший национальные представления о мире и судьбе человека. Это пространственный образ, трактуемый как культурная периферия, граница «своего» и «чужого» миров, дикое поле. Это пространство перехода, испытания и становления героя. Именно в таком качестве предстает степь в южнорусском фольклоре. В казачьей песне нет красивой степи, она, наоборот, выглядит пустой и неяркой благодаря своему мортальному, часто инфернальному мотивно-образному наполнению.

Эти свойства степи были восприняты и литературой, начиная со «Слова о полку Игореве». В «Тарасе Бульбе» Н.В. Гоголя степь – это не просто природный ландшафт, а мир казачества (козачества), воли и смерти. А.П. Чехов именно Гоголя назвал «степным царем» в литера-

туре. Чехов, написавший «степную энциклопедию» – повесть «Степь», в которой мальчик Егорушка проходит испытания, взрослеет, социализируется во время путешествия по степи. В степи совершаются трагические события в произведениях М.А. Шолохова, гибнут герои, как в рассказах «Червоточина», «Родинка», «Обида», Аксинья в романе «Тихий Дон». Примечательно, что живая, цветущая степь у Чехова – явление кратковременное, она гибнет под палящими лучами солнца. В романе Шолохова естественная, природная жизнь степи часто противопоставлена жизни людей, убивающих друг друга.

Само слово *степь* в рассказе встречается всего 4 раза, но в очень важных эпизодах и специфическом мотивно-образном окружении. Заключенные отправляются на работу: «Колонна прошла мимо деревообделочного, построенного зэками, мимо жилого квартала (собирали бараки тоже зэки, а живут вольные), мимо клуба нового (тоже зэки всё, от фундамента до степной росписи, а кино вольные смотрят), и вышла колонна в степь, прямо против ветра и против краснеющего восхода. Голый белый снег лежал до края, направо и налево, и деревца во всей степи не было ни одного» [Солженицын, 2017, с. 33 (далее цитаты даются по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках)]. Этот фрагмент рассказа заставляет вспомнить эпизоды отъезда из дома сыновей Тараса Бульбы и чеховского Егорушки. Во всех случаях это перемещение из «своего», домашнего мира в «иной» мир степи. Даже маркеры этого перехода сходны: дом, примыкающее к дому пространство (луг у Гоголя, кладбище у Чехова, жилой квартал и клуб у Солженицына), пограничные локусы (дымящиеся кирпичные заводы у Чехова, дымки паровозов и красные квадраты станционных построек в «Тихом Доне», деревообделочный цех у Солженицына), аналог пограничного столба (одиноко торчащий в небе шест над колодцем у Гоголя, одинокий тополь у Чехова).

Поразительным образом Солженицын сохраняет память традиции, несмотря на несхожесть ситуации. Речь ведь идет не о просторе степи, не о свободе героя. Напротив, узники идут на принудительные работы. Но для Шухова колония – дом, о чем неоднократно писали исследователи. С другой стороны, это не тот дом, что у Гоголя, Чехова или Шолохова. Отсутствие границы между «домом» и степью усиливается отрицанием даже одинокого чеховского тополя – «и деревца во всей степи не было ни одного» (с. 33). Потому и степь здесь иная – холодная, снежная, безжизненная. Это подчеркивается при втором упоминании степи – опять во время «перехода», временного перерыва в работе, «обеда», когда «в мисках тех дно покрыто кашицей, и сколько там твоей крупы – не спросишь и не взвесишь, только сто редек тебе в рот, если рот откроешь» (с. 59). Вот и «свистит над голой степью ветер – летом суховейный, зимой морозный» (с. 59).

Открытое пространство степи противостоит замкнутости лагеря, но парадоксально эта принудительная замкнутость, подконтрольность, упорядоченность организует пространство степи, очеловечивает его.

Человек перестал быть хозяином своей судьбы, но остался демиургом в высшем смысле. В этом гуманистический посыл рассказа.

Логично, что третий раз образ степи появляется при построении заключенных для возвращения в лагерь: «Это пока еще степью до лагеря допрешься да перед лагерем очередь на шмон выстоишь» (с. 91). И наконец – «дом». Приближаясь к колонии, зэки идут «размеренно, понурясь, как на похороны» (с. 99). Мотив возвращения после блужданий по степи и по жизни есть, пожалуй, только у Шолохова. Похоронив в степи Аксинью, возвращается домой Григорий. Но нерадостное это возвращение: от большой семьи остался один сын, дом разорен да и сам Григорий понимает, что расстаются они с Аксиньей ненадолго.

Однако и здесь Солженицын вносит в традицию свое слово: несмотря на место действия, на драматизм судьбы героя, рассказ оставляет место для оптимизма. Степь оказывается не только топосом, но и «хроносом». Первое упоминание степи разделяет не только пространство, но и время: «Начался год новый, пятьдесят первый» (с. 33). Осталось Шухову сидеть «зиму-лето да зиму-лето» (с. 35). Его срок окончится в год смерти Сталина, в «холодное лето пятьдесят третьего...», именно так назвал свой фильм А.А. Прошкин. То есть степь – это не только выход из замкнутого пространства на простор, но и из лагеря на свободу.

Так степь становится в рассказе не просто местом действия, а метаобразом, приобретает бытийный характер, организует всю структуру художественного текста, способствует созданию как «взгляда “изнутри”», так и «взгляда “извне”» [Урманов, 2004, с. 14] и в конечном счете – изображению национального характера [Роменская, 2008, с. 34 – 39]. А творчество Солженицына органично вписывается в русскую литературную традицию и в культуру его родного региона.

Литература и источники

Автор памятника Солженицыну в Ростове-на-Дону отказался от дискуссии с противниками установки. URL: https://salt.zone/news/9086 (дата обращения 22.04.2018).

Владимир Козлов. URL: https://www.facebook.com/vladimir.kozlov.129?lst=100004959168699%3A100003742574124%3A1534846519 (дата обращения: 12.09.2017).

Гопало О. Памятник Солженицыну в Ростове-на-Дону: быть или не быть // Комсомольская правда. Ростов н/Д. 18.09.2017. URL: https://www.rostov.kp.ru/daily/26732.5/3759659/ (дата обращения 22.04.2018).

Костенко Е. Филологи ополчились на тех, кто против. Ученые ЮФУ выступили в защиту Солженицына // ИА Дон24. 12 сентября 2017. URL: http://don24.ru/rubric/obschestvo/filologi-opolchilis-protiv-teh-kto-protiv.html (дата обращения 20.04.2018).

Памятник Солженицыну расколол Ростов-на-Дону на два лагеря // [Электронный ресурс] ИА REGNUM. 5 июня 2017. URL: https://regnum.ru/news/society/2284047.html (дата обращения: 23.04.2018).

Роменская И.Н. Проблема национального характера в рассказе А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» // Личность и творчество А.И. Солженицына в контексте мировой культуры. Ростов н/Д, 2008.

Ростов против Солженицына. URL: https://vk.com/protiv_soljenicina (дата обращения 22.04.2018).

Солженицын А.И. Один день Ивана Денисовича: рассказы. СПб., 2017. 352 с.

Урманов А.В. Творчество Александра Солженицына. М., 2004. 384 с.

Чалмаев В.А. Александр Солженицын. Жизнь и творчество. М., 1994. 287 с.

References

Avtor pamyatnika Solzhenitsynu v Rostove-na-Donu otkazalsya ot diskussii s protivnikami ustanovki. Available at: salt.zone/news/9086 (accessed 22.04.2018). (In Russian).

Vladimir Kozlov. Available at: https://www.facebook.com/vladimir.kozlov.129?lst=100004959168699%3A100003742574124%3A1534846519 (accessed 12.09.2017). (In Russian).

Gopalo O. Pamyatnik Solzhenitsynu v Rostove-na-Donu: byt' ili ne byt' // Komsomol'skaya pravda. Rostov-na-Donu. 18.09.2017. Available at: https://www.rostov.kp.ru/daily/26732.5/3759659/ (accessed 22.04.2018). (In Russian).

Kostenko E. Filologi opolchilis' na tekh, kto protiv. Uchenye YUFU vystupili v zashchitu Solzhenitsyna // IA Don24. 12 sentyabrya 2017. Available at: http://don24.ru/rubric/obschestvo/filologi-opolchilis-protiv-teh-kto-protiv.html (accessed 20.04.2018). (In Russian).

Pamyatnik Solzhenitsynu raskolol Rostov-na-Donu na dva lagerya. IA REGNUM. 5 iyunya 2017. Available at: https://regnum.ru/news/society/2284047.html (accessed 23.04.2018). (In Russian).

Romenskaya I.N. Problema nacional'nogo kharaktera v rasskaze A.I. Solzhenitsyna «Odin den' Ivana Denisovicha». *Lichnost' i tvorchestvo A.I. Solzhenicyna v kontekste mirovoj kul'tury.* Rostov-on-Don, 2008. (In Russian).

Rostov protiv Solzhenicyna. Available at: https://vk.com/protiv_soljenicina (accessed 22.04.2018). (In Russian).

Solzhenicyn A.I. *Odin den' Ivana Denisovicha: rasskazy*, Saint-Petersburg, 2017, 352 p. (In Russian).

Urmanov A.V. *Tvorchestvo Aleksandra Solzhenitsyna*, Moscow, 2004, 384 p. (In Russian).

Chalmaev V.A. *Aleksandr Solzhenitsyn. Zhizn' i tvorchestvo*, Moscow, 1994, 287 p. (In Russian).

Marina Ch. Larionova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

On the Issue of a Monument to A.I. Solzhenitsyn in Rostov-on-Don: View of a Literature Theorist

Discussion concerning the proposed and planned erection of a monument to A.I. Solzhenitsyn unfolded in Rostov-on-Don in 2017-2018. Sculptor D. Lyndin, a prominent artist known in the Don Region, created a design and a model of the monument. The city authorities proposed several sites for the monument: not far from the Southern Federal University – former Rostov State University at which Solzhenitsyn was a student, or in a new residential area with one of the streets being named after the writer. However, the process of monument's erection was paused and postponed due to the discussion, which took place in the city. Adversaries and opponents of the monument accused the writer of the blackening the history of the country

and of glorifying the collaborationism. Adherents and supporters appealed to the youth years of Solzhenitsyn in Rostov-on-Don, to the fact that the Nobel Prize for Literature was awarded to him, to his oeuvre and creative writing activities. The image of steppe in the novel «One Day in the Life of Ivan Denisovich» is, obviously, of South Russian origin; the image at the same time is within the literature and literary tradition, which has given/added a sustainable artistic filling to this spatial image, from the folklore to Gogol and Chekhov, and from them – to Sholokhov and Solzhenitsyn. Steppe is one of the most ancient symbols, which has also reflected the national notions of the world and human destiny and fate. This spatial image is treated as a cultural periphery, a boundary between «one's own or ours» and «stranger's or alien» worlds, the wild field. This is a space of transition, ordeals, and formation of a hero/protagonist. Steppe in Solzhenitsyn's novel is not simply an action place, rather a meta-image, which acquires the existence character, organises the entire structure of literary text, and contributes to the depiction of the national character.

Key words: *Solzhenitsyn, Rostov-on-don, monument, steppe, Gogol, Chekhov, Sholokhov.*

Marina Ch. Larionova – Ph.D. in Philology, associate professor, head of laboratory of philology of the Southern scientific center of Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of national literature of the Southern Federal University. Phone: +7-903-439-86-71; e-mail: larionova@ssc-ras.ru

УДК 882.09(043.3)+929Солженицын
ББК 83.3 (2 Рос+Рус) 6-923

Г.М. Алтынбаева

НРАВСТВЕННЫЙ МИР ЯПОНИИ В КОНТЕКСТЕ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ А.И. СОЛЖЕНИЦЫНА

Проанализирован образ Японии, который сложился у А.И. Солженицына после поездки в эту страну в 1982 году, доказано, что взгляд писателя-путешественника на японскую картину мира складывался исходя из его этических и эстетических принципов. Представляя японский мир, Солженицын открывает перед читателем и собственное мировоззрение. Статья является частью работы, посвященной мировоззренческой географии А.И. Солженицына.

Ключевые слова: *А.И. Солженицын, «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов», мировоззренческая география писателя, Япония.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-36-45

Алтынбаева Гульнара Монеровна – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
Тел.: 8-927-227-69-46
E-mail: gulnarama@gmail.com

© Алтынбаева Г.М., 2018.

Творческие принципы А.И.Солженицына определили его географические предпочтения. Писатель в первые годы изгнания посетил целый ряд стран Европы и Азии, выбор которых продиктован желанием, с одной стороны, «пострансствовать», побыть «частным путешественником для удовольствия», удовлетворить «вечный русский интерес к странам дальней Азии», с другой стороны, лично увидеть страны и города, воплощающие для него этические и эстетические идеалы.

Так, в конце 1974 – начале 1975 г. Солженицын впервые посетил Париж и Францию, о чем давно мечтал, потому что Франция для Солженицына прежде всего символизирует свободу. В «очерках изгнания» неоднократно встречаем записи писателя о Франции, французах, французских СМИ, французской истории [Алтынбаева, 2018, с. 205 – 209].

Осенью 1982 г. Александр Исаевич Солженицын в течение двенадцати дней находился в Японии. Это была его первая поездка в страну. Выбор места был неслучаен. «Раскладываю: не пора ли в азиатское путешествие? Это путешествие задумано мною уже года два – как ожидаемый перерыв между Узлами» [Солженицын, 2000а, с. 180]. Собирался Солженицын побывать в Японии, Корее и Тайване, а удалось – в Японии и Тайване.

По изначальному представлению писателя, Япония – пример лаконичности («Я ехал в страну с надеждой, что мне будет внятен японский характер: его самоограничение, трудолюбие, способность

глубокой разработки в малом объёме» [Солженицын, 2000б, с. 106]), ведь лаконичность, сжатость – важнейшие стилевые принципы Солженицына, которые сложились самими условиями его жизни («Я большую часть своей жизни провёл в закрытых помещениях. А это уплотнение, нет, оно не случайно» [Солженицын, 2001, с. 203]); Тайвань – «это будут впечатления чисто китайские, как побывать бы в самом Китае, а уж добавить наслой коммунизма – это мне легко умозрительно. Тайвань – это опорная точка моей страсти, это наш несостоявшийся врангелевский Крым» [Солженицын, 2000а, с. 180].

В данной работе внимание сосредоточено на японской поездке.

За почти двухнедельное путешествие удалось Александру Исаевичу Солженицыну увидеть, рассмотреть и описать остров Хонсю, города Токио, Иса, Камакур, Киото, Курашики, Нар, Тоба, Фукушима, Хаконе, Хиросима, Цувано, Ямагучи, водопад Кегон, озеро Чузеджи и многое другое. Заметки эти могут составить интереснейший путеводитель по Японии.

Писатель признавался, что готовился основательно: перечитал Гончарова и Пильняка [Солженицын, 2000б, с. 98], работы по истории Японии. Мечта была одна: «Но более всего для меня было важно – попутешествовать по Японии вполне частно, чтоб не было шумихи, чтоб не обступали корреспонденты» [Солженицын, 2000б, с. 98].

Важное для искусства платоновское триединство Истина – Добро – Красота, на котором Солженицын настаивает в «Нобелевской лекции», фокусирует взгляд писателя и на себе, и на окружающем мире.

Движение к Истине у А.И. Солженицына выражается в постоянном изучении прошлого России, стремлении писателя «восстановить историю в её полноте, в её многогранности» [Солженицын, 2001, с. 178]. Он признавался, что рано понял, что станет писателем. В интервью Н.А. Струве он сказал: «Да, я действительно непонятным образом с восьми-, девятилетнего возраста почему-то думал, что я должен быть писателем, когда ещё понятия не имел, во что это может вылиться» [Там же, с. 199], но точнее свою склонность к письму он выразил в беседе с Бернаром Пиво: «Первый толчок к тому; чтобы написать крупное произведение, я получил десяти лет от роду: я прочёл «Войну и мир» Толстого и сразу почувствовал какое-то особое тяготение к большому охвату...» [Там же, с. 349].

Исследовательский склад мышления проявился уже в разговоре о знакомстве с Японией. В «Зёрнышке» Солженицын пишет: «Даже скромное изучение Японии, в которое я погрузился, выявляло мне три узловые точки их новой истории: начало эпохи Мэйдзи – крушение 1945 года – и то, что случится или не случится с ними в ближайшие годы, а назрело» [Солженицын, 2000б, с. 98]. Одна из задач поездки сформулирована так: «Хорошо бы даже попытаться содействовать атмосфере русско-японской дружбы, сколь это доступно моим силам» [Солженицын, 2000а, с. 180]. Спустя время, Солженицын настолько углубится в историю русско-японских отношений, что будет ждать от японских журналистов вопросов о Курилах («Долго обдумывал: а четыре Курильских острова?

Промолчать, наверно, не придётся» [Там же]), и будет разочарован, когда об этом его не спросят («Прошли все интервью, и никто не задал мне самого ожидаемого вопроса – о Курильских островах. Такова ли японская тактичность? или профессорская высота?» [Солженицын, 2000б, с. 112]), потому что у него готов был совет: «Японии вооружиться сильней для защиты самой себя и окружающего морского пространства» [Там же]. Позже он с сожалением скажет о новшествах в трактовке истории Второй мировой войны: «Тут ещё обострилось у корейцев из-за недавнего исправления в Японии учебников по истории: не стали признавать японской вины во Второй Мировой» [Там же, с. 114], «Я только удивляюсь, что после таких невиданно кардинальных решений в вашей же стране сегодня проявляется попытка уклониться от ответственности за своё недавнее прошлое и приукрасить его для молодых поколений. Я уверен, что никакой моральный рост и путь будущего самоограничения невозможны без признания и раскаяния в своих прежних грехах и ошибках. <...>...ради собственной чистоты – говорить правду об истории жестоко необходимо» [Солженицын, 1997, с. 63]. Аналитическое мышление Солженицына взывает к этическим понятиям, он стремится ответить на вопрос о месте Японии в истории Второй мировой: «Коль скоро у Японии есть силы, а перед Восточной Азией она так виновата – то и должна приложить свои силы в искупленье вины? А – нет: видно, в международных отношениях вина не проходит так просто, декларацией об искуплении? – теперь Японии никто не будет верить и все пути закрыты? И тогда: этические советы в современной политике – вообще не реальны?» [Солженицын, 2000б, с. 113]. Здесь проявляется неоднозначность точки зрения Солженицына: и его стремление защитить слабых («беззащитность Японии»), и его отстаивание идеи «раскаяния и самоограничения как категорий национальной жизни» [Солженицын, 2004, с. 58 – 93] («Самоограничение я считаю высшим принципом каждого человека и каждой нации» [Солженицын, 1997, с. 62]; «Я думаю, что выдающиеся экономические успехи Японии произошли во многом и от того, что спорящие производственные стороны чаще проявляли самоограничение и взаимопонимание» [Там же, с. 63]; «Я всегда представлял и теперь вижу, что способность самоограничения является коренным, глубоким свойством японского характера, оно проявлено много раз в вашей истории – и можно только поздравить вас с этим и учиться у вас» [Там же, с. 64]).

В полной мере посильные размышления об истории и современности Японии Солженицын высказал 9 октября 1982 г. в речи в Токио «Три узловые точки японской новой истории»: «Всё важное и главное, что я хотел и мог сказать в Японии, было в этой моей речи (“к руководящим кругам”), приготовленной ещё в Штатах» [Солженицын, 2000б, с. 112].

Во взгляде на Японию отразилось солженицынское стремление к «сбережению народа», сохранению национального, родного. Во-первых, Солженицын наблюдает, как и чем живут простые люди. Близки писателю и следование ими традиции, и сохранение ее. «Наиболее симпатичны, как и во всех народах, крестьяне. Их мало сохранилось, больше

старики, а молодые работают в городах, и на клочки рисовых участков если приезжают помочь, то в воскресенье» [Солженицын, 2000б, с. 106].

Во-вторых, Солженицын специально отмечает всё исключительно японское, отличное не только от русского, но и от остального мира. «Искусство малых садов – особое японское искусство – и крохотные водопады, и карликовые деревья, и мохотравные садики, и просто “каменные сады”: <...> Такие каменные садики, даже два метра на два, устраивают и в городах при доме, где нет участка, земля дорога – и всё же место для отдыха души» [Там же, с. 101 – 102]; «В японских городах не удушены велосипедисты, но разрешено им ездить даже по узким тротуарам – и нисколько же это не мешает пешеходам. У магазинов велосипеды стоят многими десятками, все с приделанными корзиночками, никому не мешают» [Там же, с. 100]. «Многовековая неколебимая обрядность», вся японская жизнь и японская картина мира противопоставлены динамичной жизни европейцев, замечено даже, что «американский ужас» (про музыку) противопоставлен тихой японской музыке [Там же, с. 101], «магазины, как всюду и в западном мире, переполнены и множеством необходимых, и множеством лишних вещей» [Там же, с. 100]. Но нередко свое и чужое мирно сосуществуют в японской повседневности: «в деревнях на севере острова ещё встречаются старые соломенные крыши (но с телевизионными антеннами), а чаще железные. В самые глухие деревни – асфальтные подъезды. В деревенских домах – довольно сарайно, и, как у нас, хранится всякая устаревшая утварь, которую хозяевам жалко выбросить. А рядом с новым телевизором – изящная старина: лакированные шкатулки, статуэтки» [Там же, с. 106].

На каждом шагу сталкивался Солженицын с японским гостеприимством, включающим целый ряд обязательных ритуалов: «В гостиницах японских – многому поразишься, как они сохраняют своё исконное. Уже перед дверью низко кланяются мужчина или двое. А за дверью на возвышенном, через порожек, полу – уже трое, пятеро, а то и семеро женщин <...> в будничных кимоно в ожидании нас уже стоят на коленях, и едва мы у порога – кладут ладони на ковёр и молча кланяются нам земно: в благодарность, что мы снизошли остановиться в их гостинице? (Так же и при провожании из гостиницы каждого постояльца – выстраивается для поклонов вся прислуга.)», «уж о сквозной, сквозной чистоте – и поминать даже не надо» [Там же, с. 100]. Незабываемо описание чайной церемонии, торжественного обеда, ужина у гейш. Порой чувствуешь, что утомляется Александр Исаевич от такого избыточного внимания к гостю и от продолжительности этих ритуальных действ («немедленная процедура для гостей»). А не избежать... Странна Солженицыну, долгий срок проведшему в ГУЛаге и жившему в советской системе, естественная нескрытность, прозрачность японского мира: «из-за бумажных стен гостиница прослушивается, как и всякий японский жилой дом, – вечером долго слышны разговоры, ходьба» [Там же, с. 101].

Замечаешь и то, как проявляется мужское начало в солженицынских описаниях. Подчеркивается, что место женщины в японском обще-

стве традиционно ниже мужского, это непривычно для европейца («изобилие женской челяди в гостиницах, нельзя представить, как оно окупается» [Там же]). Забавными представляются страницы, когда Солженицын пытается понять эту иерархию: «Все вещи, какие несут постояльцы, хоть и мужчины, и самое тяжёлое, – перенимают служащие женщины и несут. (Я всё отбивался, не давал.)» [Там же, с. 100]. Порой иронично, порой восхищенно даны портреты японок: «две из трёх упущенно стары (под 60?), третья далеко за сорок, и все три собой нехороши», «вплыла в комнату молодая *ма йко* – как ожившая фигурка из японской живописи <...>. Стройна, довольно высока, но кимоно – длинней её фигуры, подворачивается под ноги, майко движется с опаской, в белых носках» [Там же, с. 108], «к тому времени вошла (чуть раньше, и уже посидела у стола) ещё одна страхолюдина, грубое, неженственное лицо» [Там же, с. 109]. Портреты людей дополняются детальной пластикой движений, своеобразием жестов. Запомнились подробности ритуального танца майко, Солженицын объясняет значения движений рук и позы тела, мимики, «важность отдельных застылых положений, знакомых из японской живописи». «Позже, познакомясь с театром “Но”, VII века, я увидел, что всё из одного корня» [Там же].

Если обобщить, то среди характерных качеств японцев Солженицын выделяет самоограничение, заботливость, тактичность, семейственность, старомодность, скрупулезное следование правилам и ритуалам: «японскому духу всегда была свойственна оригинальность мироощущения и мироповедения» [Солженицын, 1997, с. 64]. Иногда он замечает в знакомых японцах неяпонскую черту – «открытую русскую сердечность» [Солженицын, 2000б, с. 97].

В то же время Александр Исаевич откровенно признается в странной для себя чужести по отношению к Японии: «я испытал непреодолимую отдалённость. Пойди их пойми. Не растворяешься в теплоте. Не растапливает сердца и преобильная японская вежливость» [Там же, с. 106], «странна и эта речевая манера – много смеяться в неподходящих местах разговора: ждёшь японцев невозмутимо-ровными» [Солженицын, 2000б, с. 106], др. Замечает Солженицын некоторую оксюморонность японской жизни: «И полны жестокости их ежедневные телевизионные фильмы, уж не говорю о военной борьбе. А вот – на улицах никто никого не грабит, и ночью может безопасно идти одинокая женщина» [Там же]. Будучи противником цензуры, в Японии Солженицын по-другому ее оценивает, сводя к нравственно-этическим нормам: «На обложках журналов есть приятные девичьи лица, но нет ни раздетых, ни полуодетых: цензура» [Там же]. И в итоге задается вопросом: «Одна из самых нравственных стран?».

Добро, по Солженицыну, – в нравственности, в духовности, в служении. По сердцу писателю пришлась высокая нравственность японцев, которая начинается с межличностных отношений: «Тут мы касаемся тех особенностей японских отношений, где служебное и как бы родственно-семейное не разделены чётко: нечто семейное есть в попечении главы о своих служащих и в искренном долге служащих к главе, а значит

и к исполняемому труду» [Солженицын, 2000б, с. 98]. Истоки японской нравственности Солженицын видит в глубине понимания самой жизни: «В этой многовековой неколебимой обрядности, которую не сотряс даже XX век (и Хиросима), – ещё ли бы не загадка! Загадка в ней самой, но ещё более – в японском характере. И не мимолётному путешественнику в те загадки вглядеться» [Солженицын, 2000б, с. 101], «Поражает, насколько японцы не поверхностны, а глубоко смотрят на вещи, доискиваются глубины. (В этой дискуссии касались и загадки, на чём держится нравственность Японии: на чувстве красоты! на чувстве достойного! Вот тебе и “красота спасёт мир”.) Но – для массового ли это читателя?» [Там же, с. 112].

Не мог не обратить своего внимания верующий Солженицын на религиозность Японии. Подробнейшим образом описана архитектура и убранство храмов, порядок служб, которые посетил он. «Осмотр храмов, храмов и храмов, синтоистских и буддистских, как-то невольно составил стержень нашей поездки: это именно те заповедники, где сгущённо отстаивается японская древность, не потревоженная современностью, где Японию не спутаешь с другой страной» [Там же, с. 102]. Запоминается праздничное шествие и богослужение в храме Каомио-джи (Храм ясности света) в Камакуре [Там же, с. 105], наблюдение за которым наводит Солженицына на философские размышления в духе «Крохоток»: «В чём смысл рас? В чём замысел Божий? А жить нам – на одной планете, и надо друг друга понимать. Никогда нам по-настоящему не сойтись – и смеем ли мы претендовать обращать их в свою веру? Я думаю – нет» [Там же].

Открытием стало мирное сосуществование в жизни и сознании японцев двух верований: «Так синтоизм служит японцу для всего радостного. А для всего горестного и для смертного обряда – буддизм. <...> Это поражает: одна и та же нация, одни и те же люди исповедуют в разных случаях жизни две разные религии. Обнадёживающий ли это признак для будущего человечества или признание недостаточности обеих религий?» [Солженицын, 2000б, с. 104]. «Осталось общее впечатление и главное различие: синтоистские храмы – эстетичней, изящней, легче, буддистские – тяжелей и огрублены статуями, хотя и синтоистские не без них: устрашающие оранжевотелые великаны-сторожа у входов. Ни чрезмерная резьба, ни смешение ярких цветов (красного с зелёным, с золотым) как-то не вредят синтоистским храмам, выручает неизменный японский вкус. Но нет единого Бога, ни даже божеств, обожествляются предки и сама природа, души предметов» [Там же, с. 103]; «Очень тут выражено японское сознание всеобщей недолговечности – страны, сотрясаемой землетрясениями, тайфунами и где излюбленная красота цветения вишни облетает в час от внезапной бури» [Там же].

И, ожидаемо, подробно Солженицын пишет о посещении в Токио православных храмов и служб («забирает теплота: не так, как до сих пор повсюду» [Там же, с. 106]).

Единственное, что не смог принять и от недостатка чего страдал все двенадцать дней Александр Исаевич Солженицын, – это еда. Насытив-

шись глазами и душой японской жизнью, он остался практически голодным из-за неприятия вкуса и запаха азиатской пищи. «К чему я за весь японский месяц не мог привыкнуть – это к их еде. Не говоря уже о том, чтобы управляться палочками (обе в одной руке, и, как челюсти крокодила, нижняя не движется, а только верхняя), но к самой еде: ни даже рис (совершенно сухой и безвкусный), ни даже вермишель (оливкового цвета, из гречневой муки), ни один их соус, ни одна подливка, а что уж говорить обо всей морской пище – омарах, креветках, моллюсках, и даже если рыба – то сырая. Конечно, я был несправедлив, наверное, можно было отбирать, но даже куски простой курицы, как-то особенно изжаренной в кипящем жиру, я не мог признать за знакомое. Меня всюду преследовал запах сырой рыбы, где, может, его и не было; когда уже и мясо подавали – так и оно, вроде, пахло рыбой. <...> В Японии я открыл, что нельзя полюбить страну, если ты несродни к её еде» [Там же, с. 102]; «А блюда носят и носят, я в ужасе: когда ж они кончатся? И запах гаже и гаже. Пью саке, а закусить нечем, кой-как палочками донёс до рта два изуродованных кусочка огурца, третий раз – горку подпорченного хрена» [Там же, с. 109].

Одно из самых важных открытий Солженицына в Японии – это другое понимание и восприятие Красоты. Красота в доме, красота в природе, красота в танце. В первую очередь, речь идет об уникальности японской природы, слившейся с городским ландшафтом. «А глазам открывалась страна со многими холмами и горами, ничем особо не выразительными; равнинная жилая площадь не просторна (к югу острова Хонсю пораскидистей), – и всё это застроено современными индустриальными зданиями и посёлками, безо всякого следа гнутых “японских” крыш» [Там же, с. 100]. Природу дополняет климат, который Солженицын открыл для себя вновь: «Обычно в Японии сентябрь погожий, но в нашу поездку почти не было солнечных дней, а всё дымка, смог, тучевое небо и духота. “Необычайной японской сини” (Пильняк), или “такой ясной погоды, какой в России не бывает” (Гончаров) – я не приметил за месяц ни разу» [Там же].

И городскому шуму, и суете всегда противопоставлена естественная природная тишина и покой, которые создаются повсюду умелыми руками. «А то через маленькую калитку неожиданно попадаешь в замкнутый дворик маленького буддистского храма с массою каменных стоячих фонарей (без огней) – и в полном вечернем безлюдьи по склонам горки вверх видишь наросшее множество каменных надмогильников; а по ступенькам горы поднявшись выше пагодки с гнутою крышей – ещё успеваешь увидеть с вершины кладбища тёмно-красное послезакатное небо» [Солженицын, 2000б, с. 107]. Мы вслед на Солженицыным понимаем, что мир вокруг создается японцами под влиянием самой японской философии жизни. «А ещё каждый японский дом старается вечно слышать шум текущей воды – и где нет ручья, там хотя бы сочилась вода из трубы, падая в каменную углубину, – и всё-таки плеск» [Там же, с. 101]; «В комнатах, вестибюлях – много заботливой красоты, раскре-

плённой по мелочам, уже даже избыточной, неоценяемой? невозможно всё охватить по нашей динамичной жизни» [Там же]. Солженицын отдельно описывает архитектуру и объясняет принципы японской урбанистики. Например, замок Хакуроджо (Белая Цапля) («Среди общей хрупкости японских конструкций – поразишься настоящему замку» [Там же, с. 107]), Золотой павильон в Киото («из красивейших зданий Японии, если не символ её, изумительные пропорции» [Там же]) и др.

Конечно, во время поездки Солженицын удовлетворил свой интерес к системе школьного образования, хотя в самом начале его не хотели пускать в школу, настаивали на посещении высокотехнологичных предприятий. «Из моего посещения провинциальной японской школы я вынес впечатление, что и японским детям не дают терять золотого времени и бездельничать, как в некоторых других странах» [Солженицын, 1997, с. 64]. Конечно, хотелось и удалось побывать на уроках математики и физики: «В Ямагучи мне удалось посетить школу – два урока математики, один физики... <...>. Уроками я остался доволен: при предметной насыщенности, ученики отданы уроку, внимательны. Учат их серьёзно» [Солженицын, 2000б, с. 111].

Солженицын, будучи поборником русского языка, его сбережения, его расширения, внимательно прислушивался к звучанию японской речи, старался понять особенности японского языка. Интересны солженицынские опыты транслитерации слов, определения сути их значений, но и стремление скорректировать топонимы, которые на советских картах совсем по-другому обозначены. Замечает Солженицын, как японцы реагируют на русскую речь, как пока безуспешно стараются переводчики передать и смысл, и интонацию: «Аудитория дружно хлопала в начале и в конце. К сожалению, переводчик мой Нисида читал робко, невыразительно, не принимая текста к сердцу и не стараясь передать чувство. (От нескольких человек я слышал, и писали в газете потом: “оказывается, русский язык – какой свободный, сильный, звучный”. Им по-настоящему и не приходилось слышать русской речи)» [Солженицын, 2000б, с. 112].

В заметках Солженицына можно выделить характерные повторяющиеся оценочные слова и обороты. Так, при описании Японии он употребляет глаголы «восхищает», «поражаешься», наречия «очень», «удивительно». «Восхищает: насколько ещё устойчиво хранится духовный мир Японии от размётного дыхания современности. Но и жалко их в их нынешней беззащитности» [Там же, с. 106]. Поражает неповерхностность японцев, «глубоко смотрят на вещи, доискиваются глубины» [Там же, с. 111].

Подводя итог, важно еще добавить, что, читая подробности поездки Солженицына, путешествуя вместе с ним по странам и городам, мы фиксируем, что очень важно, в его записях и собственно эстетические принципы писателя. А это помогает войти в его творческую лабораторию. Так, он вновь говорит: «Пресс-конференцию я вообще не признаю как форму, это не для писателя, не желаю спотыкаться вослед корреспон-

дентам, кто куда меня поведёт. (А ещё же: не хочу растеребить по мелочам, опережая, – тезисы моих уже подготовленных выступлений.)» [Солженицын, 2000б, с. 99]; или «Но всё бы отлично, если б я тут же мог записывать наблюдения в дневник – а неприлично, и новые усилия: запомнить все подробности и их очередь» [Там же, с. 109].

В том, на что Солженицын обращает внимание в Японии, проявляется его собственная этическая и эстетическая мера жизни. Читая «очерки изгнания» «Угодило зёрнышко промеж двух жерновов: в четырёх частях», мы отмечаем, что Солженицын специально говорит об истории русско-японских отношений, пытается понять японский образ жизни, представляет японскую картину мира, рассуждает об отношении японцев к религии, нравственности, пище, пишет о положении мужчины и женщины в японском обществе, о жизни простого человека, о японской системе образования, о японском искусстве и литературе, красочно передает природу и урбанистику Японии, стремится объяснить особенности японского языка. Всё это есть – не случайный набор японских наблюдений Солженицына, а, как мы теперь понимаем, целенаправленное стремление донести до читателя и образ далекой неизвестной Японии, и собственные идеи.

Литература

Алтынбаева Г.М. «...во Франции я чувствовал себя как на второй, совсем неожиданной родине»: К вопросу о мировоззренческой географии А. И. Солженицына // Изв. Саратовского ун-та. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2018. Т. 18. № 2.

Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть вторая (1979 – 1982). Глава 8. Ещё заботаньки // Новый мир. 2000. № 9. С. 173 – 183. [Солженицын, 2000а]

Солженицын А. Угодило зёрнышко промеж двух жерновов. Очерки изгнания. Часть третья (1982 – 1987). Глава 9. По трём островам // Новый мир. 2000. № 12. С. 97 – 140. [Солженицын, 2000б]

Солженицын А.И. Интервью с Бернаром Пиво для французского телевидения (Кавендиш, 31 октября 1983) // *Солженицын А.И.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. М.: Терра, 2001. С. 348 – 369.

Солженицын А.И. Раскаяние и самоограничение как категории национальной жизни // *Солженицын А.И.* На возврате дыхания. Избранная публицистика. М., 2004. С. 58 – 93.

Солженицын А.И. Телеинтервью компании Би-Би-Си в связи с выходом книги «Ленин в Цюрихе» (Лондон, 25 февраля 1976) // *Солженицын А.И.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. М.: Терра, 2001. С. 178 – 185.

Солженицын А.И. Телеинтервью на литературные темы с Н.А. Струве (Париж, март 1976) // *Солженицын А.И.* Собр. соч.: В 9 т. Т. 7. М.: Терра, 2001. С. 199 – 229.

Солженицын А.И. Три узловые точки японской новой истории. Речь в Токио (9 октября 1982) // *Солженицын А. И.* Публицистика: в 3 т. Т. 3: Статьи, письма, интервью, предисловия. Ярославль, 1997. С. 60 – 73.

References

Altynbaeva G.M. «...vo Frantsii ya chuvstvoval sebya kak na vtoroy. sovsem neozhidannoy rodine»: K voprosu o mirovozzrencheskoy geografii A. I. Solzhenitsyna.

Izv. Saratovskogo un-ta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika, 2018. т. 18, no. 2, pp. 205-209. (In Russian).

Solzhenitsyn A. Ugodilo zernyshko promezh dvukh zhernovov. Ocherki izgnaniya. Chast vtoraya (1979-1982). Glava 8. Eshche zabotan´ki. *Novyy mir*, 2000, no. 9, pp. 173-183. (In Russian).

Solzhenitsyn A. Ugodilo zernyshko promezh dvukh zhernovov. Ocherki izgnaniya. Chast´ tret´ya (1982-1987). Glava 9. Po trem ostrovam. *Novyy mir*. 2000, no. 12, pp. 97-140. (In Russian).

Solzhenitsyn A.I. Intervyu s Bernarom Pivo dlya frantsuzskogo televideniya (Kavendish. 31 oktyabrya 1983). *Solzhenitsyn A.I. Sobr. soch.: V 9 t. T. 7*. M., Terra, 2001, pp. 348-369. (In Russian).

Solzhenitsyn A.I. Raskayaniye i samoogranicheniye kak kategorii natsionalnoy zhizni. *Solzhenitsyn A.I. Na vozvrate dykhaniya. Izbrannaya publitsistika*. M., 2004, pp. 58-93. (In Russian).

Solzhenitsyn A.I. Teleintervyu kompanii Bi-Bi-Si v svyazi s vykhodom knigi «Lenin v Tsyurikhe» (London. 25 fevralya 1976). *Solzhenitsyn A.I. Sobr. soch.: V 9 t. T. 7*. M., Terra, 2001, pp. 178-185.

Solzhenitsyn A.I. Teleintervyu na literaturnye temy s N.A. Struve (Parizh. mart 1976). *Solzhenitsyn A.I. Sobr. soch.: V 9 t. T. 7*. M., Terra, 2001, pp. 199-229.

Solzhenitsyn A.I. Tri uzlovyye tochki yaponskoy novoy istorii. Rech v Tokio (9 oktyabrya 1982). *Solzhenitsyn A.I. Publitsistika: v 3 t. T. 3: Stat´i. pis´ma. Interv´yu. Predisloviya*. Yaroslavl, 1997, pp. 60-73.

Gulnara M. Altynbaeva (Saratov, Russian Federation)

Japanese Moral World in the Context of A.I. Solzhenitsyn's Worldview Geography

The article analyzes the image of Japan, which was formed by A.I. Solzhenitsyn, after a trip to that country in 1982, it proves that the writer-traveler's view to the Japanese picture of the world was based on his ethical and aesthetic principles. Representing the Japanese world, Solzhenitsyn opens up his own worldview to the reader. The article is a part of the work on the ideological geography of A.I. Solzhenitsyn.

Key words: *A.I. Solzhenitsyn, "Appeared the seed between two millstones", writer's worldview geography, Japan.*

Gulnara M. Altynbaeva – kand. Phil., associate Professor of the Department of Russian and foreign literature Of the Institute of Philology and Journalism of Saratov national research state University named after N. D. Chernyshevsky. Phone: 8-927-227-69-46; e-mail: gulnarama@gmail.com

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'42
ББК 85.319

С.Г. Николаев

МОНОЛИНГВИЗМ ГЕРОЕВ ПЕСНИ *THE BEATLES 'MICHELLE'* КАК ПРИЧИНА КОММУНИКАТИВНОГО КОЛЛАПСА В ЛИРИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ. ЧАСТЬ 2

Многоаспектному лингвистическому рассмотрению подвергается текстовая составляющая песни *The Beatles 'Michelle'* (1965). Анализ учитывает культурно-контекстуальные обстоятельства создания произведения и его место в творчестве ансамбля. По мнению автора, основная коллизия текста скрыта в принципиальном монолингвизме героев, переданном через иноязычный элемент, но использованном как прием, демонстрирующий коммуникативный коллапс говорящих.

Ключевые слова: *англоязычная поп-культура 1960-х годов, творчество The Beatles, иноязычное личное имя, внутритекстовое иноязычие, «иностранный французский», коммуникативный коллапс.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-48-53

Николаев Сергей Георгиевич – докт. филол. наук, профессор, и.о. зав. кафедрой английской филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
E-mail: nikolaev_s@bk.ru

© Николаев С.Г., 2018.

Рассматриваемая песня в восприятии слушателя представляет собой лирическое обращение героя к возлюбленной, носящей имя *Michelle*, которое, также в восприятии слушателя, указывает на иной – французский – коммуникативный код и, соответственно, на иную языковую культуру. Впрочем, от самой *Michelle* мы не слышим ни слова: на протяжении всей песни девушка молчит, что и служит причиной меланхолического настроения героя[1].

Уже первая, предельно простая фраза припева – *Michelle, ma belle* – оказывается неоднозначной: она повторяется дважды, но оба раза адресована разным лицам. В первый раз она сопровождается английским предложением *These are words that go together well*. Но поскольку возлюбленная героя английским не владеет (о чем мы будем слышать на протяжении всей песни), то это утверждение может быть обращено только к самому говорящему, т. е. к лирическому герою песни, «к себе». Перед нами автоапелляция, внутренняя речь, монологическое высказывание, хотя и несущее в себе формальные черты диалога (обращения к собеседнице, местоимение второго лица *you* и т.д.).

Герой находит подтверждение и оправдание своим чувствам и мыслям в языке возлюбленной, где ее имя рифмуется с *belle* – «красавицей», и даже за пределами этого языка: в английском возникает рифма *go together well*, мгновенно закрепленная второй манифестацией «магического» имени *Michelle*. При повторе припева в смысловом отношении измене-

ний не происходит: герой всего лишь «переводит» *These are words that go together well* на французский: *Sont les mots qui vont très bien ensemble*. В дальнейшей части текста будет звучать только этот вариант с полным отказом от англоязычного. Французский язык – в противоположность английскому – это *инокультурный* код в едином песенном тексте, что требует смены лирического адресата. Теперь им становится «молчаливая» красавица *Michelle*.

Строго говоря – и это также заслуживает внимания, – французский язык высказывания о «хорошо сочетающихся словах» стилистически небезупречен: естественный франкофон *так* бы не выразился. Но это как раз и логично, поскольку не противоречит генеральной идее песни, ведь французский язык для героя неродной, иностранный, и, переходя с английского на французский, он с усилием преодолевает культурно-языковые барьеры, поэтому оправданной и трогательной кажется и некоторая неуклюжесть выражения на нем.

Куплет 1 – *I love you*... и т.д. – эмоциональное признание в любви, завершаемое фразой *I will say the only words I know that you'll understand*. Неоднозначность этого обещания состоит в том, что нам неясно, какие именно слова – *words* – имеет в виду герой: французские *ma belle* или, что более вероятно, английские *I love you* с акцентом на слове *love*, кажущиеся герою лаконичными и исчерпывающими по своему эмоциональному (скорее, чем содержательному) наполнению. Все предложение звучит без пауз; более того, слова...*say the only words I know that*... поются на одной ноте, одинаковыми по длительности четвертными[2]. И только *you'll*, оставаясь на той же ноте, длится в два раза дольше (половинная). Такое отсутствие пауз и явных акцентов создает возможности для дополнительных интерпретаций синтаксиса и его смыслов. Слова *the only words* могут восприниматься вместе с последующим уточняющим придаточным *I know*, тогда высказывание должно пониматься как «единственные слова, какие я только знаю (и которые ты поймешь)» (о французской фразе героя). Но возможен и другой путь: «единственные слова, которые, *как* я знаю, ты поймешь». И в том, и в другом случае слушателю явлена идея затрудненной (правда, не безнадежно) коммуникации.

Следующий, второй куплет *I need to*... и т.д. вопреки ожиданию задействует весьма радикальный межстиховой анжамбеман (синафию) – перенос, разрешаемый на границе первой и второй строк. Здесь, в первом стихе, вместо ожидаемого полного предложения *I need you*, построенного по типу *I love you* предыдущего куплета и *I want you* последующего, звучит только фрагмент предложения, завершающийся частицей *to* перед глаголом *make*, которым начинается второй стих. Столь резкий перенос, да еще и в совокупности с многократным, как бы «заикающимся» повтором, создает несоответствие, разлад между ритмическим и семантико-синтаксическим членением речи, что особенно ощутимо в песенной структуре. Прием действует на воображение воспринимающей стороны, в нашем случае слушателя, поскольку мотивирован внутренним волнением говорящего [Квятковский, 1966, с. 207]. *I need to* второго куплета

«спасает» песню от банальности блюзовых стандартов, намеченной обрамляющими оборотами *I love you* и *I want you*, в которых глаголы-сказуемые выступают контекстуальными синонимами, расположенными по принципу смысловой градации.

Уже во втором куплете хорошо ощутим оптимизм героя: в нем мы слышим не только жалобы на коммуникативную преграду, но и надежду на ее преодоление (*I'm hoping you will / Know what I mean*). Благодаря градации оптимизм крепнет, и надежда переходит в радостное предположение из куплета 3: *I think you know by now*, где усилия героя оказываются подтвержденными временем (ср. обстоятельство *by now*).

Уверенный в правильности избранной коммуникативной стратегии, последовательной и настойчивой, герой словно топчется на месте, повторяя одни и те же слова – разумеется, французские.

Надо сказать, что рассматриваемый текст не предлагает слушателю особой изощренности и мастерства слога, модного, авангардистского нагромождения образов, глубокомысленной недосказанности, психоделической образности и символики и т.п.: на «густом», «насыщенном» фоне песенных текстов Леннона лирика Маккартни почти всегда отличалась простотой, ясностью, умеренной опорой на клише и жанровую традицию. При этом банальной *Michelle* тоже назвать нельзя[3]. Перед нами блестящий пример того, как не слова, положенные на музыку, как этого чаще всего ожидает искушенный слушатель от качественной (выше среднего уровня) поп-продукции, но скорее *язык* (*языки*) и музыка вступают в длящееся на протяжении всей песни продуктивное взаимодействие.

Итак, попытаемся реконструировать ситуацию и психологию создания песни *Michelle* в ее текстовой части. Перед Маккартни стоит задача внести очередной трек в новый песенный цикл, который позже будет назван *Rubber Soul*. Существующая песенная традиция настойчиво диктует необходимость создания лирического текста, в котором герой признается в любви к девушке, но при этом страдает из-за невозможности осуществления мгновенного союза с ней. Перед автором возникает задача предъявления слушателю логически состоятельных причин несчастной любви, и причины эти видятся ему во взаимном – буквальном! – непонимании двух молодых людей.

Здесь уместно будет напомнить, что идея фатального разлада любящих (реально или потенциально) персонажей была неоднократно реализована в творчестве *The Beatles* позднее – например, в тексте песни *Eleanor Rigby* (альбом *Revolver*, август 1966), в лирике сингла *Hello Goodbye* (ноябрь 1967), складывающейся из беседы парня и девушки – диалога, который в свою очередь целиком опирается на антитетический обмен репликами между персонажами (*You say "Yes", / I say "No". / You say "Stop" / And I say "Go, go, go"*). Ту же идею разобщенности и одиночества можно усматривать в названии альбома *Sgt. Pepper's*. Разобщенность возлюбленных или просто любящих друг друга людей (дети – родители в песне *She's Leaving Home*) у *The Beatles* часто имела под собой

конкретную основу – непонимание. Но и для непонимания существуют свои причины. Пожалуй, наиболее остроумный, неизбитый ход в поисках таких причин Маккартни делает в песне *Michelle*.

Ее персонажи «в жизни» не просто говорят на разных языках, они являются принципиальными монолингвами, отсюда их непонимание. Одноязычие делает девушку безмолвной, а юношу заставляет все время повторяться. Иначе говоря, монолингвизм продуцента речи, т.е. героя песни, и ее реципиента, франкоязычной девушки, здесь выступает единственным серьезным обстоятельством, приводящим к коммуникативному коллапсу и препятствующим естественному сближению людей. Новый термин «коммуникативный коллапс» используется нами с опорой на известное понятие коммуникативной неудачи (infelicity; failure), впервые заявленное в трудах Джона Остина по теории речевых актов [Остин, 1986, с. 32 – 33]. Коммуникативной неудачей коллизию песни *Michelle*, по нашему мнению, обозначить нельзя, поскольку перед нами разворачивается не неудачная, или дефектная, или «поврежденная» обстоятельствами, а именно не состоявшаяся коммуникация.

Впрочем, лирический герой на наших глазах предпринимает усилия для достижения своих целей: он пробует говорить по-французски и твердит о том, что будет продолжать, пока не добьется успеха.

Итак, коммуникация оказывается заблокированной монолингвизмом субъекта и объекта речи. Но весь парадокс в том, что передано это как раз при помощи иноязычия. Лирика представлена одновременно на двух языках (билингвальный текст), в ней присутствуют даже параллельные двуязычные эпизоды – перевод в самом традиционном смысле этого понятия. Первичным (в алгоритме восприятия произведения) знаком-индикатором иноязычной культуры выступает имя героини, использованное в качестве и названия песни, и первого и последнего слова текста (рамочная структура высказывания), и первого слова рефрена.

Возвращаясь, теперь уже на новом уровне исследовательской рефлексии, к анализу емкого смыслового комплекса, какой несет в структуре текста имя *Michelle*, воспользуемся понятием «личная сфера говорящего», предложенным Ю.Д. Апресяном [Апресян, 1995, с. 645 – 646]. Под таким, иным углом зрения инокультурную и иноязычную атрибуцию женского имени следует рассматривать не иначе как намеренный прием, нацеленный на обозначение коммуникативной границы с одновременной демонстрацией ее непреодолимости при попытках включения адресата в личную сферу говорящего. С учетом варьирующей стратегии обозначения адресата лексемами *Michelle* и *you* становится ясно, что две эти номинации представляют собой два разнонаправленных вектора в общей картине песенного текста: *Michelle* словно выталкивает именуемый объект за пределы мира героя, а *you* постоянно возвращает его в этот мир. Этим создается «живая динамика» человеческих отношений, которой не способны воспрепятствовать ни постоянная, словно избыточная реитерация в речи героя, ни полное молчание адресата этой речи.

Таким образом, усилия по «совмещению миров», явленные нам в небольшом по объему, искреннем по содержанию, местами трогательном до наивности песенном тексте, оказываются трудными, но вовсе не бессмысленными. Единственным условием успеха становится сила любви героя, его терпеливость, настойчивость, готовность к жертвам.

Впоследствии иноязычный элемент вводился в текстовую структуру участниками ансамбля много раз. Можно вспомнить хотя бы трек *Sun King* (*Abbey Road*, 1968) с абсурдно-шутливым мультиязычным лексическим нагромождением *Quando paramucho mi amore de felice corazón*, или отдельные японские слова в сольном песенном творчестве Леннона, или санскрит в сольном творчестве Джорджа Харрисона. Однако нигде более музыкантам не удавалось использовать иноязычие так удачно, неожиданно и в то же время оправданно, как в их музыкально-текстовом шедевре 1965 года *Michelle*. По-видимому, так случилось потому, что найденный однажды прием был одновременно ярок и выразителен, но и не допускал чрезмерной экспансии в своей эксплуатации: в годы «после *The Beatles*» земной шар стремительно становился билингвальным с внятным выделением в мировом многоязычии одного языка – английского – как глобального. Впрочем, «параллельная вселенная» незаурядного, выдающегося художественного произведения, песенного текста в том числе, по-прежнему сохраняет необходимую степень собственной языковой герметичности, непроницаемости, обеспечивающую ей продолжение жизни в мировом культурном контексте. Ведь несмотря ни на какие коммуникативные (языковые) сдвиги глобального масштаба, нельзя, например, представить себе замену «наивно-тривиального» – и «тогда», и сейчас – *I love you* на первый взгляд более адекватным для «песенной ситуации» *je t'aime*. Интуитивная безошибочность в подборе средств вербального выражения, соответствующая такой же, предельной адекватности музыкальной формы, были и остаются ключом к осознанию непреходящей ценности творческого наследия *The Beatles*.

Остается добавить, что *Michelle* начиналась как озорная игра, шутка, мелодическая пародия на странноватый, смешной «французский стиль» в молодежной культуре конца 1950-х, увиденный глазами молодого британца. А конечным продуктом стала энергичная, свежая, свободная от первоначальных несерьезных смысловых наслоений, чрезвычайно новаторская, коммерчески успешная композиция, заявившая претензии на статус классического произведения сразу после опубликования и успешно подтверждающая этот статус вот уже более полувека. *The Beatles*, самому старшему из которых на момент выхода *Rubber Soul* исполнилось 24 года, действовали, руководствуясь независимым художественным вкусом и свободной от условностей, исключительной артистической интуицией.

Примечания

[1]Разумеется, не следует забывать еще об одном, возможно, главном адресате песенного текста, перед которым и разворачивается любовная колли-

зия героя, – внимательном, вдумчивом, заинтересованном, «разгадывающем авторское послание» слушателе – любителе творчества *The Beatles*.

[2]Музыкальный размер произведения – четыре четверти.

[3]Показательно, что изданная в 1984 году, еще в Советском Союзе, антология «Английская поэзия в русских переводах. XX век» включает четыре песенных текста Леннона-Маккартни, из которых все без исключения сочинены именно Маккартни [Английская поэзия, 1984, 640-647]. Одновременно с этим литературное превосходство Леннона подтверждается хотя бы тем фактом, что к 1965 г. он издал две самостоятельные книги стихов, прозы, рисунков – *John Lennon in His Own Wright* и *A Spaniard in the Works*.

Литература

Английская поэзия в русских переводах. XX век. М.: Радуга, 1984. 848 с.

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // *Апресян Ю.Д.* Избр. труды. Т. 2. М.: Языки русской культуры, 1995. С. 629 – 650.

Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия. 1966. 376 с.

Остин Дж. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. М.: Прогресс. 1986. С. 22 – 129.

References

Angliyskaya poehziya v russkikh perevodakh. XX vek. M., Raduga, 1984. 848 p. (In Russian).

Apresyan Yu.D. Deiksis v leksike i grammatike i naivnaya model' mira. *Apresyan Yu.D. Izbr. trudy. T. 2*. M., Yazyki russkoy kul'tury, 1995, pp. 629-650. (In Russian).

Kvyatkovskiy A.P. *Poehticheskiy slovar'*. M., Sovetskaya ehntsiklopediya, 1966. 376 p. (In Russian).

Austin J.L. Slovo kak deystviye. *Novoye v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 17. Teoriya rechevykh aktov*. M., Progress, 1986, pp. 22-129. (In Russian).

Sergey G. Nikolaev (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Monolingualism of the Song Characters "Michelle" by the Beatles as the Reason of Communicative Collapse in Lyrical Text. Part II

Part 2. The lyrics of *The Beatle'* song *'Michelle'* (1965) is linguistically scrutinized in regards of various aspects. The analysis involves those cultural circumstances under which the song was created, as well as the track place in the group legacy. As the author states the major collision is hidden in the general monolingualism of its characters shown through the foreign-language component, yet employed as a device displaying their communication collapse.

Key words: *English-language popular culture of the 1960s, The Beatles' works, foreign personal name, intratextual foreignisms, 'foreign French', communication collapse*.

Sergey G. Nikolaev – Ph.D. in Philology, professor, acting head of the English Philology Department, Institute of Philology, Journalism and Cross-cultural Communication, Southern Federal University.

E-mail: nikolaev_s@bk.ru

УДК 81.276
ББК 81.2

И.В. Щербакова

ГЕНДЕРНАЯ СПЕЦИФИКА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОЦИЙ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

Цель статьи заключается в описании гендерной специфики объективации эмоций в художественном тексте в вербальном и невербальном аспектах коммуникативного поведения персонажа-женщины и персонажа-мужчины. Анализируются коммуникативные способы репрезентации эмоций в художественном тексте с учетом гендерной принадлежности персонажа. Выявлены гендерные предпочтения личности в выборе языковых средств выражения эмоций в речи.

Ключевые слова: *эмоции, художественный текст, персонаж, гендер, стереотип, вербальное и невербальное коммуникативное поведение.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-54-63

Щербакова Ирина Владимировна – аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)
Тел.: 8-903-436-00-03
E-mail: ira.leroy@yandex.ru

© Щербакова И.В., 2018.

Актуальность исследования определяется, во-первых, существующими тенденциями развития антропоцентрического языкознания и возросшим интересом к анализу языковых средств, номинирующих явления, свойственные человеку, во-вторых, важностью комплексного изучения средств и способов репрезентации эмоций в художественной коммуникации, а именно гендерной специфики объективации эмоций в вербальном и невербальном аспектах коммуникативного поведения личности в художественном тексте. В современной лингвистической науке наблюдается неослабевающий интерес к эмоциональной сфере личности (Л.Г. Бабенко, Н.А. Красавский, Г.Е. Крейдлин, Е.Ю. Мягкова, В.И. Шаховский и др.). «В человеке все движимо эмоциями, которые составляют мотивационную основу его деятельности» [Изард, 1980, с. 208]. На современном этапе развития лингвистической науки сформировалось и активно развивается эмотиология как отдельное направление языкознания, которое нацелено на изучение закономерностей языковой репрезентации эмоций.

В гуманитарной науке эмоция понимается как «психическое отражение в форме непосредственного пристрастного переживания жизненного смысла явлений и ситуаций, обусловленного отношением их объективных свойств к потребностям субъекта [Болотов, 1986, с. 11].»; «особый класс психических процессов и состояний (человека и животных), связанных с инстинктами, потребностями, мотивами и отражающих в форме

непосредственного переживания значимость действующих на индивида явлений и ситуаций для осуществления его жизнедеятельности» [Большой психологический словарь, 2004, с. 622]; «одна из форм отражения мира, обозначающая душевные переживания, волнения, чувства» [Шаховский, 1987, с. 181]. Как отмечает Е.Ю. Мягкова, эмоция «объединяет в себе разные явления: эмоциональные реакции, которые имеют свой аналог во внешних способах выражения; эмоциональные состояния, которые связаны с внутренним эмоциональным переживанием, не имеющим внешнего проявления» [Мягкова, 1990, с.206].

На наш взгляд, представляется актуальным изучение чувств и эмоций в художественной прозе. Художественный текст в полной мере отражает эмоциональную сферу личности, что дает возможность исследовать различные аспекты эмотивности. По мнению В.И. Шаховского, «любой художественный текст облигаторно воспроизводит эмоциональную жизнь людей. В художественном тексте эмоции наблюдаются не прямо, а через специфические языковые знаки, которые материальны, наблюдаемы и служат для манифестации эмоций» [Шаховский, 2008, с. 15]. Как отмечает Г.В. Степанов, «в центре образной системы художественного произведения стоит изображение человека (персонажей и их взаимоотношений), что, собственно, и составляет содержание произведения, в котором автор моделирует объективную действительность» [Степанов, 1988, с. 113]. Таким образом, художественный текст отражает реальную эмоциональную сферу человека, что позволяет исследовать особенности репрезентации эмоций в национальном языке.

Гендерный подход в лингвистических исследованиях определяется необходимостью рассмотрения коммуникативного поведения личности во взаимосвязи с культурными традициями, нормами и стереотипами. Как известно, гендерные отношения фиксируются в языке в виде культурно обусловленных стереотипов, накладывая отпечаток на речевое поведение личности и на процессы ее социализации [Кирилина, 1999]. Существующие стереотипные представления об особенностях эмоциональной сферы женщины и мужчины отражаются в полной мере в художественном тексте. Женщине приписывается большая эмоциональность и чувствительность по сравнению с мужчиной, а мужчина согласно гендерным стереотипам отличается логичностью, рациональностью, объективностью, что отражается в коммуникативном поведении. Для нашего исследования интерес представляет изучение особенностей репрезентации эмоций в художественном тексте с учетом фактора влияния гендера на коммуникативное поведение личности и выбор языковых средств.

Гендерная специфика репрезентации эмоционального состояния персонажа художественного текста актуализируется номинациями, объективирующими стереотипно мужское и женское выражение эмоций, которое представлено гендерно-маркированными лексическим средствами, а также кинетическими и фонационно-просодическими компонентами. С позиций семиотики «различные эмоциональные проявления

человека: эмоциональные реакции, чувства, эмоциональные состояния, аффекты, настроения могут быть выражены языковыми и паралингвистическими средствами, совокупность которых составляет особый знаковый эмотивный код того или иного языка» [Илинская, 2006, с. 99]. Понимая коммуникацию как «взаимозависимое единство вербальных, невербальных, экстралингвистических и паралингвистических конституентов» [Куликова, 2006, с. 21–37], мы рассматриваем особенности эмоционального состояния персонажа в вербальном и невербальном аспектах коммуникации. «Трансляция переживаний и эмоций персонажей осуществляется не только вербально, но и при помощи средств невербальной коммуникации, причём авторы художественных произведений нередко дают даже более убедительное описание эмоциональной жизни человека, чем это делают психологи» [Маякина, 2011, с. 249].

Методом сплошной выборки были отобраны текстовые фрагменты из произведений современной художественной прозы, в которых наиболее ярко описывались эмоциональные переживания и состояния женских и мужских персонажей. Персонаж понимается как «серия последовательных появлений или упоминаний одного лица; изображение его слов, действий, внешних черт, внутренних состояний, повествование о связанных с ним событиях, авторский анализ» [Гинзбург, 1971, с. 243]. В рамках данного исследования анализируются фрагменты двух «субъектных речевых сфер»: персонажной и неперсонажной речи [Чурилина, 2002]. Основные средства характеристики эмоционального состояния персонажа женщины и персонажа мужчины в художественном тексте включают в себя прямые номинации эмоций и лексические средства выражения эмоций, т.е. косвенное обозначение эмоционального состояния коммуникантов через описание внешности, мимики и поведения. Таким образом, в художественном тексте эмоции объективируются называющими, указывающими, описывающими лексическими единицами, а также различными конструкциями для усиления выражения эмоционального состояния персонажа.

Гендерные стереотипы, социальные роли мужчин и женщин, их модель поведения, а также асимметричность социальных отношений между мужчиной и женщиной отражается в их речевом поведении. Как показал анализ практического материала, специфику мужского речевого поведения отличает склонность к конкретике и логике, преобладание прямой номинации эмоций, редкое использование описательных конструкций. Например: *Ты сволочь! Я* ***тебя ненавижу****! Хоть бы ты умер!* (Алексей Слаповский. Гибель гитариста).

Существующий стереотип мужского поведения влияет на особенности эмоционального коммуникативного поведения, которое проявляется в минимизации проявления эмоций. Например: *Что мне* ***безразлично,*** *а мне безразлично все, кроме того немногого, что* ***небезразлично****, к тому – ровно в меру безразличия – я, действительно, безнравственен.* (Анатолий Найман. Любовный интерес).

Типичным мужским способом выражения отрицательных эмоций является употребление грубой лексики, например: *Думаешь, я все мог?!* ***Ни хрена я не мог!*** *Вот!* (Виктор Ремизов. Воля вольная).

Также: ***Вот сука, гад!*** *– выругался Поваренок беззлобно и, повернувшись к Жебровскому и тыча пальцем в дядь Сашу, добавил: – Он моему Кольке крестный батька* (Виктор Ремизов. Воля вольная).

В коммуникативном поведении персонажа женщины преобладает дескриптивный стиль общения. В отличие от мужчин, женщина описывает свои чувства и переживания, а не называет причину. Например: *Боже мой, сколь* ***непостижима и всемогуща, сколь яростно-неистощима щедрость*** *этого единственного, как ты,* ***моя любовь****, мира, – но от чего этот* ***грозный, неумолимый, этот все нарастающий шум, этот ледяной не стихающий ветер****?* (Марина Палей. Long Distance, или Славянский акцент).

Женская речь отличается гиперболизированной экспрессией. В вербализации эмоций в женской речи выявлены междометия, выражающие эмоции, чувства, переживания (*Ах!, О-о!; Ух! Ой!*); суффиксы субъективной оценки (*красненький, полосатенький, славненький)*, лексика с оценочной семантикой. Например: *Она опять рассмеялась, но сразу же спохватилась:–* ***Ой****, прости, мой зайчик. Я не над тобой, не обращай внимания. Погоди, пудру смахну.* (Дина Рубина. Русская канарейка. Блудный сын).

Слова с суффиксами субъективной оценки в женской речи раскрывают в основном положительные эмоции (*радость, симпатия, сочувствие)*. Например: *Елена обняла его за шею: – Тише,* ***миленький****... И он затих, прижал её к груди:* (Людмила Улицкая. Путешествие в седьмую сторону света).

Употребление в речи мужчин слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами свидетельствуют о негативной коннотации данных слов. Например: *Давай! Звони! Звони ему! Своему* ***муженьку!*** *Он наверняка со своей польской любовницей, смотрят какую-нибудь захудалую киношку и лижутся!* (Ася Петрова. Дебиль менталь).

В описании эмоционального состояния мужчины наблюдается тенденция к точности номинации эмоций, например: *Через него поочередно проходят все возможные человеческие выражения****: презрение, гнев, интерес, омерзение, равнодушие, насмешка…*** (Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам).

В репрезентации эмоционального состояния женского персонажа чаще используются описательные конструкции, метафоричные выражения, преувеличения, интенсификаторы. Например: *Жюли* ***носилась по комнате****,* ***лопаясь от досады****, а я тем временем думала, что лопну от смеха, но смеяться в такой ситуации было неприлично, поэтому я сказала: «Главное – помнить о том, что вся эта кутерьма не конец света». Зря я сказала – у Жюли* ***на лице отпечаталось такое набоковское отчаяние****, какое не снилось даже набоковедам и даже, наверное, профессору Аверину.* (Ася Петрова. Дебиль менталь).

Эмоциональное коммуникативное поведение персонажа вербализуется в художественном тексте с помощью глаголов говорения. Прямая речь вводится глаголами говорения, с помощью которых раскрывается эмоциональное состояние женского и мужского персонажа. Среди глаголов говорения, вводящих прямую речь женщины, преобладают глаголы с эмоционально-экспрессивной семантикой (*пролепетала, промурлыкала, вопила, пропела, завизжала* и др.). Например: – *Ты взбесился?!* – ***пролепетала*** *она. – Я сейчас... я выпрыгну из поезда, я... не намерена слушать эту гнусную чушь!..* (Дина Рубина. Несколько торопливых слов любви).

Также: *Сегодня Гейзиха, в тайёре, в башмаках на низких каблуках объявила, что едет в город купить подарки для приятельницы подруги, и предложила мне присоединиться, потому что я, мол, так чудно понимаю в материях и духах. «Выберите ваше любимое обольщение»,* ***промурлыкала она****. Как мог уклониться Гумберт, будучи хозяином парфюмерной фирмы?* (В. Набоков. Лолита).

Для описания манеры речи женщин и мужчин используются глаголы эмоционального спектра, связанные с эмоциональными переживаниями. Установлено, что наиболее ярко эмоции передаются с помощью изменения голоса (*шептать, кричать, рычать, визжать, орать, скулить и др.*). В качестве «женских» глаголов выражения эмоций были выявлены следующие: *завизжала, взвизгнула, вскрикнула,* а в качестве «мужских» – *прорычал, прохрипел, говорил громко*. Например: *Ее глаза потемнели. – Ах ты, сука! –* ***взвизгнула она*** *и ткнула пьяницу кулаком в живот* (Дарья Донцова. Доллары царя Гороха).

Также: *Сотня устроит? – серьезно ...* ***прохрипел от страха*** *Гена, испытывая глубочайшее разочарование в клиенте. ... Хорошо, –* ***просипел*** *Гена, нажимая на газ, стараясь не отстать от старенькой «Вольво», ехавшей впереди. – Кстати, ты деньгами не богат? –* ***хмыкнул*** *клиент* (Евгений Сухов. Делу конец – сроку начало).

Важную роль в описании эмоционального состояния персонажа женщины и персонажа мужчины играют паралингвистические характеристики. В женском невербальном речевом поведении в качестве наиболее частотных были выделены следующие просодические компоненты: *рыдания, плач, вздохи, крики* и др. Например: *И вот теперь* ***она рыдала, слезы размазывала рукой*** *– платка в сумочке не оказалось – и бормотала: – Кому же он нужен, – кроме меня? Никому он не нужен* (Марина Вишневецкая. Вышел месяц из тумана).

Следует отметить, что именно невербальные характеристики в процессе коммуникации выражают «определенные эмоциональные отношения коммуникантов к изображаемому положению дел и его оценку» [Аристов, 1998, с. 27]. В анализе невербальных средств репрезентации эмоций в художественном тексте были выделены следующие компоненты невербальной речи: просодика (темп, тембр, высота, громкость) и кинесика (мимика, жесты, позы).

В ходе исследования установлено, что при репрезентации некоторых эмоций, например, таких как *гнев, ярость, страх* для женщин и

мужчин характерны одинаковые кинетические (мимика и жесты) компоненты невербального поведения. Гендерную специфику в невербальном речевом поведении женщин и мужчин продемонстрируем на примере репрезентации эмоционального состояния *удивления* в художественном тексте. При описании эмоции удивления в женском невербальном поведении внимание концентрируется на таких частях лица, как лоб и брови. Например: *Что вы! – **удивленно вскинула брови экономка**. – Пять машин становятся* (Дарья Донцова. Уха из золотой рыбки).

Эмоциональное состояние удивления у мужчин раскрывается с помощью лексических единиц, описывающих глаза, лицо, движения головы и тела. Например: ***Лицо** Грыма **удивленно вытянулось**, и я понял, что он смотрит уже не на «Хеннелору», а куда-то вверх и в сторону* (Виктор Пелевин. S.N.U.F.F).

Особенности выражения эмоций у женщин и мужчин в большей степени зависят от самой эмоции и степени интенсивности ее проявления. Например, эмоции гнева, возмущения, стыда сопровождаются изменениями цвета лица, дыхания; эмоция страха – дрожанием рук; эмоция удивления связана с глазами, бровями и т.д. Каждая эмоция отличается своими специфичными средствами невербальной коммуникации.

Проведенный анализ особенностей объективации эмоций художественном тексте с учетом гендера как автора, так и персонажа позволили прийти к следующим выводам:

1. В результате сплошной выборки были отобраны самые частотные эмоциональные состояния женского и мужского персонажа в текстах современной художественной прозы: *радость, симпатия, удивление, гнев, ненависть, страх, грусть, обида, презрение, отвращение, стыд*. Было проанализировано 1840 контекстов, 913 лексических единиц. Установлено, что доминантными для женского коммуникативного поведения являются эмоции *радости* (31,4 %), *страха* (21,6 %), *стыда* (17,3 %), *ненависть* (16 %), *печали* (11,4 %), *сочувствие* (7,5 %), а для мужского – *гнев* (35,2 %.), *злость* (29,1 %), *удивление* (25 %), *безразличие* (22,1 %), *восторг* (13,7 %), *наслаждение* (5,9 %).

2. Эмоциональное состояние женского и мужского персонажа в вербальном и невербальном аспектах коммуникативного поведения художественного текста репрезентируется с помощью прямой номинации, описания эмоций, а также сочетания этих двух механизмов.

4. Гендерные стереотипы фемининности и маскулинности, социальные роли женщин и мужчин, их модель поведения, а также асимметричность социальных отношений между мужчиной и женщиной отражается в их коммуникативном поведении. Таким образом, стереотипы женского и мужского поведения влияют на особенности эмоционального коммуникативного поведения.

Литература и источники

Аристов С.А. Невербальные компоненты коммуникации // Тверской лингвистический меридиан. Тверь: ТГУ,1998. Вып. № 1. С. 74 – 79.

Болотов В.И. Проблемы теории эмоционального воздействия текста: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1986. 36 с.

Большой психологический словарь / сост. и общ. ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. СПб.: Прайм-Еврознак, 2004. 672 с.

Вишневецкая Марина. Вышел месяц из тумана [Электронный ресурс] // URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/11583/8/Vishneveckaya_-_Vyshel_mesyac_iz_tumana.html (дата обращения 08.02.2018).

Гинзбург Л.Я. О психологической прозе. Л.: СП, Ленингр. отделение, 1971. 464 с.

Донцова Дарья. Уха из золотой рыбки. [Электронный ресурс] // URL: http://bookz.ru/authors/dar_a-doncova/uha-iz-z_953/1-uha-iz-z_953.html (дата обращения 03.02.2017).

Донцова Дарья. Доллары царя Гороха [Электронный ресурс] // URL: http://dontsova-knigi.ru/dollaryi-tsarya-goroha/13/ (дата обращения 08.02.2018).

Изард К.Э. Эмоции человека. М.: Изд-во МГУ, 1980. 440с.

Илинская А.С. Знаковая типология языковых единиц, репрезентирующих эмоции в английском языке // Ползуновский вестн. 2006. № 3– 2. С. 98 – 105.

Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты. М., 1999. 155 с.

Куликова Л.В. Коммуникативный стиль в межкультурной парадигме: монография / Краснояр. гос. пед. ун-т им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2006. 392 с

Куприн А.И. К славе. [Электронный ресурс] // URL: https://www.litres.ru/aleksandr-kuprin/k-slave/chitat-onlayn (дата обращения 18.01.2018).

Лимонов Э. У нас была Великая Эпоха. [Электронный ресурс] // URL: https://www.e-reading.club/book.php?book=81578 (дата обращения 11.01.2018).

Маякина М. А. Фразеологические единицы, описывающие невербальное поведение человека, как компонент развития языковой и общекультурной компетенций // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2011. № 33 (248). Филология. Искусствоведение. Вып. 60. С. 248–250.

Мягкова Е.Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та,1990. 106 с.

Набоков В. Лолита. [Электронный ресурс] // URL: http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=6286&public_page=4 (дата обращения 10.03.2018).

Найман А. Любовный интерес. [Электронный ресурс] // URL: http://magazines.russ.ru/october/1999/1/naima.html (дата обращения 18.03.2018).

Палей М. Long Distance, или Славянский акцент. [Электронный ресурс] // URL: https://www.e-reading.club/book.php?book=138163 (дата обращения 19.01.2018).

Палей М. Поминовение // Новый Мир 2000, 1. [Электронный ресурс] // URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/1/paley.html (дата обращения 08.02.2018).

Пелевин В. Бэтман Аполло [Электронный ресурс] // URL: https://www.litres.ru/viktor-pelevin/betman-apollo/chitat-onlayn/page-3/ (дата обращения 08.02.2018).

Пелевин В. S.N.U.F.F [Электронный ресурс] // URL: http://rubooks.org/book.php?book=22653&page=124 (дата обращения 18.01.2018).

Пелевин В. Любовь к трем цукербринам [Электронный ресурс] // URL: https://www.litres.ru/viktor-pelevin/lubov-k-trem-cukerbrinam/chitat-onlayn/page-2/(дата обращения 15.03.2018).

Петрова А. Дебиль менталь. [Электронный ресурс] // URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/7/parizh.html (дата обращения 19.01.2018).

Ремизов В. Воля вольная // Новый мир 2013, № 11.[Электронный ресурс] // URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/11/2r.html (дата обращения 18.03.2018).

Романов Д.А. Языковая репрезентация эмоций: уровни, функционирование и системы исследований: на материале русского языка: дис. ... д-ра филол. наук. (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого). Тула, 2004. 496 с.

Рубина Д. Несколько торопливых слов любви // Новый мир. 2003. № 1. [Электронный ресурс] // URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/1/rubin.html (дата обращения 17.03.2018).

Рубина Д. Русская канарейка. Блудный сын. [Электронный ресурс] // URL: https://mybook.ru/author/dina-rubina/russkaya-kanarejka-bludnyj-syn/ дата обращения 11.01.2018).

Сенчин Р. Косьба. // Новый мир. 2016, № 1. [Электронный ресурс] // URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/1/kosba.html (дата обращения 09.02.2018).

Слаповский А. Гибель гитариста. [Электронный ресурс] // URL: http://www.rulit.me/books/gibel-gitarista-read-13828-1.html (дата обращения 26.01.2018).

Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика. М.: Наука, 1988. 382 с.

Сухов Е. Делу конец – сроку начало [Электронный ресурс] // URL: https://www.e-reading.club/chapter.php/92233/80/Suhov_-_Delu_konec_-_sroku_nachalo_(Odin_protiv_vseh).html (дата обращения 08.02.2018).

Улицкая Л. Путешествие в седьмую сторону света // Новый мир. 2000, № 9. [Электронный ресурс] // URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/9/ulitc-pr.html (дата обращения 18.03.2018).

Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1987. 192 с.

Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008. 416 с.

Чурилина Л.Н. Лексическая структура художественного текста: принципы антропоцентрического исследования. СПб., 2002. 283 с.

References

Aristov S.A. Neverbal'nyye komponenty kommunikatsii. *Tverskoy lingvisticheskiy meridian*, Tver', TGU,1998, vyp. 1, pp. 74-79. (In Russian).

Bolotov V.I. *Problemy teorii ehmotsional'nogo vozdeystviya teksta: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk*. M., 1986. 36 p. (In Russian).

Bol'shoy psikhologicheskiy slovar'. Sost. i obshch. red. B. Meshcheryakov, V. Zinchenko. SPb.: Praym-Evroznak, 2004. 672 p. (In Russian).

Vishnevetskaya M.. *Vyshel mesyats iz tumana* [Ehlektronnyy resurs]. Available at: https://www.e-reading.club/chapter.php/11583/8/Vishneveckaya_-_Vyshel_mesyac_iz_tumana.html (accessed 08.02.2018). (In Russian).

Ginzburg L.Ya. *O psikhologicheskoy proze*. L., 1971. 464 p. (In Russian).

Dontsova D. *Ukha iz zolotoy rybki*. [Ehlektronnyy resurs]. Available at: http://bookz.ru/authors/dar_a-doncova/uha-iz-z_953/1-uha-iz-z_953.html (accessed 03.02.2017). (In Russian).

Dontsova D. *Dollary tsarya Gorokha* [Ehlektronnyy resurs] Available at: http://dontsova-knigi.ru/dollaryi-tsarya-goroha/13/ (accessed 08.02.2018). (In Russian).

Izard K.Ye. *Ehmotsii cheloveka*. M.: Izd-vo MGU, 1980. 440 p. (In Russian).

Ilinskaya A.S. Znakovaya tipologiya yazykovykh yedinits, reprezentiruyushchikh ehmotsii v angliyskom yazyke. *Polzunovskiy vestn.*, 2006, no. 3-2, pp.98-105. (In Russian).

Kirilina A.V. *Gender: lingvisticheskiye aspekty*. M., 1999. 155 p. (In Russian).

Kulikova L.V. *Kommunikativnyy stil' v mezhkul'turnoy paradigmy: monografiya*, Krasnoyar. gos. ped. un-t im. V.P. Astaf'eva. Krasnoyarsk, 2006. 392 p. (In Russian).

Kuprin A.I. *K slave*. [Ehlektronnyy resurs]. Available at: https://www.litres.ru/aleksandr-kuprin/k-slave/chitat-onlayn (accessed 18.01.2018). (In Russian).

Limonov Ehd. U nas byla Velikaya Ehpokha. [Ehlektronnyy resurs]. Available at: https://www.e-reading.club/book.php?book=81578 (accessed 11.01.2018). (In Russian).

Mayakina M. A. Frazeologicheskiye yedinitsy, opisyvayushchiye neverbal'noye povedeniye cheloveka, kak komponent razvitiya yazykovoy i obshchekul'turnoy kompetenciy. *Vestn. Chelyabinskogo gos. un-ta,* 2011, no. 33 (248), *Filologiya, Iskusstvovedeniye*, vyp. 60, pp. 248-250. (In Russian).

Myagkova E.Yu. *Ehmotsional'naya nagruzka slova: opyt psikholingvisticheskogo issledovaniya*. Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1990. 106 p. (In Russian).

Nabokov V. *Lolita*. [Ehlektronnyy resurs]. Available at: http://www.world-art.ru/lyric/lyric.php?id=6286&public_page=4 (accessed 10.03.2018). (In Russian).

Nayman A. *Lyubovnyy interes*. [Ehlektronnyy resurs]. Available at: http://magazines.russ.ru/october/1999/1/naima.html (accessed 18.03.2018). (In Russian).

Paley M.. *Long Distance, ili Slavyanskiy aktsent*. [Ehlektronnyy resurs]. Available at: https://www.e-reading.club/book.php?book=138163 (accessed 19.01.2018). (In Russian).

Paley M. Pominoveniye. *Novyy mir,* 2000, no. 1. [Ehlektronnyy resurs]. Available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/1/paley.html (accessed 08.02.2018). (In Russian).

Pelevin V. *Behtman Apollo* [Ehlektronnyy resurs]. Available at: https://www.litres.ru/viktor-pelevin/betman-apollo/chitat-onlayn/page-3/ (accessed 08.02.2018). (In Russian).

Pelevin V. *S.N.U.F.F* [Ehlektronnyy resurs]. Available at: http://rubooks.org/book.php?book=22653&page=124 (accessed 18.01.2018). (In Russian).

Pelevin V. *Lyubov' k tryem tsukerbrinam* [Ehlektronnyy resurs]. Available at: https://www.litres.ru/viktor-pelevin/lubov-k-trem-cukerbrinam/chitat-onlayn/page-2/ (accessed 15.03.2018). (In Russian).

Petrova A. *Debil' mental'*. [Ehlektronnyy resurs]. Available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/7/parizh.html (accessed 19.01.2018). (In Russian).

Remizov V. Volya vol'naya. *Novyy mir* 2013, no. 11.[Ehlektronnyy resurs]. Available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2013/11/2r.html (accessed 18.03.2018). (In Russian).

Romanov D.A. *Yazykovaya reprezentatsiya ehmotsiy: urovni, funktsionirovaniye i sistemy issledovaniy: na materiale russkogo yazyka: dis. ... d-ra filol. nauk*. Tul'skiy gos. ped. un-t im. L.N. Tolstogo, 2004. 496 p.

Rubina D. Neskol'ko toroplivykh slov lyubvi. *Novyy mir*, 2003, no. 1. [Ehlektronnyy resurs]. Available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2003/1/rubin.html (accessed 17.03.2018). (In Russian).

Rubina D. *Russkaya kanareyka. Bludnyy syn*. [Ehlektronnyy resurs]. Available ad: https://mybook.ru/author/dina-rubina/russkaya-kanarejka-bludnyj-syn/ (accessed 11.01.2018). (In Russian).

Senchin R. Kos'ba. *Novyy mir,* 2016, no. 1. [Ehlektronnyy resurs]. Available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2016/1/kosba.html (accessed 09.02.2018). (In Russian).

Slapovskiy A. *Gibel' gitarista*. [Ehlektronnyy resurs]. Available ad: http://www.rulit.me/books/gibel-gitarista-read-13828-1.html (accessed 26.01.2018). (In Russian).

Stepanov G.V. *Yazyk. Literatura. Poehtika*. M.: Nauka, 1988. 382 p. (In Russian).

Sukhov Evg. *Delu konets - sroku nachalo* [Ehlektronnyy resurs]. Available at: https://www.e-reading.club/chapter.php/92233/80/Suhov_-_Delu_konec_-_sroku_nachalo_(Odin_protiv_vseh).html (accessed 08.02.2018). (In Russian).

Ulitskaya L. Puteshestviye v sed'muyu storonu sveta. *Novyy mir*, 2000, no. 9. [Ehlektronnyy resurs]. Available at: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/9/ulitc-pr.html (accessed 18.03.2018). (In Russian).

Shakhovskiy V.I. *Kategorizatsiya ehmotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka*. Voronezh: Izd-vo VGU, 1987. 192 p. (In Russian).

Shakhovskiy V.I. *Lingvisticheskaya teoriya ehmotsiy: monografiya*. M.: Gnozis, 2008. 416 p. (In Russian).

Churilina L.N. *Leksicheskaya struktura khudozhestvennogo teksta: printsipy antropotsentricheskogo issledovaniya*. SPb., 2002. 283 p. (In Russian).

Irina V. Scherbakova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Gender Specificity of Emotions Representation in the Fiction Text

The purpose of the article is to describe the gender-specific objectivity of emotions in the verbal and non-verbal aspects of the communicative behavior of a female character and a male character in a fiction text. Of special interest is the study of the characteristics of the representation of emotions in an artistic text, taking into account the influence of gender on the communicative behavior of the individual and the choice of language means.

Using a continuous sampling method, text fragments were selected from the works of contemporary artistic prose by the authors of women and men in Russian-language modern literature of the 20th and 21st centuries, in which the emotional experiences and states of female and male characters were most vividly described. The features of the explication of emotions with regard to the gender identity of the person in the texts of artistic prose are analyzed. It has been identified gender preferences in the choice of language means of expressing emotions in speech. In the course of solving the tasks, the following research methods have been used: descriptive method, which includes analysis, comparison and classification of linguistic facts; context analysis method. The practical significance of the article lies in the possibility of applying the main conclusions and results of the research in theoretical courses on emotiology and gender study.

It has been established that gender stereotypes, the social roles of men and women, and the asymmetry of social relations between men and women are reflected in their communicative behavior (verbal and non-verbal).

Key words: *emotions, artistic text, character, gender, stereotype, verbal and non-verbal communicative behavior.*

Irina V. Scherbakova – post-graduate student. Rostov State University of Economics. Phone: 8-903-436-00-03; E-mail: ira.leroy@yandex.ru

УДК 81'42+811.11+002
ББК 81.2-3

Н.Г. Склярова

ОСВЕЩЕНИЕ СИРИЙСКОГО КОНФЛИКТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ МИЛИТАРНО-МЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

В работе выделяется и характеризуется через совокупность типологических признаков милитарно-медийный дискурс, в рамках которого анализируются различные типы вербальных знаков, описывающие вооруженный конфликт в Сирии. С их помощью англоязычные печатные СМИ не только информируют читательскую аудиторию о происходящих событиях, но и определенным образом воздействуют на мировую общественность путем создания тенденциозного представления о сложившейся ситуации.

Ключевые слова: *лингвосемиотика, вербальный знак, речевое воздействие, вариативная интерпретация действительности, милитарно-медийный дискурс.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-64-73

Склярова Наталья Геннадиевна – докт. филол. наук, доцент, профессор кафедры теории и практики английского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: +7-909-415-42-21
E-mail: panochka@bk.ru

© Склярова Н.Г., 2018.

Милитарный дискурс, относящийся к институциональному типу коммуникации, представляет собой вид речевой организации картины мира лиц, причастных к военной деятельности [Сдобнова, 2014, с. 186]. Он обладает военно-фактологической информативностью, однозначностью, точностью, непрерывной динамикой, а также характеризуется возможностью взаимодействия с другими видами дискурса, в том числе политическим, экономическим, деловым и т.д., что обусловлено столкновением милитарной сферы с другими сферами жизнедеятельности [Уланов, 2014, с. 5].

Одной из характерных особенностей милитарного дискурса является то, что он состоит из формального и неформального аспектов, которые включают текст и контекст и обладают особыми стилистическими характеристиками. К формальной части милитарного дискурса относятся военно-художественные, военно-публицистические, военно-политические, военно-технические и военно-научные материалы, а также акты военного управления (различные военные документы). С точки зрения стилистической характеристики все военные материалы отличаются насыщенностью специальной военной лексикой, широким использованием военной и научно-технической терминологии, обилием военной номенклатуры, специальных сокращений и условных обозначений. Неформальная часть милитарного дискурса включает неофициальное общение в военной среде, лингвистическая составляющая которой характеризу-

ется активным использованием социально-профессионального субкода: арго, жаргонизмов, сленга [Юсупова, 2010, с. 91].

Упомянутые выше военно-публицистические и военно-политические тексты принято ассоциировать с такими жанрами, как комментарий, обозрение, аналитическая статья, информационная статья, интервью, военно-рекламная статья, военная хроника, каждый из которых имеет конкретные речевые стратегии.

Исходя из способности милитарного дискурса взаимодействовать с другими разновидностями, а также учитывая наличие военно-публицистических и военно-политических материалов в формальной части милитарного дискурса, мы считаем возможным выделить в типологии дискурсов милитарно-медийный дискурс, который, в свою очередь, может быть устным и письменным, в последнем случае средством его фиксации являются тексты печатных СМИ, посвящённые военной тематике. В этих текстах помимо непосредственно военных действий отражаются также предшествующие или параллельно развивающиеся политические и экономические события, прямо или косвенно обусловленные ими или, напротив, служащие им предпосылкой, т.е. так или иначе связанные с рассматриваемым вооруженным конфликтом. Целями милитарно-медийного дискурса являются не только передача военно-фактологической информации, но и оказание определённого воздействия на читательскую аудиторию.

В последнее время одной из самых обсуждаемых тем стал вооруженный конфликт в Сирии, тенденциозному представлению которого в англоязычных печатных СМИ посвящена данная статья.

Лингвистический подход к исследованию дискурса позволяет понимать любой его тип как сложное коммуникативное явление, включающее процессы производства и восприятия сообщений на фоне социального контекста и дающее представление об участниках коммуникации, их целях, действиях и качествах, эксплицируемых с помощью вербальных и невербальных знаков [Филиппова, 2014, с. 167]. Принимая во внимание семиотический характер дискурсивного пространства, мы будем изучать особенности использования различных типов языковых знаков для вариативной интерпретации ситуации в Сирии и формирования фрагмента картины мира читателя. При этом мы будем опираться на семиотическую классификацию А.В. Олянича [Олянич, 2004, с. 213] и рассматривать знаки в тесной связи с контекстуальным окружением, поскольку именно контекст определяет как прагматический, так и коннотативный аспекты их означаемых. Аналогичным образом мы ранее анализировали вербальные знаки, используемые в англоязычных печатных СМИ для репрезентации ситуации на Донбассе [Склярова, Хачересова, 2015] и политического имиджа России [Склярова, Хачересова, 2016].

В текстах англоязычного милитарно-медийного дискурса, освещающих вооруженный конфликт в Сирии, роль России в его урегулировании, а также другие связанные с ним события, встречаются следующие

типы языковых знаков: знаки-персоналии, знаки-локативы, знаки-инструментативы, знаки-квантификаторы, знаки-процессивы, знаки-классификаторы.

Знаки-персоналии представлены именами существительными или словосочетаниями с субстантивным стержневым компонентом и определениями, выражающими некоторый признак. При характеристике вооруженного конфликта в Сирии в англоязычном милитарно-медийном дискурсе используются знаки-персоналии, обозначающие сторонников действующего президента Башара Асада (*the Syrian government, Syrian Arab Army (SAA), Syrian Arab fighters, Iraqi troops*); сирийскую оппозицию *(Syrian opposition, Sunni Arab rebel groups, the Free Syrian Army (FSA), Kurdish-led forces);* радикальные исламистские группировки, запрещенные на территории РФ *(the Islamic State* или *ISIS, Al Qaeda, Al-Nusra Front, jihadists, Islamic Front);* страны-союзники, оказывающие поддержку Сирии и другим странам Ближнего Востока в борьбе против исламистских боевиков *(Russian troops, UK forces, The American-led coalition, The United States military);* пассивных участников военных действий, пострадавших в результате вооруженной операции в Сирии *(citizens, refugees, residents, civilians)*.

В особую подгруппу внутри данной группы можно выделить знаки, обозначающие глав государств, уполномоченных лиц и других высокопоставленных должностных чиновников, например, *Bashar al-Assad, Staffan de Mistura* (спецпосланник ООН по Сирии), *Fahd Al-Masri* (представитель Сирийской свободной армии), *Omran al-Zoubi* (министр информации Сирии), *Vladimir Putin, Barack Obama, Donald Trump, Theresa May, James Mattis, Rex Tillerson* и др.

К знакам-локативам, осуществляющим локализацию событий, освещаемых в англоязычном милитарно-медийном дискурсе, относятся: *Syria, Shadadi, Damascus, Aleppo, Raqqa,* обозначающие государства и города, где непосредственно происходят военные действия, а также *Iraq, Libya* и другие названия стран Ближнего Востока.

В СМИ нередки случаи метонимической замены, когда знаки-локативы используются в функции знаков-персоналий: *(1)* ***Moscow and Damascus*** *will not accept any proposal by* ***Turkey*** *or the West to make a deal on Aleppo (P. Wintour)*.

Как знаки-персоналии, так и знаки-локативы, чаще всего выполняют в милитарно-медийном дискурсе не воздействующую, а информативную функцию, т. е. несут сведения фактологического характера.

Однако помещение знаков *Syria, Islamic State, Syrian forces, Assad* в один контекст со знаками, обозначающими РФ, российские войска, российского президента может служить различным целям. Так, в следующем примере подчеркивается, что в усугублении сирийского конфликта виноваты не только экстремистские группировки, но и российские военные, оказывающие поддержку действующему президенту. Подобное представление фактов направлено на то, чтобы у читательской аудитории гуманитарная катастрофа на Ближнем Востоке прочно ассоциируро-

валась с Россией: *(2) The crisis, with its tumultuous intervention by* ***Russian forces*** *and the eventual ascent of* ***the Islamic State****, has resulted in one of the worst humanitarian crises in modern history (K. Shattuck).*

В примере (3) знаки, обозначающие три страны-участницы вооружённого конфликта, употреблены в едином контексте. При этом если действия России и Сирии характеризуются как непродуманные, о чём свидетельствует наречие *indiscriminately,* и регулярные, о чём свидетельствует глагол *target* в перфектно-длительной форме, то аналогичные действия со стороны Америки, от которых пострадали мирные жители, характеризуются как исключительные, о чём свидетельствует существительное *instance*. Бесчеловечность российских и сирийских военных подчёркивается знаками-локативами *schools, hospitals,* обозначающими места авиаударов, что призвано возбудить негодование читателя, поскольку жертвами военной операции в Сирии стали самые беззащитные слои населения. Подобные же действия американских военных не кажутся столь бесчеловечными, поскольку существительное *civilians,* обозначающее пострадавших от их атак, вызывает ассоциации, преимущественно, со взрослым, работоспособным населением. В первом случае, действия сирийских и российских военных не вызывают у читателя сомнения в их подлинности благодаря использованию лексемы *accuse,* поскольку обвинения предполагают наличие доказательной базы. При этом действия американских военных представляются не как безоговорочные факты, а как рассказы неизвестных очевидцев, что подчёркивается глаголом *portray.* Кроме того, лексема *harm* благодаря абстрактности своего значения не даёт конкретной информации о последствиях американских авиаударов. Всё сказанное выше создаёт контраст между действиями России и США на Ближнем Востоке, что является ярким примером использования механизмов речевого воздействия и приёмов вариативной интерпретации действительности, состоящих в умолчании, замене конкретных сведений обобщёнными, варьированием стилистической окраски используемых лексем: *(3)* ***Syrian and Russian forces*** *have been accused of indiscriminately targeting schools and hospitals, and the American strike has been portrayed by some residents as another instance in which civilians have been harmed* (M. Gordon, H. Saad).

Знаки-инструментативы, описывающие сирийские события в англоязычном милитарно-медийном дискурсе, обозначают ресурсы – материальные и нематериальные, которыми пользуются участники вооружённого конфликта в Сирии для решения военных задач (*blasts, bombs, explosives, chemical weapon, biological weapon, barrage of missiles, series of airstrikes, air power, rocket fire, artillery and advisers, suicide bombers, killer drone, fighter jet, warplane, sledgehammers, bulldozers and dynamite* и др.).

В текстах СМИ, посвященных указанной тематике, нередко встречаются точные указания на модель военной техники *(B-52 jet, Army Apache attack helicopters),* тип оружия *(howitzers, Tomahawk cruise missiles)* состав взрывчатого вещества *(chlorine, low-grade sulfur mustard).* Для неосведомленного читателя такая детализация не имеет особого значения,

но она придает большую достоверность передаваемой информации: *(4) Those fighters have used* ***crude chemical weapons****, including* ***chlorine and low-grade sulfur mustard*** (M. Gordon).

В примере (5) обращает на себя внимание порядок перечисления знаков-инструментативов и определяющих их прилагательных. Прилагательное *Syrian* относится к знаку-инструментативу *barrel bombs*, прилагательное *Russian* предшествует знакам-инструментативам *air strikes, chemical weapons, attacks on hospitals*, что создаёт некоторую двусмысленность, поскольку остаётся непонятным, является ли оно определением ко всему ряду однородных членов или только к его первому компоненту. Тем самым за читателем остаётся право самому интерпретировать данное высказывание на предмет причастности России к использованию химического оружия и совершению авиаударов по мирным объектам: *(5) Putin is suggesting four safe zones initially, in Idlib Province, Homs Northern Suburbs, East Ghouta and South Syria. These places have all been devastated by Syrian regime* ***barrel bombs****, Russian* ***airstrikes, chemical weapons, attacks on hospitals****: any type of peace will be welcomed there* (H. De Bretton-Gordon).

В другом примере речь идёт о российском беспилотнике, совершающем полёт над больницей, где находятся жертвы химической атаки. Подобное использование знака-инструментатива *Russian-controlled drone* и знака-локатива *hospital* вызывает у читателей устойчивые ассоциации между трагедией, постигшей мирных сирийских граждан, и РФ, подчёркивает причастность к ней России, поскольку, по мнению журналиста, появление беспилотника не является случайным. То факт, что большинство пострадавших – женщины и дети, занимает в предложении позицию добавочной конструкции и выделяется пунктуационными знаками, что акцентирует внимание читателя: *(6) The presence of a* ***Russian-controlled drone*** *flying over the hospital where victims — many of them women and children — were being treated after the attack was no coincidence* (C. Brennan, A. Edelman).

В приведенном ниже примере с помощью знаков-инструментативов *sledgehammers, bulldozers, dynamite* автор описывает, каким варварским способом исламские боевики на протяжении длительного времени разрушали древний город, расположенный в одном из оазисов Сирийской пустыни, между Дамаском и Евфратом, нанеся своими действиями урон мировому культурному наследию: *(7) During Isis's first ten-month-long occupation, the ancient site was ransacked, parts of it destroyed with* ***sledgehammers, bulldozers*** *and* ***dynamite,*** *and the local population forced to live under Isis's harsh interpretation of Sharia law* (B. Mckernan).

Знаки-процессивы в англоязычном милитарно-медийном дискурсе описывают действия и поступки сторон сирийского конфликта. Они представлены финитными и нефинитными глагольными формами *to kill, to attack, to wage, to target, to assist, to wound, to bomb, to force, to fight, to explode, to destroy, to slaughter* и т.д. существительными, обозначающими субстантивированный процесс *beating, killing, torture, vandalism,*

displacement, deprivation, extermination, slaughter, massacre, enslavement, rape и т.д.

В примере (8) знаки-процессивы в сочетании со знаками-инструментативами характеризуют нечеловеческие условия, в которых содержатся заключенные в сирийских тюрьмах, что лишний раз подчеркивает жестокость режима Б. Асада: *(8) Inmates are kept under conditions so dismal – including regular and severe* ***beatings and deprivation of food, water, medicine*** *and* ***basic sanitation*** *– that they amount to deliberate* ***extermination*** (A. Barnard, 2017a).

Знаки-квантификаторы, представленные количественными числительными, используются в англоязычном милитарно-медийном дискурсе для передачи точных сведений и подкрепления заявлений конкретными цифрами. Это способствует повышению достоверности информации о вооруженном конфликте в Сирии. Взаимодействуя со знаками-процессивами, знаками-инструментативами и знаками-персоналиями, они служат для обозначения конкретного числа сирийских боевиков, солдат других стран, выпущенных снарядов, пострадавших мирных граждан и т.д.

В следующем примере знаки-квантификаторы во взаимодействии со знаками-процессивами *to kill, to displace, to detain, to mess* подчёркивают, насколько сильно гражданская война в Сирии повлияла на жизнь мирного населения в целом. Тем самым, автор не только информирует читателей о числе жертв военных действий, но и воздействует на их чувства, вызывая сострадание, с одной стороны, а с другой – негативное отношение к действующему правительству Сирии, так или иначе виновному в том, что происходит в стране. Особого внимания заслуживает тот факт, что цифры представлены в округлённом и обобщенном виде в сочетании с аппроксиматором *more than,* что способствует закреплению количественных данных в памяти реципиента *(9) More than* ***400,000*** *people have been killed in the Syrian war. Half the country's population has been displaced. Syrian human rights groups list more than* ***100,000*** *people as missing, either detained or killed* (A. Barnard, 2017б).

Знаки-квантификаторы, обозначающие неопределённое количество (*dozens, a number, many, hundreds, thousands* и т.д.), используются в англоязычном милитарно-медийном дискурсе для преувеличения или преуменьшения масштаба трагедии. В примере (10) журналист пытается оправдать потери среди мирного населения, неизбежные при борьбе с террористами. Знак-квантификатор неопределённой семантики *some* служит для преуменьшения количества невинных жертв военных действий США, которые, таким образом, представляются читателю менее чудовищными: *(10) War kills. Mistakes happen. And when a terrorist enemy deviously mixes among a non-combatant population,* ***some*** *innocent deaths are the tragic but inevitable side effect* (A Bomb is Not a Strategy: the Moab and America's Larger Military Strategy in the Muslim World).

К знакам-классификаторам, используемым в англоязычном милитарно-медийном дискурсе, относятся существительные *aggression,*

enemy, *terrorism, cruelty, responsibility* и др., которые в сочетании с оценочными прилагательными обозначают отношения, ценности и антиценности, связанные с сирийским конфликтом и актуальные в контексте событий 2015 – 2017 гг., происходящих на территории Сирии и близлежащих стран.

В приведенном ниже примере знаки-классификаторы с негативной семантикой *conflagration* и *enemies* указывают на то, что сирийский конфликт может рассматриваться как противостояние двух мировых держав – Америки и России, которое не приносит пользы Сирии: *(11) Seeking* ***justice*** *for Syria's war victims at the hands of President Bashar al-Assad at this time runs the risk of a* ***conflagration*** *between Russia and the United States, which have become* ***enemies*** *as surrogates of the pro- and anti-Assad protagonists in Syria* (D. Scheffer).

Взаимные обвинения Российской Федерации и Соединенных Штатов в усугублении ситуации на Ближнем Востоке привели к тому, что их участие в урегулировании сирийского конфликта в англоязычном милитарно-медийном дискурсе характеризуется при помощи знака-классификатора *blame-shifting: (12)* ***Blame-shifting*** *will not protect a single Syrian or send a message to other dictators who might similarly tempt the will of the world (Assad's Crime, Our Burden: The U.S. Must Respond to Syrian Horror)*.

В примере (13) с помощью знака-классификатора *wily game* в контексте со знаком-инструментативом *air-strikes, ground troops* знаком-процессивом *killing*, определяемыми лексемами отрицательной семантики *unscrupulous* и *brutally*, знаком-персоналией *innocent civilians* в сочетании со знаком квантификатором *a heavy share of* СМИ создают коварный и жестокий образ России: *(13) All along, Russia played a* ***wily game****, purporting to aim at ISIS but in fact, with unscrupulous air strikes and ground troops, brutally killing anti-Assad rebel fighters of all stripes – including a heavy share of innocent civilians* (Countless Liters of Blood Are on Vladimir Putin's Hands Slouching toward Assad in Syria*)*.

Итак, целями милитарно-медийного дискурса являются не только передача военно-фактологической информации, но и оказание определённого воздействия на читательскую аудиторию. В текстах англоязычного милитарно-медийного дискурса, посвященных ситуации в Сирии, используются знаки, обозначающие участников описываемых событий, их действия и поступки, материальные и нематериальные ресурсы, отношения, ценности и антиценности, а также различные количественные характеристики. Их взаимодействие служит для тенденциозного представления сирийского конфликта, а также негативной оценки роли России в его урегулировании с целью формирования соответствующего мнения мировой общественности.

Литература и источники

Олянич А.В. Презентационная теория дискурса. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.

Сдобнова Ю.Н. Лингвистическое отображение современных социальных тенденций в институциональном дискурсе вооруженных сил Франции: дис. ... канд. филол. наук. М., 2014. 218 с.

Склярова Н.Г., Хачересова Л.М. Лингвосемиотические механизмы вариативной интерпретации ситуации на Украине в англоязычных печатных СМИ // Вестн. Пятигорского гос. лингвистического ун-та. 2015. № 3. С. 143–147.

Склярова Н.Г., Хачересова Л.М. Языковые средства формирования образа России зарубежными СМИ в контексте освещения мировых политических событий // Вестн. Пятигорского гос. лингвистического ун-та. 2016. № 3. С.108–112.

Уланов А.В. Русский военный дискурс XIX – начала XX века: структура, специфика, эволюция: дис. ... д-ра филол. наук. Омск, 2014. 494 с.

Филиппова Т.А. Лингвосемиотика англоязычного волонтерского дискурса: дис.... канд. филол. наук. Волгоград, 2014. 167 с.

Юсупова Т.С. Функционально-стилистические и прагматические характеристики англоязычного военного дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2010. 190 с.

A Bomb Is Not A Strategy: The Moab And America's Larger Military Strategy In The Muslim World // The Daily News. 2017. April 15. Available at: http://www.dnj.com/ (accessed 25.05.2017).

Assad's Crime, Our Burden: The U.S. Must Respond To Syria Horror // The Daily News. 2017. April 4. Available at: http://www.dnj.com/ (accessed 25.05.2017).

Barnard A. Amnesty Report Accuses Syria Of Executing Thousands Since War Began // The New York Times. 2017a. February 6. Available at: https://www.nytimes.com/ (accessed 25.05.2017).

Barnard A. As Atrocities Mount In Syria // The New York Times. 2017b. April 15. Available at: https://www.nytimes.com/ (accessed 25.05.2017).

Brennan C., Edelman A. U.S. Officials Say Russia Knew In Advance About Syria Chemical Attack // The Daily News. 2017. April 10. Available at: http://www.dnj.com/ (accessed 25.05.2017).

Countless liters of blood are on Vladimir Putin's hands Slouching Toward Assad In Syria // The Daily News. 2017. March 31. Available at: http://www.dnj.com/ (accessed 25.05.2017).

De Bretton-Gordon H. For Once, Putin Is Doing The Right Thing For Syria // The Guardian. 2017. May 4. Available at: https://www.theguardian.com/uk (accessed 25.05.2017)

Gordon M. Isis Leaders Are Fleeing Raqqa, U.S. Military Says // The New York Times. 2017. March 8. Available at: https://www.nytimes.com/ (accessed 25.05.2017).

Gordon M., Saad H., Pentagon Releases Photo To Rebut Contention It Bombed A Mosque // The New York Times. 2017. February 17. Available at: https://www.nytimes.com/ (accessed 25.05.2017).

Mckernan B. Isis destroys more of Palmyra including Roman amphitheatre, say Syrian authorities // The Independent. 2017. January 20. Available at: http://www.independent.co.uk/ (accessed 25.05.2017).

Scheffer D. Seeking A Path To Justice For Syrians // The New York Times. 2017. April 19. Available at: https://www.nytimes.com/ (accessed 25.05.2017).

Shattuck K. 'Cries From Syria,' On Hbo, Is A Grim Look At That Nation's 'S War // The New York Times. 2017. March 10. Available at: https://www.nytimes.com/ (accessed 25.05.2017).

Wintour P. Turkey And Russia Agree Terms Of Syria Ceasefire // The Guardian, 2016, December 16. Available at: https://www.theguardian.com/uk (accessed 25.05.2017).

References

Olyanich A.V. *Prezentatsionnaya teoriya diskursa*. Volgograd: Paradigma, 2004, 507 p. (In Russian).

Sdobnova Yu.N. *Lingvisticheskoye otobrazheniye sovremennykh sotsial'nykh tendentsiy v institutsional'nom diskurse vooruzhennykh sil Frantsii: dis. kand. filol. nauk,* M., 2014, 218 p. (In Russian).

Sklyarova N.G., Hacheresova L.M. Lingvosemioticheskiye mekhanizmy variativnoy interpretatsii situatsii na Ukraine v angloyazychnykh pechatnykh SMI, *Vestn. Pyatigorskogo gos. lingvisticheskogo un-ta*, 2015, no. 3, pp. 143-147. (In Russian).

Sklyarova N.G., Hacheresova L.M. Yazykovyye sredstva formirovaniya obraza Rossii zarubezhnymi SMI v kontekste osveshcheniya mirovykh politicheskikh sobytiy, *Vestn. Pyatigorskogo gos. lingvisticheskogo un-ta*, 2016, no. 3, pp. 108-112. (In Russian).

Ulanov A.V. *Russkiy voennyy diskurs XIX – nachala XX veka: struktura, spetsifika, ehvolyuciya: dis.... dok. filol. nauk*, Omsk, 2014, 494 p. (In Russian).

Filippova T.A. *Lingvosemiotika angloyazychnogo volonterskogo diskursa: dis. ... kand. filol. nauk*. Volgograd, 2014, 167 p. (In Russian).

Yusupova T.S. *Funktsional'no-stilisticheskiye i pragmaticheskiye harakteristiki angloyazychnogo voyennogo diskursa: dis. ...kand. filol. nauk*, Samara, 2010, 190 p. (In Russian).

A Bomb Is Not A Strategy: The Moab And America's Larger Military Strategy In The Muslim World. *The Daily News*. 2017. April 15. Available at: http://www.dnj.com/ (accessed 25.05.2017).

Assad's Crime, Our Burden: The U.S. Must Respond To Syria Horror. *The Daily News*. 2017. April 4. Available at: http://www.dnj.com/ (accessed 25.05.2017).

Barnard A. Amnesty Report Accuses Syria Of Executing Thousands Since War Began. *The New York Times*. 2017a. February 6. Available at: https://www.nytimes.com/ (accessed 25.05.2017).

Barnard A. As Atrocities Mount In Syria. *The New York Times*. 2017b. April 15. Available at: https://www.nytimes.com/ (accessed 25.05.2017).

Brennan C., Edelman A. U.S. Officials Say Russia Knew In Advance About Syria Chemical Attack. *The Daily News*. 2017. April 10. Available at: http://www.dnj.com/ (accessed 25.05.2017).

Countless liters of blood are on Vladimir Putin's hands Slouching Toward Assad In Syria. *The Daily News*. 2017. March 31. Available at: http://www.dnj.com/ (accessed 25.05.2017).

De Bretton-Gordon H. For Once, Putin Is Doing The Right Thing For Syria. *The Guardian*. 2017. May 4. Available at: https://www.theguardian.com/uk (accessed 25.05.2017)

Gordon M. Isis Leaders Are Fleeing Raqqa, U.S. Military Says. *The New York Times*. 2017. March 8. Available at: https://www.nytimes.com/ (accessed 25.05.2017).

Gordon M., Saad H., Pentagon Releases Photo To Rebut Contention It Bombed A Mosque. *The New York Times*. 2017. February 17. Available at: https://www.nytimes.com/ (accessed 25.05.2017).

Mckernan B. Isis destroys more of Palmyra including Roman amphitheatre, say Syrian authorities. *The Independent*. 2017. January 20. Available at: http://www.independent.co.uk/ (accessed 25.05.2017).

Scheffer D. Seeking A Path To Justice For Syrians. *The New York Times*. 2017. April 19. Available at: https://www.nytimes.com/ (accessed 25.05.2017).

Shattuck K. 'Cries From Syria,' On Hbo, Is A Grim Look At That Nation's 'S War. The New York Times. 2017. March 10. Available at: https://www.nytimes.com/ (accessed 25.05.2017).

Wintour P. Turkey And Russia Agree Terms Of Syria Ceasefire. *The Guardian,* 2016, December 16. Available at: https://www.theguardian.com/uk (accessed 25.05.2017).

Natalya G. Sklyarova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Syrian Conflict Coverage in the English Military-Media Discourse

The goal of the article is to explore some linguistic means used in the English and American military mass media discourse to describe the present situation in Syria. The research is carried out in the semiotic aspect with the help of contextual and distributive methods of analysis. The verbal signs that define the participants of the described events, their actions, tangible and intangible resources, values and anti-values are used not only to supply the Western readers with the information but also to form a biased representation of what is happening for the world community.

Key words: *linguasemiotics, verbal sign, linguistic manipulation, elective interpretation, military mass media discourse*.

Natalya G. Sklyarova – Ph. D. of philology, professor of theory and practice of the English language dpt. Institute of Philology, Journalism and Cross-cultural communication. Southern Federal University. Phone +7-909-415-42-21; e-mail: panochka@bk.ru

УДК 808.2
ББК 81.2-2

Н.М. Локтионова,
О.А. Фомина,
И.А. Кузьминова

ЯЗЫКОВОЙ ВКУС И ЯЗЫКОВАЯ МОДА В ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Вкус и мода являются ключевыми понятиями для лингвистической экологии. Целью данной статьи является анализ влияния и негативного воздействия моды на современный русский язык. Авторы приходят к выводу, что чрезмерное увлечение новомодными словами обезличивает нашу речь, лишает ее смысла, глубины, красоты, звучности.

Ключевые слова: *языковая мода, языковой вкус, лингвистическая экология, языковые предпочтения, новизна и массовость.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-74-81

Локтионова Надежда Михайловна – докт. филол. наук, профессор кафедры «Иностранные языки» факультета «Промышленное и гражданское строительство» Академии строительства и архитектуры ДГТУ
Тел.: 8-960-442-67-98
E-mail: nad526@yandex.ru

Фомина Ольга Анатольевна – канд. филол. наук, доцент кафедры «Иностранные языки» Академии строительства и архитектуры ДГТУ

Кузьминова Ирина Александровна – канд. филол. наук, доцент кафедры «Иностранные языки» Академии строительства и архитектуры ДГТУ
E-mail: lelik8181@list.ru

© Локтионова Н.М., Фомина О.А., Кузьминова И.А., 2018.

Изменения, произошедшие в нашей стране в последние десятилетия, коренным образом повлияли на лингвистику. Стремление исследователей охватить эти перемены в целом, осмыслить в общих чертах языковую современность, приводят нас к выводу о философской направленности современного языкознания.

Человеку, не связанному с наукой, свойственно воспринимать мир таким, каков он есть. Человек с научным складом ума во всем пытается увидеть закономерность и динамику, найти причину прогресса и регресса, понять всеобщее постоянное движение. Лингвисты в этом смысле не являются исключением. Развитие и регресс языка осознаются ими как прямое отражение глубинных изменений в обществе.

Лингвистическая экология как многоуровневая интегрированная область гуманитарного знания занимает особое место в общей системе лингвистической терминологии. Большинство терминологических единиц, функционирующих в лингвоэкологической сфере, обладает междисциплинарным характером и имеет отношение к различным смежным филологическим областям, таким, например, как культура речи, стилистика, риторика, речеведение, социолингвистика, психолингвистика и т.д.

Выстраивая понятийно-терминологическое пространство лингвоэкологии, считаем понятия *языкового вкуса* и *языковой моды* ключевыми наряду с такими, как *языковая среда, коммуникативное пространство, языковая ситу-*

ация, ментально-языковая ситуация, культурно-языковая ситуация, лингвокультурная ситуация (в лингвокультурологии), *языковая личность, языковое сознание* и т.д.

Как известно, языковое сознание и поведение человека определяют такие важные категории, как *языковой вкус, языковые предпочтения, языковая мода* и т.д. Под *языковым вкусом,* вслед за Е.Я. Шмелевой, понимаем «принятые в определенное время определенной языковой общностью нормы и стандарты языкового поведения» [КРР, 2003, с. 812].

Согласимся с В.Г. Костомаровым в том, что у каждой эпохи свой языковой вкус, который во многом зависим от различных исторических, переломных этапов в жизни общества и взаимосвязан с ними; в том, что категория вкуса в разные эпохи наполнялась разным содержанием: «говорят о *правильном и неправильном* вкусе, о вкусе *времени* или *века, о народном* вкусе» [Костомаров, 1994, с. 48].

По характеристике Л.К. Граудиной, «языковой вкус в современной интерпретации – аксиологическая, ценностная категория, связанная со способностью дифференцированно воспринимать и оценивать языковые факты. Мы говорим о хорошем, тонком, воспитанном вкусе и, напротив, о плохом, испорченном, неразвитом, вульгарном вкусе. И качество вкуса при этом определяется тем, в какой мере выраженная оценка соответствует объективной эстетической или этической ценности того, что характеризуется нами» [КРР, 1996, с. 156]. Заметим, что вкус в какой-то степени индивидуален. Он приобретается в процессе воспитания (в том числе и языкового), прививается с детства. Соответственно, возможно и необходимо его активное формирование во времени.

Совершенно противоположным является понятие «языковой моды», обязательным признаком которого выступает массовый характер: «Мода представляет собой коллективное подражание регулярно появляющимся новинкам» [Барт, 2003, с. 33]. Это традиционная проблема философских и социологических исследований. Современные лингвистические процессы неотделимы от социальных категорий моды, престижа, языкового вкуса.

Точную дефиницию «модным» словам дать трудно: многое оказывается на уровне ощущений. Тем не менее, попытка описать и, по возможности, объяснить это явление представляется очень важной, соответствующей современной парадигме научного знания – антропоцентризму, с его стремлением учесть эмоции, чувства, предпочтения и т.п. говорящего человека [Китанина, 2005, с. 50].

Тем не менее мода является определенным феноменом в языке. Это явление заслуживает особого разговора, поскольку мода занимает важное место в современном обществе и понимается как один из механизмов социальной регуляции и саморегуляции человеческого поведения: «...один из регуляторов языкового поведения, обеспечивающий дифференциацию языковых средств по признаку престижности» [КРР, 2003, с. 805]. Специальная теория моды, формирующая целостное представление о ее структуре и связях с другими явлениями действительности,

базируется на разных основаниях – социальном, экономическом, эстетическом, психологическом и т. д. Мода – это результат действия совокупности всех факторов, обсуждаемых в разных ее концепциях [Килошенко, 2001]. Но прежде всего мода – это социально-психологический феномен, в основе распространения которого лежат психологические и социальные механизмы.

О социальных категориях моды и престижности как о новом факторе языкового развития в современных условиях подробно пишет В.Г. Костомаров: «Меняющиеся представления о правильном и эффективном использовании языка, доводимые порой до абсурда, можно обозначить словом “мода”. Мода есть крайнее проявление вкуса, более индивидуальное, быстро проходящее, бросающееся в глаза и обычно вызывающее раздражение у старшей и консервативной части общества. Речевая мода, видимо, более прямолинейно связана с модой в других областях жизни» [Костомаров, 1994, с. 20].

В приложении к языковому материалу для объяснения факта существования модных слов за основу можно принять теоретическую модель моды, предложенную А. Б. Гофманом в работе «Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения» (2000). По А.Б. Гофману, теоретическая модель моды двухъярусна. Во-первых, она включает ядро модных ценностей, реальных регуляторов поведения, названных автором атрибутивными. Атрибутивными ценностями моды являются современность, универсальность, демонстративность и игра [Гофман, 2000, с. 16].

Для участников моды атрибутивные ценности моды являются общими для всех, они определяют принадлежность того или иного объекта к разряду модных. Но за этим ценностным единством кроется многообразие ценностей, которые можно назвать внешними, или денотативными. Будучи внешними для структуры моды, денотативные ценности для субъектов моды составляют сильный мотивационный слой.

Рассмотрим, как преломляются внутренние признаки модного объекта в слове, которое обыденное языковое сознание определяет как модное. Во-первых, модными словами называют новые слова, превысившие порог частотности, слова, ставшие *популярными*. Высокочастотные лексические единицы с элементом новизны обладают такими фундаментальными признаками модного объекта, как современность и универсальность. Прежде всего, новое слово обладает признаком современности. Новое всегда имеет преимущество перед старым, вчерашним, уже устарелым. Современность вызывает в нашем сознании положительные эмоции и ассоциируется с прогрессивностью, готовностью к изменениям, к творчеству, к дальнейшему движению. *Новизна – одна из главных ценностей современности.*

С универсальностью, как мы уже отмечали, связана такая черта моды, как массовость. Мода носит глобальный характер, участники моды ощущают свою принадлежность к обширному, неопределенному целому. У русских людей существует своеобразное представление о моде

как об обычае, принятом за образец, причем не всегда положительный. Рядом с образцом сразу появляется тема социального подражания, воспроизведения, тенденция к социальному выравниванию. «Использование престижных выражений является индикацией социального статуса говорящего, который заявляет тем самым о своей принадлежности к престижным слоям общества» [Карасик, 2002, с. 271].

Указанные два признака слова – новизна и массовость употребления – являются достаточными для обыденного языкового сознания, чтобы считать эти единицы модными. Наряду с широким пониманием модного слова обыденным сознанием, существует точка зрения лингвистов, изучающих феномен модного слова, которые сужают это понятие. Они утверждают, что модное слово не может обозначать новый денотат, оно всегда является новым обозначением известного явления. Охарактеризуем данную примету модного слова как один из ценностных компонентов модного объекта.

Модность словоупотребления может определяться и собственно языковыми причинами. Скоротечность жизни слова часто определяется эстетической потребностью говорящего к обновлению речи. Эта потребность реализуется в смене тела, формы языкового знака при тождестве содержания и определяется другой ценностью моды – игрой, которая является универсальным элементом культуры.

Мода циклична, прерывиста. Эстетика обновления формирует определенный «модный знаковый спрос», которому противостоит «модное знаковое предложение» со стороны культурных образцов, еще не ставших модными. Знаковый износ определяет потребность в замене знаковых средств и стимулирует поиск и отбор иных лексических единиц. Зачастую обновление форм приводит к обогащению содержания слова [Колесов, 1999, с. 118].

Смена номинации постоянно фиксируется в метаязыковом сознании говорящего. Языковое сознание выполняет в этом случае функцию идентификации, восстанавливая связь времен, через новую лексическую единицу осуществляет привязку реальных фактов истории к общественному опыту современности. Помещенные в один контекст метаязыкового комментирования временные синонимы способствуют новой интерпретации фактов истории, акт нового называния «отождествляется с актом познания» [Арутюнова, 1988, с. 334].

Последняя внутренняя ценность моды – демонстративность – имеет корни в биологических аспектах существования человека, в его стремлении быть внешне привлекательным для другого. Мода – одна из форм коммуникации, и демонстративность способствует быстрой и экспрессивной демонстрации своего «я». Для современной эпохи с ее динамизмом характерна непродолжительная и поверхностная коммуникация, где модное слово становится маркером благодаря своей демонстративности. Наличие ее обусловило то, что моду относят к поверхностным сторонам человеческого существования, поскольку в моде «быть» и «казаться» практически совпадают.

Всему массиву рефлексивных высказываний, оценивающих лексическую единицу как модную, присуща дополнительная «аура», передающая чувство-отношение к данному слову в диапазоне неодобрения. Этот негативный оттенок часто проявляется через употребление диминутивных единиц «словечко», «словцо», которые встречаются наряду с нейтральной единицей «слово». Исследователи отмечают особую роль в создании эмоциональной нагруженности текста субъективно-оценочных существительных [Рудник-Карват, 1998].

Представляется, что причины предвзято негативного отношения к модному слову нужно искать в особенностях русского характера. Во-первых, для русского человека сущностные признаки явления всегда важнее внешней стороны, поэтому неосознанному осуждению подвергается одна из атрибутивных ценностей моды – признак демонстративности. Мода не может быть скрытой, она всегда на виду. Так как моду относят к поверхностным сторонам человеческого существования, «мы и можем получать удовольствие, одновременно мы и глубоко страдаем от связанного с этим распада рациональности, когда разум попадает во власть простого, чистого чередования знаков» [Бодрийяр, 2000, с. 170].

Во-вторых, массовое подражание какому-либо модному образцу создает в конце концов стандартность употребления слова, которая часто осознается как симптом нарушения языковой экологии, ощущается как недостаток, что само по себе является сигналом к возможной смене модного стандарта: «Мода снедаема своего рода суицидальным желанием, которое реализуется в тот самый момент, когда она достигает своего апогея» [Бодрийяр, 2000, с. 171].

Участники моды по-своему истолковывают те или иные атрибутивные ценности. Будучи внешними для структуры моды, денотативные ценности в то же время «составляют наиболее сильный мотивационный слой» [Гофман, 2000, с. 32]. Многие оценки зависят от прагматически релевантных характеристик членов социума – возраста, пола, образования, социальной ориентации.

Если обратиться к языковой практике современной России, можно выделить ряд модных тенденций в современном русском языке. Они особенно остро проявляются на нынешнем этапе развития, поскольку для него характерна усиленная тенденция обновления языка в связи с переходом к новым видам общественно-экономических отношений, характерна склонность к переименовыванию «старого» новыми именами. Мода обеспечивает возможность разрыва с ближайшим прошлым. С одной стороны, желание уйти от словоупотреблений советской эпохи, а с другой стороны, – ориентация на западные ценности, чрезмерное увлечение английским языком. Именно эти два основных фактора, связанные между собой, определяют динамику модных языковых изменений в современном русском языке. Совершенно естественное стремление уйти от канцелярских оборотов советского языка, от обезличенных официально-деловых штампов приводят к тому, что современная говорящая Россия, кроме иностранных слов, стала увлекаться сниженной

разговорной лексикой, основу которой составляет общий жаргон. Появление этого термина связано с выходом в 1999 г. специализированного словаря общего жаргона. *Общий жаргон* – это промежуточное языковое образование, через которое лексика социальных диалектов проникает не только в просторечие, но и в разговорный язык в целом. По определению авторов словаря, это «тот пласт современного жаргона, который, не являясь принадлежностью отдельных социальных групп, с достаточно высокой частотностью встречается в языке средств массовой информации и употребляется (или, по крайней мере, понимается) всеми жителями большого города, в частности образованными носителями русского литературного языка» [Ермакова, Земская, Розина, 1999, с. 12]. Иными словами, это довольно обширный корпус лексики и фразеологии (вышеназванный словарь фиксирует по меньшей мере 2,5 тыс. единиц), которые утратили такой признак, как корпоративность, т.е. закрепленность за речевой практикой ограниченных социальных групп. При этом характерна культурно-историческая «знаковость» наиболее употребительных слов общего жаргона (*беспредел, тусовка, совковый, разборки, бомж, крутой, бакс* и т.д.).

Модным ореолом престижности обладают и иностранные, заимствованные слова, особенно малознакомые большинству членов социума. Отношение к иностранному слову на протяжении истории русского литературного языка всегда было противоречивым и выстраивалось как оппозиция: принятия // непринятия иностранного слова. В определенной степени мода на иностранное слово определяется психологическим климатом эпохи, социальным критерием концептуального напряжения. Но при длительном употреблении модное слово начинает оцениваться как негативное явление; смена положительной оценки на отрицательную сигнализирует о возможной смене модного стандарта.

Итак, мы можем говорить о том, что высказывания вербализуют обыденное языковое сознание и позволяют выделить ядерные зоны знания о динамике языка, которые являются существенно важными в речевой деятельности современной языковой личности. Понятие моды в лингвоэкологическом контексте является одним из ключевых, поскольку вносит значительный вклад в формирование речевого портрета.

Литература

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. 338 с.

Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике и культуре / пер. с фр., вступит. статья и сост. С.Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.

Бодрийяр Ж. Символический Обмен и Смерть. М.: Добросвет, 2000. 387 с.

Гофман А.Б. Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М.: Эксмо – Маркет, 2000. 160 с.

Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались. Толковый словарь русского общего жаргона. М.: Азбуковник, 1999. 320 с.

Карасик В.И. Язык социального статуса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2002. 333 с.

Килошенко М. Психология моды. СПб.: Речь, 2001. 192 с.

Китанина Э.А. Прагматика иноязычного слова в русском языке: монография. Ростов н/Д.: РГЭУ «РИНХ», 2005. 415 с.

Колесов В.В. Жизнь происходит от слова... СПб.: «Златоуст», 1999. 368 с.

Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи: Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. М.: Педагогика–Пресс, 1994. 248 с.

Культура русской речи. Энциклопедический словарь-справочник (КРР) / под общим руководством Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М.: Флинта: Наука, 2003. 840 с.

Рудник-Карват З. О функциях уменьшительных и увеличительных существительных в тексте // Лики языка: к 45-летию научной деятельности Е. А. Земской. М.: Наследие, 1998. С. 315 – 326.

References

Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytiye. Fakt.* M., Nauka, 1988. 338 p. (In Russian).

Bart R. *Sistema mody. Stat'i po semiotike i kul'ture.* Per. s fr., vstupit. stat'ya i sost. S.N. Zenkina. M., Izd-vo im. Sabashnikovykh, 2003. 512 p. (In Russian).

Bodriiyar Zh. *Simvolicheskiy Obmen i Smert'.* M., Dobrosvet, 2000. 387 p. (In Russian).

Gofman A.B. *Moda i lyudi. Novaya teoriya mody i modnogo povedeniya.* M.: Eksmo – Market, 2000. 160 p. (In Russian).

Yermakova O.P., Zemskaya E.A., Rozina R.I. *Slova, s kotorymi my vse vstrechalis'. Tolkovyy slovar' russkogo obshchego zhargona.* M., Azbukovnik, 1999. 320 p. (In Russian).

Karasik V.I. *Yazyk sotsial'nogo statusa.* M., ITDGK «Gnozis», 2002. 333 p. (In Russian).

Kiloshenko M. *Psikhologiya mody.* SPb., Rech', 2001. 192 p. (In Russian).

Kitanina E.A. *Pragmatika inoyazychnogo slova v russkom yazyke: monografiya.* Rostov n/D., RGEU «RINKh», 2005. 415 p. (In Russian).

Kolesov V.V. *Zhizn' proiskhodit ot slova...* SPb., «Zlatoust», 1999. 368 p. (In Russian).

Kostomarov V.G. Yazykovoy vkus ehpokhi: Iz nablyudeniy nad rechevoy praktikoy mass-media. M., Pedagogika–Press, 1994. 248 p.

Kul'tura russkoy rechi. Ehntsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik (KRR). Pod obshchim rukovodstvom L.Yu. Ivanova, A.P. Skovorodnikova, E.N Shiryayeva. M., Flinta: Nauka, 2003. 840 p.

Rudnik-Karvat Z. O funktsiyakh umen'shitel'nykh i uvelichitel'nykh sushchestvitel'nykh v tekste. *Liki yazyka: K 45-letiyu nauchnoy deyatel'nosti E.A. Zemskoy.* M., Naslediye, 1998, pp. 315-326.

Nadezhda M. Loktionova, Olga A. Fomina, Irina A. Kuzminova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Language Taste and Language Fashion in Linguaecological Context

Taste and fashion are key concepts when it comes to modern trends, brands, etc. But, as well known, in fashion, as in architecture, the question of proportions is important: excessive fascination with newfangled words depersonalizes our speech, deprives it of meaning, depth, beauty, sonority. The modern language situation is not ideal from the viewpoint of education of the correct, delicate linguistic taste. Consequently, the language fashion

must be resisted, not to give it power over itself. Fashion is a temporary phenomenon. The richness and diversity of the Russian language can be preserved for centuries if it is handled with care.

Key words: *language fashion, language taste, linguistic ecology, language preferences, novelty and mass character.*

Nadezhda M. Loktionova – Ph. D. in Philology, professor of Foreign languages dpt. Academy of Building and Architecture, Don State Technical University. Phone: 8-960-442-67-98; e-mail: nad526@yandex.ru

Olga A. Fomina – candidate in Philology, associate professor of Foreign languages dpt. Academy of Building and Architecture, Don State Technical University. Phone: 8-960-442-67-98; e-mail: lelik8181@list.ru

Irina A. Kuzminova – candidate in Philology, associate professor of Foreign languages dpt. Academy of Building and Architecture, Don State Technical University. Phone: 8-960-442-67-98; e-mail: lelik8181@list.ru

УДК 811.611.1+821
ББК Ч30я54

Я.С. Косякова

ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЕЕ МОТИВАЦИИ В ТЕКСТЕ НОВОСТНОГО РЕПОРТАЖА

Предпринята попытка исследовать прагматические факторы, мотивирующие использование эпистемических модальных средств в контексте новостных репортажных сообщений, которые рассматриваются как особый тип масс-медийного дискурса. Коммуникативная цель этого дискурса заключается в том, чтобы сообщить целевой аудитории актуальную информацию, которая, как полагает журналист, является истинной или станет таковой в будущем. В связи с этим журналист как автор репортажного текста последовательно отражает ту или иную степень уверенности в том, что эта информация соответствует объективной действительности, полагаясь на свои знания ситуации или мнение более компетентных лиц.

Ключевые слова: *текст новостного репортажа, пропозиция, суждение, точка зрения журналиста, оценка, эпистемическая модальность, эвиденциальность.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-82-91

Косякова Яна Сергеевна – старший преподаватель кафедры документоведения и языковой коммуникации Донского государственного технического университета
Тел.: 8-918-589-45-05
E-mail: y-kosyakova@mail.ru

© Косякова Я.С., 2018.

Категория модальности имеет непосредственное отношение к семантике языковых единиц, которая уточняет личностную оценку говорящего субъекта. Анализ данной категории дает возможность признать конкретную исследуемую пропозицию не как голословную констатацию некоторого факта, а в качестве утверждения или отрицания возможности / невозможности, сопряженности, необходимости и т.д. В текущих лингвистических изысканиях модальность трактуется преимущественно как мнение или прагматическое отношение говорящего субъекта к выражаемой пропозиции или той ситуации, которую описывает данная пропозиция [Гаврилова, 2015]. Эпистемическая модальность манифестирует собой степень уверенности говорящего субъекта в истинности пропозиции; деонтическая модальность фиксирует требования, предъявляемые субъектом к реализации пропозиции.

Модальные значения отражают потенциальную вариативность семантико-синтаксических характеристик высказывания, прагматических условий его употребления, взаимосвязь этих значений с иными грамматическими категориями [Клеменова, Кудряшов, 2017]. В современной лингвистике на материале разноструктурных языков разработаны теоретические измерения природы модальной логики, конфигураций ее соответствующих репрезентаций в формальной системе языка. Выявляется прагматическая роль категории модальности в специфических контекстах реализации

намерений говорящего субъекта с опорой на фактор адресата [Клеменова, Кудряшов, 2016].

Суждения часто выдвигаются с опорой на частичные знания и недостоверные источники информации [Азарова, Кудряшов, 2015]. Естественный язык обеспечивает оптимальный инвентарь средств для кодирования степени ответственности говорящего субъекта в отношении подобных «неубедительных» суждений. Понятие эпистемической модальности, трактуемое в научной литературе как автономный домен пропозициональной модальности, манифестирует собой оценку в терминах достоверности пропозиции высказывания. В теории языка до сих пор открытой является проблема представления эпистемической модальности в ее взаимоотношениях с другими типами модальности. В связи с этим в существующих исследовательских перспективах по-разному определяется объем данного понятия, как и составные домены манифестируемой им категории.

На разножанровом материале разноструктурных языков установлено, что эвиденциальные значения достаточно часто маркируются, в том числе, и маркерами эпистемической модальности, поскольку источник информации, отражаемый пропозицией суждения, оказывает существенное влияние на умозаключения говорящего субъекта относительно степени его уверенности в истинности выдвигаемой пропозиции. Для выражения эвиденциальных и эпистемических значений могут задействоваться одни и те же грамматические средства [Клеменова, Кудряшов, 2016]. В отдельных лингвистических изысканиях предлагается анализировать эвиденциальность как подтип эпистемической модальности. Мы, в свою очередь, полагаем, что обнаруживаются существенные концептуальные основания для последовательной дифференциации категорий эвиденциальности и эпистемической модальности, хотя обе категории частично дублируют друг друга.

Анализируя феномен достоверности, исследователи принимают во внимание прежде всего то, в какой степени истинным, правдивым и заслуживающим доверия является целевое высказывание. Нормы оценки достоверности характеризуются социальной предопределенностью, особенно в отношении дискурса, реализующегося в опосредованном контексте. Т.В. Лиувен определяет принципы достоверности в рамках СМИ. По мнению исследователя, спонтанные высказывания и студийные беседы с приглашенными гостями о повседневности и профессиональной деятельности предстают достоверными. Однако спонтанная речь, преподнесенная в определенной манере, речитативная, таковой не является [Leeuwen, 2001].

Вопрос о достоверности масс-медийного высказывания затрагивает проблему субъективности журналиста. Признается, что СМИ несут ответственность за предоставление правдивой и беспристрастной информации, субъективное мнение обнародуется преимущественно в редакционном разделе изданий. Новостные репортажи, как правило, в значительной степени носят гипотетический и объяснительный харак-

тер, основываются на личностном восприятии актуальных событий [van Dijk, 1988], отражают «реконструированную» реальность.

Исследуемый в нашей публикации фактологический материал был извлечен методом сплошной выборки из электронной версии журнала «Русский репортер», в котором освещаются темы, связанные с политикой, экономикой, обществом, культурной жизнью, искусством и литературой (за период 2015 г. – январь 2016 г.). Поисковая система, предоставляемая сайтом издания, позволяет читателям проследить новостные статьи, опубликованные за определенный временной период, а также по ключевым словам найти полные тексты новостных репортажей. Мы исследовали новостные репортажные тексты, посвященные экономическим, политическим и социальным проблемам. Собранный нами корпус фактологического материала насчитывает около 1500 фрагментов новостных репортажей, в которых содержится гипотетическая или предположительная оценка автора.

Наряду с целым рядом иных маркеров русский язык обладает богатым репертуаром наречий (как правило, в синтаксической функции вводных слов) и сочетаний существительных с предлогом, передающих самую разнообразную эпистемическую семантику. В рамках исследования, проводимого нами, мы разграничиваем два подкласса эпистемических значений, известных как: (1) гипотетическое и (2) ассертивное. Эти значения передаются, в том числе, наречиями, семантика которых манифестирует соответственно низкую / высокую степень уверенности говорящего субъекта в истинности выдвигаемого пропозиционального содержания. Контраст между крайними точками возможности (низкой степенью) и необходимости (высокой степенью) ярко прослеживается во фрагментах (1) и (2). Третий тип эпистемических модальных значений определяется как алетический: оценка выражается в терминах необходимости / случайности (категоричное утверждение пропозициональной истины суждения). В нашей публикации данный тип модальных эпистемических значений не рассматривается, поскольку он имеет много общего с оценочной модальностью, которую некоторые лингвисты определяют как независимый домен, который имеет непосредственное отношение к уже известным фактам.

Проанализируем следующие примеры:

– гипотетическое эпистемическое значение: (1) *«А новость заключается в том, что психологи,* ***возможно****, могут написать книгу о сложном в своей профессии, доступную в понимании обычному человеку»* [Павлова, 2016, http];

– ассертивное эпистемическое значение: (2) *«Есть,* ***конечно****, примеры, когда новый рынок оказывался настолько привлекательным и нужным, что пробивал все барьеры, формируясь с нуля, без особой господдержки, – как рынок персональных компьютеров»* [Константинов, 2016, http].

Сообщения, содержащие маркеры эпистемической модальности, категорируются нами в соответствии со своей коммуникативной функ-

цией на повествование, цитирование и размышление. Повествование представляет собой описание освещаемого события, включая участников, их эмоционально-волевые состояния, действия, темпоральный план протекания события. Ср.: (3) *«А тут выходит фильм, который объясняет, что в идеальном государстве не все идеально. Что СМИ там,* ***конечно****, свободные, но ими очень легко манипулировать»* [Мильчин, 2016, http]. Маркер *конечно* выражает сильную степень уверенности автора в том, что выражаемая им пропозиция является истинной.

В процессе описания актуального события журналисты часто цитируют мнения иных субъектов, рядовых членов общества или представителей государственной власти. Цитирование мнения другого лица дает возможность журналисту переложить ответственность за достоверность суждения на автора приводимого суждения. В текстах репортажей точка зрения другого лица приводится в виде как прямой, так и косвенной речи. Ср.: (4) *«– **Вроде** все меняется, строится, инфраструктура развивается, музеи, парки всякие, – перечисляет Виктор. – Собянин делает, "чтобы красиво было". Москва действительно блестит, но как здесь живут?»* [Данилова и соавт, 2016, http]; (5) *«Андрей со своей семьей ездил по многим городам России и мира и* ***с уверенностью*** *говорит, что Москва для велосипедистов один из самых удобных городов»* [Там же]. Во фрагментах (4), (5) репортер приводит мнение рядовых граждан Москвы об изменениях в столице. Эпистемические маркеры *вроде* (в прямой речи интервьюируемого), *с уверенностью* (в словах автора) фиксируют соответственно среднюю и сильную степень уверенности говорящего субъекта в истинности выражаемой пропозиции.

В текстах репортажах также системно выявляются комментарии журналистов относительно освещаемых событий, которые мы трактуем как авторские размышления. Как показывают наши наблюдения, в подавляющем большинстве случаев авторские размышления следуют непосредственно после описания события. Ср.: (6) *«Любой из мужских ароматов бренда Baldessarini неизменно появляется под девизом "Привилегии настоящих мужчин"... И новый герой Baldessarini – человек, который сам задает себе планку, и планка эта всегда максимально высока, сильный мужчина, невозмутимый в любой ситуации. Это подчеркивается и дизайном флакона, чем-то напоминающим о дорогом хронографе... Однако в сердце аромата – магнолия и жасмин, его верхние ноты – экзотическая свежесть розового перца и бергамота. И лишь в основе проступает мужественный оттенок дорогой кожи, усиленный ладаном и амброй.* ***Определенно*** *мужчины стали сегодня сложнее, чем были вчера»* [Дмитриев, 2015, http]. В авторском комментарии, приводимом после описания события, журналист выражает сильную степень уверенности в выражаемой пропозиции (средство выражения – эпистемический маркер *определенно*). При этом авторское мнение оформляется как умозаключение, выводимое из беспристрастного описания события.

Исследуемые нами два типа эпистемической оценки выявляют несходную дистрибуцию в новостных репортажах, которые посвящены

экономическим, политическим и социальным проблемам. Результаты сравнительного анализа их распределения в текстах новостных репортажей соответствующих тематик представлены в табл. 1.

Таблица 1. **Сравнительный анализ распределения эпистемической оценки в текстах новостных репортажей (1500 фрагментов), %**

Тип оценки	Тематика репортажа		
	социальная	экономическая	политическая
Гипотетическая	24, 34	15,27	11,14
Ассертивная	23,13	15,71	10,41

Как свидетельствуют полученные данные, оценочно окрашенными оказываются тексты новостных репортажей социальной тематики. В данном типе текста журналист, вводя актуальные ситуации в современном обществе, более частотно выдвигает предположения, предлагая конкретные решения возникшим проблемам (в 24,34% случаев употребления средств эпистемической модальности). Чуть в меньшей степени (в 23,13% случаев употребления средств эпистемической модальности) авторы текстов реализуют сильную уверенность в истинности выдвигаемых пропозиций, освещая динамические конструктивные сдвиги в текущей социальной жизни страны. Более беспристрастными оказываются тексты новостных репортажей политической тематики. При освещении текущей международной обстановки журналисты стремятся быть объективными, в меньшей степени (более чем в два раза) выражают свою личностную позицию. Журналистскую объективность можно рассматривать как своеобразную языковую игру, поскольку она базируется на специфических коммуникативных стратегиях репортера по детализованному воспроизведению актуальных политических событий. В этом случае журналистская объективность рассматривается нами как одна из действенных форм убеждения целевой аудитории в том, что данному тексту можно доверять, поскольку в него не внедрена авторская оценка. Интересно заметить, что гипотетическая эпистемическая оценка выражается в текстах новостных репортажей политической тематики преимущественно при обнародовании возможных перспектив развития текущей политической ситуации, ассертивная оценки – при проецировании (контролировании) общественного мнения относительно освещаемого события.

Серединную позицию занимают репортажи экономической тематики. Экономика представляет собой основу интенсивного взаимодействия природной и социальной сферы с опорой на природно-разрушающие и природо-сберегающие факторы. Журналистский анализ современных экономических процессов нацелен на выявление конструктивной роли интенциональности в экономической активности индивида, сопряженности индивидуальных интенций в формировании социально-организованного целого (хозяйства), как и роли и места интерсубъективности в данном процессе. Экономическое мышление трактуется в текстах СМИ в качестве социокультурного феномена, входящего интегральной

частью в духовно-нравственный потенциал социума, который, в свою очередь, проецирует социальные ценности на взаимодействие социума и отдельного индивида с природным и техническим миром. Этим, как представляется, обусловливается журналистская эпистемическая оценка в репортажах экономической тематики.

Гипотетическая оценка находит выражение прежде всего при отражении современного экономического мышления, взятого в аспекте его неоднозначных, но многообразных связей с духовным и предметным бытием социума. Ассертивная оценка последовательно проявляется, как правило, при определении специфики экономического мышления в непосредственном соотношении с текущей экономической реальностью и соответствующим поведением представителей социума. В результате экономическая сфера жизнедеятельности общества воспроизводится в СМИ как точка взаимодействия интеллектуального и предметного бытия, один из действенных факторов формирования умонастроения социума, модус повседневного бытия социума.

В рамках нашего изыскания мы также произвели статистические подсчеты употребления эпистемических маркеров, выраженных наречиями и именами существительными с предлогами, в подклассах текста новостного репортажа, связанных с реализуемой коммуникативной функцией – повествовании о событии, цитировании мнения иного субъекта, авторском размышлении. Полученные данные суммируются в табл. 2.

Таблица 2. **Дистрибуция эпистемических маркеров в функциональных подклассах текста новостного репортажа (1500 фрагментов), %**

Тип оценки	**Функциональный подкласс текста репортажа**		
	цитирование	**размышление**	**повествование**
Гипотетическая	25, 81	19,36	12,07
Ассертивная	18,21	17,05	7,5

Статистические данные, отраженные в табл. 2, проливают свет на взаимосвязь эпистемической и эвиденциальной модальности. Наиболее частотными эпистемические маркеры оказываются в прямой речи, отражающей мнение участников ситуации, описываемой в репортаже (25,81 и 18,21 % для маркеров гипотетической и ассертивной оценки соответственно). Прямая речь вводится журналистом в текст репортажа как для представления оценочного суждения участника описываемой ситуации или события, так и в целях явного фиксирования источника актуальной информации. Очевидно, что этот участник оказывается более компетентным в знании ситуации (события), а поэтому его точка зрения трактуется читателем как соответствующая действительности.

Введение прямой речи дает возможность журналисту возложить ответственность за достоверность выражаемой в репортаже информации на другое лицо. Это лицо, в свою очередь, в большей степени выражает гипотетическую оценку, т.е. сомнения относительно тех или иных компонентов анализируемой ситуации (события). В новостных репортажах

обнародуются, как правило, еще не завершенные ситуации, перспективы развития которых еще не совсем отчетливо определены. Возможно, именно в связи с этим участник этой ситуации, выражая суждение, наиболее частотно прибегает к гипотетической оценке. Ассертивная оценка в этом случае связывается, как правило, с указанием на предпосылки возникновения ситуации, ее движущие силы и роль в поступательном развитии текущей событийности (т.е. как данная ситуация связывается с другими аналогичными ситуациями).

В аспекте употребления эпистемических модальных средств цитирование чужой речи противопоставляется в рамках новостных репортажей повествованию. В данной функциональной разновидности репортажного текста рассматриваемые нами средства употребляются более чем в два раза реже (12,07 и 7,5% соответственно для средств выражения гипотетической и ассертивной оценки). Повествование представляет собой описание ситуации (событие), которое в идеале призвано быть беспристрастным, объективным. Вместе с тем, здесь также проявляется и эпистемическая модальность, что поддерживает вышеприведенное мнение исследователей о том, что новостной дискурс в определенной степени является «окрашенным» субъективностью журналиста. Объективность является идеальной, но не всегда достижимой целью, в частности, в мультикультурном сообществе, каковым, по сути дела, и является современная Россия. Репортер, фактически, не может проявлять беспристрастности в процессе освещения культурно-этнических различий в социуме, поскольку избирает факты, оформляет их с опорой на те конвенции и нормы, которые установлены доминирующими культурными традициями.

В аспекте исследуемой нами проблемы серединную позицию занимают размышления, употребление эпистемических средств в которых является закономерным (в нашем случае 19,36 и 17,05%). Размышления – это сфера выражения умозаключений репортера относительно описываемой ситуации (события), которые немыслимы без отражения авторской модальности. Сообщения в данной функциональной разновидности репортажного текста носят преимущественно дискуссионный характер, оформляются как мнение, принадлежащее самым разнообразным источникам актуальной информации (как авторитетным, так и неавторитетным). Журналистские суждения фиксируют точку взаимоотношений между фактологической информацией и достоверным характером ее репрезентации, фактом и актуальностью момента его новостного отражения в репортажном тексте.

Таким образом, личностная (эпистемическая) оценка журналиста приобретает в тексте новостного репортажа форму дихотомии между субъективностью и объективностью освещения актуальной информации. Эпистемическая модальная субъективность имеет непосредственное отношение к выражению «Я» журналиста, отражает вовлеченность репортера в ситуацию, которая обнародуется в тексте. В этом отношении авторские эпистемические суждения трактуются нами как субъ-

ективные, поскольку априорно предполагают оценку ситуации. В публикации предпринята попытка заполнить исследовательский пробел в анализе модальности современного русского языка с опорой на эмпирическое освещение мотивации использования эпистемических средств, выраженных наречиями и существительными с предлогами, в тексте новостных репортажей. Выявлено, что при оформлении эпистемических суждений тесно взаимодействуют лингвистические и контекстуальные факторы. Как показало наше изыскание, выявление намерения журналиста по согласованию субъективной и объективной оценки проливает свет на дистрибуцию эпистемических модальных средств в разнообразных коммуникативно-функциональных подклассах репортажного текста. Определение указанной закономерности, в свою очередь, демонстрирует на конкретном жанровом материале, как оценка, выражаемая индивидом, воздействует на процессы функционирования языка.

Литература

Азарова О.А., Кудряшов И.А. Когнитивный подход к исследованию неявного знания // Когнитивные исследования языка. 2015. Т. 21, № 21. С. 30–33.

Гаврилова Г.Ф. Предложение и текст: системность и функциональность. Ростов н/Д: АкадемЛит, 2015. 412 с.

Данилова Д., Гутова Ю., Емельяненко В., Трубина М. Для кого Москва // Русский репортер. 2016. 28 июня [Электронный ресурс]. URL: // http://www.rusrep.ru/article/2016/06/28/dlya_kogo_moscow/ (дата обращения 12.03.2018).

Дмитриев А. Дойти до сути. Парфюмеры в поисках абсолютного мужского аромата // Русский репортер. 2015. 7 октября [Электронный ресурс]. URL: // http://www.rusrep.ru/article/2015/10/07/dojti-dosuti/ (дата обращения 12.03.2018).

Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Текст репортажа в аспекте критического дискурс-анализа // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т.14, № 6. С. 140–145.

Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Персуазивная функция масс-медийных текстов: эвиденциальность и эпистемическая модальность // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. 2016. Т. 15, № 6. С. 93–99.

Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Категория выделения. Выбор-выделение в философском и языковедческом аспектах // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Симферополь: Ариал, 2017. С. 52–61.

Константинов А. Попасть в будущее // Русский репортер. 2016. 11 июня [Электронный ресурс]. URL: // http://www.rusrep.ru/article/2015/06/11/popast-vbuduschee/ (дата обращения 12.03.2018).

Мильчин К. Русские иллюзии // Русский репортер. 2016. 15 апреля [Электронный ресурс]. URL: // http://www.rusrep.ru/article/2016/04/15/russkie_illuzii/ (дата обращения 12.03.2018).

Павлова А. Гиперлокальные городские новости // Русский репортер. 2016. 8 июля [Электронный ресурс]. URL: // http://www.rusrep.ru/article/2016/07/08/city_news/ (дата обращения 12.03.2018).

Leeuwen T., van. What is Authenticity? // Discourse Studies. 2001. № 3 (4). P. 392–397.

Van Dijk T. News as Discourse. Hillsdale, NJ: Erlbaum Associates, 1988. 246 p.

References

Azarova O.A., Kudryashov I.A. Kognitivnyy podkhod k issledovaniyu neyavnogo znaniya. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka*, 2015, t. 21, no. 21, pp. 30-33. (In Russian).

Gavrilova G.F. *Predlozheniye i tekst: sistemnost' i funktsional'nost'*. Rostov n/D., AkademLit, 2015, 412 p. (In Russian).

Danilova D., Gutova Yu., Emel'yanenko V., Trubina M. Dlya kogo Moskva. *Russkiy reporter*. 2016. 28 iyunya. [Ehlektronnyy resurs]. Available at: // http://www.rusrep.ru/article/2016/06/28/dlya_kogo_moscow/ (accessed 12.03.2018). (In Russian).

Dmitriyev A. Doyti do suti. Parfyumery v poiskakh absolutnogo muzhskogo aromata. *Russkiy reporter*, 2015, 7 oktyabrya. [Ehlektronnyy resurs]. Available at: // http://www.rusrep.ru/article/2015/10/07/dojti-dosuti/ (accessed 12.03.2018). (In Russian).

Klemenova E.N., Kudryashov I.A. Tekst reportazha v aspekte kriticheskogo diskurs-analiza. *Vestn. Novosibirskogo gos. un-ta, Seriya: Istoriya, filologiya*, 2015, t. 14, no. 6, pp. 140-145. (In Russian).

Klemenova E.N., Kudryashov I.A. Persuazivnaya funkciya mass-mediynykh tekstov: ehvidencial'nost' i ehpistemicheskaya modal'nost.' *Vestn. Novosibirskogo gos. un-ta, Seriya: Istoriya, filologiya,* 2016, t. 15, no. 6, pp. 93-99. (In Russian).

Klemenova E.N., Kudryashov I.A. Kategoriya vydeleniya. Vybor-vydeleniye v filosofskom i yazykovedcheskom aspektakh. *Aktual'nye problemy sovremennoy gumanitarnoy nauki: otechestvennyye traditsii i mezhdunarodnaya praktika: Materialy Vseros. Nauch.-prakt. konf*. Simferopol': Arial, 2017, pp. 52-61. (In Russian).

Konstantinov A. Popast' v budushchee. *Russkiy reporter*, 2016, 11 iyunya [Ehlektronnyy resurs]. Available at: // http://www.rusrep.ru/article/2015/06/11/popast-vbuduschee/ (accessed 12.03.2018). (In Russian).

Mil'chin K. Russkiye illuzii. *Russkiy reporter*, 2016, 15 aprelya. [Ehlektronnyy resurs]. Available at: // http://www.rusrep.ru/article/2016/04/15/russkie_illuzii/ (accessed 12.03.2018). (In Russian).

Pavlova A. Giperlokal'nyye gorodskiye novosti. *Russkiy reporter*. 2016. 8 iyulya [Ehlektronnyy resurs]. Available at: // http://www.rusrep.ru/article/2016/07/08/city_news/ (accessed 12.03.2018). (In Russian).

Leeuwen T., van. What is Authenticity? *Discourse Studies,* 2001, no. 3 (4), pp. 392-397.

Van Dijk T. News as Discourse. Hillsdale, NJ: Erlbaum Associates, 1988. 246 p.

Yana S. Kosyakova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Epistemic Assessment and Pragmatic Factors of Its Motivation in the Reportage News Text

Within this publication attempts are made to explore the pragmatic factors that motivate the use of epistemic modal means in the context of news reportage messages. News reports are viewed as a special type of mass media discourse. The communicative purpose of this discourse is to provide the target audience with up-to-date information that the journalist believes (thinks, admits) to be true or will become so in the future. In this regard the journalist as the author of the reportage text consistently reflects this or that degree of confidence that this information corresponds to the objective

reality, relying on the knowledge of the situation or opinion of more competent people. The newspaper genre manifests the intense action of the category of epistemic modality. Within the scope of our research the issues are included related to the epistemic modal means used by journalists in the indirect reflection of their assessment that are reported in the text of the reportage. We seek to trace the constructive interaction of two factors – epistemic modality at the linguistic level and news discourse at the contextual level, pragmatic connection between journalistic choice of means of epistemic marking of the message and the assessment implemented in this agreement.

Key words: *reportage news text, proposition, judgment, journalist point of view, assessment, epistemic modality, evidentiality*.

Yana S. Kosyakova – senior lecturer of the documentation and language communication department of Don State Technical University. Phone: 8-918-589-45-05; e-mail: y-kosyakova@mail.ru

УДК 811.161.1
ББК 81.411.2

И.Н. Щемелинина

ВЕРБАЛИЗАТОРЫ *РУБЕЖ, ПОРУБЕЖНЫЙ* КОНЦЕПТА *ТЕРРИТОРИЯ* В СОЧИНЕНИИ Г.К. КОТОШИХИНА

Слова **рубеж, порубежный** в Сочинении Г.К. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» рассмотрены в нескольких лексико-семантических вариантах (ЛСВ). Выявленные средства номинации и предикации показывают знания автором определенных территорий и выступают как неотъемлемая часть Российского государства. Установлено также, что содержание исследованных единиц опирается на позитивно-оценочную характеристику. Данные слова характерны для материалов делового изложения.

Ключевые слова: *вербализатор, рубеж, порубежный, Г.К. Котошихин, Сочинение, лексема.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-92-97

Щемелинина Ирина Николаевна – докт. филол. наук, кафедра современного русского языка факультета русской филологии Московского государственного областного университета
Тел.: 8-911-700-05-64
E-mail: baggi-8@yandex.ru

© Щемелинина И.Н., 2018.

Цель данной статьи – рассмотреть особенности реализации в Сочинении Г.К. Котошихина лексем *рубеж, порубежный* как основных репрезентантов концепта *ТЕРРИТОРИЯ*.

В тексте Сочинения Г.К. Котошихина выделены: средство номинации *рубеж*, не являющееся частотной лексемой, зафиксировано в 7 случаях и единица предикации *порубежный* – в 8 употреблениях.

Согласно САР, лексема *рубеж* объясняется как: «граница, предел, отделяющий одно государство, одну область, одно угодье от другого» [САР, 1789 – 1794, с. 179].

По данным СРЯ XI–XVII вв., единица *рубеж* в основном, первом значении понимается как: «зарубка, нарезка; черта или вырезанная на поверхности дерева круглая впадина как составная часть межевых знаков и бортных угодий»; во втором – «линия раздела»; «граница, межа (за рубежъ (за рубежомъ) – за пределы (за пределами) данного владения, данного государства»; третье значение дает такое толкование: «наложение ареста на имущество»; «насильственный захват товаров»; в четвертом – интерпретируется: «набор войска по разверстке»; в пятом значении определяется как: «денежный сбор»; в шестом значении – «бирка, на которой нарезками отмечают счёт»; в седьмом – «кусок, слиток (золота)» [СРЯ XI–XVII вв., 1991, с. 225–226].

Г.К. Котошихин в тексте Сочинения с помощью глаголов: социальных отношений *велеть*, собирания *принимать*, создание объекта в результате трудовой деятельности *устроить* и единиц

номинации *пошлина, житье, полк, запас* информирует о происходящих на порубежных территориях событиях и объясняет адресату о находящихся в непосредственной близости от границ иностранного государства смежных землях.

Значение существительного *рубеж* «линия раздела; граница, межа» репрезентировано во фрагменте: *присылаются те наказы к ним в дорогу, з гонцами, как они будут блиско* ***рубежа*** [Котошихин, 2000, с. 69]. Посредством глагола владения (‘передача объекта’) *присылать*, единицы номинации *наказ* (ср.: ‘предписание’, ‘письменное распоряжение’), агентивной лексики *гонец* осмысляются, по нашему мнению, ‘ценные сведения (см.: ‘секретные’) передаются непосредственно на границе в целях неразглашения информации третьим лицам’. Автор наречием *близко* сообщает о находящейся на незначительном расстоянии линии раздела между сопредельными территориями. В данном контексте просматривается оппозиция: ‘свой – чужой’ (ср.: ‘родной’, ‘российский – враждебный, противостояние’), а также имплицитный смысл ‘государственная граница Московского государства’. При сравнении в контексте: *в приставех до* ***рубежа*** *велят быти прежнему ж дворянину* [Котошихин, 2000, с. 88] за счёт предлога *до,* указывающего на пространственный предел, слова агентивной лексики *боярин* и глагола социальных отношений *велеть* (‘принуждение’) актуализирует содержание ‘явиться по необходимости лицу, ранее назначенному для указанной деятельности’. С помощью единицы агентивной лексики *пристав* (ср.: ‘охрана’, ‘караул’, ‘надзор’, ‘страж’) указано служебное положение человека.

Значение средства номинации *рубеж* представлено также в рассматриваемых фрагментах: *посланники, и на* ***рубеже*** *принимает их дворянин, или началной человек, капитан или сотник стрелецкой; едут Крымские послы с приставы, кто их принимает на* ***рубеже****; кто его на* ***рубеже*** *принимал* [Котошихин, 2000, с. 89]. С помощью предлога *на*, обозначающего место нахождения определённых людей, представленных средствами агентивной лексики *дворянин, капитан, начальный человек, сотник стрелецкий*, имплицитно указывающими на оппозицию ‘свой – чужой’, имеющую отношение к русским, *посланники, Крымские послы* – к должностным лицам, представляющим интересы чужого государства и действующим по поручению, и за счет единицы предикации *принимать* (глагол межличностных отношений) в форме настоящего и прошедшего времени (*принимает, принимал*) автор Сочинения передает содержание ‘встречи на сопредельной территории по установившемуся порядку’. В рассмотренных контекстах значение слова *рубеж* эксплицирует такие семы, как: ‘линия’, ‘граница’, ‘территория’, ‘разделительная полоса’, ‘предел действий’. Содержание ‘действия разворачиваются на сопредельных территориях’ передается с помощью наречия *близко*, единицы номинации *наказ* и средств предикации *присылать, принимать*. В книге Л.А. Юзефовича «Как в посольских обычаях ведется» находим подтверждение описанному Котошихиным фрагменту: «После того как послы получали от воеводы грамоту с разрешением на въезд,

они вступали на русскую территорию. У рубежа их встречал пристав с небольшой свитой и указывал дальнейший путь» [Юзефович, 1988, с. 61].

Итак, лексему *рубеж* Г.К. Котошихин в тексте Сочинения рассматривает, на наш взгляд, как часть границы Московского государства и описывает происходящее либо на территории Российского государства, близко находящейся от линии раздела с чужим государством, либо на нейтральной территории: чин встречи и проводов послов иностранных держав, передача грамот, предписаний, письменных распоряжений, приказов русским послам. Наши выводы относительно лексемы *рубеж* совпадают и с высказыванием А.Ю. Зубовой о том, что единица земельного содержания *рубеж* «обозначает границу, проходящую по краю своего пространства» [Зубова, 2012, с. 13].

Лексема *порубежный*, согласно данным СРЯ XI–XVII вв., толкуется как «пограничный, приграничный» [СРЯ XI–XVII вв., 1997, с. 134].

В Сочинении автором посредством единицы предикации *порубежный,* значение которой «расположенный у границы», дана сравнительная характеристика встречи послов и посланников короля во фрагменте: *бывают от королевского величества посланники,... как он приедет к которому* ***порубежному*** *городу, и из города встреча бывает против посолской вполы* [Котошихин, 2000, с. 90]. В данном контексте за счет средств предикации *приехать* (*приедет* – форма буд. времени), *королевский*, *посольский,* номинации *встреча*, единиц агентивной лексики *величество*, *посланник*, наречия *вполы* (см.: ‘вдвое меньше’) представлено содержание ‘представители королевского величества достигли определенного пункта назначения’; ‘на территории государства Российского их встречают, скорее всего, по определенному порядку (см. ‘чину’) либо установленному распоряжением предписанию, которые определяли различный порядок встреч и проводов послов и посланников королевского величества’. Ср. в контексте: *Королевского величества Свейского послы как приедут на границу, и их посылают принимать ис* ***порубежных*** *городов бояре и воеводы дворянина, человека старого и роду честного* [Котошихин, 2000, с. 82] Котошихин информирует адресата о приёме на границе своего государства послов посредством оценки лиц, прибывающих из расположенных рядом городов (см.: ‘порубежные города, находящиеся недалеко от границы, территории чужого государства’) и принимающих дипломатов. Средство предикации *честный* выступает как характеризующая единица (см.: ‘отмеченный честью, почетом, награжденный’). Л.А. Юзефович описывает «назначенных для встречи русских официальных лиц (их титулы и звания по возможности точно соответствовали титулам и званиям послов), прибывающих в указанное место в сопровождении детей боярских, дворян, жильцов и пр.» [Юзефович, 1988, с. 70–71], однако, по мнению историка, «Встречи устраивались далеко не всегда и не всем послам» [Там же, с. 94].

При использовании единицы предикации *порубежный* Г. Котошихин во фрагменте: *пошлину у Архангелского города и в-ыных* ***порубежных*** *городех емлют* [Котошихин, 2000, с. 121] с помощью глагола отношений

емати [СРЯ XI–XVII вв., 1995, с. 49] (получение объекта в определённом количестве), средств номинации *пошлина, город,* оттопонимического прилагательного *Архангельский* включает *порубежные города* в перечень городов, с которых собирают денежные средства (см.: 'налог'). Во фрагменте: *Полки салдатцкие, старые, издавна устроены житьем на* ***порубежных*** *местех, к границе Свейского государства порубежные места* [Котошихин, 2000, с. 157] лексема *порубежный* выступает как неотъемлемая часть Российского государства, благодаря которой определяется и его ценность. За счет указания на неоднословную номинацию *полки салдатцкие, старые*; единицы предикации *устроить* (устроены) (глагола помещения объекта в определенном месте каким-либо образом), номинации *житье, граница,* оттопонимическое прилагательное *Свейский* реализуется содержание 'пункт размещения для защиты рубежей своего отечества от вторжения со стороны чужеземцев'.

Г. Котошихин, привлекая средства номинации *запасы, рожь, мука, сухари, толокно, крупа*, упомянул в контексте: *собрав те запасы (хлебные запасы, рожь, муку, сухари, толокно, крупы), велят вести в* ***порубежные*** *городы, где прилучится быти войне* [Котошихин, 2000, с. 161] и об обеспечении продуктами питания *порубежных городов* в случае враждебных отношений с чужими странами.

Во фрагменте *в-ыных не в порубежных городех, для оберегания города, устроены толко одне пушкари, и затиншики, и воротники* [Котошихин, 2000, с. 152] используется местоименная единица *иной* (*в-ыных*) в значении «другой» и за счёт синтагматических связей с лексемой *город* актуализирует семы 'иностранный', 'чужеземный', 'приграничный'. Особенность использования слова *иной* (*в-ыных*) во фрагментах текста Сочинения Г. Котошихина связана с отражением живого произношения в сочетании с предлогом *в*. Местоименная единица *иной* (в значении '*свой'*) и отрицательная форма прилагательного *порубежный*, входящего в неоднословную номинацию места (*в порубежных городех*), фиксирует смысл 'другие административные центры, находящиеся на территории Российского государства'.

Проанализировав лексемы *рубеж, порубежный* как основные репрезентанты концепта *ТЕРРИТОРИЯ* в тексте Сочинения Г.К. Котошихина, мы находим, что данные единицы связаны с находящимися рядом с чужими землями территориями Российского государства. Выявлены также смысловые составляющие обозначенных слов, минимальные единицы плана содержания: 'линия', 'граница', 'территория', 'разделительная полоса', 'предел действий'.

При рассмотрении в труде Г.К. Котошихина частей речи (глаголов, прилагательных, существительных, наречий), эксплицирующих в Сочинении содержание лексем *рубеж, порубежный*, зафиксированы следующие словосочетания: глаголами речевого воздействия: до рубежа *велят* быти; социальной деятельности ('использование'): на рубеже *принимает*; на рубеже *принимал*; созидательной деятельности ('создания объекта в результате трудовой деятельности / физического труда'): пол-

ки *устроены* житьем на порубежных местех. Использованные автором предикаты информируют адресата о том, что *рубеж* (*порубежный*) – места определённых взаимодействий (ср.: 'граница', 'пограничная линия'); единица номинации *место* указывает на территорию: *на порубежных местех*.

Средства номинации и предикации (глаголы, прилагательные, существительные, наречия) в тексте Сочинения Г.К. Котошихина – это «частотные единицы, ценность которых проявляется» [Леденёва, 2015, с. 34] в знаниях автором периода правления царя Алексея Михайловича.

Итак, слова *рубеж, порубежный* в Сочинении Г. Котошихина имеют нейтральную окраску и характерны для делового языка.

Литература и источники

Зубова Н. Ю. Граница как элемент языковой картины мира и ее представление в современном литературном английском и русском языках: автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 2012. 26 с.

Котошихин Г. К. О России в царствование Алексея Михайловича. М.: Изд-во РОССПЭН,, 2000. 272 с.

Леденёва В. В. Слово Лескова: монография. М.: ИИУ МГОУ, 2015. 260 с.

Словарь Академии Российской [САР]. СПб., 1789 – 1794. Ч. V (От Р до Т). 602 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. [СРЯ XI–XVII вв.]. М.: Наука, 1991. Вып. 17. 296 с.

Словарь русского языка XI–XVII вв. [СРЯ XI–XVII вв.]. М.: Наука, 1997. Вып. 22. 298 с.

Юзефович Л. А. Как в посольских обычаях ведется... // Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в. М.: Международные отношения, 1988. 219 с.

References

Zubova N. Yu. *Granitsa kak ehlement yazykovoy kartiny mira i yeyo predstavleniye v sovremennom literaturnom angliyskom i russkom yazykakh:* avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 2012. 26 p. (In Russian).

Kotoshikhin G. K. *O Rossii v tsarstvovaniye Alekseya Mikhaylovicha*. M.: Izd-vo ROSSPEN, 2000. 272 p. (In Russian).

Ledenyova V. V. *Slovo Leskova: monografiya*. M., IIU RGOU, 2015. 260 p. (In Russian).

Slovar' Akademii Rossiyskoy [SAR]. SPb., 1789 – 1794. Chast' V (Ot R do T). 602 p. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [SRYa XI–XVII vv.]. M., Nauka, 1991. Vyp. 17. 296 p. (In Russian).

Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. [SRYa XI–XVII vv.]. M., Nauka, 1997. Vyp. 22. 298 p. (In Russian).

Yuzefovich L. A. Kak v posol'skikh obychayakh vedyotsya... *Russkiy posol'skiy obychay kontsa XV – nachala XVII v.* M., Myezhdunarodnyye otnosheniya,1988. 219 p. (In Russian).

Irina N. Schemelinina (Moscow, Russian Federation)

Verbalizers *Рубеж, Порубежный* of the Concept *Territory* in the Work by G.K. Kotoshikhin

The words ***рубеж, порубежный*** in G.K. Kotoshikhin "About Russia in the reign of Alexei Mikhailovich" were considered in several lexical-semantic variants (LSV). The revealed means of nomination and predication show the knowledge of the author of certain territories and act as an integral part of the Russian state. It was also established that the content of the studied units is based on a positive-assessment characteristic. These words are characteristic of business presentation materials.

Key words: *verbalizator, milestone, boundary, G.K. Kotoshikhin, composition, lexeme.*

Irina N. Schemelinina – Ph. D. in Philology. Moscow State Region University. Phone: 8-911-700-05-64, e-mail: baggi-8@yandex.ru

УДК 81'23
ББК 80.0

Н.В. Матвеева

ПРИНЦИП ДОМИНАНТНОСТИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА КАК ОСНОВА МЕХАНИЗМА ПОРОЖДЕНИЯ ТЕКСТА: ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Представлено описание эксперимента по нахождению общей идеи текста для определенной группы испытуемых. Группой испытуемых выступили подростки 12-13 лет. Общая доминанта представлена набором ключевых слов, отобранных из исходного текста и представленная графически. В ходе эксперимента испытуемые продемонстрировали умение создавать связные адекватные тексты, свидетельствовавшие о том, что в сознании подростков уже существует определенный механизм порождения текста, основу которого представляет система предметных отношений.

Ключевые слова: *психолингвистический эксперимент, подростки, денотатный граф, доминанта, смысл, свертка, вторичный текст.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-98-106

Матвеева Наталья Васильевна – канд. филол. наук, доцент, зав.кафедрой германских языков филологического факультета Стерлитамакского филиала Башкирского государственного университета
Тел.: 8(917)417-59-92
E-mail: elivic@mail.ru

© Матвеева Н.В., 2018.

Во всякой своей деятельности человек ищет смысл, который ему служит и целью, и стимулом, и средством. Можно сказать, что общим для лингвистов, психолингвистов и психологов в решении проблемы смысла является факт соотнесения смысла с информацией или со знанием, содержащимися непосредственно в тексте. В связи с этим задача понимания смысла заключается в извлечении его из сообщения.

Существует точка зрения, что интегративным признаком смысла служит явление, аналогичное принципу доминантности, известному в психофизиологии и психологии. В своём исследовании мы придерживаемся гипотезы А.И. Новикова о том, что признаком смысла может служить явление, похожее на явление доминантности. Представление о доминанте как общем принципе работы нервных центров так же, как и сам этот термин, было введено физиологом А.А. Ухтомским в 1923 г. Под доминантой он понимал господствующий очаг возбуждения, который, с одной стороны, накапливает импульсы, идущие в нервную систему, а с другой – одновременно подавляет активность других центров, которые как бы отдают свою энергию господствующему центру, т.е. доминанте. «Доминанта – временно господствующий очаг возбуждения в центральной нервной системе, способный оказать тормозящее влияние на другие его участки...» [Ухтомский, 1966, с. 211]. Говоря о доминантности как явлении применительно к смыслу, мы имеем в виду не физиологический процесс, а сам

принцип этого явления. Доминантность проявляется на всех языковых уровнях, но нас она интересует лишь применительно к тексту. Здесь её типичным проявлением служит выделение определенных единиц: ключевых слов, опорных пунктов, которые являются для адресата наиболее важными, существенными компонентами текста. Эти доминанты смысла способствуют пониманию, запоминанию и последующему воспроизведению. «Доминанта, возникая в сознании, стягивает вокруг себя определенное содержание, переконструирует его и тем самым организует определенным образом семантическое пространство» [Новиков, 1999 а, 2001, 2002]. Таким образом, доминанта, возникая в сознании, стягивает вокруг себя определённое содержание. По мнению А.И. Новикова, «нахождение таких доминант, возможно, и есть переход на смысловой код, который мы непосредственно не наблюдаем, но осознаётся как таковой всеми» [Новиков, 1999 б, с. 31]. В другой своей работе А.И. Новиков пишет: «Доминантность – это всеобъемлющий принцип, свойство смысла, объединяющее все его виды и проявления. В основе доминантности лежит принцип заместительности» [Новиков, 2001, с. 159]. Под заместительностью понимается явление, когда некоторое ментальное образование одного уровня презентирует (и тем самым замещает) элементы другого уровня. В результате образуется отношение, являющееся по своей сути иерархическим.

В экспериментах, описанных А.И. Новиковым и А.Н. Соколовым, испытуемым предлагалось выделить «доминанты», т.е. ключевые слова, и ответить на вопрос, в чём заключается смысл прочитанного текста. Анализ экспериментов показал, что общий смысл текста представляет собой свёрнутое знание, которое в сознании замещает текст в целом и «выступает как его доминанта. Опирается доминанта на ключевые слова, носители смысла отдельных фрагментов» [Новиков, 1999 б, с. 47]. Описанные выше эксперименты проводились авторами на художественном тексте. Н.П. Пешкова провела исследования с научным описанием, рассуждением и повествованием. Задачей исследования был вопрос о влиянии типа текста на смыслообразование. Испытуемым было предложено сформулировать своими словами основной смысл *текста научного описания*. Результат показал, что 90% формулировок смысла текста научного описания представляли собой аннотацию на текст, краткое изложение содержания и формулирование основной темы текста. В случае с повествованиями для большей части испытуемых в качестве смысла текста выступала хронологическая последовательность событий. Совсем другую картину показали формулировки испытуемыми смысла *текста рассуждения*. Таким образом, экспериментатор делает выводы, что «тип речевого произведения, без сомнения, оказывает влияние на механизмы его смыслообразования» [Пешкова, 2000, с. 215]. В ходе проведенных нами исследований (2004 – 2009 гг.) были выявлены различные условия процессов понимания содержания текста и образования его смысла в сознании человека. С целью подтверждения нашей гипотезы о различии этих процессов проведены серии экспериментов, доказывающие валидность наших результатов.

Целью данного исследования является нахождение доминанты, в той или иной степени общей для определенной группы испытуемых, в качестве которых выступили подростки 12-13 лет, что представляет определенный интерес в интерпретации результатов.

Общая доминанта представлена в нашем исследовании набором ключевых слов, отобранных из исходного текста и представляющая собой иерархию отношений, называемых в наших исследованиях подтемами и субподтемами. Обратный механизм развертывания ситуации происходит при предъявлении ключевых слов испытуемым для построения текста на основе доминантных элементов. Предположим, что ключевые слова, находясь в отношении пересечения, образуют нечто общее, которое соотносит содержание текста с определенной ментальной категорией, относящейся к смысловой сфере мышления. Переход на тематический код обеспечивает движение от смысла конкретного текста к смыслу как ментальному образованию, который является, по сути, генератором порождения некоторого множества текстов (как одним человеком, так и разными людьми). В этом переходе и кроется вариативность порождаемых текстов, главным образом, на уровне выбора языковых средств и инвариантности на уровне содержательности. Такие вторичные тексты характеризуются как парадигматические.

С целью изучения данного перехода нами было проведено исследование, которое помогло определить соотношение ключевых слов, выделенных из текста и рассматриваемых как свертка, с ментальной сферой человека, оперирующего этой сверткой для разворачивания ее во вторичный текст. В эксперименте приняли участие подростки (учащиеся 6-х классов гимназии) в количестве 60 человек. Испытуемым были предъявлены свертки текста и предложено развернуть их в полноценные тексты. При этом исходный текст не предъявлялся. В основу эксперимента были положены следующие гипотезы:

1) подросток умеет осуществлять «развертывание» свернутого текста в полный;

2) такое «порождение» текста возможно, если у подростка уже сформировано умение использовать механизмы данного «развертывания»;

3) данные механизмы включают в себя не только знание языковых средств и их синтагматических связей для формирования связного текста, но и наличие в ментальной сфере необходимых знаний действительности, опыта, сформированных навыков и умений;

4) в связи с этим мы предположили, что испытуемые должны развернуть тексты достаточно полно и точно;

5) тексты, созданные испытуемыми в ходе исследования, должны иметь различную степень близости как между собой, так и с исходным текстом;

6) главную ведущую роль должна играть тема текста, представленная испытуемым и выраженная через ключевые слова;

7) чем более точно выделена тема текста, тем более близкими по содержанию будут вторичные тексты.

В соответствии с гипотезой и поставленными задачами был запланирован и проведен эксперимент. В качестве исходного текста использовался научно-популярный текст лингвистической тематики:

По серому насту сани идут легко, словно под парусом. Ямщик, укутанный в тяжелый тулуп, понукает лошадей, через плечо поглядывает на седока. Тот жмется от холода, поднял воротник, сунул руки в рукава. Новая, с иголочки, мичманская форма греет плохо.

Ямщик тычет кнутовищем в небо, щурит серый холодный глаз под заледеневшей бровью, басит, утешая:

– Замолаживает...

– То есть как «замолаживает»? – мичман смотрит недоумённо.

– Пасмурнеет, – коротко объясняет ямщик. – К теплу.

Мичман вытаскивает из глубокого кармана записную книжку, карандашик, долго дует на закоченевшие пальцы, выводит старательно: «Замолаживать – иначе пасмурнеть – в Новгородской губернии, значит заволакиваться тучками, говоря о небе, клониться к ненастью».

Этот морозный день 1819 года оказался самым главным в жизни мичмана. На пути из Петербурга в Москву он принял решение, которое перевернуло его жизнь. Застывшими пальцами исписал мичман в книжке первую страничку. Из этой страницы после сорока лет упорной работы вырос знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка». А мичманом, который посвятил жизнь его составлению, был Владимир Иванович Даль.

(По М. Булатову и В. Порудоминскому)

Испытуемым были представлены тема текста, сформулированная заранее как «*Рождение известного словаря*», и свертка текста в виде денотатного графа (рис. 1 и 2). Граф отражает денотатную структуру текста и представляет собой иерархическое дерево, состоящее из подтем и субподтем, представленных схематически. Граф данного текста состоит из 18 денотатов (12 – представляющих подтемы текста (пт) и 6 – представляющих субподтемы (спт)): *сани (пт), ямщик (пт), седок (пт), мичманская форма (спт), басит (пт), замолаживает (пт), иначе (спт), пасмурнеет (пт), объясняет (спт), заволакиваться тучками (пт), записная книжка (пт), первая страничка (спт), самый главный день (пт), перевернуло жизнь (спт), решение (пт), после сорока лет работы (пт), знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка» (пт), Владимир Иванович Даль (спт).*

В ходе эксперимента были созданы связные вторичные тексты, которые сравнивались с исходным текстом на содержательном уровне. Проводилось сравнение как фактических текстов, так и графов, которые представили схему (модель) текста. «Одним из способов формализации содержания текста является денотатный граф как инструмент экспликации и представления текстовой информации в графическом виде» [Пешкова, 2015, с. 71].

В результате количественного анализа полученных результатов оказалось, что показатели близости текстов находятся в интервале от 0,4 до 0,8; средний показатель 0,6.

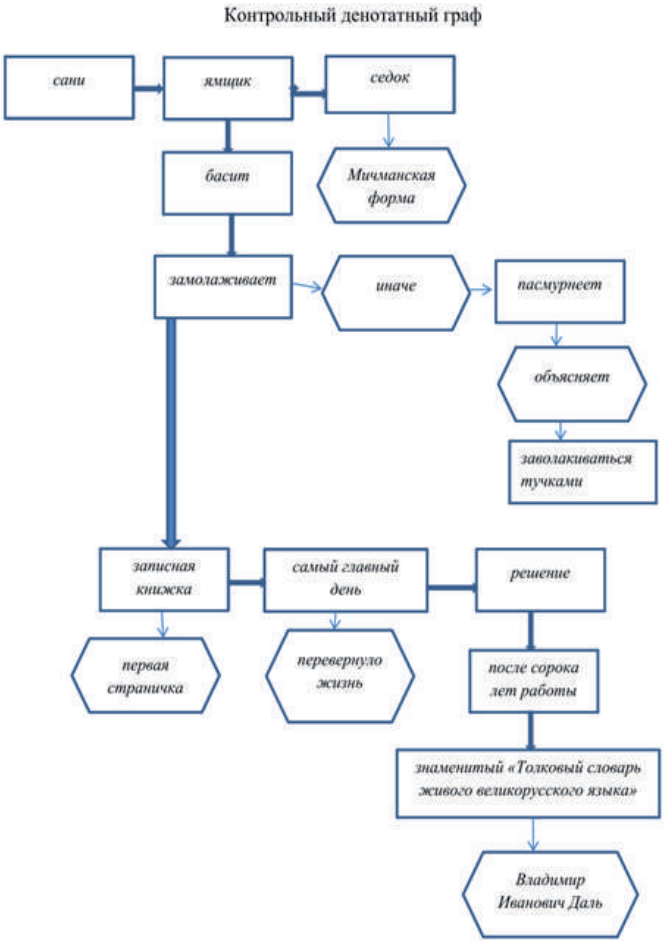


Рис.1. Контрольный граф

Напр. Текст Ил. 4

В санях ехали ямщик и седок в мичманской форме. Они разговаривали о погоде. Ямщик басит, он объясняет седоку, что небо заволакивается тучками. Седок пишет в записной книжке, в которой исписана первая страничка. Это был самый главный день, который перевернул жизнь. В этот день пришло решение писать словарь. После сорока лет работы появился знаменитый «Толковый словарь живого великорусского языка», который написал Владимир Иванович Даль.

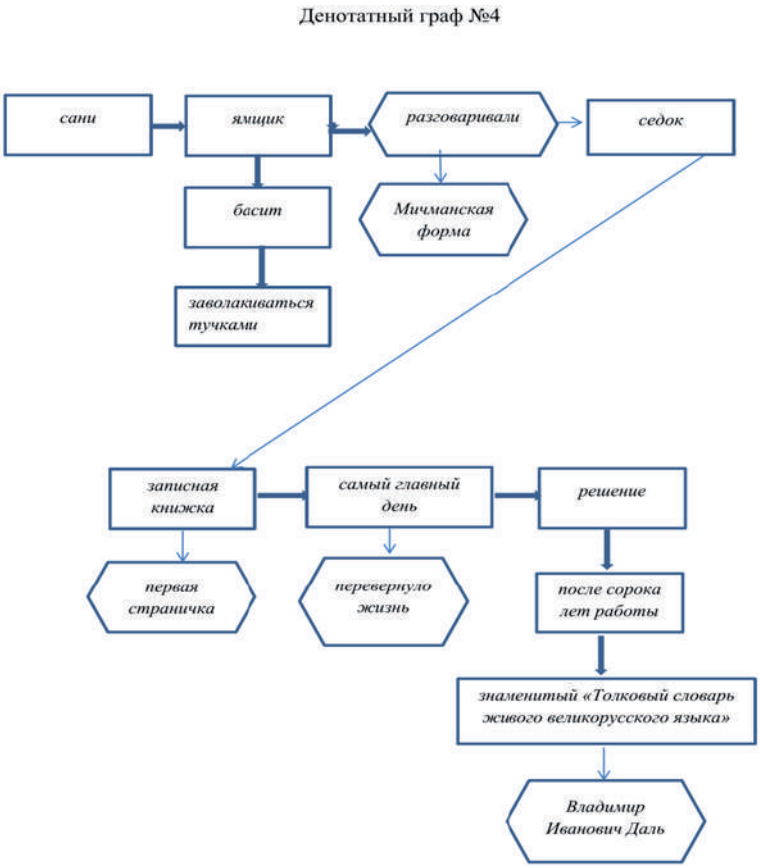


Рис. 2. Денотатный граф вторичного текста

Данный результат позволяет сделать вывод об управляющей функции темы при создании текста. Более половины испытуемых достаточно точно передали общее содержание. Это подтверждается теми подтемами текста, которые нашли отражение в ментальной сфере подростков. Часть подтем, связанная со специфической деятельностью героя текста, диалектным произнесением слова, оказалась за гранью понимания испытуемыми. В части вторичных текстов (38%) эти подтемы были просто не озвучены, часть испытуемых (12%) пыталась объяснить своими словами, половина (50%) упомянули без всякого объяснения этих подтем.

Мы выяснили, что гипотеза об управляющей функции темы подтверждена, но в данном эксперименте реализована недостаточно полно из-за несформированности необходимых когнитивных и ментальных механизмов интеллектуальной деятельности.

Рассмотрим природу этих механизмов. Одним из основных механизмов развертывания является включение в текст элементов связывания ключевых слов. Средства развертывания могут быть адекватными (сходными с теми, которые есть в исходном тексте или, по крайней мере,

не искажающими исходный текст) и неадекватными (которые приводят к искажению исходного текста, не являются осмысленными).

Анализ наших вторичных текстов показал, что средства развертывания применяются достаточно активно, они в большей степени предикативного плана, служат для связывания денотатов в текст. Основной причиной несовпадения является введение новой подтемы и ее развитие, не содержащейся в исходном тексте, что приводит к искажению смысла. Опускание или неадекватное толкование существующей подтемы также приводит к неполному отражению содержания текста. Особенно это связано с ведущей подтемой, обозначенной лексической предикатной единицей «замолаживает», которая была неадекватно проинтерпретирована в 100 % случаев. Часть испытуемых отнесла эту единицу с «молодой», часть проигнорировала развертывание этой темы совсем.

Полученные результаты эксперимента не только демонстрируют механизм развертывания темы в связный текст, но и могут пояснить нам сущность доминантности. Выбор ключевых слов осуществлялся на основе определения их доминантности на некотором семантическом отрезке текста. Некоторые ключевые слова несли бóльшую семантическую нагрузку, т.е. определяли подтемы текста, другие слова определяли субподтемы. Это соотношение возможно за счет понимания человеком сущности соотношения предметов между собой. Понимание этого соотношения приводит к осознанию относительности доминантности. Некоторое ключевое слово может быть доминантным на определенном семантическом отрезке текста, который меньше семантического пространства другого слова. Вследствие этого можно установить между ними отношение иерархии (тема – подтема – субподтема), на основании чего следует говорить о различной степени доминантности. Воспринимая текст, человек уясняет для себя такого рода соотнесенность предметов, о которых идет речь в тексте. Представленные слова в свертке в нашем эксперименте предъявлены в одном ряду без выстраивания иерархии – что относится к подтемам, что к субподтемам – без какого-либо маркирования их доминантности относительно друг друга. Это, безусловно, послужило одним из факторов, затрудняющих понимание текста в целом. Испытуемые пытались восстановить иерархию, которая была в тексте, но отсутствовала в свертке. Так как исходный текст им был незнаком, они пытались восстановить ту систему отношений, которая, по их мнению, существует между предметами в реальности и которая представлена в их сознании в виде определенного знания. Адекватность такого построения полностью зависит от сформированности механизма построения текста в целом и наличия некоторого готового знания, обеспечивающего процесс развертывания необходимыми средствами.

Итак, представленные выше результаты использования экспериментальных методов исследования механизмов, связанных с порождением вторичного текста на основе свертки исходного текста, помогают конкретизировать некоторые теоретические аспекты обсуждаемой проблемы и ответить на вопрос относительно роли доминантности и клю-

чевых слов в процессе создания текста. Практическая значимость проведенного исследования заключается в обосновании существования определенного механизма порождения текста в сознании подростка и в подтверждении теоретических положений результатами проведенного эксперимента. В целом, в ходе анализа результатов эксперимента, мы пришли к выводу, что в сознании подростков уже существует сформированный механизм порождения текста, так как они смогли развернуть свертки во множество связных адекватных текстов различной степени близости к исходному тексту без предъявления данного текста. Основу данного механизма составляет сформированная система предметных отношений. Это соотношение возможно за счет понимания человеком сущности соотношения предметов между собой.

Литература

Матвеева Н.В. Экспериментальное исследование механизмов формирования смысла и содержания текста в процессе его понимания (этап второй) // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология. Уфа: УГАТУ, 2004. С. 205 – 205.

Новиков А.И. Смысл: семь дихотомических признаков // Теория и практика речевых исследований. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1999а. С. 68 – 82.

Новиков А.И. Текст, смысл и проблемная ситуация // Вопросы филологии.1999б. № 3. С. 43 – 48.

Пешкова Н.П., Матвеева Н.В. Исследование механизмов смыслообразования в процессах восприятия и понимания письменного учебного текста // Лингводидактические и культурологические аспекты обучения иностранным языкам. Уфа: УГАТУ, 2003. С. 121 – 125.

Пешкова Н.П. Субъективная модальность в научном тексте // Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология. Уфа: УФГАТУ, 2000. С. 106 – 109.

Пешкова Н.П. Семантика и смысл текста: >, <, =, #? (Экспериментальный подход к теоретическим проблемам) // Вестн. Челябинского гос. ун-та. 2015. № 15 (370).Филология. Искусствоведение. Вып. 96. С. 69 – 77.

Ухтомский А.А. Доминанта. М.; Л.: Наука, 1966. 273 с.

References

Matveyeva N.V. Ehxperimental'noye issledovaniye mekhanizmov formirovaniya smysla i soderzhaniya teksta v protsesse yego ponimaniya (ehtap vtoroy). *Voprosy obucheniya inostrannym yazykam: metodika, lingvistika, psikhologiya*, Ufa, UFGATU, 2004, p. 205. (In Russian).

Novikov A.I. *Smysl: sem' dikhotomicheskikh priznakov. Teoriya I praktika rechevykh issledovaniy,* Moscow, 1999a. P. 68-82. (In Russian).

Novikov A.I. Tekst, smysl i problemnaya situatsiya, *Voprosy filologii,* 1999б, no. 3, pp. 43-48. (In Russian).

Peshkova N.P., Matveyeva N.V. Issledovaniye mekhanizmov smysloobrozovaniya v protsessakh vospriyatiya i ponimaniya pis'mennogo uchebnogo teksta. *Lingvodidakticheskiye i kulturologicheskiye aspekty obucheniya inostrannym yazykam*, Ufa, 2003, pp. 121-125. (In Russian).

Peshkova N.P. Sub'ektivnaya modal'nost' v nauchnom tekste, *Voprosy obucheniya inostrannym yazykam: metodika, lingvistika, psikhologiya*, Ufa, 2000, pp. 106-109. (In Russian).

Peshkova N.P. *Semantika i smysl teksta: >, <, =, #? (Ehksperimental'nyy podkhod k teoreticheskim problemam)*. Vestn. Chelyabinskogo gos. un-ta, 2015, no.15 (370). Filologiya. Iskusstvovedeniye. Vyp. 96, pp. 69-77. (In Russian).

Ukhtomskyy A.A. *Dominanta*, Moscow; Saint-Petersburg, Nauka, 1966. 273 p. (In Russian).

Natalya V. Matveeva (Sterlitamak, Russian Federation)

Principle of Dominance and Key Words as the Basis of the Mechanism of Text Formation: Psycholinguistic Aspect

The article presents a description of the experimental research, the aim of which is finding out a dominant common to a certain group of persons. The group of respondents was made up by the teenagers of 12-13 years. The hyposes of the research were that the teenagers are able to form an adequate text of a concised one. Such formation is possible if the teenager has already formed the ability to use the mechanisms of this formation. These mechanisms include not only knowledge of language facilities and their syntagmatic connections for formation of the coherent text, but also existence in the mental sphere of necessary knowledge of reality, experience, the created skills and abilities. The texts formed during the experiment should have a different degree of proximity, both with each other and with the original text. The main role should be played by the topic of the text presented by the subject and expressed through keywords. The more precisely the theme of the text is highlighted, the closer the secondary texts will be. The general dominant was represented by a set of key words selected from the source text and presented graphically. The teenagers were asked to form a text on the basis of the graph and a list of key words. During the experiment it was proved that the students were able to create coherent adequate texts, which indicates that the formed mechanism of generating a text already exists in the minds of teenagers. The basis of this mechanism is the formed system of subject relations.

Key words: *psycholinguistic experiment, teenagers, denotative graph, dominant, sense, key words, secondary text*

Natalya V. Matveeva – candidate in Philology, associate professor. Bashkirsky State University. Phone: 8(917)417-59-92, e-mail: elivic@mail.ru

УДК 811.133.1
ББК 81.2 Фр

Е.А. Назарова

СИМВОЛИКА ДНЕЙ НЕДЕЛИ В ПАРЕМИОЛОГИЧЕСКОМ ФОНДЕ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Рассматриваются французские паремиологические единицы, в состав которых входят номинации дней недели. Ставится задача – дать оценку уникального отношения французов к поведенческим моделям и прескрипциям, соответствующим определенным дням недели, которые нашли отражение во французских пословицах и поговорках.

Ключевые слова: *паремиологическая единица, названия дней недели, французский язык.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-107-114

Назарова Екатерина Александровна – старший преподаватель кафедры романской филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
E-mail: eksan@mail.ru

© Назарова Е.А., 2018.

Пословицы, поговорки, загадки и приметы объединяются родовым термином – *паремии*. Так, турецкий термин *atasözleri* (пословицы) дословно означает «слова предков», что подтверждает мысль о трансляции через паремиологические единицы (далее ПЕ) практического опыта, опыта мудрейших последующим генерациям языкового коллектива. ПЕ представляют собой такие речевые образования, которые способны отражать языковые стереотипы того или иного этноса. Данное утверждение применительно к ПЕ, в состав которых входят наименования дней недели, позволяет вести речь о возможности выявить их ярко выраженную специфику в реализации исторически и культурно обусловленных смыслов, накопленного житейского опыта и мудрости для передачи последующим поколениям языкового коллектива.

Это обусловлено, на наш взгляд, тем, что происходит интеракция общепаремиологической дидактической функции и транслируемой будущим поколениям языкового коллектива стереотипизации поведения, поведенческих моделей в различные дни недели, предполагающих неукоснительное следование определенным рекомендациям и запретам.

Цель нашей статьи – выявить и интерпретировать рефлексы положительного и отрицательного отношения французов к дням недели во французских паремиологических единицах (далее ФПЕ). Особо отметим наши преференции в употреблении термина *паремиологическая единица*, который

в рамках проведенного нами исследования представляется релевантным, поскольку развитие лингвистической науки в XX в. характеризовалось определенным размытием содержания паремиологической терминологии и образования обилия синонимичных терминов для обозначения паремиологических текстов различной природы.

Отсчет недельного времени французов состоит из семи дней: *lundi* (понедельник), *mardi* (вторник), *mercredi* (среда), *jeudi* (четверг), *vendredi* (пятница), *samedi* (суббота), *dimanche* (воскресенье).

***Lundi* (понедельник)**

Если говорить о религиозном аспекте, то понедельник в западно-христианской традиции имеет незавидную славу: в первый понедельник апреля Каин убил своего брата Авеля, во второй понедельник августа были разрушены Содом и Гоморра, Иуда родился в последний понедельник декабря [Кутумова, 2014, с. 127]. Это нашло отражение в следующих ФПЕ: *le lundi, tout va à reculons* (букв. В понедельник все идет задом), *qui n'a pas peur du lundi, n'a pas peur du diable* (букв. Кто не боится понедельника, не боится черта).

Также понедельник не считается подходящим днём для свадьбы, поскольку Господь при сотворении мира ни разу в этот день не сказал «хорошо», как делал это в остальные дни: *ceux qui se marient le lundi meurent à la fin de l'année* (букв. Те, кто вступает в брак в понедельник, умирают в конце года), *quand on se marie un lundi on est parfois trois ou un* (букв. Когда женятся в понедельник, то их иногда трое или один).

Как видно из приведенных нами примеров, понедельник не считается приятным и удачным днем в глазах французов, пригодным для начала каких-либо важных начинаний.

***Mardi* (вторник)**

Есть у этого дня недели своя позитивная сторона, если рассматривать его с точки зрения религии. Вторник перед «Пепельной средой» (*Mercredi des cendres*) и началом католического Великого поста, последний день карнавала называется *Mardi gras* (букв. Жирный вторник). Это праздник, который знаменует собой окончание семи «жирных дней», заговенье на Великий пост, первую встречу весны и проводы зимы. В этот день у всех должно быть хорошее настроение, а на каждом столе – сытные лакомства, к приготовлению которых в былые времена относились крайне серьезно: *à Mardi gras qui n'a pas de viande tue son coq – qui n'a pas de coq tue sa femme* (букв. В жирный вторник тот, у кого нет мяса, убивает своего петуха, у кого нет петуха – убивает свою жену).

Женитьба во вторник обязательно сулит беду, да и в целом, ко всем событиям, происходящим в этот день, относились с опаской: *mardi ni embarques ni maries* (букв. Во вторник не отправляйся в путь, не женись), *qui se marie un mardi se pend un mardi* (букв. Кто женится во вторник, тот и вешается во вторник), *pour un homme malheureux, tous les jours sont mardi* (букв. Для несчастного человека все дни – вторники), *les mardis et les vendredis il faut craindre mauvaises choses* (букв. По вторникам и пятницам нужно бояться плохого).

***Mercredi* (среда)**

С обывательской точки зрения, среда – день нейтральный, спокойный, в наши дни это середина рабочей недели, когда человек уже влился, приноровился к трудовому ритму недели: *quand un mercredi démarre comme un dimanche, il y a quelque chose qui cloche quelque part* (букв. Если среда начинается как воскресенье, значит что-то пошло не так). Существует шуточная ПЕ: *le mercredi est le plus mauvais jour de la semaine. Il n'est plus dans la zone du dimanche et pas encore dans les prémices du samedi* (букв. Среда – это худший день недели. Воскресенье уже прошло, а до субботы еще далеко).

Если обратиться к религиозной подоплеке, то среда ассоциируется в первую очередь с «Пепельной средой». Это день покаяния, а также, наряду с пятницей, особо почитаемый день, так как в среду и пятницу произошли ключевые события в жизни Христа – предательство и смерть. Считалось, что в этот день активизируется нечистая сила, поэтому нужно обязательно обезопасить домашний скот: *le mercredi et le vendredi sont le jour des sorciers, il ne faut pas faire la litière du bétail* (букв. Среда и пятница – дни колдунов, не нужно делать подстилки для скота).

Следует упомянуть, что новолуние, которое падает на среду – это неблагоприятный знак, согласно поверьям французов: *lune de mercredi, femme bavarde c'est trop d'une tous les cent ans* (букв. Луна в среду и болтливая жена – это слишком много даже раз в сто лет), *une lune de mercredi et une femme moustachue, chaque an il en est assez d'une* (букв. Луна в среду и усатая жена каждый год – этого более чем достаточно).

***Jeudi* (четверг)**

Этот день недели зачастую ассоциируется с Великим четвергом (*Jeudi saint*), первым днем Пасхальных торжеств. В этот день вспоминается Тайная Вечеря и установление Иисусом Христом таинства Евхаристии – Святого Причастия. Для верующих этот четверг связан с покаянием, очищением и смирением, так как в этот день также отмечается усекновение главы Иоанна Предтечи (*Décollation de Saint-Jean Baptiste*). Церковная традиция предписывает в этот день строгий пост. Венчание в этот день не совершается, также положено воздерживаться от шумного веселья: *on ne se marie pas le mercredi de peur d'avoir nom jean jeudi* (букв. Не женятся в среду из страха получить имя Иоанн в четверг), *si vous vous mariez un jeudi, à la fin de l'an l'un est dans la tombe* (букв. Если вы женитесь в четверг, то к концу года один из вас будет в могиле), *vache qui a vêlé le jeudi, bonne proie au loup et à l'Ankou* (букв. Корова, которая отелилась в четверг, станет хорошей добычей для волка и Анку). Анку – это фольклорный персонаж бретонских легенд, вестник смерти.

Анализируя обыденное отношение к этому дню недели, мы пришли к выводу, что четверг воспринимается как приближение конца трудовой недели, как момент, когда начинается ожидание и планирование выходных: *jeudi arrive, et la semaine est finie* (букв. Четверг наступил – неделя закончилась), *le jeudi s'étend jusques au dimanche* (букв. Четверг длится до воскресенья).

***Vendredi* (пятница)**

С первых веков христианства возникает почитание пятницы как дня крестных страданий Иисуса Христа и время поста. Римско-католическая церковь в пост по пятницам предписывала воздерживаться от употребления в пищу мяса: *pour trouver beaucoup de nids, il faut jeûner le vendredi saint* (букв. Чтобы найти много гнезд, нужно поститься в страстную пятницу). ПЕ *à l'agonie le vendredi, mort le samedi, enterré le dimanche, on va surement au paradis* (букв. В агонии в пятницу, мертв в субботу, похоронен в воскресенье – этот человек, безусловно, будет в раю) манифестирует тот факт, что люди почитают пятницу именно в связи со страданиями Иисуса Христа. Ни о каких увеселительных мероприятиях не могло быть и речи, а вот болезнь и скорбь воспринимались в этот день как дар, как способ смиренно выразить благодарность за спасение людского рода: *il n'y a pas de vendredi sans deuil ni de samedi sans soleil* (букв. Нет пятницы без скорби, а субботы без солнца), *tel qui rit vendredi, dimanche pleurera* (букв. Тот, кто в пятницу смеется, в воскресенье будет плакать).

Некоторые сельскохозяйственные и домашние работы по пятницам находились под строгим запретом: женщины не должны были шить, печь, стирать белье, убираться в доме, а мужчины не могли работать в поле, бриться. Также было запрещено в этот день недели стричь ногти и расчесывать волосы. Нарушение всех подобных запретов могло впоследствии навлечь наказание, породив исключительно неприятные обстоятельства: *changer de chemise le vendredi donne des maladies* (букв. Смена рубашки в пятницу приносит болезни), *faire la lessive le vendredi porte malheur* (букв. Стирка в пятницу приносит несчастья), *garde-toi du vendredi, mauvais jour il est maudit, ne commence rien ce jour ni affaire ni procès, crois-moi je sais ce que c'est, ne voyage pas surtout même ne fais pas l'amour a te jouerait un mauvais tour* (букв. Берегись пятницы, это плохой день, он проклят, и не начинай ничего в этот день, ни дело, ни суд, поверь мне, я знаю, что это такое, не путешествуй и даже не занимайся любовью, это сыграет с тобой злую шутку), *laver son linge le vendredi saint, c'est laver son suaire* (букв. Стирать одежду в страстную пятницу значит стирать свой саван), *on trouve du sang dans le pain cuit le jour du grand vendredi* (букв. Кровь находится в хлебе, испеченном в Великую пятницу), *qui coule la lessive le saint vendredi veut la mort de son mari* (букв. Кто стирает в страстную пятницу, тот хочет смерти своего мужа), *qui se peigne le vendredi aura des maux de tête* (букв. Кто расчесывается в пятницу, у того будет болеть голова), *se faire la barbe le vendredi porte malheur* (букв. Бритье бороды в пятницу приносит несчастье), *se tailler les ongles le vendredi porte malheur* (букв. Подстригать ногти в пятницу – к беде), *celui qui paie pas tous les vendredis, il paie toujours* (букв. Тот, кто не платит по пятницам, платит всегда).

Отдых же в пятницу считался делом благим, но речь идет о спокойном отдыхе после тяжелой трудовой недели, в котором нет места увеселениям: *beau vendredi, dimanche moisi* (букв. Веселая пятница, ис-

порченное воскресенье). С другой стороны, пятница – счастливый день для рождения ребенка: *celui qui est né le vendredi saint guérit de la fièvre* (букв. Рожденный в Страстную пятницу исцеляет от лихорадки). Существовало поверье, что родившиеся в пятницу наделяются особыми способностями, имеют власть над духами.

***Samedi* (суббота)**

Как отмечает Г.В. Петрова, «в обозначении субботы большинство романских и славянских языков унаследовали иудаистскую традицию: *sábado* (исп., порт.), *sabato* (итал.), *dissabte* (катал.), *sâmbătă* (рум.), *субота* (укр., белор., серб.), *събота* (болг.), *sobota* (пол., словац.) – из "sambati dies" (вульг. лат.), которая, в свою очередь, произошла из "sabbatum" (shabbath, иврит) – шабат, день отдыха и молитв» [Петрова, 2013, с. 233]. У древних евреев, например, существовал перечень из 39 работ, которые нельзя было выполнять в субботу [Магия и суть недели, http]. Со временем такое значение и строгое следование предписаниям утратилось, слово *шаббат* перешло в другие языки, и его первоначальный смысл стерся. С *шаббатом* удачно перекликается одно из астрологических значений Сатурна (фр. *samedi* – лат. *Dies Saturni* / День Сатурна) – неподвижность, концентрация. В этот день было принято отвлекаться от работы, посвящать время любимым делам, общению с родными. Это первый нерабочий день в череде выходных, день радости и отдыха: *il n'y a femme sans amour, samedi sans soleil, dimanche sans plaisir ni vieillard sans douleur* (букв. Нет женщины без любви, субботы без солнца, воскресенья без радости и старика без боли), *en hiver comme en été, jamais samedi ne s'est passé que le soleil n'y ait mis son nez* (букв. И зимой, и летом никогда суббота не проходит, чтобы не выглянуло солнце), *il n'y a ni samedi sans soleil ni jeune fille sans amour* (букв. Не бывает субботы без солнца, как девушки без любви), *il n'y a pas de noces sans deuil ni de samedi sans soleil* (букв. Нет свадьбы без скорби, а субботы без солнца), *il n'y a pas de samedi sans soleil ni de femme sans conseil* (букв. Нет субботы без солнца, как и женщины без совета). Во всех этих ПЕ фигурирует тот факт, что в субботу светит солнце, символизируя радость и хорошее настроение. ФПЕ *il n'y a pas de samedi sans fou ni jeune fille sans amour* (букв. Нет субботы без глупости, как и девушки без любви) подчеркивает, что суббота – время активной радости, подходящее для застолий, веселья и смеха, когда простительно даже совершать необдуманные поступки.

***Dimanche* (воскресенье)**

Воскресенье – День Солнца и время отдыха. У верующих воскресный день считается праздником – это день, когда они посещают церкви. Считается, что нельзя работать во время общения с Богом и раздумий: *si tu gardes le dimanche, le dimanche te gardera* (букв. Если ты соблюдешь воскресенье, то воскресенье сохранит тебя), *le diable a toute la semaine, pour s'accaparer de ce qu'on a pris au bon Dieu le dimanche* (букв. У дьявола есть вся неделя, чтобы забрать у нас то, что мы приняли от доброго Бога в воскресенье), *l'ouvrage qu'on fait le dimanche, le diable le prend le lundi* (букв. Работу, которая делается в воскресенье, черт забирает в понедель-

ник), *ce que l'on gagne le dimanche, se dépense chez l'apothicaire* (букв. То, что зарабатывается в воскресенье, тратится у аптекаря).

Ce n'est pas tous les jours dimanche (букв. Воскресенье наступает не каждый день) – в этом изречении подчеркивается значимость воскресенья. Без сомнения, это день радостный: *il n'y a femme sans amour, samedi sans soleil, dimanche sans plaisir ni vieillard sans douleur* (букв. Нет женщины без любви, субботы без солнца, воскресенья без радости и старика без боли).

Однако в житейском представлении большинства людей воскресенье не является строго запретным на всякую работу: *quand la brebis tombe dans le ravin, on ne regarde pas que soit sur semaine ou bien le dimanche pour la délivrer* (букв. Когда овца падает в овраг, мы не смотрим, будний это день или воскресенье, чтобы вытащить ее), *la bouche n'a pas de dimanche* (букв. У рта не бывает воскресенья).

Таким образом, можно констатировать, что каждый день недели является определенным символом в сознании французов. По мысли К.И. Писко, «жизненность примет – в самой человеческой натуре, в ориентации на традиции предков, в доверии к ним» [Писко, 2009, с. 92].

Отношение к разным дням недели исторически сформировалось под влиянием древней астрологии, религии, политики и культуры. Многие явления, которые раньше люди связывали с божественным промыслом, и исходя из этого, выстраивали свою жизнь каждый день в соответствии с особенным порядком, были объяснены научно.

Нами установлено, что ФПЕ, предписывающие определенное поведение в тот или иной день недели, можно распределить по следующим группам:

1. **ФПЕ, которые носят рекомендательный характер**: например, *si tu gardes le dimanche, le dimanche te gardera* (букв. Если ты соблюдешь воскресенье, то воскресенье сохранит тебя);

2. **ФПЕ, предостерегающие от различного рода деятельности**: *se faire la barbe le vendredi porte malheur* (букв. Бритье бороды в пятницу приносит несчастье);

3. **ФПЕ, носящие строго запретительный характер**: *mardi ni embarques ni maries* (букв. Во вторник нельзя ни отправляться в путь, ни жениться);

4. **ФПЕ, регулирующие хозяйственную деятельность**: *quand la brebis tombe dans le ravin, on ne regarde pas que soit sur semaine ou bien le dimanche pour la délivrer* (букв. Когда овца падает в овраг, мы не смотрим, будний это день или воскресенье, чтобы вытащить ее);

5. **ФПЕ, описывающие погодные явления и климатические особенности различных периодов**: *en hiver comme en été, jamais samedi ne s'est passé que le soleil n'y ait mis son nez* (букв. Никогда суббота не проходит, чтобы не показалось солнце – хоть зимой, хоть летом).

Такой классификационный признак, как потенциал благоприятности для развития событий в тот или иной день недели, позволил заключить, что для французского языкового сообщества благоприятными

днями являются суббота и воскресенье. К неблагоприятным дням относятся понедельник, среда, четверг, пятница, а ожидать фатальных событий, формирования каких-либо исключительных обстоятельств следует во вторник.

Наиболее эмоционально нагруженными (позитивными или отрицательными эмоциями) являются, с точки зрения французов, такие дни недели, как пятница и суббота.

Надо признать, что ФПЕ с компонентом – наименованием дней недели чрезвычайно важны для понимания взаимодействия французского языка и культуры, французского языка и социализации его носителей, но не являются на сегодняшний день доминантными. Это объясняется, по нашему мнению, изменением отношения современных носителей французского языка к времени и его восприятию, необязательностью следования прескрипциям данных ПЕ, поскольку были утрачены или существенно изменились объективные условия жизни французов (например, появление стиральных машин). Две трети французов не считают себя суеверными, однако более 50% верят в то, что некоторые предметы и действия могут приносить счастье или несчастье. Доля верующих во Франции, например, за период 1986-2001 гг. снизилась от 85 до 78%. Что касается молодежи, то 40% молодых людей в возрасте 15-24 лет не верят в бога [Mermet, 2003, p. 279].

Литература

Кутумова С.А. Особенности этимологии фразеологических единиц с днями недели в контексте суеверий и поговорок (на материале русского и английского языков) // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 5 (35). Ч. 2. С. 126 – 129.

Магия и суть недели [Электронный ресурс] // Vse Magi. URL: http://vsemagi.ru/articles/magija-i-sut-nedeli (дата обращения 04.04.2018).

Петрова Г.В. Названия дней недели в португальском языке. Культурный шок? // Романские языки и культуры: от античности до современности: VI междунар. науч. конф. романистов, 30.11 - 01.12.2011 г.: сб. материалов / Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филол. фак-т, Москва. М.: Век информ., 2013. С. 232 – 235.

Писко К.И. Английские суеверия, связанные с днями недели, и их отражение в пословицах // Вестн. Московского гос. областного ун-та. Серия: Лингвистика. 2009. № 1. С. 92 – 98.

Mermet G. Francoscopie 2003. Paris: Larousse, 2003. 520 p.

Паремиографический источник

Proverbes. Anciens proverbes, dictons ou maximes sur l'homme, la femme, la vie, l'amour, la santé, les animaux... [En ligne]. Available at: http://raf-proverbes.blogspot.ru/search/label/Jours (accessed 15.12.2017).

References

Kutumova S.A. Osobennosti ehtimologii frazeologicheskikh yedinits s dnyami nedeli v kontekste suyeveriy i pogovorok (na materiale russkogo i angliyskogo

yazykov). *Filol. nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2014, no. 5 (35), vol. 2, pp. 126-129. (In Russian).

Magiya i sut' nedeli [Ehlektronnyy resurs]. Vse Magi. Available at: http://vsemagi.ru/articles/magija-i-sut-nedeli (accessed 04.04.2018). (In Russian).

Petrova G.V. Nazvaniya dney nedeli v portugal'skom yazyke. Kul'turnnyy shok? *Romanskiye yazyki i kul'tury: ot antichnosti do sovremennosti: VI mezhdunarodnaya nauch. konf. romanistov, 30.11 - 1.12.2011 g.,* sb. materialov, Moskva. Moskovskiy gos. un-t im. M.V. Lomonosova, Filologicheskiy fak. Moscow, Vek inform., 201, pp. 232-235. (In Russian).

Pisko K.I. Angliyskiye suyeveriya, svyazannyye s dnyami nedeli, i ikh otrazheniye v poslovitsakh. *Vestn. Moskovskogo gos. oblastnogo un-ta. Seriya: Lingvistika,* 2009, no. 1, pp. 92-98. (In Russian).

Mermet G. *Francoscopie 2003*. Paris, Larousse, 2003. 520 p. (In French).

Proverbes. Anciens proverbes, dictons ou maximes sur l'homme, la femme, la vie, l'amour, la santé, les animaux... Available at: http://raf-proverbes.blogspot.ru/search/label/Jours (accessed 15.12.2017). (In French).

Ekaterina A. Nazarova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Week Days Symbolics in Paremiologic Fund of the French Language

The article discusses groups of French Paremiological Units (FPU), thematically related to the days of the week. The task of the author is to assess the positive and negative attitudes of the French to certain days of the week, to identify the potential favorability for the development of events on any given day of the week.

The study found that the French language community auspicious days are Saturday and Sunday. Adverse days include Monday, Wednesday, Thursday, Friday, and you should expect fatal events, the formation of any exceptional circumstances on Tuesday.

The author distributes FPU, prescribing certain behavior on a particular day of the week into the following groups: FPU, which are advisory in nature; FPU, warning against various activities; FPU, strictly restrictive; FPU governing economic activity; FPU, describing weather phenomena and climatic features of different periods.

Key words: *paremiological unit, names of days of the week, French.*

Ekaterina A. Nazarova – senior lecturer. Institute of Philology, Journalism and Cross-cultural Communication. Southern Federal University. E-mail: eksan@mail.ru

УДК 81'373.231
ББК 81.2-3

А.В. Зубарева

НИКНЕЙМ КАК ОСОБЫЙ ТИП ОНИМОВ: В ПОИСКАХ ИНТЕГРАЛЬНОГО ПРИЗНАКА

Никнеймы (сетевые антропонимы) формируют особую ономастическую систему, которая по уровню общности сопоставима с системой традиционных личных имен, но обладает особым арсеналом прагматических, формальных, грамматических, смысловых и стилистических свойств. Единственным системным признаком никнеймов является сфера их использования (интернет-коммуникация), остальные свойства никнеймов создают дифференциацию внутри системы.

Ключевые слова: *никнейм, сетевое имя, никоним, антропоним, имя собственное, оним, интернет-коммуникация, ономастика.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-115-123

Зубарева Анастасия Валерьевна – преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-928-104-23-24
E-mail: azubareva@sfedu.ru

© Зубарева А.В., 2018.

В современной отечественной лингвистике существует немало работ, посвященных интернет-антропонимам, в которых предпринимаются попытки описать языковой материал. А потому более важной и актуальной представляется задача осмысления полученных данных и предложенных точек зрения. Особенно актуальным это направление оказывается потому, что в современной лингвистике сложилась неверная тенденция отождествлять интернет-антропонимы с определенными частными типами онимов (псевдонимами, прозвищами, кличками и т. д.), а также акцентировать отдельные частные признаки сетевых имен (экспрессивность, анонимность, самоименование), превращая их в интегральные.

Внимание исследователей к ярким, уникальным, выделяющим никнеймы признакам представляется естественным: практика создания сетевых имен внесла чрезвычайно много нового в ономастику и поколебала представления о том, как может выглядеть имя собственное. Однако, как показывает языковой материал, сближения никнеймов с частными типами имен собственных и акцентирование отдельных свойств никнеймов в значительной степени искажают картину, удаляя нас от понимания сущности системы сетевых имен, которая является самостоятельным, подчиненным особой логике «доменом» внутри национального и глобального ономастиконов.

В данной статье с опорой на конкретный языковой материал будут критически проанализи-

рованы основные способы осмысления интернет-антропонимов. Цель анализа заключается в демонстрации относительной самодостаточности и автономности системы сетевых антропонимов, свойства и возможности которой конституируются исключительно ее соотнесенностью со сферой интернет-коммуникации.

1. Пожалуй, наиболее типичным для современной ономастики является отождествление никнейма с псевдонимом, т. е. вымышленным именем, которое существует в жизни человека наряду с настоящим или вместо него. По мнению В. К. Андреева, никнейм представляет собой результат автономинации и является частным случаем псевдонима наряду с литературными, сценическими, политическими, коллективными псевдонимами [Андреев, 2011]. Т. В. Шмелева называет никнеймы интернет-псевдонимами [Шмелева, 2013, с. 180]. М. В. Голомидова также исходит из сходства никнеймов с псевдонимами, понимая под первыми «имя условное или вымышленное, которое пользователь создает для компьютерного общения личного характера», но при этом отмечает, что если традиционный псевдоним является знаком авторства, то никнейм применяется в общении личного характера [Голомидова, 2005, с. 19 – 20]. С опорой на сокрытие личности и формирование виртуального образа никнейм описывают и другие исследователи [Аникина, 2010, с. 73; Москальчук, 2009, с. 246].

Действительно, контекст интернет-общения создает условия для сокрытия личности. Можно выделить несколько стратегий, используемых для реализации этой цели. Во-первых, это выбор имени другого (известного) человека, которое очевидно не является настоящим именем пользователя: *ахмадинежад* (фамилия президента Ирана), *Кот Бегемот* (имя литературного персонажа), *Нуриэль Рубини* (имя американского экономиста), *KevinKostner* (имя актера), *kirk_johnson* (имя боксера), *drfaust* («доктор Фауст», имя персонажа средневековых легенд и литературных произведений), *vasya_pupkin* (русское имя-экземплификант, которое используется для указания на неизвестного или типичного человека). Во-вторых, это выбор сочетаний букв или знаков, мотивация которых не ясна: *И.*, *ANR*, *asgasg11*, *avk*, *h578b1bde*, *eSyr*, *lmx2315*, *o-*, *ox55ff*, *SAR*, *SeTSeR*, *SerSim*, *vaa*, *wxw*, *XMs*, *Zkvxz*. Наконец, в-третьих, это выбор апеллятива или любой языковой конструкции, которые имеют более или менее очевидную смысловую мотивировку, но не соотносятся напрямую с реальным именем: *Баба Яга в молодости*, *БабаЯгаПротив*, *завхоз*, *Море любви*, *Незлопамятный сисадмин*, *Офицер*, *Пасечник*, *Шальная баламутка*, *avanturist*, *buratino*, *Dobryak*, *Maori*, *Napilnik*, *ne_vlezay*, *Persefona*, *sova*, *Virtuos86*, *Zlo*, *Ancient* (‘древний, старинный’), *beastie* (‘насекомое’), *chinarulezz* (букв. ‘китайрулит’), *Godiva* (god ‘бог’ + diva ‘дива, примадонна’), *It’s me!* (‘Это я!’), *MrClon* (‘Мистер Клон’), *Shadow* (‘тень’), *shaft* (‘копье’), *yellow_raven* (‘желтая ворона’).

Впрочем, никнеймы последней категории, модель образования которых предоставляет максимально широкие возможности для вымысла и творчества, все-таки могут отражать характер, род занятий, привычки,

внешние признаки его носителя; даже если такой никнейм соотносится с идеальным образом его носителя (ср. *Добряк*, *Море любви*, *Godiva*), вряд ли правомерно утверждать, что целью создания имени является сокрытие личности. В последнем случае «криптографичность» сводится лишь к тому, что никнеймы не отсылают ни к реальному имени, ни к другим анкетным данным пользователя.

Однако никнейм далеко не всегда направлен на сокрытие личности. Прежде всего, имеется немало никнеймов, построенных по схемам «имя» (*Владимир*, *Диана*, *Нелля*, *Нюра*, *@nna*, *_Sasha_*), «имя + фамилия» (*Гималаев Илья*, *Елена Москаленко*, *Роман Бобов*, *Соколов Алексей*, *alena_telepneva*, *alexsafonov*, *AndreySubbotin*), «имя + отчество» (*Светлана Михайловна*). Некоторые никнеймы основаны на реальных именах (*AndreyK-AV*, *andreyu*, *Serg924*, *vovagubin1987*, *Vsevolod-linuxoid*) и даже содержат дополнительную информацию о личности пользователя, например, о его возрасте или месте проживания. Так, никнейм *megaruslan1998tokar* содержит не только имя, но и компоненты, которые, вероятнее всего, отсылают к возрасту и профессии носителя. Согласно данным О.В. Врублевской, полученным в результате анализа 2 000 сетевых имен, никнеймы, образованные от личного имени, составляют 13 %, никнеймы, построенные по модели «имя + фамилия» – 3 % [Врублевская, 2016, с. 95]. Общая частотность никнеймов данных категорий составляет 16 %, что вряд ли дает основания считать этот способ образования никнейма периферийным, а тем более незначимым.

Информативность никнейма и его «криптографичность» целесообразно рассматривать не как самостоятельные, а как конкурирующие модели или стратегии. Правильность такого решения подтверждается одновременным проявлением этих двух стратегий в одном никнейме: *Ирина Евгеньевна Сэ*, *Евгений Ш*, *НаталияС.*, *Oleg K*. Имеются все основания считать, что эти никнеймы основаны на реальных именах, а, следовательно, в них личность не скрывается. Но тенденция сокрытия имени проявляет себя в использовании сокращений – первых букв фамилии (или, возможно, отчества).

Разумеется, в контексте интернет-коммуникации имя, заявляемое пользователем, нельзя считать абсолютно достоверной информацией. Тем не менее, значимость моделирования вымышленной виртуальной личности исследователями несколько преувеличена, такое поведение – лишь одна из возможностей, реализуемых системой интернет-антропонимов. В этом контексте нельзя не упомянуть никнеймы – имена компаний. Например, на форуме портала «Банки.ру» в обсуждениях деятельности кредитных организаций участвуют официальные представители данных структур, которые отвечают на вопросы и критику. Их никнеймы порождаются на основе названий организаций (*qiwi-russia*, *Тинькофф Банк*, *Сбербанк России*), и нельзя исключить, что за ними может скрываться несколько сотрудников. Однако их носители ведут себя как обычные пользователи. При этом корпоративные никнеймы также не исключают персонализации (ср. *Максим TouchBank*). Этот пример по-

казывает, что на современном этапе интернет – это среда, в которой создаются и поддерживаются деловые контакты, которые по определению противоречат анонимности.

Все перечисленные категории никнеймов, не направленных на сокрытие личности, несомненно, различаются, поскольку информация о личности представлена в них в разном объеме. Однако вряд ли может вызывать сомнения, что пользователи своими никнеймами часто хотят сообщить о себе некоторую информацию. Это подтверждается продуктивностью рассмотрения никнеймов как инструментов самопрезентации [Анферова, 2014; Лунгуль, Славкина, 2016], что явно противоречит «криптографической» функции, приписываемой никнеймам. Однако наличие никнеймов, не несущих информации о реальном имени или качествах лица и возможность формирования посредством никнейма виртуальной личности, показывает, что самопрезентация также не является интегральной функцией данного типа антропонимов.

Таким образом, приведенные данные позволяют сделать вывод, что никнейм как особый тип антропонимов не предполагает обязательного сокрытия реального имени, а никнеймы, основанные на реальных именах или включающие реальные имена в качестве компонента, функционируют наравне с никнеймами-псевдонимами в том же коммуникативном пространстве.

2. Использование в качестве никнеймов реальных имен или их модификаций не позволяет считать интегральным такой признак, как самоименование [Андреев, 2011, с. 4 – 7; Аникина, 2010, с. 74; Москальчук, 2009, с. 246 – 248; Киселева, 2013, с. 115 – 120], особенно если понимать под ним придумывание себе имени пользователем. Данная модель реализуется лишь в случае с «креативными» никнеймами, а также с никнеймами, которые создаются под давлением требования уникальности имени, исходящего от создателей интернет-площадок. Однако если пользователь приводит свое реальное имя, то о самоименовании в полном смысле слова (т.е. конструировании, создании имени-псевдонима) говорить вряд ли правомерно.

Самоименование – это также один из возможных вариантов, доступный участнику интернет-коммуникации. Этот вариант в сетевом общении оказывается более частотным, чем в реальной коммуникации, однако интегрального признака интернет-антропонимов не формирует. По крайней мере, применительно к никнеймам представление о самоименовании должно быть переосмыслено: пользователь вправе выбирать из очень широкого набора имен (или моделей создания сетевого имени), а реальное имя вместе с возможными, но не обязательными модификациями является важным, но далеко не единственным элементом этого набора. И понимание самоименования как выбора из множества вариантов существенно расширяет объем данного понятия, которое перестает ограничиваться созданием необычного, оригинального, яркого или «криптографичного» имени.

3. Существует отчасти обоснованное мнение, что в интернет-коммуникации никнейм – это единственный источник информации о человеке [Аникина, 2011, с. 199], чем можно объяснить большое количество «говорящих» никнеймов, которые как бы компенсируют нехватку информации о человеке. В действительности это не так. Как на форумах, так и в социальных сетях имеется информация о пользователе, которая либо располагается на его личной странице, либо приводится под его именем и аватаром при каждом его сообщении. Данная информация может включать как анкетные данные (пол, возраст, место проживания), так и данные, отражающие статус пользователя, его репутацию, степень участия (количество оставленных сообщений, дата регистрации). Например, на политическом форуме «Глобальная авантюра» отображаются возраст, количество сообщений, статус, зависящий от степени участия («Слушатель», «Практикант», «Специалист»), «карма» (совокупная оценка сообщений пользователя другими пользователями), дата регистрации, количество сообщений, количество «читателей» (других пользователей, отслеживающих активность данного пользователя). На основании этих данных нетрудно составить более полное представление о пользователях, в том числе оценить степень, в которой они могут вызывать доверие.

В любом случае, функции самопрезентации и воздействия, без сомнения присущие никнейму, реализуются только в начальной стадии контакта. По мере укрепления контакта значимость буквальной семантики онима довольно быстро стирается, сходит на нет, заменяясь представлениями, полученными в опыте непосредственного взаимодействия/наблюдения, и на первый план выступает и начинает преобладать идентифицирующая функция, благодаря которой данного пользователя узнают другие пользователи. По справедливому мнению А. К. Матвеева, имена могут рассматриваться как «звуковой материал, смысловое неономастическое содержание которого, иногда очень существенное в момент возникновения имени, может быть затем утрачено безо всякого ущерба для его функционирования» [Матвеев, 2004, с. 9]. Этот процесс представляется неизбежным и естественным, поскольку основная функция имени собственного – это идентификация уникального, единичного объекта (в том числе человека).

4. Многие исследователи обращают внимание на экспрессивность, яркость, нестандартность сетевых имен. Например, Т. В. Аникина отмечает такие качества никнеймов, как 1) оригинальность и уникальность, 2) способность вызывать ассоциации, 3) способность привлекать внимание, вызывая положительную или ироничную реакцию у других пользователей [Аникина, 2012, с. 59]. Как интегральный признак никнеймов рассматривает экспрессивность К. С. Цибизов [Цибизов, 2009].

Действительно, для никнеймов характерны многие формальные свойства, которые делают их экспрессивными и способными привлекать внимание или оказывать воздействие. Помимо «креативных» никнеймов с мотивированным смыслом, примеры которых приводились ра-

нее, существуют сетевые имена, в основе которых лежит языковая игра. В частности, пользователи обыгрывают многозначность, в силу чего создаваемые ими никнеймы больше похожи на загадки или головоломки. Так, никнейм *kshmr* может быть интерпретирован и как «кашемир», и как «кошмар», и как «Кашмир», и как имя индо-американского диджея и продюсера, известного под псевдонимом KSHMR. Для никнеймов характерно использование как алфавитных, так и неалфавитных знаков, как латиницы, так и кириллицы, причем в отдельных случаях в виде их смешения. Например, никнейм *_TAPANTINO_*, включающий в свой состав неалфавитные знаки (нижние подчеркивания), одновременно имитирует средствами латинской графики русское написание фамилии известного кинорежиссера, и именно этим объясняется появление заглавной латинской буквы *I*, поскольку русской заглавной букве *И* в латинском алфавите графического соответствия нет. Особо следует упомянуть никнеймы, формально представляющие собой предложения: *Даня Рад*, *Не весело*, *It's me!*, *ne_vlezay* и под. Разумеется, встречаются случаи одновременного использования нескольких средств, как в никнейме *ВсеМ_ПриВеТ*, который представляет собой русское этикетное выражение в форме высказывания, передаваемое средствами латинской графики.

Тем не менее, как свидетельствует языковой материал, подобная яркость и экспрессивность присуща лишь подмножеству никнеймов. Приведенные ранее никнеймы, основанные на реальных именах (в том числе модифицированных и/или сокращенных), а также никнеймы с неясной смысловой мотивацией свидетельствуют о том, что модели лингвистически необычного, экспрессивного, образного никнейма не являются универсальными. Существуют никнеймы, которые ограничиваются идентифицирующей функцией.

5. Особого обсуждения требует такой признак, как закрепленность никнейма за человеком. Т. В. Аникина указывает, что пользователь может иметь неограниченное число никнеймов, с которыми он вступает в коммуникацию, а также может сменить никнейм в любой момент [Аникина, 2011, с. 199]. Отчасти это верно, такие возможности действительно создаются интернет-коммуникацией. Но такая оценка явно преувеличивает необязательность связи между никнеймом и его носителем.

В данном случае создание виртуального образа, ради которого выбирается никнейм, – это также лишь одна из возможных стратегий. С этой точки зрения может быть выделено два крайних случая. С одной стороны, никнейм может создаваться для решения конкретной задачи, и в этом отношении показательны примеры никнеймов, приводимых А. А. Соковым: *Пригласи_в_гости!*, *Я_бы_влюбился!*, *Ищу красивую* [Соков, с. 71]. Такие никнеймы, по всей видимости, в силу своей ситуативности и функциональности быстро исчерпывают себя; более того, в определенный момент они должны быть оставлены, поскольку могут ввести в заблуждение, когда цель, заявленная в имени, уже решена.

С другой стороны, пользователь сети имеет возможность «культивировать» свой никнейм, добиваясь его последовательного отождествления с собой в сознании других людей. При условии постоянного использования одного и того же никнейма на разных интернет-площадках и сервисах данное имя собственное приобретает идентифицирующую функцию. В качестве примера можно привести никнейм *Rinaldus*, которое использует Петр Свирщевский. На личном сайте, название которого также образовано от никнейма, содержится не только биографическая информация с указанием реального имени, но и мотивировка выбора никнейма: «...потом я придумал себе ник Ринальдус, взял его из игры King's Bounty. <...> В интернете меня знают в основном как Ринальдуса» (http://rinaldus.ru/). Под этим именем данный пользователь зарегистрирован на таких ресурсах, как Youtube, Github, Picabu, Twitter, «ВКонтакте» (*Петр Ринальдус Свирщевский*), на сайте Linux.org.

Приведенные примеры позволяют сделать вывод, что «жизненный цикл» никнейма может быть как очень коротким, так и длительным, и зависит это от воли и стратегии пользователя.

Таким образом, как показывает комплексный анализ материала, не существует структурных (формальных), прагматических, смысловых или стилистических признаков, которые позволяли бы противопоставить никнейм другим типам онимов. Единственный признак, на основании которого никнейм (интернет-антропоним) может быть выделен, – это сфера использования. Именно это делает необходимым системное рассмотрение никнеймов в противоположность выявлению интегральных признаков данного типа онимов. И именно поэтому при описании сетевых имен системообразующие свойства, которые формируют границу системы сетевых имен с другими системами, следует противопоставлять внутрисистемным свойствам, т.е. свойствам, которые создают разнообразие внутри системы. Если отвлечься от системообразующего свойства (сферы применения), то любые другие признаки никнеймов (самоименование, официальность / неофициальность, конвенциональность / неконвенциональность, экспрессивность / информативность, «криптографичность», анонимность, самопрезентация и т. п.) описывают лишь дифференциацию внутри системы, т.е. те возможности, выбор между которыми система сетевых имен предлагает пользователю.

Литература

Андреев В. К. Автономинация в корпоративных языках молодежи: Форма и содержание // Изв. Волгоградского гос. пед. ун-та. 2011. № 5 (59). С. 4 – 7.

Аникина Т. В. Виртуальный антропоним в системе современной коммуникации // Уральский филол. вестн. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2012. № 2. С. 56 – 60.

Аникина Т. В. Имя собственное в интернет-коммуникации // Изв. Уральского гос. ун-та. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2010. № 2. С. 71 – 76.

Аникина Т. В. Политизированные никнеймы в ономастическом пространстве чатов // Политическая лингвистика. 2011. № 1 (35). С. 198 – 201.

Анферова К. Н. Никнейм как средство самопрезентации в персональном интернет-дискурсе // Междунар. аспирантский вестн. Русский язык за рубежом. 2014. № 1. С. 8 – 14.

Врублевская О. В. Антропонимическая периферия как зона активности языковой моды // Вестн. Рязанского гос. ун-та им. С.А. Есенина. 2016. № 2 (51). С. 90 – 101.

Голомидова М. В. Русская антропонимическая система на рубеже веков // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 11 – 22.

Киселева Н. Ю. Стратегии самономинации в сетевом дискурсе // Вестн. Кузбасской гос. пед. академии. 2013. № 2 (27). С. 115 – 120.

Лунгуль А. А., Славкина И. А. Никнейм как способ самопрезентации в интернете // Научный альманах. 2016. № 5-2 (19). С. 360 – 363.

Матвеев А. К. Апология имени // Вопросы ономастики. 2004. № 1. С. 7 – 13.

Москальчук А. А. Никнейм – виртуальное имя человека // Записки Горного ин-та. 2009. Т. 182. С. 246 – 248.

Соков А. А. Никоним в виртуальном дискурсе: лингвопрагматический аспект: дис. ... канд. филол. наук. Владимир, 2014. 169 с.

Цибизов К. Анонимность и экспрессивность как условия речевого поведения в част-дискурсе // Изв. Российского гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 97. С. 231 – 235.

Шмелева Т. В. Русский рэп как пространство языкового креатива // Лингвистика креатива. Екатеринбург, 2013. С. 176 – 193.

References

Andreev V. K. Avtonominatsiya v korporativnykh yazykakh molodezhi: Forma i soderzhaniye. *Izv. Volgogradskogo gos. ped. un-ta*, 2011, no. 5 (59), pp. 4–7. (In Russian).

Anikina T. V. Virtual'nyy antroponim v sisteme sovremennoy kommunikatsii. *Ural'skiy filol. vestn. Serija: Yazyk. Sistema. Lichnost': Lingvistika kreativa*, 2012, no. 2, pp 56-60. (In Russian).

Anikina T. V. Imya sobstvennoye v internet-kommunikatsii. *Izv. Ural'skogo gos. un-ta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury*, 2010, no. 2, pp. 71-76. (In Russian).

Anikina T. V. Politizirovannyye nikneymy v onomasticheskom prostranstve chatov. *Politicheskaya lingvistika*, 2011, no. 1 (35), pp. 198-201. (In Russian).

Anferova K. N. Nikneym kak sredstvo samoprezentatsii v personal'nom internet-diskurse. *Mezhdunar. aspirantskiy vestn. Russkiy yazyk za rubezhom*, 2014, no. 1, pp. 8-14. (In Russian).

Vrublevskaya O. V. Antroponimicheskaya periferiya kak zona aktivnosti yazykovoy mody. *Vestn. Ryazanskogo gos. un-ta im. S. A. Esenina*, 2016, no. 2 (51), pp. 90-101. (In Russian).

Golomidova M. V. Russkaya antroponimicheskaya sistema na rubezhe vekov. *Voprosy onomastiki*, 2005, no. 2, pp. 11-22. (In Russian).

Kiseleva N. Yu. Strategii samonominatsii v setevom diskurse. *Vestn. Kuzbasskoy gos. ped. akademii*, 2013, no. 2 (27), pp. 115-120. (In Russian).

Lungul' A. A., Slavkina I. A. Nikneym kak sposob samoprezentatsii v internete. *Nauchnyy al'manakh*, 2016, no. 5-2 (19), pp. 360-363. (In Russian).

Matveev A. K. Apologiya imeni. *Voprosy onomastiki*, 2004, no 1, pp. 7-13. (In Russian).

Moskal'chuk A. A. Nikneym – virtual'noye imya cheloveka. *Zapiski Gornogo instituta*, 2009, tom 182, pp. 246-248. (In Russian).

Sokov A. A. *Nikonim v virtual'nom diskurse: lingvopragmaticheskiy aspekt: dis. ... kand. filol. nauk*. Vladimir, 2014. 169 p. (In Russian).

Tsibizov K. Anonimnost' i ehkspressivnost' kak usloviya rechevogo povedeniya v chast-diskurse, *Izv. Rossiyskogo gos. ped. un-ta im. A. I. Gertsena*, 2009, no. 97, pp. 231-235. (In Russian).

Shmeleva T. V. Russkiy rep kak prostranstvo yazykovogo kreativa. *Lingvistika kreativa*. Ekaterinburg, 2013, pp. 176-193. (In Russian).

Anastasia V. Zubareva (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Nickname as Special Type of Onym: in Search of Integrated Sign

Nicknames (network names) form special onomastic system which on the level of community and differentiation is comparable to the system of traditional personal names, but possesses a special arsenal of pragmatical, formal, grammatical, semantic and stylistic properties. The main system sign of nicknames is the sphere of their using (Internet communication). Other properties of nicknames are private and create differentiation in system. Attempts at the description of system of network names to give the integrated status to such signs as a pseudonomination, anonymity, self-presentation, expressivity, informational content, weak extent of contact with the carrier, significantly simplify a picture, hiding universality and flexibility of network names system. A set of the models available to Internet users allows to realize the most various strategy by means of the choice of a name now – to hide own personality or to present it brightly, to report the real qualities or to create a fictional image, to show creative abilities during creation of a name or to choose more standard form, to create to itself a momentary name mask or to cultivate own name, acquiring popularity and reputation. Most likely, such flexibility of system of network names is caused by rapid development of the Internet communication incorporating and developing the most various forms of social interactions and the relations.

Key words: *nickname, network name, nickonym, anthroponym, proper name, onym, Internet communication, onomastics.*

Anastasia V. Zubareva – lecturer. Institute of Philology, Journalism and Cross-cultural communication. Southern Federal University. Phone: 8-928-104-23-24; e-mail: azubareva@sfedu.ru

УДК 81'373; 001.4
ББК 81.411.2

М.Н. Маслова

СПЕЦИАЛЬНЫЕ НАИМЕНОВАНИЯ В СФЕРЕ МОРСКОЙ НАВИГАЦИИ

Рассматриваются вопросы структурирования фрагмента научной периферии денотативного класса <ветер> на этапе ее формирования в период конца XVII – XIX в. Раскрываются особенности концептуализации отдельных свойств названного объекта, описываются складывающиеся в морской профессиональной сфере специальные наименования ветра в зависимости от его направления относительно корпуса корабля, выявляются варианты специальных наименований, отмечаются тенденции их стабилизации.

Ключевые слова: *денотативный класс, концептуальный признак, специальное наименование, морская профессиональная сфера, тексты конца XVII – XIX в.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-124-132

Маслова Марина Николаевна – аспирант кафедры общего и германского языкознания Северного (Арктического) федерального университета, филиал в г. Северодвинске
Тел.: 8-905-293-38-65
E-mail: m.n.maslova@mail.ru

© Маслова М.Н., 2018.

Различные способы познания действительности объективируются в виде картин мира – обыденной, научной, художественной, фольклорной, мифопоэтической и др., которые, в свою очередь, находят выражение в языковых единицах и текстах. Вопрос о дифференциации языковой картины мира в соответствии с конкретными сферами познания является одним из основных предметов ее изучения. Вместе с тем следует принимать во внимание идею целостности языковой картины мира, отдельные фрагменты которой могут быть систематизированы с учетом различий, проявляющихся в функциональных, территориальных и социальных разновидностях национального языка. В таком случае «языковая картина мира может быть интерпретирована в виде модели, посредством которой рационально систематизирована вся значимая для данного народа информация, постепенно накапливаемая в процессе освоения определенных участков мира» [Симашко, 1999, с. 52] – в виде денотативного класса, структура которого включает единицы базового фонда, обладающие денотативной общностью, и периферийного состава, представляющего широкий круг единиц, денотативно ориентированных на имя класса.

В рамках концепции фрагментации языковой картины мира на основе выделения денотативных классов, представленной Т.В. Симашко, выполнены исследования С.Н. Нефедовой [2001], Н.В. Хохловой [2002], С.А. Цапенко [2002], Н.В. Анисимовой [2003],

А.Г. Бондаревой [2003], Т.С. Нифановой [2003] Н.В. Осколковой [2003], Н.С. Морозовой [2010].

Одним из таких классов, установленных в семантическом пространстве «человек – природа», является денотативный класс <ветер> [Симашко, 1998, с. 30]. «Наличие различных возможностей в интерпретации одного и того же объекта (явления) определяет две существенные черты денотативного класса. С одной стороны, его однородность в том смысле, что все его единицы отражают свойства одного и того же объекта. С другой стороны, его неоднородность в силу различных способов освоения действительности – обыденного, научного, эстетического» [Там же]. Комплексное исследование становления единиц научной периферии денотативного класса <ветер> не осуществлялось.

При структурировании фрагмента научной периферии денотативного класса <ветер> обращение к единицам профессиональных областей, репрезентирующих специальные знания о природном феномене *ветер*, расширяет границы выявления особенностей концептуализации свойств и характеристик данного объекта мира и позволяет устанавливать специфику языковых средств выражения отдельных его параметров. В данной статье рассматривается процесс становления некоторых специальных (узкопрофессиональных) слов и выражений, связанных с представлениями о влиянии ветра на ход морских судов.

Атмосферное явление *ветер* – постоянный объект наблюдений для представителей «морских» профессий. В силу его значимости для судоходства устанавливаются типичные характеристики этого природного феномена и формируются существенные в данной профессиональной области понятия. Важную роль в навигации играют определение, оценка и прогнозирование направления и силы (скорости) ветра, поскольку от этого зачастую зависит успешность морского похода. Так, если ветер дует в корму (задняя часть корпуса корабля), то он способствует движению судна. При ветре, дующем в нос корабля (передняя часть корабля, противоположная корме), парусное судно идти не может. Ветер же, имеющий направление в борт судна, уклоняет его от истинного (т.е. заданного) курса. Показательным в этом плане является контекст, в котором описывается зависимость скорости движения судна от направления ветра: *Когда корвет* ***шел*** *совершенно* ***противу ветра****, то* ***имел ходу 6 узлов****, при 64-х оборотах винта в минуту, а* ***попутным ветром*** *при тех же обстоятельствах* ***шел*** *по* ***8 1/4 узла*** [МСБ, 1858, с. 72].

Обратимся к сложившейся в мореходной практике традиции именовать ветер в зависимости от его направления, которое определяется относительно корпуса корабля. История формирования представлений о влиянии направления ветра на морские суда отражена в наименованиях, языковая форма репрезентации которых устанавливалась и преобразовывалась на протяжении нескольких веков.

В языке конца XVII и в XIX в. понятие о ветре, дующем в корму корабля, обозначалось рядом исконных вариативных составных наименований. Например: ***Ветр*** *был зело тих, а к полудню стал больше* ***пря-***

мый Ост [ПЗ, ч. 1, 1698–1714, с. 431]. *Утром,* ***хорошим ветром****, Царь катался на своем буере*; ***Ветер*** *дул* ***удобный*** [ЗЮ, 1709–1711, с. 186, с. 195]. *Получа* ***способный ветр*** *<...> пошел <...> на фрегате*; *<...> понеже* ***добрый ветр*** *пропустили* [ПЗ, ч. 2, 1715–1721, с. 435, с. 39]. *Решили воспользоваться прежде другаго* ***благоспешным ветром*** [САР, т. 3, 1789–1794, с. 192]. *Пользовались мы прекраснейшею погодою и почти всегда* ***попутным ветром***; *Не хотел пропустить* ***благоприятствовавшаго ветра*** *и взял курс несколько южнее*; *При таком несовершенстве их мореплавания могут они только ходить* ***при благополучном ветре*** [ПВС, ч. 1, 1803–1805, с. 117, с. 272, с. 325].

Следует отметить, что в значении большинства приведенных наименований содержится положительная оценка выделенного концептуального признака ‘способствование движению судна’, обнаруживающая авторское отношение к называемому явлению (*ветер*, *добрый*, *благоспешный, благополучный* и др.). Единицы с оценочными признаками встречаются, по словам В.М. Лейчик, в любых терминосистемах. Ведь наука не может быть полностью нейтральной, особенно на этапе первоначального наименования, когда проявляется отношение ученого к обозначаемому явлению [Лейчик, 2009, с. 84].

По данным специальных лексикографических источников в качестве терминов в состав морской терминологии вошли выражения *попутный ветер* и *прямой ветер*. Например: *ветер попутный* – «ветер, дующий по направлению курса (в корму судна) и дающий возможность идти под парусами» [МРС, 1939–1941, с. 169]. Этот же словарь составное наименование *ветер прямой* толкует через заимствованное слово *фордевинд* [Там же, с. 170]. Тогда как исторически это слово в значении ‘попутный ветер’ известно с петровского времени («Из голл. *voor de wind* “под ветром”» [ЭСРЯ, с. 202]). В постпетровскую эпоху слово *фордевинд* фиксируется в научно-профессиональной литературе, например, в текстах ежемесячно издаваемого с 1848 г. (по настоящее время) «Морского сборника» – старейшего журнала военно-морской тематики, издание которого инициировано русскими морскими офицерами во главе с Федором Петровичем Литке: *Недавно, один линейный корабль принял сигнал М. 51 «поворотить чрез* ***фордевинд*** *всем вдруг»*; *Я немедленно поворотил через* ***фордевинд*** *и, догнав бот, лег в дрейф* [МСБ, 1858, с. 163, с. 150]. Профессиональное выражение *повернуть через фордевинд* означает, что судно пересекает кормой линию ветра (линию попутного ветра – *фордевинд*).

Таким образом, к концу XIX в. вместе с исконными наименованиями *попутный ветер* и *прямой ветер* слово *фордевинд* утверждается в качестве термина, что подтверждают данные специального энциклопедического издания 1885 г. – «Энциклопедии военно-морских наук» генерал-лейтенанта Леера: «*Фордевинд* – когда ветер дует прямо в корму» [ЭВМН, 1885, с. 365]. Любопытно, что позже названный вариативный ряд пополняется именным сочетанием *полный ветер*, которое приводит-

ся в словарной статье слова *фордевинд*: «Иногда *фордевинд* называют *полным ветром*» [ВМС, 1990, с. 457].

Наряду с установившимися терминологическими обозначениями в языке моряков существуют профессиональные выражения, в значении которых одна и та же ситуация – когда ветер дует в корму судна – отражается под разным углом зрения. Так, в выражении *идти по ветру* эта ситуация осмысливается относительно ветра (Sb), акцентируется его активное воздействия на судно (Ob), т. е. *идти по ветру* – это «идти таким образом, чтобы *ветер* дул по направлению курса судна» [Каланов, 2015, с. 64]. Выражение *идти ветром* фиксирует иной угол зрения на данную ситуацию: в центре внимание оказывается судно, поэтому это выражение толкуется следующим образом: «О *судне*, которое идет в фордевинд, т. е. с попутным ветром» [Там же]. Не случайно в навигации одним и тем же словом может называться и курс движения судна относительно ветра и сам ветер, например, *фордевинд* («курс парусного судна, совпадающий с направлением ветра» [ВМС, 1990, с. 457]).

Употребление данных профессиональных выражений широко представлено в специальных текстах петровской и постпетровской эпохи: <...> ***прошли по ветру*** *25 миль* [ЗЮ, 1709–1711, с. 472]. *В 28 день* ***пошли ветром*** *весть норд вестом* <...>. *В 20 день по утру рано* ***пошли ветром*** *Зюйд-Остен-Зюйден* [ПЗ, ч. 2, 1715–1721, с. 11, с. 5]. *По утру пошли* ***ветром*** *вестом, который был тих.* ***Пошел*** *флот* ***по ветру***. ***Шли по ветру*** *на парусах день и ночь.* ***Шли по ветру*** *парусом* [ПЖ, 1714, с. 44, с. 11, с. 112, с. 122]. <...> *потом сделался* ***ветр*** *восточный,* ***которым прошли*** *мы наступившею ночью* <...> [ПВС, ч. 1, 1803–1805, с. 41].

Понятие о ветре, дующем в нос корабля, т. е. по направлению, противоположному курсу судна, репрезентировано наименованиями *противный ветер*, *неблагоприятствующий ветер*, *неспособный ветер*, которые до начала XIX в. функционировали как вариативные номинации. Например: ***Ветр*** *был вест зюйд вест* ***неспособный****; и для того пошли лавиром. Стали* ***за противным ветром***. *Понеже* ***за противным ветром*** *выйти не могли* <...> [ПЗ, ч. 2, 1715–1721, с. 402, с. 103]. *Мог я без сомнения надеяться обойти оной* (мыс. – *М.М.*), *даже при* ***неблагоприятствующих ветрах*** [ПВС, ч. 1, 1803–1805, с. 122]. Бо́льшей частотностью употребления, по материалам специальных текстов конца XVII – XIX вв., характеризуется наименование *противный ветер*, которое и утвердилось в качестве термина в морской практике, тогда как наименования *неспособный ветер*, *неблагоприятствующий ветер* утратили функцию специальных обозначений. Ср.: *ветер противный* – «ветер, дующий по направлению, противоположному курсу судна <...>» [МРС, 1939–1941, с. 170].

Противный ветер «моряки в шутку называют *мордавинд*» [Там же], т.е. ветер в лицо. Герой биографического произведения Валерия Ганичева «Ушаков» (о жизни и деятельности выдающегося русского флотоводца XVIII в. адмирала Федора Ушакова) очень точно отмечает назначение подобных оценочных номинаций в речи моряков: «Федор усмехнулся

на *мордавинд*, понял, что то умение русского моряка над грозным врагом потешиться, облегчить состояние свое насмешкой и улыбкой. Понял, что на флоте есть свои слова, коих нигде больше нет» [Ганичев, 1990, с. 49]. Надо полагать, что данное слово относится к профессиональному жаргону, единицы которого образно и экспрессивно дублируют (за «изобретенной» формой сохраняется профессиональное содержание) терминологические наименования.

Для описания ситуации на море, когда ветер дует против движения судна, т.е. имеет противное направление, в профессиональной среде моряков существует выражение *идти против ветра*, т.е. «идти при противном ветре» [Каланов, 2015, с. 64]. Употребление этого специального наименования наблюдается уже в текстах Петровской эпохи: *Мы с большой опасностью пересекли бухту <...>* ***шли*** *7–8 миль* ***против ветра*** [ЗЮ, 1709–1711, с. 473]. *Новоземельские промышленники много долее* ***идут*** (на судах. – *М.М.*) *к Новой Земле* ***против*** *льдов и* ***ветров****, нежели домой обратно* [МЛ, 1759, с. 377]. Интересно отметить, что в диалектной речи поморов сохранилось выражение *ветер в зубы* «о противном ветре, который при движении лодки приходится с носу на корму и как раз кормщику в лицо» [Дуров, 1929, с. 23], бытующее в языковой среде рыболовов-промысловиков.

Понимание того, что парусное судно против ветра идти не может и вынуждено *лавировать*, представлено в следующих контекстах: ***Ветр*** *был вест зюйд вест* ***неспособный****; и для того* ***пошли лавиром*** <...> [ПЗ, ч. 2, 1715–1721, с. 402]. *Ночью* ***ветр сделался*** *со всем* ***противной****, и* ***принудил*** *нас в следующий день* ***лавировать*** [ПВС, ч. 1, 1803–1805, с. 40–41]. Ср.: *лавировать* – «продвигаться на парусном судне к цели переменными курсами вследствие неблагоприятного ветра» [МРС, 1939–1941, с. 512]. Терминологичность глагола *лавировать* обусловлена прежде всего профессиональной сферой функционирования, где он вместо соответствующего отглагольного существительного (*лавирование*) употребляется как наиболее удобный и гибкий выразитель действия.

Для ветров, дующих в борт судна, в языке XVIII в. функционировали вариативные наименования *боковой ветер* и *поперечный ветер*: *Тут* ***боковой*** *или скорее противный* ***ветер*** *стал так свеж, что мы должны были повернуть и спуститься по ветру обратно* <...> [ЗЮ, 1709–1911, с. 469]. *Когдаже напротив того* ***ветер*** *переменится в* ***поперечной*** *или в противной, а старые волны ходят после того долго*; *то значит, что в той стороне, откуда идут, лежит великое море* [МЛ, 1753, с. 391]. Приведенные контексты показывают, что имеющиеся в языке номинации ветра «в бок» не в полной мере отражают содержание формирующегося понятия: ведь боковой ветер не обязательно дует посредине плоскости корабля, он может быть боковым, но ближе к корме или носу. Отсутствие специальных терминов для подобных частных направлений бокового ветра объясняет, надо полагать, появление в текстах описательных конструкций, в которых используются устоявшиеся специальные наименования. Например, в приведенных выше примерах о боковом ветре,

который заходит ближе к носу корабля, пишут: ***боковой*** *или* ***скорее противный*** *ветер*.

Позже понятие о боковых ветрах дифференцируется и закрепляется в заимствованных наименованиях. Так, ветер, направление которого перпендикулярно судну (угол 90º), называется *галфвинд*. Заимствованное слово *галфвинд* с конца XIX в., фиксируется специальными изданиями в качестве профессионального обозначения: *галфвинд – ветер, когда корабль идет прямо поперек ветра* [ЭВМН, 1885, с. 365]. Интересно, что о судне, идущем в галфвинде, моряки говорят, что оно идет *в полветра*: *Мы* ***шли*** *<...>* ***в полветра****, и следовательно сблизились очень скоро* [МСБ, 1858, с. 150] (ср.: о *фордевинде* говорят *идти* ***полным*** *ветром*).

Ветер, угол которого относительно боковой плоскости корабля менее 90º, т.е. ветер, который заходит ближе к носу корабля, называется *бейдевинд*. Ветер же, угол которого относительно боковой плоскости корабля более 90º, т.е. ветер, который по отношению к кораблю заходит больше с кормы – *бакштаг*. Наименования *бакштаг и бейдевинд* как специальные номинации отмечаются в научно-профессиональных текстах, начиная с середины XIX в.

Боковые ветры обладают способностью смещать судно с линии курса, приводить его в состояние ***дрейфа*** (от голл. *drijven* – плавать [ВМС, 1990, с. 137]). Данное заимствованное слово чаще всего употребляется в составе профессионального выражения *лечь* (*ложиться*) *в дрейф*. В текстах начала XVIII в. это составное наименование имело вариативную форму *делать дрейф*. Например: *К вечеру был ZW, ночью был силен и для того во всю ночь* ***делали дрейвень*** [ПЖ, 1715, с. 25]. *Ясная ночь и слабой ветр были причиною, что мы не* ***легли в дрейф****, но продолжали идти под малыми парусами* [ПВС, ч. 1, 1803–1805, с. 289]. *Я немедленно поворотил через фордевинд и, догнав бот,* ***лег в дрейф*** [МСБ, 1858, с. 150]. Поскольку слово *дрейф* является заимствованным и обладает несвойственной для русского языка того периода фонетической оболочкой, то в текстах начала XVIII в. оно представлено фонетическим вариантом *дрейвень*, что характерно на этапе освоения иноязычных заимствований.

Заметим, что в составе научной периферии денотативного класса <ветер> есть единицы, в значениях которых денотативно ориентированный компонент является обязательным в отражении свойств объекта, хотя и не занимает центрального положения. Например, значение заимствованного из голландского языка слова *галс* (от голл. *hals* – шея) включает сему ‘ветер’, так как в зависимости именно от этого природного объекта определяется сторона судна, в которую дует ветер. Между тем родовой семой в значении этого слова является сема ‘сторона корабля’, а не сема ‘ветер’: *Галс – означает* ***сторону****, в которую идет корабль относительно ветра* [ЭВМН, 1885, с. 385]. В специальных словарях слово *галс* начинает фиксироваться с XIX в., а в текстах активно стали использоваться устойчивые именные словосочетания с этим словом: *левый галс*, если ветер дует в левый борт, и *правый галс*, если – в правый

борт. Соответственно этому описывается движение корабля. Например: *В полночь нашедшим от SO шквалом изорвало грот-марсель и невольно привело Шлюп на* ***левый галс*** [ПЛВС, 1822–1824, с. 177]; *Ветер к тому времени на* ***правом галсе*** *у меня зашел румба на три, и я, поворотив, вошел в пролив тем же проходом, каким вышел* [МСБ, 1858, с. 163].

Этим же словом *галс* называется отрезок пути корабля «от поворота до поворота при плавании переменными курсами» [ЭВМН, 1885, с. 96]. Поэтому при описании лавирования с целью выравнивания курса корабля также употребляется данное слово, но с уточняющим определением *длинный*: *Чтобы менее проиграть, я предпочел лечь* ***длинным галсом*** *к Муширам, обошел по южную их сторону* <...> [МСБ, 1858, с. 163].

Таким образом, понятие о направлении ветра относительно курса судна может быть представлено в виде следующих концептуальных признаков: ‘направление ветра общее с курсом судна’, ‘направление ветра противоположное курсу судна’, ‘направление ветра в борт судна’, ‘движение парусного судна против ветра’, ‘смещение судна ветром с линии курса’, ‘положение судна относительно ветра’. Для именования представлений о влиянии ветра на движение судна в морской профессиональной языковой среде используются как исконные, так и заимствованные единицы. Вхождение иноязычных наименований в вариативные ряды специальных наименований обусловлено тенденцией к интернационализации в сфере терминологических обозначений.

Литература и источники

Военно-морской словарь / гл. ред. В.Н. Чернавин. М.: Воениздат, 1990. 511 с. (ВМС).

Ганичев В.Н. Ушаков. М.: Молодая гвардия, 1990. 462 с. (Серия «Жизнь замечательных людей»).

Дуров И.М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья / под ред. и с дополнениями Н. Виноградова. Остров Соловки, 1929. 180 с.

Журнал или поденная записка, блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира. Ч 1. СПб., 1770. 460 с. (ПЗ, ч. 1).

Журнал или поденная записка, блаженныя и вечнодостойныя памяти государя императора Петра Великаго с 1698 года, даже до заключения Нейштатскаго мира. Ч 2 (отдел 1). СПб., 1772. 763 с. (ПЗ, ч. 2).

Записки Юста Юля. Датского посланника при Петре Великом. 1709 – 1711 / Извлек из Копенгагенского Государственного Архива и перевел с Датского Ю.Н. Щербачев. М., 1900. 890 с. (ЗЮ).

Каланов Н.А. Словарь морского жаргона. М.: Моркнига, 2015. 440 с.

Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. М.: Либроком, 2009. 256 с.

Ломоносов М.В. Рассуждения о большей точности морского пути // Полное Собрание сочинений Михаила Васильевича Ломоносова с приобщением жизни сочинителя и с прибавлением многих его нигде еще не напечатанных творений: в 3 ч. Ч.3. СПб., 1803. 403 с. (МЛ, 1759).

Морской сборник, издаваемый Морским ученым комитетом. Т. 39. СПб., 1858. № 12. 640 с.

Плавание вокруг света на шлюпе Ладога в 1822, 1823 и 1824 годах. Шлюпом начальствовал капитан-лейтенант Андрей Лазарев. СПб., 1832. 275 с.

Походный журнал (Петра I). 1714 год. СПБ., 1854. 160 с. (ПЖ).

Походный журнал (Петра I). 1715 год. СПБ., 1855. 80 с. (ПЖ).

Путешествие вокруг света в 1803, 4 и 1806 годах. По повелению его Императорскаго Величества Александра Перваго на кораблях Надежде и Неве. Часть первая. СПб.: Морская типография, 1809. 388 с. (ПВС, ч.1).

Путешествие вокруг света в 1803, 4 и 1806 годах. По повелению его Императорскаго Величества Александра Перваго на кораблях Надежде и Неве. Часть вторая. СПб.: Морская типография, 1810. – 471 с. (ПВС, ч.2).

Самойлов К.И. Морской словарь: в 2 ч. М.; Л.: Военмориздат,- 1939 – 1941. 644 с. (МРС).

Симашко Т.В. Денотативный класс как основа описания фрагмента мира: монография. Архангельск: Изд-во Поморского гос. ун-та, 1998. 337 с.

Симашко Т.В. Денотативный класс как основа описания фрагмента мира: дис. ... д-ра филол. наук. Северодвинск, 1999.

Словарь академии российской по азбучному порядку расположенному: в 6 ч. СПб, 1789 – 1794 (САР).

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. Т. 1. М., 1986 (ЭСРЯ).

Энциклопедия военных и морских наук / гл. ред. генерал-лейтенант Леер. Т. 2. СПб., 1885. 621 с. (ЭВМН).

References

Voenno-morskoy slovar. Gl. red. V.N. Chernavin. M., Voyenizdat, 1990. 511 p. (VMS). (In Russian).

Ganichev V.N. *Ushakov*. M., Molodaya gvardiya, 1990. 462 p. (Seriya “Zhizn′ zamechatelnykh lyudey”). (In Russian).

Durov I.M. *Opyt terminologicheskogo slovarya rybolovnogo promysla Pomor′ya*. Pod red. i s dopolneniyami N. Vinogradova. Ostrov Solovki, 1929. 180 p. (In Russian).

Zhurnal ili podennaya zapiska, blazhennyya i vechnodostoynyya pamyati gosudarya imperatora Petra Velikago s 1698 goda, dazhe do zaklyucheniya Neyshtatskago mira. Ch. 1. SPb., 1770. 460 p. (PZ, ch. 1). (In Russian).

Zhurnal ili podennaya zapiska, blazhennyya i vechnodostoynyya pamyati gosudarya imperatora Petra Velikago s 1698 goda, dazhe do zaklyucheniya Neyshtatskago mira. Ch. 2 (otdel 1). SPb., 1772. 763 p. (PZ, ch. 2). (In Russian).

Zapiski Yusta Yuliya. Datskogo poslannika pri Petre Velikom. 1709 – 1711. Izvlek iz Kopengagenskogo Gosudarstvennogo Arkhiva i perevel s Datskogo Yu.N. Scherbachev. M., 1900. 890 s. (ZYu). (In Russian).

Kalanov N.A. *Slovar morskogo zhargona*. M., Morkniga, 2015. 440 p. (In Russian).

Leychik V.M. *Terminovedeniye: predmet, metody, struktura*. M., Librokom, 2009. 256 p. (In Russian).

Lomonosov M.V. Rassuzhdeniya o bolshey tochnosti morskogo puti. *Polnoye Sobraniye sochineniy Mikhaila Vasil′evicha Lomonosova s priobscheniyem zhizni sochinitelya i s pribavleniyem mnogikh ego nigde eshche ne napechatannykh tvoreniy*: v 3 ch. Ch. 3. SPb., 1803. 403 p. (ML, 1759). (In Russian).

Morskoy sbornik, izdavayemyy Morskim uchenym komitetom. Tom. 39. SPb., 1858. № 12. 640 p. (In Russian).

Plavaniye vokrug sveta na shlyupe Ladoga v 1822, 1823 i 1824 godakh. Shlyupom nachalstvoval kapitan-leytenant Andrey Lazarev. SPb., 1832. 275 p. (In Russian).

Pokhodnyy zhurnal (Petra I). 1714 god. SPb., 1854. 160 p. (PZh). (In Russian).

Pokhodnyy zhurnal (Petra I). 1715 god. SPb., 1855. 80 p. (PZh). (In Russian).

Puteshestviye vokrug svyeta v 1803, 4 i 1806 godakh. Po poveleniyu ego Imperatorskago Velichestva Aleksandra Pervago na korablyakh Nadezhde i Neve. Chast pervaya. SPb., Morskaya tipografiya, 1809. 388 p. (PVS, ch.1). (In Russian).

Puteshestviye vokrug sveta v 1803, 4 i 1806 godakh. Po poveleniyu ego Imperatorskago Velichestva Aleksandra Pervago na korablyakh Nadezhde i Neve. Chast vtoraya. SPb.: Morskaya tipografiya, 1810. 471 p. (PVS, ch.2). (In Russian).

Samoylov K.I. *Morskoy slovar: v 2 ch*. M.; L., Voyenmorizdat, 1939 – 1941. 644 p. (MRS). (In Russian).

Simashko T.V. *Denotativnyy klass kak osnova opisaniya fragmenta mira: monografiya*. Arkhangelsk, Izd-vo Pomorskogo gos. un-ta, 1998. 337 p. (In Russian).

Simashko T.V. *Denotativnyy klass kak osnova opisaniya fragmenta mira: dis. ... d-ra. filol. nauk*. Severodvinsk, 1999. (In Russian).

Slovar´ akademii rossiyskoy po azbuchnomu poryadku raspolozhennomu: v 6 ch. SPb, 1789 – 1794 (SAR). (In Russian).

Fasmer M. *Ehtimologicheskiy slovar´ russkogo yazyika,* per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. T. 1. M., 1986 (ESRYa). (In Russian).

Ehntsiklopediya voennykh i morskikh nauk, gl. red. general-leytenant Leer. T. 2. SPb., 1885. 621 p. (EVMN). (In Russian).

Marina N. Maslova (Severodvinsk, Russian Federation)

Marine Navigation Special Names

The article discusses issues of structuring the denotative class of “wind”, a fragment of scientific periphery, during its construction at the end of XVII – XIX centuries. Conceptualization features of the noted object characteristics are studied. Newly constructed in the marine professional sphere special names for “wind” are described, as being dependent on its (wind) direction regarding the ship hull. Variants of special names are discovered and their stabilization tendencies are noted.

Key words: *denotative class, conceptual feature, special name, marine professional sphere, late XVII – XIX centuries texts.*

Marina N. Maslova – post-graduate student of Department of General and Germanic Linguistics Northern (Arctic) Federal University branch in Severodvinsk. Phone: 8-905-293-38-65; e-mail: m. n.maslova@mail.ru

УДК 37.016:811.133.1'37
ББК Ш147.11-9-3.

Н.А. Ковалёва,
О.С. Ковалёва

САЛОННОЕ ПИСЬМО КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ЭПИСТОЛЯРНОГО ДИСКУРСА И.С. ТУРГЕНЕВА

Статья посвящена салонному письму И.С.Тургенева. Текстовые значения слова, создающие кокетливость переписки, повышенная дружелюбная тональность и неприятие отрицательной эмотивности, рассуждения на светские, семейно-бытовые, философские и общечеловеческие нейтральные темы, отражающие целеустановку как трансляцию национально-культурных традиций и идеалов в узкой социальной прослойке, – таковы особенности салонного письма. Проанализированы письма И.С.Тургенева к разным адресатам: графине Е.Ламберт, А.А.Фету, П.В.Анненкову.

Ключевые слова: *И.С. Тургенев, салонное письмо, эпистолярная стилистика, языковые особенности.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-133-141

Ковалева Наталья Анатольевна – докт. филол. наук, профессор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Тел.: 8-915-483-54-53
E-mail: kna13@yandex.ru

Ковалева Ольга Сергеевна – канд. ист. наук, доцент кафедры общественных наук и профессиональной коммуникации Юридического института Российского университета транспорта (РУТ-МИИТ)
Тел.: 8-910-472-67-95
E-mail: kovalevamail@gmail.com

© Ковалева Н.А., Ковалева О.С., 2018.

Филологические исследования последних десятилетий о тексте и дискурсе дают полные основания для того, чтобы рассматривать тексты частных писем русских классиков и эпистолярный дискурс в соотношении часть – целое, где важную роль играют внешние по отношению к тексту обстоятельства, совокупность которых приводит к созданию текста. Процесс текстообразования с учетом коммуникативно-прагматических установок определяет «диалогичность как особый тип смысловых отношений» эпистолярного дискурса [Селезнева, 2014, с. 72].

Эпистолярный дискурс И.С.Тургенева представляет интересный материал для характеристики его индивидуальной манеры письма и развития русского эпистолярного искусства XIX в. Светское письмо было канонической формой общения в дворянском обществе XIX в.: его суть составляло взаимоприятное, «ни к чему формально не обязывающее сношение на общие темы, основная цель которого – провести время с собеседником, оставаясь с ним в вербальном контакте» [Стернин, 1996, с. 3]. Светскость характерна многим письмам И.С. Тургенева, которые наполнены выражениями грусти и почти отчаяния, но в то же время на них лежит флер легкой игривости и даже жеманности тона. Для И.С. Тургенева характерны грустные и трагические слова, которые уместны в интимной беседе светского салона. «Этот светско-салонный тон, несколько показной и превращающий самые грустные размышления и признания в изящно-артистическую игру

стилем и самой жизнью, очень характерен для Тургенева, и в нем есть исторический смысл, характерный для эпохи» [Островский, 1999].

Коммуникативность светского письма имеет преимущественно фатическую направленность – поддерживание «хороших» отношений этикетными средствами: желание доставить удовольствие адресату в дружелюбии письменной беседы. Светское письмо как жанр было широко распространено до 70-х гг. XIX в. Дифференциальными признаками этого праздноречевого диалога являются: этикетность тематического содержания, низкая степень информативности, наличие изысков в языковой игре, словотворчестве и сентенциях.

Светское письмо ближе к артистическому диалогу. Н.Д. Арутюнова относит такой вид диалога к адресованному поведению, к праздноречной деятельности (см. [Арутюнова, 1999, с. 652–653]). Для светского письма характерны текстовые значения слова, создающие кокетливость переписки, повышенная дружелюбная тональность и неприятие отрицательной эмотивности, рассуждения на светские, семейно-бытовые, философские и общечеловеческие нейтральные темы, отражающие целеустановку как трансляцию национально-культурных традиций и идеалов в узкой социальной прослойке.

В.В. Дементьев в монографии «Непрямая коммуникация и ее жанры», развивая мысли о светской беседе, которая может быть отнесена к характеристике салонной переписки, отмечает: «Мастерство в светской беседе не предполагает никакой иной цели, кроме стремления к превосходству в социально престижном общении, в остроумии, изощренности речи, осведомленности и т.п. Соревновательное начало роднит светскую беседу с древнейшими жанрами игрового коммуникативного поведения, присущими, по-видимому, каждой национальной культуре» [Дементьев, 2000, с. 187].

В письмах к графине Е. Ламберт, женщине из высшего Петербургского общества, одной из наиболее любимых адресаток И.С. Тургенева, автор дает простор своему салонно-артистическому стилю, грустно-кокетливой переписке. Для писем 50-х гг. характерно: «*Ах, графиня, какая глупая вещь – потребность счастья, когда уже веры в счастье нет!*» (1856); «*Или это только так кажется, а уже ничего нового, неожиданного жизнь мне представить не может, кроме смерти?*» (1859); «*Остается одно: держаться пока на волнах жизни и думать о пристани да, отыскав товарища доброго и милого, как вы, товарища по чувствам, по мыслям, и главное – по положению (мы оба с вами уже немного ждем для себя), крепко держать его руку и плыть вместе, пока...*» (1859); «*И притом мы все осуждены на смерть... Какого еще хотеть трагического?*» (1859); «*Жизнь вся в прошедшем, и настоящее только дорого как отблеск прошедшего...*» (1861); «*Будем пользоваться тем невеселым фактом, что мы вообще попали на нашу планету <...> маленький писк моего сознания так же мало тут значит, как если бы я вздумал лепетать: «я, я, я...» на берегу невозвратно текущего океана*» (1862).

И.С. Тургенев наполняет свои грациозные признания изящными, авторскими фразеологизмами-афоризмами типа: *держаться на волнах жизни, думать о пристани; жизнь в прошедшем, и настоящее дорого как отблеск прошедшего*; *маленький писк моего сознания* и др. Эти афоризмы – техника салонного общения.

Эпистолярная стилистика, выработанная Тургеневым уже к 40-м гг. XIX в., – это особая стилистика частного литературного письма, пронизанного самоанализом и рефлексией «гамлетовского типа», характерный «прорыв отчуждённого сознания героя в историческое Время» [Меркулова, 2006, с. 42]. По сравнению с пушкинским письмом – это не домашний интимный жанр общения, это своеобразная игра в интимность общения, наполненная специфической лексикой, фразеологией и интонацией повествования. В одном из писем к Е. Ламберт И.С. Тургенев пишет: «*Но вы согласитесь, что я не могу служить ему* (народу. – *Н.К., О.К.*) *ни как военный, ни как чиновник, как агроном или фабрикант; посильную пользу приносить я могу только как писатель, как артист*». И.С.Тургенев был уверен в существовании особой профессии или особого качества – «артистизма», что было характерно для эпохи 1830 – 1840-х гг. – эпохи развития салонной эстетики, эпохи Брюллова, Глинки, Кукольника и т.д. (подробнее о 1830 – 1840-х гг. см.: [Чапаева, 2014]). Общеизвестно, что И.С.Тургенев был представителем яркого интеллектуального движения, истоки которого, с одной стороны, в деятельности общественных кружков 30-х гг., а с другой, – в общественно-литературных и исторических событиях первой трети XIX в. «На 40-е гг. приходится интеллектуальный взрыв, долгожданный расцвет национальной культуры, сопровождающийся поисками национальной идентификации на фоне бурного развития новых идей и направлений в общественной мысли, в философии, эстетике, литературной критике и лингвистике» [Ковалева О., 2012, с. 18].

В одном из писем к Е. Ламберт в ответ на ее упрек, что «настало время подумать о русском народе и писать для него» (70-е гг. подъема в России народнического движения), И.С. Тургенев излагает свой взгляд на писательский труд:

«Баден, Schillerstrasse, 277

9-го мая/27 апреля 1863 г.

Милая графиня, я с неделю тому назад приехал сюда и только теперь окончательно поселился, приискал квартиру и т.д. Я уже собирался к Вам писать – хоть и не на 14 страниц – а нормальные 4 – как вдруг явилось Ваше большое письмо и, разумеется, несмотря на свою безжалостную строгость, ускорило моё намерение.

Вы меня осуждаете как человека (в смысле политического деятеля, гражданина) и как писателя. В первом отношении Вы правы, во втором – нет, как мне кажется <...> я никогда не занимался и не буду заниматься политикой: это дело мне чуждое и неинтересное, и я обращаю на него внимание, насколько это нужно писателю, призванному рисовать картины современного быта. Но Вы не правы, требуя от меня на ***лите-***

ратурно**м* (жирный курсив здесь и далее И.С. Тургенева. – *Н.К., О.К.*) *поприще того, что я дать не могу, плодов, которые не растут на моем дереве. Я никогда не* ***писал для народа *– я писал для того класса публики, которому я принадлежу, начиная с «Записок охотника» и кончая «Отцами и детьми»... Не знаю, насколько я принес пользы, но знаю, что я неуклонно шел к одной и той же цели, и в этом отношении не заслуживаю упрека. Вам кажется, что я из одной лени не пишу, как Вы говорите, простой и нравственной повести для народа... я этого* ***не умею****?. Поверьте: наш брат, да и всякий, делает только то, что ему дано делать, – а насиловать себя и бесполезно и бесплодно. Вот отчего я никогда не напишу повести для народа. Тут нужен совсем другой склад ума и характера...»*

Содержание этого письма подобно игре. Это литературное кокетство и утверждение своей принадлежности к дворянскому классу, который не «пишет» для народа. Но в знаменитом несветском письме к К.К. Случевскому от 26 апреля 1862 г. И.С. Тургенев излагает свое политическое, философское и эстетическое кредо (речь идет о романе «Отцы и дети». – *Н.К., О.К.*):

«То, что сказано об Аркадии, о реабилитировании отцов и т.д., показывает только – виноват! – что меня не поняли. ***Вся моя повесть направлена против дворянства, как передового класса*** (здесь и далее жирный курсив И.С. Тургенева. – *Н.К., О.К.*). *Вглядитесь в лица Николая Петровича, П-а П-а, Аркадия. Слабость и вялость или ограниченность. Эстетическое чувство заставило меня взять именно хороших представителей дворянства, чтобы тем вернее доказать мою тему: если сливки плохи, что же молоко? Взять чиновников, генералов, грабителей и т.д. – было бы грубо, le pont aux anes*[1] *– и неверно. Все истинные* ***отрицатели****, – которых я знал, – без исключения (Белинский, Бакунин, Герцен, Добролюбов, Спешнев и т.д.) происходили от сравнительно добрых и честных родителей. И в этом заключается великий смысл: это отнимает у* ***деятелей****, у отрицателей всякую тень* ***личного*** *негодования, личной раздражительности. Они идут по своей дороге потому только, что более чутки к требованиям народной жизни...»*

«Классовая» антитетика писем к графине Е. Ламберт и представителю молодого поколения – будущего России, поэту К.К. Случевскому раскрывает разные грани эпистолярного мастерства И.С. Тургенева. Письмо к К.К. Случевскому отражает общественное и литературное лицо И.С. Тургенева: из шести его романов пять непосредственно посвящены революции и революционерам, это означает, что писатель осознавал необходимость изменения существующего классового строя в России.

Но привычка к салонности общения сохраняется и в его переписке с А.А. Фетом, П.В. Анненковым, В. Боткиным и др. Это уже иной салонный стиль, – он связан более с интеллектуальною игрой, артистичностью изложения сообщения о своей работе, настроениях, мыслях о литературной деятельности и др. Иными словами, речь идет о специфике салонного общения в эпистолярной деятельности, которая «заключается в личной когнитивной и эмотивной адресованности. Последняя опре-

деляет интенцию, структуру, содержание и экспрессию средств выражения» [Ковалева, Приорова, 2017, с. 36].

Письма к А.А. Фету характеризуются салонностью тона, который он проповедовал в 50-60-е гг. как в своей лирике, так и эпистоляриях. См., например, стилистические разъяснения И.С. Тургенева во фрагменте письма к А.А. Фету от 11 декабря/29 ноября 1869 г., где интересны мысли о нормативности в языке:

«Etiam-si omnes, ego non[2]*, любезный А.А.!* ***Ни в жизнь не соглашусь*** (здесь и далее жирный курсив И.С. Тургенева. – *Н.К., О.К.*), *что можно в смысле* ***«швырять золотом»*** *сказать* ***«швыряться золотом»*** или ***«сыпать роз»****, хотя можно и должно сказать, например: “Он обещал мне роз, а я ему надавал картофелю” и т.д.* “***К ее ногам*** он ***сыпал роз***” *– безобразно. Тут дело не в пуризме, а в своеобразных условиях живой русской речи. Я могу ошибаться как вообще в оценке Вашей идиллии...»*

В письме И.С. Тургенева речь идет о салонной перифрастике «*швырять золотом*», а не «*швыряться золотом*», как у А.А. Фета, или «*не к ногам сыпал роз*», а можно и должно сказать «*он обещал мне роз*». Уточняя морфологию и синтаксис перифрастики, И.С. Тургенев тем самым пеняет А.А. Фету на леность в изучении русского языка, а также недостаточность знаний устойчивых конструкций русского языка.

Или: «*Милый Анненков, вчера я писал Вам – и нынче пишу снова, но уже* ***с припаданием к стопам*** *(здесь и далее жирный курсив наш. – Н.К., О.К.*); *а почему я* ***прибегаю*** *к такой* ***позе****, о том следуют пункты:*

Я, Вы знаете, сам для себя никогда реклам не писывал и не заставлял писать других; но есть особа, для которой я не только на рекламы, ***на все пущусь****, тем более, что я убежден, что лгать не буду. Имя этой особы Вы, вероятно, уже угадали: это – г-жа Виардо. В конце прошлого года явился третий альбом ее романсов под заглавием: «Пять стихотворений Лермонтова и Тургенева, положенные на музыку П.В.Г.», и издателю Иогансену (которому представьте прилагаемую записочку – и получите все альбомы) весьма бы желательно, чтобы по поводу этих новых романсов была помещена* ***хорошенькая статья****, в которой было бы* ***обращено внимание*** *на всю романсовую деятельность г-жи Виардо у нас, на Руси. Вы видите теперь, куда направляется моя просьба. Статья может быть не большая; особенно* ***специальной окраски*** *вовсе не нужно: начните с того, что Вы мне сказали о ней по поводу Патти в «Сомнамбуле», и что –* ***между нами сказать*** *– заставило ее* ***прослезиться от умиления, воспоминания*** *и т.д., а потом поговорите и о романсах, которые, конечно,* ***стоят*** *неизмеримо* ***выше*** *всего того, чем обыкновенно* ***пробавляется*** *наша* ***публика****. Можете из числа пяти новых указать на «Утес», «Разгадку» (впрочем, в этом деле Вам поможет А.Н. Тютчева, которую прошу* ***дать себе труд*** *просмотреть альбомы); упомяните о трудности аккомпанемента фортепьянного, как о причине того, что некоторые из этих романсов получили меньше распространения, чем бы заслуживали, о г-жах Лавровской, Хвостовой, которые их прекрасно поют... Словом,* ***сделайте маленькую****, милую, теплую* ***вещь****, как Вы это умеете делать,*

и поместите... вот вопрос: куда? В «С.-Петербургских ведомостях» свирепствует г. Кюи, который именно об одном романсе г-жи Виардо отнесся презрительно-грубо; может быть, там не захотят принять: но надо бы ***поместить эту статейку*** *в одном московском и одном петербургском журнале. В Москве, я уверен, Катков не откажет.* ***Предоставляю*** *это Вашему* ***благоусмотрению*** *и только уверяю Вас, что* ***ни за что никогда*** *я Вам не буду так* ***благодарен****, как за эту услугу, при которой Вам и* ***кривить душой*** *не придется.*

Я вчера сгоряча написал Вам об «Обрыве», но и нынче, поразмыслив, не меняю, своего мнения ***ни на йоту****. Реторика и реторика (орфография И.С. Тургенева. – Н.К., О.К.)! Что может быть, например рутиннее, пошлее описания тех камелий, которые высасывают денежки из нашей молодежи! И что за д...ня словами!! От Салаева получили ли Вы вышедшие четыре тома нового моего издания? Если нет, вытребуйте и прочтите в «Двух приятелях», как я переделал конец Вязовнина. Еще раз* ***припадаю к стопам****:* ***«Царь государь, взмилуйся!»*** и ***остаюсь*** *навсегда* ***любящий Вас***

Ив. Тургенев» (П.В. Анненкову от 25 (13) января 1869 г.).

Письмо П.В. Анненкову показывает, в какой литературно-бытовой эмиграции, какими чувствами и представлениями живет И.С. Тургенев. Одним из важнейших дел, которые он ищет вне литературы, является его «служба» артистической карьере Полины Виардо. В письме сказывается опыт эпистолярной стилистики 40-х гг.

Письмо насыщено устойчивыми организациями слов, характерными для фразеологии писем Тургенева – в нем представлены: а) идиоматика высокого книжного стиля (*припадать к стопам*, *предоставлять благоусмотрению* и др.), б) фразеологические сочетания аналогичного характера (*прибегать к позе*, и др.), в) фразеология разговорного стиля общения (*на все пущусь*, *кривить душой* и т.д.). Однако специфический тон письма создается за счет объединения единиц высокого стиля и сочетаний, столь характерных для эпистолярной речи И.С. Тургенева, включающих эмотивность ласкательного характера: *прилагаемая записочка*, *хорошенькая статья*, *поместить статейку* и т.д. Фразеология салонных писем И.С.Тургенева отличается особым флером по сравнению с устойчивыми сочетаниями в эпистолярных тургеневских текстах иного типа. Сравните эпистолярные фразеологические сочетания, многоаспектный анализ которых был проведен в работе А.Г.Балакая [Балакай, 1978].

В значительной части уменьшительная ласкательность создается суффиксами эмоциональной оценки ***-очк-, -еньк-, -ейк-.*** Письмо наполнено побудительными конструкциями типа *представьте прилагаемую записочку*, *весьма бы желательно*, *начните с того, прошу дать себе труд, упомяните о трудности аккомпанемента, сделайте теплую вещь* и др. Особую значимость приобретает в стиле письма параметр Magn + ‘очень’, который включен как в лексическую, так и во фразеологическую семантику и отражает эмоциональный накал просьбы: *припадание к стопам; есть особа, для которой я на все пущусь*; *заставим ее* (П. Ви-

ардо. – *Н.К.*, *О.К.*) *прослезиться от умиления*; *ни за что никогда я Вам не буду так благодарен, как за эту услугу* и др. Настоятельность просьбы создается фразеологическим кольцом – рамочным употреблением: *припадание к стопам* – преамбула письма и *припадаю к стопам* – резюме письма. Эмотивная заключительность рамки усиливается имплицитной и эксплицитной ласковостью – афоризмом «*Царь государь, взмилуйся*!» и «*Остаюсь навсегда любящий Вас*».

Стилистика лексем «*Царь государь, взмилуйся*!» в совокупности с повышенным интонированием фразы представляет Magn+ во фразеологизованной конструкции крылатого типа; фразеологизированность второй части резюме имеет эксплицитный Magn+ за счет местоименного наречия *навсегда*, включенного в клишированную фразеологизированную конструкцию прощания, также свойственную «художественной» интеллигенции того времени.

Совокупность традиционных перифрастических образов и фразеологических образов, обладающих разной степенью устойчивости, отражает лексико-фразеологический состав и стиль писем И.С. Тургенева, его структурно-семантические и грамматические структуры, свойственные речи 40 – 60-х гг. XIX в. (см. подробнее [Ковалева Н., 2001, с. 231 – 240]).

Рассмотрение салонного письма, являющегося по своей семантике, лексико-фразеологическому составу и стилистике антитетичной жанровой, по сравнению с другими типами письма, структурой позволяет поставить вопрос о противопоставленности жанров частного письма и наличия в его составе поджанров. Эстетика поджанров характеризуется наличием речевых структур, определяемых разными коммуникативными намерениями и отражающих различное коммуникативное состояние эпистолярия.

Примечания

[1] Le pont aux anes – Открытие для невежд – буквально: «мост для ослов» (франц.).

[2] Etiam si omnes, ego non – если все это сделают, то я – нет (лат.)

Литература и источники

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Балакай А.Г. Фразеологические сочетания писем И.С.Тургенева в связи с общими вопросами детерминированной сочетаемости слов в современном русском литературном языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1978. 249 с.

Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. 354 с.

Ковалева Н.А. Речевые стереотипы эпистолярного текста // Текст. Структура и семантика: докл. VIII Междунар. науч. конф. М.: СпортАкадемПресс, 2001. С. 231–240.

Ковалева Н.А., Приорова И.В. Коммуниканты в речевой организации эпистолярия // Вестн. Российского нового ун-та. Серия «Человек в современном мире». Вып. 3-4. М., 2017. С. 35 – 39.

Ковалева О.С. Трансформация «концепции культуры» неославянофилов в XIX-XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Астрахань, 2012. 174 с.

Меркулова М.Г. Ретроспекция в трагедии Шекспира «Гамлет» // Филол. науки. 2006. № 5. С. 33–43.

Островский А.Г. Тургенев в записях современников: Воспоминания. Письма. Дневники... [Электронный ресурс]. // Электрон. дан. М., 1999. URL: http://lib.volsu.ru/virtvyst/?p=3017 (дата обращения 22.02.2018).

Селезнева Л.В. К вопросу о соотношении текста и дискурса // Вестн. Северо-Восточного фед. ун-та им. М.К. Аммосова. 2014. Т. 11, № 5. С. 67–75.

Стернин И.А. Светское общение. Воронеж: Рико, 1996. 18 с.

Тургенев И.С. Собр.соч.: В 12 т. М.: Гослитиздат, 1953–1958.

Чапаева Л.Г. Культурно-языковая ситуация в России 1830 – 1840-х гг. в контексте споров славянофилов и западников. Saarbrücken, 2014. 256 с.

References

Arutyunova N.D. *Yazyk i mir cheloveka*, Moscow, Yazyki russkoy kultury, 1999. (In Russian).

Balakay A.G. *Frazeologicheskiye sochetaniya pisem I.S.Turgeneva v svyazi s obshhimi voprosami determinirovannoy sochetaemosti slov v sovremennom russkom literaturnom yazyke*: *dis.... kand. filol. nauk.*, Moscow, 1978. 249 p. (In Russian).

Dement'ev V.V. *Nepryamaya kommunikatsiya i ee zhanry*, Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2000, 354 p. (In Russian).

Kovaleva N.A. Rechevyye stereotipy ehpistolyarnogo teksta. *Tekst. Struktura i semantika: dokl. VIII Mezhdunar. nauch. konf.*, Moscow, SportAkademPress, 2001, pp. 231–240. (In Russian).

Kovaleva N.A., Priorova I.V. Kommunikanty v rechevoy organizatsii ehpistolyariya. *Vestn. Rossiyskogo novogo un-ta. Seriya «Chelovek v sovremennom mire»*, vypuski 3-4, Moscow, 2017, pp. 35 – 39. (In Russian).

Kovaleva O.S. *Transformatsiya «kontseptsii kul'tury» neoslavyanofilov v XIX-XX vv.*: *dis. ... kand. ist. nauk*, Astrakhan', 2012. 174 p. (In Russian).

Merkulova M.G. Retrospektsiya v tragedii Shekspira «Gamlet». *Filol. nauki*, 2006, no 5, pp. 33-43. (In Russian).

Ostrovskiy A.G. *Turgenev v zapisyakh sovremennikov: Vospominaniya. Pis'ma. Dnevniki...* Moscow, 1999. // Available at: http://lib.volsu.ru/virtvyst/?p=3017 (accessed 22.02.2018). (In Russian).

Selezneva L.V. K voprosu o sootnoshenii teksta i diskursa. *Vestn. Severo-Vostochnogo federal'nogo un-ta im. M.K. Ammosova*, 2014, t. 11, no. 5, pp. 67-75. (In Russian).

Sternin I.A. *Svetskoye obshcheniye*, Voronezh, Riko, 1996, 18 p. (In Russian).

Turgenev I.S. *Sobr. soch.*: v 12 t., M., Goslitizdat, 1953-1958. (In Russian).

Chapaeva L.G. *Kuljturno-yazykovaya situatsiya v Rossii 1830-1840-kh gg. v kontekste sporov slavyanofilov i zapadnikov*, Saarbrucken, 2014, 256 p. (In Russian).

Natalya A. Kovaleva, Olga S. Kovaleva (Moscow, Russian Federation)

Salon Letter as a Variety of Epistolary Discourse by I.S.Turgenev

The article is devoted to the genre of salon letter by I.S.Turgenev. Textual meanings of the word, creating coquetry of correspondence, increased friendly tone and rejection of negative emotiveness, reasoning for secular, family-household, philosophical and universal human neutral themes, reflecting

the purposefulness as the translation of national and cultural traditions and ideals in a narrow social stratum – these are the salon letter features. The letters by I.S. Turgenev to different addressees are analyzed: the Countess E.Lambert, A.A. Fet, P.V. Annenkov.

Key words: *I.S. Turgenev, salon letter, epistolary stylistics, language features.*

Natalya A. Kovaleva – Ph.D. in Linguistics, associate professor, professor. Center of linguistics and professional communication. The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Phone.: 8-915-483-54-53; e-mail: kna13@yandex.ru

Olga S. Kovaleva – Ph.D. in History, associate professor. Department of social Sciences and professional communication, Law Institute of Russian University of Transport. Phone: 8-910-472-67-95: e-mail: kovalevamail@gmail.com

УДК 81'37
ББК 81.03

А.А. Козакова

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ОБРАЗА В.Я. БРЮСОВА В ОЧЕРКЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ «ГЕРОЙ ТРУДА»

Стремление раскрыть всю широту и неоднозначность натуры Брюсова приводит Цветаеву к очень своеобразному подбору лексики для характеристики своего героя. Своеобразие это заключается прежде всего в том, что с самых первых строк очерка бóльшая часть цветаевских определений Брюсова имеет отрицательные (а иногда и резко отрицательные) с точки зрения узуса коннотации. Но при более глубоком анализе в потоке отрицательных характеристик выявляются слова, имеющие для Цветаевой особый смысл, при помощи которых поэт выстраивает свой прочный «памятник Брюсову».

Ключевые слова: *Цветаева, Брюсов, поэт, творчество, воля, волк, римлянин.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-142-150

Козакова Александра Алексеевна – канд. филол. наук, доцент кафедры общего и сравнительного языкознания Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: 8-918-55-27-396
E-mail: kozakova@inbox.ru

© Козакова А. А., 2018.

Очерк «Герой труда» стал первым объёмным и многоплановым «мемуарным портретом», написанным М. Цветаевой.

В центре внимания автора незаурядная и сложная личность В.Я. Брюсова, который у многих современников, в том числе и у самой Цветаевой, вызывал весьма противоречивые чувства от восхищения и безмерного уважения до яростной ненависти. Цель написания данной статьи – на основе семантического анализа лексики, характеризующей В.Я. Брюсова, проиллюстрировать одну из важных особенностей идиостиля М. Цветаевой – способность показать амбивалентность ключевых лексем текста, ценностную неоднозначность называемых ими понятий, многоплановость создаваемого образа, что приводит к трансформации значений слов в рамках выбранного семантического поля.

Именно стремление раскрыть всю широту и неоднозначность натуры Брюсова приводит Цветаеву не только к созданию оригинальной композиции, но и к очень своеобразному подбору лексики для характеристики своего героя. Композиционно очерк представляет собой набор воспоминаний М. Цветаевой о нескольких встречах с В.Я. Брюсовым, относящихся к разным временным отрезкам, а также развёрнутое сопоставление В. Брюсова с К. Бальмонтом, которые стали для М. Цветаевой символами двух противоположных разновидностей поэтов: поэт с врождённым Божьим даром (Бальмонт) и поэт, невероятным трудом добивающийся мастерства (Брюсов). При всей внешней

сюжетной несвязанности отрывков воспоминаний (сгруппированных в две большие части, состоящие из глав) при глубоком рассмотрении можно выделить несколько «главных путей» рассуждения поэта о поэте, которые в конечном итоге складываются в единый и очень чёткий портрет В.Я. Брюсова.

Особенностью стиля Цветаевой, как не раз отмечали А. Саакянц и Л. Мнухин в комментариях к Собранию сочинений поэта (см.: [Цветаева, IV]), является её необыкновенная субъективность в оценке других людей и постоянное обращение к интеллектуальному потенциалу читателя, своеобразная игра с ним, когда ему приходится получать не готовую информацию, а медленно продвигаться через намёки, аллюзии, иногда прямо противоположные конечному выводу суждения. Эту свою даже не особенность, а сознательную установку М. Цветаева чётко сформулировала в статье «Поэт о критике»: «*Эту усталость свою, по завершении вещи, я чту. Значит, было что перебороть и вещь далась не даром. Значит – стоило давать бой. Ту же усталость чту и в читателе. Устал от моей вещи – значит хорошо читал и – хорошее читал. Усталость читателя – усталость не опустошительная, а творческая. Сотворческая. Делает честь и читателю и мне*» [Цветаева, V, с. 274 – 296]. Применительно к очерку «Герой труда» такая зашифрованность и установка на разгадку читателем заданного привели к тому, что смысл очерка и отношение автора к своему герою не раскрываются при беглом прочтении, более того, создаётся прямо противоположное замыслу автора впечатление. Так, обычно студенты, работающие с текстом Цветаевой, буквально понимая написанное, приходят к выводу, что Цветаева отрицательно относится к своему герою. Показательным является и тот факт, что даже исследователи идиолекта Цветаевой, которых отличают глубина проникновения в тексты поэта и бережное отношение к ним, остаются в убеждении о преобладании отрицательных характеристик в образе В. Брюсова при сопоставлении его с К. Бальмонтом (см., например, анализ семантического поля «творчество» в работе [Литвинова, с. 187 – 192]) (и, учитывая примеры из текста очерка, приведённые ниже, с этим сложно спорить). В чём причина подобных трудностей, можно понять, проанализировав своеобразный подбор лексем для характеристики В. Брюсова.

Своеобразие это заключается прежде всего в том, что с самых первых строк очерка бóльшая часть цветаевских определений Брюсова действительно имеет отрицательные (а иногда и резко отрицательные) с точки зрения узуса и здравого смысла коннотации. Враждебность и опасность, исходящие от Брюсова (в восприятии Цветаевой), подчёркиваются и постоянным сравнением его с волком. При сопоставлении с Бальмонтом Брюсов явно проигрывает. Такой подбор слов и аналогий создаёт, на первый взгляд, портрет довольно неприятного человека, считающего себя поэтом, но лишённого творческого (божественного) начала.

Наглядное представление о характеристике В. Брюсова в очерке М. Цветаевой «Герой труда» дают выбранные из текста определения (табл. 1).

Таблица 1

Характеристика Брюсова
Лишён песенного начала. Нужен слух. Его не было у Брюсова. Антимузыкальность Брюсова. Брюсов был сплошным берегом, гранитным (реки не было). За-городом (так у М.Ц.) набережная теряет власть. Мрамор, а не гипс... Брюсов – камень. Застёгнутый наглухо поэт. В пределах воли человеческой поэт. Поэт предела. Таким мне мерещится творчество Брюсова. А в высших его достижениях гранитным коридором, выход которого – тупик. Брюсов: поэт входов без выходов. Из его книги выходишь, как из выгодной сделки... если чего и не хватает, то именно – неудовлетворённости. Совершенство не есть завершённость. Под каждым стихотворением Брюсова проставленное «конец». Брюсов не с рифмой сражался, а со своей нерасположенностью к ней. Поэзия как поприще для самоборения. Жест варвара (довершить не законченное Пушкиным). Пустой пьедестал, окружённый свистопляской ничевоков, никудыков, наплеваков. Лучшие – отпали, отвратились (отсылка к «Фаусту»: на пьедестале Мефистофель – *А.К.*)... Брюсов один. Не один над..., один – вне. Не человек, а волк. Я не любила Брюсова, он не любил кого-то из молодых поэтов, да ещё женщину, которых, вообще, презирал. Улыбка! Только не наша, волчья. (Оскал, осклаб, ощер). Тут я впервые догадалась, что Брюсов – волк. Влюблённость вражды (у Цветаевой к Брюсову). Бездушность, скудосердие Брюсова. Было у Брюсова всё: и чары, и воля, и страстная речь, одного не было – любви. Смерть Блока – громовой удар по сердцу, смерть Брюсова – тишина от внезапно остановившегося станка. [Брюсову в СССР] ширь – его узостям, теснотам его – простор!

Важное место в очерке занимает и сравнительная характеристика двух противоположных типов поэтов (табл. 2).

После прочтения характеристик Брюсова, во множестве данных ему Цветаевой на протяжении всего текста очерка, всем носителям русского языка очевидно (даже и без обращения к толковым словарям), что в них преобладают отрицательные коннотации. Пожалуй, из определений поэта, представленных в обеих таблицах, невозможно найти такого, которое было бы наполнено положительным значением (*антимузыкальность, узок, бездарность, скука греха, тупик, конец* и т.д. – смотри выше). Складывается впечатление, что автор намеренно создаёт у читателя (и качественно, и количественно) демонический, хищный образ Брюсова, поэта-волка, без-дарности (так у М.Ц.), неприятного человека. Но при более глубоком анализе в потоке отрицательных характеристик выявляются слова (и понятия), имеющие для Цветаевой особый смысл, при помощи которых поэт вы-

страивает свой прочный «памятник Брюсову». Отметим, что у Цветаевой положительными характеристиками наделяются зачастую понятия и явления, которые в языковом узусе имеют негативную или же нейтральную окраску. Слов «положительной» семантики в очерке «Герой труда» гораздо меньше. Но они играют очень важную роль в создании образа главного героя, дают представление об истинном отношении Марины Цветаевой к Валерию Брюсову. К наиболее важным для характеристики героя, на наш взгляд, относятся лексемы *волк, воля, вол, римлянин, труд*.

Таблица 2

Брюсов в противопоставлении Бальмонту	**Бальмонт в противопоставлении Брюсову**
Сальери	Моцарт
Полярность двух имён – дарований – темпераментов...	Всё, что не Бальмонт – Брюсов, и всё, что не Брюсов – Бальмонт.
Два лагеря, две особи, две расы. Два полюса творчества.	
В Брюсове тесно.	В Бальмонте просторно.
Брюсов глухо.	Бальмонт: звонко.
В Брюсове – скрип ключа.	Бальмонт: раскрытая ладонь – швыряющая.
Творец-рабочий.	Творец-ребёнок.
Ничего от ребёнка – Брюсов.	Ничего от рабочего – Бальмонт.
Творчество жилы.	Творчество игры.
Брюсов, как гувернёр, и играя – работает.	Бальмонт, как ребёнок, и работая – играет.
«а сам не плошай» (Брюсов).	Поделили поговорку: «На Бога надейся» (Бальмонт).
Труд-проклятие.	Труд–благословение.
Труд человека на земле (Брюсов, виновность).	Труд Бога в раю (Бальмонт, невинность).
В родстве со змием. Греховен насквозь.	
И поскольку чтение – соучастие, чтение Брюсова – сопреступленчество...	Труд Бога в раю, труд человека на земле. Восхищаясь первым, преклонимся перед вторым.
Необычайно ощутимый в нём грех (прах). И тяжесть стиха его – тяжесть греха (праха)... Грех без радости, без гордости, без горечи, без выхода. Грех как обычное состояние. Грех – пребывание. Грех – тупик... скука греха. (Таких и в ад не берут, не жгут).	
Победоносность Брюсова – победоносность воина, в целях своих и волей своей, останавливающего солнце.	Победоносность Бальмонта – победоносность восходящего солнца.
Если Брюсов образец непреодолённой без-дарности (то есть необретения в себе, никаким трудом, «рожденна, не сотворенна» дара),	то Бальмонт – пример непреодоленного дара.
Брюсов демона не вызвал.	Бальмонт с ним не совладал.

Полагаем, что названные слова формируют главные линии развития цветаевских рассуждений о Брюсове. Условно эти «сюжеты» можно было бы обозначить так: «Брюсов – волк», «Брюсов – римлянин» и основополагающее противопоставление «Брюсов – Бальмонт». Слова *воля* и *вол*, как увидим, соотносятся и с направлением «Брюсов – римлянин (воля, труд, вол), и с направлением «Брюсов – волк» (здесь они сближаются на основе паронимической аттракции (созвучие сближает значение) – подробнее о паронимической аттракции смотри [Зубова, 1989, с. 25]. При том, что лексема *волк* окрашена в узусе отрицательно, а *римлянин* нейтрально (‘житель Рима’), в очерке «Герой труда» и – шире – в идиолекте М. Цветаевой эти слова наделяются устойчивыми положительными коннотациями.

«Брюсов – волк»

«Волчий» образ Брюсова рисуется Цветаевой штрихами, как бы выхватывающими из общей картины отдельные черты, убеждающие читателя в истинности такого восприятия: рассказ о первой (случайной, но символичной из-за названия) встрече с В. Брюсовым в книжном магазине Вольфа (Wolf – по-немецки ‘волк’); *волчья шуба* (которой укрыла на поэтическом вечере спящую дочь, не зная, что шуба принадлежит Брюсову); *глаза каре-жёлтые волчьи*; *волчья улыбка*; наконец прямой вывод: «*Тут я впервые догадалась, что Брюсов – волк*». Причём очевидно, что такое заключение является положительной характеристикой героя, в нём отражена явная симпатия автора: «*Ответный смех залы и – **добрая** (выделено мной. – А.К.) – внезапная – волчья – улыбка Брюсова. «Улыбка» – условность, просто внезапное обнаружение и такое же исчезновение зубов. Не улыбка? Улыбка! Только не наша, волчья. (Оскал, осклаб, ощер*)». Представление о связи человека и волка являются древнейшими в мифологиях разных народов [Иванов, 1991, с. 242]. И они, и фольклорные сюжеты, посвящённые волку, несомненно, были известны Марине Цветаевой, о чём свидетельствует всё её творчество. Образ волка в идиолекте Цветаевой неоднозначен, разнопланов, но это предмет для отдельного подробного исследования (см., например, анализ символики волка в лирике М. Цветаевой в статье Л.Б.Савенковой [Савенкова, 1997, с. 62]).

В очерке «Герой труда» главным в восприятии образа волка выступает, во-первых, мотив волка-одиночки, а во-вторых, известный сюжет римской мифологии о волчице, вскормившей основателей Рима. Одиночество Брюсова Цветаева подчёркивает неоднократно («*Брюсов один. Не один над..., один – вне*»). А одиночество поэта является, с точки зрения Цветаевой, неотъемлемой его чертой, без которой не может состояться настоящий поэт (вспомним «*Аз – что не бывает парой!*»). Следовательно, в данном контексте образ волка наделяется мощными положительными коннотациями. Несмотря на предыдущее, казалось бы, негативное описание черт характера Брюсова, появляется эпитет *добрая волчья улыбка*. Таким образом, Цветаева как будто играет с читателем: употребляя слова с отрицательными узуальными коннотациями (*волчий оскал*, более того, появляются окказиональные *осклаб, ощер*, что

обычно говорит о негативном отношении к обладателю такой улыбки), она вкладывает в понятие противоположный, положительный, смысл. Укрепляет нас в этом мнении и соотнесение образа Брюсова с безысходностью, унынием: «*К Брюсову, как ни к кому другому, пристало слово “блудник”. Унылое и безысходное, как вой волка на большой дороге. И, озарение: ведь блудник-то среди зверей – волк!*» [Цветаева, IV, с. 54]. Чтобы понять, почему так, нужно вспомнить, что безысходность, тоска понимались Цветаевой иначе, чем в узусе: тоска является необходимой чертой поэтического восприятия мира. Без тоски невозможен настоящий поэт, тоска является, по Цветаевой, основой поэтического ремесла [Козакова, 2014, с. 125 – 131]. Следовательно, наделение героя такими качествами, как безысходность, тоска, является его лучшей положительной характеристикой, так как этим признается его поэтическое мастерство, что и является целью написания очерка М. Цветаевой.

«Брюсов – римлянин»

Второй миф о римской волчице связывает два обозначенных сюжета в один («Брюсов – волк», «Брюсов – римлянин») и также наполнен для Цветаевой очень мощным положительным зарядом: «*Три слова являют нам Брюсова: воля, вол, волк. Триединство не только звуковое – смысловое: и воля – Рим, и вол – Рим, и волк – Рим. Трижды римлянином был Валерий Брюсов: волей и волом – в поэзии, волком (homo homini lupus est) в жизни*» [Цветаева, IV, с. 20]. Что такое Рим для Цветаевой и почему он возник в связи с образом Брюсова, нельзя понять без привлечения других её произведений и писем. Наиболее значимым в этом плане, на наш взгляд, является автобиографический очерк «Отец и его музей», где сначала отрывочные детские воспоминания о скульптуре римской волчицы, вскормившей близнецов (которую маленькая Цветаева видит в книге отца и которая навсегда становится для неё символом Рима), перерастают в гимн подвижничеству, необыкновенному труду и таланту отца, создавшего один из выдающихся для нашей культуры музеев. Заканчивается очерк воспоминанием о подарке отцу знакомой после открытия музея (это был лавровый венок): «*И, со всей страстью восхищения (ибо восхищение – величайшая из ведомых мне страстей!) – целует его, – тридцатипятилетняя красавица – почти семидесятилетнего старика, в увенчанный лаврами лоб.*

Мгновение спустя (венок уже снят и бережно положен на стол) просительница, все еще стоя и сжимая руки моего отца в своих:

– Хочу, чтоб вы знали: это – римский лавр. Я его выписала из Рима. Деревцо в кадке. А венок сплела сама. Да. Пусть вы родились во Владимирской губернии, Рим – город вашей юности (моей – тоже!), и душа у вас – римская. Ах, если бы ваша жена имела счастье дожить до этого дня! Это был бы ее подарок!

Отец мой скончался 30 августа 1913, год и три месяца спустя открытия музея. Лавровый венок мы положили ему в гроб» [Цветаева, V, с. 179].

Таким образом, Рим прочно ассоциируется у Цветаевой с образом отца и с «внешней» стороны (И.В. Цветаев изучал в молодости ок-

ский и умбрский диалекты, связанные с латинским языком и римской культурой; также его работы по собиранию коллекции для музея были во многом связаны с Италией и Римом, где он покупал произведения искусства или заказывал копии), и с «внутренней» (наблюдая с детства, каким тружеником был её отец, Цветаева прочно связала для себя представление о Риме, римской культуре, «римской душе» с трудом, со способностью быть тружеником, преодолевать усилием воли необычайные трудности, «пахать как вол»). Эта явно положительная характеристика отрывается от образа отца и оказывается приложима к образу Брюсова (вот они, *воля – вол – труд*): «*Брюсов был римлянином. Только в таком подходе – разгадка и справедливость. За его спиной, явственно, Капитолий, а не Олимп. Боги его никогда не вмешивались в Троянские бои... Брюсовские боги высились и восседали, окончательно покончившие с заоблачьем и осевшие на земле боги. Но, настаиваю, матерьялом их был мрамор, а не гипс*» [Цветаева, IV, с. 13].

Данная мысль выводит нас на следующий из обозначенных сюжетов: «*Брюсов – Бальмонт*». Как уже было сказано, эти два имени символизируют для Цветаевой два типа поэтов: поэт с Божьим даром и поэт, упорным трудом достигший мастерства. Рассуждая об этом, Цветаева семантически сближает слова *воля – вол*, воспринимая волю в том числе и как способность к тяжёлому труду: «*Пушкин не знал своих возможностей, Брюсов – свои невозможности – знал. Пушкин писал на авось... Брюсов наверняка... Волей чуда – весь Пушкин. Чудо воли – весь Брюсов. Меньшего не могу (Пушкин. Всемощность). Большего не смогу (Брюсов. Возможности). Раз сегодня не смог, завтра смогу (Пушкин. Чудо). Раз сегодня не смог, никогда не смогу (Брюсов. Воля). Но сегодня он – всегда мог*» [Цветаева, IV, с.16].

При, казалось бы, явном неравенстве определений (см. табл. 1, 2), при восхищении Бальмонтом и нелюбви (о чём заявляется открыто и неоднократно) к Брюсову, проанализировав «скрытые» ключевые моменты (*волк – вол – римлянин*), мы вслед за Цветаевой приходим к однозначному выводу: Брюсов достоин восхищения прежде всего потому, что он *римлянин*, «*герой труда*». «*Брюсов в хрестоматии войдёт, но не в отдел «Лирика» – в отдел, и такой в советских хрестоматиях будет: «Воля»*, – напишет Цветаева [Цветаева, IV, с. 63], прочно связав с трудом и волей две «линии жизни» Брюсова: «римскую» и советскую (табл. 3).

Таблица 3

И не успокоится моё несправедливое, но жаждущее справедливости сердце, покамест в Риме – хотя бы в отдалённейшем из пригородов его – не встанет – в чём, если не в мраморе? – изваяние СКИФСКОМУ РИМЛЯНИНУ РИМ [Цветаева, IV, с.21]	*И не успокоится моё несправедливое, но жаждущее справедливости сердце, пока в Москве, на самой видной её площади, не встанет – в граните – в нечеловеческий рост – изваяние: ГЕРОЮ ТРУДА СССР.* [Цветаева, IV, с. 63]

Таким образом, Цветаева, показывая амбивалентность значений ключевых слов, трансформируя эти значения в рамках выбранных семантических направлений, оставаясь субъективной в отношении к своим современникам и своеобразной в ассоциациях, оригинально решила трудную задачу (отдать дань памяти В. Брюсову, «*судить, не осудив*»), о которой писала в одном из писем к Анне Тесковой: «*...вопреки отталкиванию, которое он мне внушал, дать идею его своеобразного величия*» [Цветаева, IV, с. 638].

Литература и источники

Зубова Л.В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1989.

Иванов В.В. Волк // Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1991. Т.1. С. 242.

Козакова А.А. Концепт «Тоска» в поэтическом идиолекте М. Цветаевой // Изв. Волгоградского пед. ун-та. Филол. науки. 2014. № 5 (90). С. 125 – 131.

Литвинова И.А. Пространственные оппозиции как репрезентанты СП «Творчество» в идиолекте М.И. Цветаевой // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2017. № 2. С. 187 – 192.

Савенкова Л.Б. Образ-символ *волк* в лирике М. Цветаевой // Русский язык в школе. 1997. № 5. С.62.

Цветаева М.И. Собр. соч. в семи томах. М.: Эллис Лак, 1994 – 1995.

References

Zubova L.V. *Poehziya Mariny Tsvetayevoy. Lingvisticheskiy aspekt*. L., Izd-vo Leningr. un-ta, 1989. (In Russian).

Ivanov V.V. Volk. *Mify narodov mira. Ehntsiklopediya*. M.: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1991, t. 1, p. 242.

Kozakova A.A. Kontsept «Toska» v poehticheskom idiolekte M. Tsvetayevoy. *Izv. Volgogradskogo pedagogicheskogo un-ta, Filol. nauki*, 2014, no. 5 (90), pp. 125-131.

Litvinova I.A. Prostranstvennyye oppozitsii kak reprezentanty SP «Tvorchestvo» v idiolekte M.I. Tsvetayevoy. *Izv. Yuzhnogo federal'nogo un-ta, Filol. nauki,* 2017, no. 2, pp. 187-192. (In Russian).

Savenkova L.B. Obraz-simvol *volk* v lirike M. Tsvetayevoy. *Russkiy yazyk v shkole*, 1997, no. 5, p. 62.

Tsvetayeva M.I. *Sobraniye sochineniy v semi tomakh*. M., Ellis Lak, 1994-1995.

Alexandra A. Kozakova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Lexico-semantic Analysis of V. Bryusov's Image in M. Tsvetaeva's Sketch "Labor Hero"

The center of M. Tsvetaeva's attention is remarkable and complex personality of V. Bryusov, who evoked very contradictory feelings from admiration and immense respect to fierce hatred in many contemporaries.

It is precisely the desire to reveal the whole breadth and ambiguity of the nature of V. Bryusov that leads Tsvetaeva not only to create an original composition, but also to a very peculiar selection of vocabulary to characterize his character. The peculiarity of this lies primarily in the fact that from

the very first lines of the essay, most of Bryusov's color definitions really have negative (and sometimes sharply negative) terms of connotation (*anti-music, barbarian gesture, hostility, Salieri, and many others*). The hostility and danger emanating from Bryusov (in the perception of Tsvetaeva) is also emphasized by his constant comparison with the wolf. Such a selection of words and analogies creates, at first glance, a portrait of a rather unpleasant person who considers himself a poet, but is devoid of creative (divine) principle.

But with a deeper analysis in the stream of negative characteristics, words (and concepts) are revealed that have a special meaning for Tsvetaeva, with the help of which the poet builds his strong "monument to Bryusov". The words of "positive" semantics are much less than the lexemes of the previous group. But they play a very important role in creating the image of the protagonist. The most important lexemes are *wolf, will, Roman, labor*.

Thus, Tsvetaeva originally decided the difficult task of showing the greatness of V. Bryusov, while maintaining an ambiguous attitude towards him.

Key words: *Tsvetaeva; Bryusov; poet; creativity; the will; Wolf; Roman*.

Alexandra A. Kozakova – candidate in Philology, associate professor. Institute of Philology, Journalism and Cross-cultural communication. Southern Federal University. Phone: 8-918-55-27-396; e-mail: kozakova@inbox.ru

УДК 811.112.2`36
ББК 80-84

А.Д. Мельник

ФРАЗЕОСХЕМА «WAS + PERS. PRON$_1$ [<ART$_1$>SUB$_1$] + <NICHT>++ VERB!(?)» В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ

Дано описание фразеосинтаксической схемы современного немецкого языка **«Was + Pers. Pron$_1$ [<Art$_1$>Sub$_1$] + <nicht> + Verb!(?)»** в структурном, семантическом, этимологическом, парадигматическом, синтагматическом, стилистическом, фразеологическом и функциональном аспектах**.** Обоснован фразеологический статус данной фразеосхемы, которая имеет обязательные неизменяемый и изменяемый компоненты, характеризуется признаками воспроизводимости, структурно-семантической устойчивости и целостности, идиоматичности и экспрессивности. В целом данная фразеосхема достаточно частотна в практике речевой коммуникации.

Ключевые слова: *синтаксическая фразеология; синтаксическая фразеологическая единица; фразеосинтаксическая схема; фразеосхема; немецкий язык.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-151-160

Мельник Анастасия Дмитриевна – преподаватель ДГТУ, соискатель кафедры теории языка и русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
E-mail: anastasha82@yandex.ru

© Мельник А.Д., 2018.

Ведение

Языковые единицы, относящиеся к фразеологической системе языка, неоднородны по своему составу, так как фразеологизации могут подвергаться единицы практически любого языкового уровня (за исключением фонетического) [Меликян, 2014, с. 11]. Наиболее полно современная типология синтаксических фразеологических единиц (далее – СФЕ) дана в работах В.Ю. Меликяна, который выделяет четыре класса СФЕ: коммуникемы (слова-предложения), фразеосинтаксические схемы (фразеосхемы), устойчивые модели и устойчивые обороты [Меликян, 2016, с. 5].

В данной статье рассматривается один из классов СФЕ – фразеосхемы. Вслед за В.Ю. Меликяном определим фразеосхему «как коммуникативную предикативную единицу синтаксиса, представляющую собой определяемую и воспроизводимую несвободную синтаксическую схему, характеризующуюся наличием диктумной и модусной пропозиции, обладающую грамматической и лексической частичной членимостью, проницаемостью, распространяемостью, сочетающуюся с другими высказываниями в тексте по традиционным правилам и выполняющую в речи эстетическую функцию. Структурная модель фразеосхемы предполагает наличие двух обязательных компонентов: первый из них является неизменяемым (опорным) как в лексическом, так и в грамматическом аспектах, второй – изменяемым, т.е. лекси-

чески свободно варьируемым, а грамматически устойчивым» [Меликян, 2014, с. 162].

Фразеосхемы в германистике не получили своего должного описания, имеются лишь отдельные работы, что и обусловливает актуальность настоящего исследования.

Цель статьи. Статья ставит перед собой цель рассмотреть фразеосинтаксическую схему «Was + Pers. $Pron_1$ [<Art_1>Sub_1] + <nicht> + Verb!(?)» современного немецкого языка в этимологическом, структурном, семантическом, парадигматическом, синтагматическом, стилистическом, фразеологическом и функциональном аспектах для выявления её фразеологических свойств, и, соответственно, выяснить в итоге возможность отнесения данной фразеологизированной конструкции к фразеологической подсистеме языка.

Методология, материалы и методы. Методология исследования синтаксической фразеологии включает в себя принцип антропоцентризма, принцип системности, принцип антропоцентризма и принцип детерминизма.

Материалом для исследования послужили художественные произведения, публицистические издания, а также материалы живой разговорной немецкой речи, которые отобраны методом сплошной выборки из немецких корпусов COSMAS и DWDS.

Для анализа примеров применялись описательный метод, метод компонентного анализа семантической структуры предложения, синтаксического моделирования, метод фразеологического анализа, трансформационный метод, а также метод этимологического, контекстуального и дискурсивного анализа.

Обсуждение и результаты. Рассмотрим основные системные характеристики фразеосинтаксических схем немецкого языка на примере фразеосхемы **«Was + Pers. $Pron_1$ [<Art_1> Sub_1] + <nicht> + Verb!(?)»,** которая является полисемичной и в системе языка имеет следующие два значения: 1) «удивление в сочетании с одобрением, восхищением, радостью, положительным отношением к предмету речи или собеседнику и т.п.»: – *Nein. Wir brauchen jetzt alles selbst.* – *Lebenthal blickte auf.* – *So? Und woher soll ich Geld für das nächste mal kriegen?* – *Du hast doch noch was.* – ***Was du nicht alles weißt!*** – *Sie hockten sich plötzlich wie Tiere auf allen vieren gegenüber und sahen sich in die eingesunkenen Gesichter.* (E.Remarque. Der Funke Leben) («Ты многое знаешь + удивление и т.п.»); 2) «удивление в сочетании с обидой, порицанием, иронией, насмешкой, возмущением, негативным отношением к предмету речи или собеседнику и т.п.»: *Und in einem zu seiner Haltung nicht ganz stimmenden Tone began er:* – *Die Wahrheit zu sagen, lieber Onkel, ich wär` wahrscheinlich auch heute nicht gekommen, wenn ich nicht – also, mit einem Wort, es handelt sich um eine sehr, sehr ernste Angelegenheit.* – ***Was du nicht sagst***, – *bemerkte Robert Wilram freundlich, aber ohne besondere Teilnahme. Für mich wenigstens ernst. Kurz und gut, ohne weitere Umschweife, ich habe eine Dummheit begangen, eine gro e Dummheit.* (A. Schnitzler, Doktor Gräsler, Badearzt) («То, что ты

говоришь, плохо, вызывает у меня удивление + возмущение, негативное отношение к предмету речи или собеседнику и т.п.») (А. Шнитцлер, Доктор Грэслер. Курортный врач, перевод А.Д. Мельник).

В реализации данных значений значимую роль играет соответствующий лексический контекст и конкретная ситуация. В примере первого значения фразеосхема помимо удивления выражает одобрение, восхищение, радость, в целом положительное отношение к предмету речи и собеседнику, а в примере второго значения удивление сопровождается негативной коннотацией и негативным отношением к предмету речи. Всё это становится понятно благодаря контексту, в окружении которого функционируют данные предложения. Следовательно, оба значения данной схемы имеют общую категориальную сему «удивления», но выражают противоположные семы оценки, противоположное отношение к предмету речи или собеседнику.

Таким образом, исследуемая конструкция характеризуется несимметричной разновидностью эмоционально-оценочной энантиосемии, в которой наблюдается асимметрия по удалённым семам значения.

Анализ большого количества примеров реализации данной фразеосхемы в речи показал, что чаще всего в речи актуализируется значение «удивления с негативным отношением к предмету речи», когда энантиосемия значения исследуемой конструкции является результатом иронического употребления данной фразеосхемы. Следовательно, у данной фразеосхемы негативный тип значения доминирует над положительным.

Базой для образования фразеосхемы выступает простое вопросительное предложение нефразеологизированного типа (специальный вопрос) с вопросительным словом *was*. Например: – ***Was hörst du? Was siehst du?*** *– fragte St. John beunruhigt. Ich konnte nichts sehen; aber ich hörte eine Stimme von irgendwoher rufen: – Jane, Jane, Jane! – sonst nichts. –* ***O Gott, was ist das?*** *Ich hätte fragen sollen «Wo ist es?» – denn esschien weder im Zimmer noch im Hause noch im Garten zu sein; es kam weder aus der Luft noch aus der Erde.* (Ch. Brontyo. Jane Eyre).

Таким образом, исследуемая фразеологизированная конструкция формально по структуре своих элементов совпадает с простым вопросительным предложением (специальным вопросом), однако в системе немецкого языка функционирует как независимая конструкция. При этом её структура часто претерпевает изменение, так как следование её элементов имеет особый фиксированный порядок, отличный от порядка следования элементов традиционного специального немецкого вопроса. Однако иногда структура ее элементов сохраняет структуру специального вопроса, но это явление характеризуется малой частотностью.

Структура анализируемой фразеосхемы **«Was + Pers. Pron$_1$ [<Art$_1$>Sub$_1$] + <nicht> + Verb!(?)»** состоит из обязательного неизменяемого и обязательного изменяемого компонентов и двух факультативных элементов.

Обязательный неизменяемый (опорный) компонент в составе данной фразеосхемы является простым (однокомпонентным) и выражен лексемой *was,* которая в системе немецкого языка выступает в качестве вопросительного местоимения со значением: «что» [Добровольский, 2010, с. 935].

В составе фразеосхемы опорный компонент *was* частично десемантизирован, так как он утрачивает связь с прямым вопросительным значением в связи с утратой вопросительного значения *was* в специальном вопросе; характеризуется наличием нулевой морфологической и лексико-грамматической парадигмы, что обусловлено его частеречной спецификой.

Обязательный изменяемый компонент представлен сочетанием двух лексико-синтаксических элементов (сказуемое (*Prädikat*) + подлежащее (*Subjekt*)), образующих структуру простого предложения. Согласно традиционным нормам немецкой грамматики специальный вопрос имеет определённый порядок следования членов предложения: вопросительное слово + сказуемое + подлежащее. В исследуемой фразеосхеме сказуемое всегда в конце предложения: вопросительное слово + подлежащее + сказуемое. Сказуемое в составе обязательного изменяемого компонента обычно выражается либо личной формой полнозначного глагола в настоящем времени (Präsens) или перфект (Perfekt), либо комбинацией модального с полнозначным глаголом или модальным глаголом без полнозначного глагола в настоящем времени (**$V_{ollverb}$/ $M_{odalverb}$ + <$V_{ollverb}$>**). При наличии модального глагола без полнозначного глагола отсутствующий полнозначный глагол домысливается благодаря контексту.

Подлежащее в составе обязательного изменяемого компонента обычно выражено личным местоимением в именительном падеже (**$Pron_1$**) или существительным в именительном падеже (**Sub_1**). Морфологически-грамматическая парадигма обязательного изменяемого компонента дефектная, так как у имени существительного допускается лишь форма именительного падежа личного местоимения или существительного, а у глагола – лишь форма настоящего времени или перфекта. Лексическое варьирование этих элементов не ограничено. В связи с этим в вариативной части исследуемой фразеосхемы используются частеречные обозначения её структурных элементов: **«Was + Pers. $Pron_1$ [<Art_1> Sub_1] + <nicht> + $V_{ollverb}$!(?)»** Проиллюстрируем наиболее частотные формы обязательного изменяемого компонента. Например: 1) сказуемое, выраженное личной формой полнозначного глагола в настоящем времени, и подлежащее, выраженное личным местоимением в именительном падеже **«Was + Pers. $Pron_1$ [<Art_1> Sub_1] + <nicht> + $V_{ollverb}$!(?)»**: – ***Was du nicht denkst****, – erwiderte Katharina, sprang auf, machte ein lustiges Gesicht, öffnete die Türe zum Speisezimmer und wies auf den freundlich gedeckten Tisch.* (A. Schnitzler, Doktor Gräsler, Badearzt) («Ты многое обдумал + удивление в сочетании с одобрением, восхищением, радостью, положительным отношением к предмету речи

или собеседнику и т.п.»); 2) сказуемое, выраженное сочетанием модального глагола с полнозначным глаголом или без полнозначного глагола в настоящем времени, и подлежащее, выраженное личным местоимением в именительном падеже **«Was + Pers. $Pron_1$ [<Art_1> Sub_1] + <nicht> + $M_{odalverb}$ + <$V_{ollverb}$> !(?)»**: *Inge. Du hast aber ein hübsches Kleid an. Hast du es arbeiten lassen oder fertig gekauft?*

Erika. Selbst geschneidert.

Inge. Alle Achtung! ***Was du nicht alles kannst!*** *Du entwickelst neue Talente.* (N.D. Artemjuk, V.L. Senina, Aus dem Alltag gegriffen) («Ты многое умеешь + удивление в сочетании с одобрением, восхищением, положительным отношением к предмету речи или собеседнику и т.п.»). В последнем примере в структуре фразеосхемы *Was du nicht alles kannst!* присутствует модальный глагол, но отсутствует полнозначный (*machen* ● *делать*). Отсутствующий полнозначный глагол при этом домысливается по контексту, так как определяющую роль в реализации энантиосемичного значения всей фразеосхемы выполняет конкретная контекстная ситуация и ближайшее лексическое окружение. В анализируемом примере фразеосхема выражает «удивление, восхищение, положительное отношение к собеседнику» и имеет следующее значение: «Инга восхищается талантами Эрики».

Таким образом, изменяемая часть сложного сказуемого стоит в конце предложения.

Однако возможны единичные случаи вариативности синтаксической конструкции, когда изменяемая часть сказуемого позиционируется перед подлежащим, что соответствует структуре традиционного немецкого специального вопроса: **«Was + $M_{odalverb}$ + Pers. $Pron_1$ [<Art_1> Sub_1] + <nicht> + <$V_{ollverb}$> !(?)».** Например: – *John Reed ist tot, Sir. Er hat seine Familie fast zugrunde gerichtet und soll dann Selbstmord begangen haben. Als seine Mutter das erfuhr, erlitt sie einen Schlaganfall. – Was können Sie ihr nützen? Unsinn, Jane!* ***Was wollen Sie da hundert Meilen weit laufen,*** *um eine alte Frau zu sehen, die vielleicht schon tot ist! Übrigens, sie hat Sie doch hinausgeworfen? – Ja, aber das ist lange her. Die Umstände habensich verändert; ich hätte kein ruhiges Gewissen, wenn ich ihrem Wunsch nicht nachkäme.* (Ch. Brontyo. Jane Eyre) («То, что вы хотите туда бежать..., вызывает у меня удивление + возмущение, негативное отношение к предмету речи или собеседнику, порицание, насмешка и т.п.»).

Следовательно, обязательный изменяемый компонент исследуемой фразеосхемы характеризуется дефектной лексико-грамматической и морфологической парадигмами. Данная фразеосхема не обладает синтаксической парадигмой, так как не допускает обратимость порядка следования обязательных компонентов.

Анализируемая фразеосхема имеет распространение своей синтаксической структуры в ограниченных масштабах, характеризуясь при этом ограниченным количеством распространяющих элементов. Как правило, такие распространители представляют собой конкретизаторы предмета речи (*nur,* местоимение *alles* и др.). Например: *Was tut ihr?*

Schlagt ihr sie? – Wir schlagen sie nicht, du Dummkopf, – sagte ich. – Wir sprechen mild und freundlich mit ihr. ***Was du nur hast!*** *– Dann macht nur weiter so, – sagte Ole. – Und lasst sie tun, was sie will, dann weint sie nicht.* (A.Lindgrend. Die Kinder aus Bullerbü) («То, что ты говоришь, плохо / неправильно + удивление в сочетании с обидой, возмущением, негативным отношением к предмету речи или собеседнику и т.п.»).

В синтаксической структуре исследуемой фразеосхемы выявлено два факультативных компонента: отрицательная частица *nicht* (*не*) и междометие. В соответствии с нормами немецкой грамматики в данном случае в структуре анализируемой фразеосхемы частица *nicht* становится перед основным глаголом. В связи с этим факультативный элемент исследуемой фразеосхемы встречается в составе обязательного изменяемого компонента между подлежащим и сказуемым: **«Was + Pers. Pron$_1$ [<Art$_1$> Sub$_1$] + <nicht> + Verb!(?)».** Например: ***Was du nicht alles wei t!*** (E. Strittmatter. Der Laden) («Ты многое знаешь + удивление в сочетании с одобрением, восхищением, радостью, положительным отношением к предмету речи или собеседнику и т.п.»). Второй факультативный элемент расположен в препозиции по отношению к обязательным компонентам. Он представлен неполнознаменательной лексемой (междометием), основной задачей которой является акцентуализация коммуникативного смысла высказывания (oh, ach, wow, nun и т.д.): **«<Oh [o, ach, uh, wow, nun, mein Gott…]> + was + Pers. Pron$_1$ [<Art$_1$> Sub$_1$] + <nicht> + <alles> + Verb!(?)»**. Например: *Ich habe eigentlich keinen Hunger, aber es ist schrecklich langweilig, nicht wahr, hier herumzusitzen. Auch David zitterte; aber auch er war sehr erregt. –* ***Oh, was ich dir sagen mu*** *, – plauderte er unverändert gekünstelt, während wir durch die Lounge zurück und auf die nächste Treppe zuschlenderten.* (A. Rice, Chronik der Vampire – Nachtmahr) («Я недоумеваю по поводу того, что же я должен тебе сказать + возмущение, негативное отношение к предмету речи или собеседнику и т.п.»).

Во фразеологическом аспекте анализируемая фразеосхема характеризуется крайне высокой степенью динамизма, так как на её основе образуется большое количество различных коммуникем. Например: – ***Na so was****! Sie fressen Gras, – rief Jan Fishan, als sie sich einer Gruppe von Pferder auf der Koppel näherten. Die Briten waren verblüfft, bestätigten jedoch höflich, dass dies in der Tat der Fall sei.* (S.Shah. Die Tochter des Geschichtenerzählers).

Исследуемая фразеосхема имеет все свойства, присущие единицам фразеологической подсистемы языка: воспроизводимость, структурно-семантическая устойчивость и целостность, идиоматичность, экспрессивность и разговорная стилистическая маркированность.

Воспроизводимость анализируемой фразеосхемы заключается в том, что коммуниканты пользуются её в готовом виде: ее план выражения и план содержания неизменны и предполагают друг друга. Благодаря этому фразеосхема остается равной самой себе. При этом коммуниканты легко распознают в тексте вторичную функцию опорного ком-

понента и всей синтаксической модели предложения в целом, а также ее эмоционально-экспрессивное смысловое наполнение.

Структурная устойчивость данной фразеосхемы проявляется в наличии обязательного набора компонентов (неизменяемого и изменяемого), в невозможности инвертированного порядка их следования, а также в существенном ограничении их парадигматических свойств.

Семантическая устойчивость выражается в присутствии постоянного фразеосинтаксического значения, которое не связано с модификацией лексического наполнения фразеосхемы.

Структурная целостность определена невозможностью удаления обязательного неизменяемого компонента, а также ограничениями в плане модификации ее структуры за счет факультативного элемента.

Смысловая целостность обусловлена наличием общего фразеологического значения с синтаксическими чертами у синтаксической модели предложения. Данный аспект значения предполагает наличие таких элементов содержания, как эмоциональность, положительная или негативная оценка, разговорный и экспрессивный маркеры.

Фразеосинтаксическое значение выражено всей синтаксической моделью в целом. Это усиливает целостность как плана содержания, так и плана выражения.

Проявлением фразеологизации является также постановка восклицательного знака в конце предложения, построенного по модели восклицательного предложения.

Идиоматичность данной фразеосхемы проявляется разными способами. Невыводимым здесь является, прежде всего, фразеосинтаксическое значение «удивления», не эксплицированное в её плане выражения. Идиоматичным является также содержание модусной пропозиции. Например: *Wahrscheinlich wollte er einfach nur provozieren, aber manchmal schlug er dabei einen Ton an, da ich den Eindruck bekam, es seien die einzigen seiner u erungen, die man für voll nehmen konnte. Meinen nachsichtigen Ton beibehaltend, erwiderte ich: – Niemand krepiert nebenan.* ***Was du manchmal erfindest!*** *Im Gegenteil: Den Menschen ging's noch nie so gut.* (J. Arjouni. Chez Max) («То, что ты иногда выдумываешь, вызывает у меня удивление + возмущение, негативное отношение к предмету речи или собеседнику, порицание, насмешка и т.п.»). Данный пример содержит диктумную пропозицию («То, что ты иногда выдумываешь, вызывает у меня удивление»), которая дополнена модусной пропозицией, выражающей «возмущение, негативное отношение к предмету речи или собеседнику, порицание, насмешка и т.п.». Свойство идиоматичности у данной фразеосхемы связано также с невыводимостью функциональной семы восклицательности (повествовательности) и разговорной стилистической маркированности.

Выводы. В современном немецком языке функционирует фразеосхема с простым опорным компонентом *was*: **«Was + Pers. Pron$_1$ [<Art$_1$> Sub$_1$] + <nicht> + Verb!(?)»**. Она производна, так как имеет этимологическую связь с вопросительным предложением.

Анализируемая фразеосхема выражает два значения: «удивление в сочетании с одобрением, восхищением, радостью, положительным отношением к предмету речи или собеседнику и т.п.» и «удивление в сочетании с обидой, порицанием, иронией, насмешкой, возмущением, негативным отношением к предмету речи или собеседнику и т.п.». Негативное значение является наиболее частотным.

Исследуемая фразеосхема включает в свой состав обязательные элементы и два факультативных компонента. Ее обязательный неизменяемый компонент десемантизирован и характеризуется нулевой парадигмой. Обязательный изменяемый компонент представлен различными элементами, в совокупности образующими синтаксическую конструкцию изменённого специального вопроса. В целом он характеризуется наличием дефектной лексико-грамматической и морфологической парадигмами, лексически варьируем и заполняем семантически актуальными словами. Синтаксическая парадигма отсутствует, так как порядок следования обязательных компонентов устойчив.

Данная фразеосхема характеризуется высокой степенью фразеологизации. Это проявляется, к примеру, в значительной степени деактуализации семантического наполнения лексемы *was* в составе фразеосхемы и постановкой восклицательного знака или точки; в утрате ее обязательным изменяемым компонентом структуры специального вопроса и его построении по своеобразной модели простого предложения с определённо фиксированным порядком следования структурных компонентов (в единичных случаях сохраняется, однако, структура традиционного немецкого специального вопроса); в редкой практике постановки вопросительного знака в конце такого предложения; в редком стремлении фразеосхемы к распространению.

Таким образом, фразеосхема **«Was + Pers. Pron$_1$ [<Art$_1$> Sub$_1$] + <nicht> + Verb!(?)»** обладает всеми признаками фразеологизации, поэтому её можно отнести к фразеологическим ресурсам немецкого языка.

Фразеосхема характеризуется высокой степенью фразеологического динамизма, что проявляется в построении большого количества различных коммуникем на её основе. В целом исследуемая фразеосхема является достаточно частотной фразеологизированной конструкцией в практике речевой коммуникации в немецком языке. Этому способствуют её системные и функциональные характеристики, а также структурно-семантические, этимологические и фразеологические признаки. Использование данной фразеосхемы в разговорной речи увеличивает степень эффективности коммуникативного процесса.

Литература

Добровольский Д.О. Новый большой немецко-русский словарь: в 3 т.: около 500 000 лексических единиц / под общим руководством Д.О. Добровольского. М.: АСТ: Астрель, 2010. Т. 3: R-Z. 1263 с.

Меликян В.Ю. Современный русский язык: синтаксическая фразеология? учеб. пособие: 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2014. 232 с.

Меликян В.Ю. Словарь экспрессивных устойчивых фраз русского языка. Фразеосхемы и устойчивые модели. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 336 с.

Меликян В.Ю., Акбаева О.В. Фразеосинтаксические схемы с опорным компонентом-неполнознаменательным словом в современном русском языке // Вестн. Томского государственного университета. Филология. 2017. №47. DOI: 10.17223/19986645/47/4.

Меликян В.Ю., Меликян А.В., Дзюбенко А.И. Syntactic praseological units. Syntactic phraseology. Phraseological subsystem of language // Zeitschrift für Slawistik. 2017. № 1.

Мельник А.Д. Фразеосхема «Was für + Sub1-4!» в системе немецкого языка // Изв. ЮФУ. Филол. науки. 2017. № 3. С. 66 – 74.

Мельник А.Д. Фразеосхема с опорным компонентом wie в немецком языке: структурно-семантический, этимологический и фразеологический аспекты // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2017. № 3. С. 117 – 124.

Панкова В.В. Фразеосхема с опорным компонентом «Чем не»: системоцентрический подход // Вестн. Донского гос. техн. ун-та. 2009. Т. 9. № 53 С. 21 – 27.

Melikyan V.Yu., Melikyan A.V., Vakulenko D.A. Enantiosemy phenomenon: system and speech parameterization // Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki. 2016. № 1. P. 128 – 134.

References

Dobrovolskiy D.O. *Novyy bol'shoy nemetsko-russkiy slovar'. V 3 t.: okolo 500 000 leksicheskikh yedinits* / pod obshchim rukovodstvom D.O. Dobrovol'skogo. M.: AST: Astrel', 2010. T. 3: R-Z. 1263 p. (In Russian).

Melikyan V.Yu. *Sovremennyy russkiy yazyk*: sintaksicheskaya frazeologiya: ucheb. posobiye, 2-e izd., ster. M.: Flinta, 2014. 232 p. (In Russian).

Melikyan V.YU. *Slovar' ehkspressivnykh ustoychivykh fraz russkogo yazyka. Frazeoskhemy i ustoychivyye modeli*. M.: FLINTA: Nauka, 2016. 336 p. (In Russian).

Melikyan V.YU., Akbaeva O.V. Frazeosintaksicheskiye skhemy s opornym komponentom – nepolnoznamenatel'nym slovom v sovremennom russkom yazyke. *Vestn. Tomskogo gos. un-ta. Filologiya*, 2017, no. 47. (In Russian).

Melnik A.D. Frazeoskhema «Was für + Sub1-4!» v sisteme nemetskogo yazyka. Izv. Yuzhnogo federal'nogo un-ta. Filol. Nauki, 2017, no. 3, pp. 66-74. (In Russian).

Mel'nik A.D. Frazeoskhema s opornym komponentom *wie* v nemetskom yazyke: strukturno-semanticheskiy, ehtimologicheskiy i frazeologicheskiy aspekty. *Aktual'nyye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*, 2017, no. 3, pp. 117-124. ORCID iD: 0000-0002-6710-9495 (In Russian).

Melikyan V.Yu., Melikyan A.V., Dzyubenko A.I. Syntactic praseological units. Syntactic phraseology. Phraseological subsystem of language. *Zeitschrift für Slawistik,* 2017, no. 1. (In Engl.).

Pankova V.V. *Frazeoskhema s opornym komponentom «Chem ne»: sistemocentricheskij podhod*. Vestn. Donskogo gos. tekhn. un-ta, 2009, t. 9, no. 53, pp. 21-27. (In Russian).

Melikyan V.Yu., Melikyan A.V., Vakulenko D.A. Enantiosemy phenomenon: system and speech parameterization. *Voprosy Kognitivnoy Lingvistiki,* 2016, № 1, pp. 128-134.

Anastasia D. Melnik (Rostov-on-Don, Russian Federation)

The Fixed Phrase Scheme «Was + Pers. Pron$_1$ [<Art$_1$> Sub$_1$] + <nicht> + Verb!(?)» in the Language and Speech

This article is devoted to the description of the fixed phrase scheme **«Was + Pers. Pron$_1$ [<Art$_1$> Sub$_1$] + <nicht> + Verb!(?)»**, functioning in the modern German language. The relevance of the study is due to the lack of study of this object space as well as its high importance for the practice of communication. The different scientific methods were used in the study.

The fixed phrase scheme **«Was + Pers. Pron$_1$ [<Art$_1$> Sub$_1$] + <nicht> + Verb!(?)»** is described in the structural, semantic, etymological, paradigmatic, syntagmatic, stylistic, phraseological and functional aspects. The article substantiates the phraseological status of this fixed phrase scheme and its belonging to the phraseological subsystem of the language. It is established that the scheme has two required components (changeable and unchangeable), is characterized by reproducibility, structural-semantic stability and integrity, idiomaticity and expressive, it has a fixed structure serving as a model to build similar sentences-statements. In General, the fixed phrase scheme **«Was + Pers. Pron$_1$ [<Art$_1$> Sub$_1$] + <nicht> + Verb!(?)»** is enough frequency in the practice of speech communication due to its system and functional characteristics. Its use in conversation increases the efficiency of the communication process and gives it a relaxed character.

Key words: *syntactic phraseology; syntactic phraseological unit; fixed phrase scheme; German*

Anastasia D. Melnik – lecturer of the Department Scientific – Technical Translation and Professional Communication of Don State Technical University, the post-graduate student of the Department of Language and Russian Language Theory of the Institute of Philology, Journalism and Cross-cultural Communication of Southern Federal University. E-mail: anastasha82@yandex.ru

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1(092)
ББК 83.3 (Рос=Рус)

Е.Ю. Белаш

ПАРОДИРОВАНИЕ ЖАНРА ЛИРИЧЕСКОГО РОМАНА В «БРИТОМ ЧЕЛОВЕКЕ» А. МАРИЕНГОФА

Анализируются особенности жанровой поэтики романа А. Мариенгофа «Бритый человек». В тексте пародируются свойственные лирической прозе черты, что особенно ярко представлено на уровнях сюжетостроения и точек зрения. За счет игры с установкой на исповедальность и эксплуатирования образа паяца (шута) достигается особый – пародийный – характер самораскрытия героя. Особое значение имеет и фрагментарность романа: включение культурно-исторических вставок, выбор которых зачастую кажется парадоксальным, также подчеркивает игровое начало в обращении с жанром лирического романа.

Ключевые слова: *лирическая проза, лирический роман, Мариенгоф, пародия, имажинизм, точка зрения.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-162-170

Белаш Екатерина Юрьевна – аспирант кафедры истории русской литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: +7-908-513-38-70
E-mail: 200metrov@mail.ru

© Белаш Е.Ю., 2018.

Лирическая проза – явление неоднородное и неоднозначное. Основаниями для её вынесения за рамки прозы эпической становятся как формальные признаки (особое фабульное строение, иная репрезентация категорий времени и пространства, тяготение к фрагментарности), так и содержательный компонент (актуализация лирического начала, акцентирование внимания на фигуре рассказчика, часто наделенного чертами самого автора и т.д.) Стоит заметить, что лирическая проза – общее и довольно широкое определение, объединяющее произведения самых разных жанров: это и роман, и повесть, и стихотворение в прозе, и дневник. Список может быть продолжен. Подтверждение этому можно найти в «Словаре литературоведческих терминов» (1974): «Л. п. чаще всего называют любую, т.е. созданную по законам любого жанра, эмоционально насыщенную, пронизанную авторским чувством художественную прозу. Л. п. в таком широком толковании представляет собой не самостоятельный жанр, а стилевую характеристику самых различных видов художественной прозы» [Словарь литературоведческих терминов, 1974, с. 509]. Подобная «размытость» свидетельствует о недостаточной разработанности терминологического аппарата. Это наглядно представлено в случае с романом или повестью. А. Карельский, исследователь зарубежной литературы, вводит термин «австрийский лиро-мифологический эпос» [Карельский, 1996, http]. А. Белобратов в связи с анализом романа

Ф. Кафки «Процесс» говорит о жанре «лирико-психологического романа» [Белобратов, 2013, с. 308].

В отечественном литературоведении интерес к данному феномену возникает в 1960 – 1980-х гг. Связан он, как правило, с некоторыми произведениями русских писателей этого же периода, жанровая природа которых не поддавалась однозначной трактовке. К примеру, Э. Бальбуров в своей монографии «Поэтика лирической прозы. 1960 – 1970-е годы» акцентировал внимание преимущественно на «Дневных звездах» О. Берггольц, «Капле росы» В. Солоухина, а также на прозе В. Катаева в период его обращения к мовизму. Немного иную картину наблюдаем в работе Л. Ореховой, где исследовательница, изучая вопрос об образе автора в подобного рода произведениях, привлекает гораздо более широкий круг текстов, начиная с русской критики XIX в. и заканчивая автобиографической прозой А. Ахматовой.

Включение в область исследования текстов начала XX в. представляется крайне продуктивным. К примеру, в числе зарубежных авторов, обращавшихся к лирической прозе, литературоведы упоминают Р.М. Рильке («Записки Мальте Лаурдиса Бригге»), Ф. Кафку («Процесс») и т.д. Среди представителей отечественной прозы указанного периода также есть писатели, работавшие в жанре лирического романа (Г. Газданов, И. Бунин и др.) При этом стоит заметить, что речь может идти не только о произведениях с автобиографическим началом (как считает Орехова), но и о собственно художественных текстах, которые так или иначе эксплуатируют черты поэтики лирической прозы.

В 1930 г. в немецком издательстве «Петрополис» вышел новый роман Анатолия Мариенгофа – «Бритый человек». Писателя не остановил тот факт, что его первый опыт художественной прозы («Циники») вызвал целый шквал критики и даже обвинения в контрреволюции. Второй роман уже не вызвал такого серьезного резонанса и каких-либо лестных отзывов также не принес. В своей рецензии Г. Адамович замечает: «“Бритый человек”, новый роман Мариенгофа, в отношении отвратительности побил, кажется, все рекорды. Какие в нем попадаются слова, какие описываются сцены, в каких местах эти сцены происходят – передавать не буду...» [Адамович, 1930].

Тем не менее текст «Бритого человека» выходит за рамки отрывочных зарисовок на темы, связанные с уборной. Особенно актуальным является вопрос о жанровой природе данного романа. Здесь присутствуют характерные для лирической прозы черты, которые обнаруживаются сразу на нескольких уровнях текста. Однако стоит говорить не о лирическом романе как таковом, а о его пародировании. Тенденция к пересмотру и перестройке устоявшихся жанровых моделей характерна для всего имажинистского течения в целом: «...эксперименты имажинистов демонстрируют смысловую исчерпанность жанровых канонов, замыкают мир на поэте, играющем смыслами и не испытывающем пиететов ни в религиозном, ни в культурном (в частности, жанровом) плане» [Тернова, 2010, с. 109].

Начать стоит с сюжетостроения романа. Рассказчик отказывается от следования хронологии событий, что, однако, становится понятно только во второй главе. Вначале же дана заявка на линейное ретроспективное повествование: «Свое несчастье я поймал в Пензе в шелудивый осенний день. Это случилось ровно пятнадцать лет назад» [Мариенгоф, 2013, с. 129]. Впоследствии принцип меняется, и расположение эпизодов начинает зависеть от хода мысли рассказчика, что М. Шумакова считает одной из важных характеристик лирической прозы: «...фабула значительно редуцирована, событием становится только то, что вызывает цепь внутренних переживаний героя. Движение мысли и чувства лирического героя и составляет лирический сюжет произведения» [Шумакова, 2009, с. 13]. Событием в данном случае является не сам факт убийства, а его причина, которая раскрывается в последних строках романа: «Трудно даже поверить, что из-за этих самых крохотных червячков с издевательскими головками и белыми хвостиками я на шнуре от портьеры повесил моего друга» [Мариенгоф, 2013, с. 205]. По сути, рассказчик возвращается к тому, с чего начал, о чем говорит и повторяющееся упоминание «шнура от портьеры».

В «Бритом человеке» индивидуальное видение протагониста определяет выборку и расположение отдельных эпизодов. Для него главным становится мотив убийства Лео, к которому читателя подводит серия фрагментов из истории дружбы двух героев. Тем не менее, вряд ли можно говорить о тотальной «редуцированности фабулы», ведь роман все же остается в рамках определенной фабульной канвы, которую Тернова обозначает как «психологический детектив» [Тернова, 2010, с. 107]. Действительно, начиная с жанра психологического романа с линейным течением времени, Мариенгоф уже во второй главе переходит на другую модель, где, по законам детективного жанра, вначале происходит убийство, а далее следует его раскрытие. Под последним при этом подразумевается анализ мотивов преступления, ведь имя убийцы известно с самого начала.

Стоит заметить, что это всего лишь фабульная канва произведения, внутри которой представлена пародия на лирический роман. О возможности наличия в лирической прозе «сюжетного мускула» говорил и литовский писатель М. Слуцкис, также работавший в данном жанре: «... это не просто интимность, доверительность, поэтическое видение мира. Это и острый, захватывающий сюжет также» [Слуцкис, 1968, с. 132]. Интрига, выстраиваемая в «Бритом человеке», претендует именно на подобный характер сюжета. Также для «поддержания» фабульности повествования рассказчик не раз возвращается к убийству и похоронам Лео.

В тексте романа можно выделить, условно говоря, две стороны повествования: объективную, к которой относятся события сюжета и бытовые описания, и субъективную, которая состоит преимущественно из разного рода отступлений и личных образных ассоциаций рассказчика. Эти отступления, как правило, имеют культурно-исторический

характер. К примеру, после ужасного известия о том, что Лидия Владимировна стала возлюбленной Лео, идет следующий пассаж:

Как часто у прекрасного судьба Джоконды. Проклятая судьба!

Отпылав, я сравнил моего друга с Христом. Лучший из людей, которому Цельс никак не мог простить трусости в Гефсиманском саду и сладости на Голгофе, с такой же милой наивностью обокрал Ветхий Завет [Мариенгоф, 2013, с. 171].

Событие, важное для протагониста, порождает не рефлексивный поток, а цепочку ассоциаций, которая, тем не менее, подводит к лейтмотиву романа – дружбе с Лео. Сравнение друга с Христом отражает особенности взаимоотношений персонажей на данном этапе развития сюжета, а именно – следование Михаила (как ученика) за своим Учителем. Известно, что для творчества Мариенгофа религия является одним из важных тематических компонентов (наравне с темами любви и Революции). Как правило, образы, связанные с верой, зачастую помещаются в самые неожиданные контексты с целью нарушить / разрушить их сакральность. В приведенном выше отрывке это происходит с образом Христа, традиционное определение которого («лучший из людей» [Мариенгоф, 2013, с. 171]) переносится на Лео. Ироничность такого сопоставления связана с описанными ранее поступками персонажа, которые приносили протагонисту лишь страдания. Саркастически в данном контексте воспринимается и один из главных христианских постулатов.

В тексте присутствуют также (хотя и довольно редко) фрагменты-отступления, в которых отражаются личные переживания и рассуждения рассказчика:

Лео сделал меня голкипером. Когда я голкипер – я несчастный человек. <...> Вообще я пожертвовал десятью годами жизни, согласился бы умереть не восьмидесяти пяти лет, а семидесяти пяти, семидесяти, – только бы не играть в футбол.

А ведь я обожаю жизнь. Не в качестве участника ее, а как свидетель [Мариенгоф, 2013, с. 189].

Для «Бритого человека» симптоматично включение в текст подобных исповедальных эпизодов в связи с незначительными, казалось бы, поводами. Действительно значимые (в общепринятом смысле) события порождают лишь цепочки вневременных фрагментов, соединенных ассоциативной связью. Рассказчик, таким образом, уходит от самораскрытия, переходя в область косвенного психологизма. Заметим, что это свойственно всей прозе Мариенгофа в целом. Психологизм, ранее отрицавшийся имажинистами, в «Почти декларации» (1923) уже «вводится, как канон» [Мариенгоф, 2013, с. 652]. Тем не менее, он не воспринимается в традиционном ключе с традиционными же средствами выражения, а «обыгрывается» в рамках пародирования лирического романа.

Данное явление объясняется взаимопроникновением литературной теории имажинизма и его эстетики. В частности, речь идет об эпатировании читателя. Имитируется установка на исповедальность, которая в итоге приводит к насмешке героя над самим собой. Здесь вспоминает-

ся и традиционный для Мариенгофа образ паяца. Рассказчик предельно раскрывается перед читателем, при этом отклоняя привычную искренность возвышенных чувств. В своей прямоте он довольно часто доходит до антиэстетизма, что, в свою очередь, и породило ряд отрицательных рецензий на роман. Подобного рода исповедальность (со схожими целями) спустя несколько десятилетий воплотится в мовистских произведениях Катаева, которые, по мнению отечественных исследователей (Орехова, Бальбуров и т.д.), относятся именно к лирической прозе: «Вся эта “антиэстетическая” направленность, именуемая у В. Катаева “мовизмом”, имеет сугубо эстетический смысл: снять “литературность” в общении с читателем, использовать особую эмоционально убеждающую действенность формы беседы» [Бальбуров, 1985, с. 46].

Монтажность текста «Бритого человека» также играет свою роль в эксплуатировании жанра лирического романа: «...фрагментарность в лирической прозе обусловливается спецификой содержания. Воспоминания не бывают последовательными, и как раз непринужденность их передачи, нарушение хронологии сообщают естественность повествованию» [Орехова, 1992, с. 85]. Рассказчик, стараясь найти причину, побудившую его убить Лео, приводит разновременные эпизоды, каждый из которых, по сути, может стать мотивом для преступления. Михаил, в каждом из описываемых случаев предстающий жертвой дружбы, ни разу не упоминает об этом напрямую. Кроме единственного – финального – эпизода, который и становится парадоксальным объяснением случившегося:

Он упирается мне коленом в живот. Сладострастно дышит. Я плачу крупными слезами как волоокая лошадь. <...>

Выдавливанье повторилось в субботу 16 сентября перед пиршеством [Мариенгоф, 2013, с. 205].

Развязка, под которой стоит понимать обнаружение причины убийства, сопровождается единственной точной датировкой в тексте (ранее в редких случаях можно встретить лишь год того или иного события). Отсылка к элементу дневниковой записи укладывается в рамки лирического романа. Разрушение жизни Михаила доводится до абсурда названной в финале романа причиной. Иными словами, можно говорить об имитации лирической прозы, ведь повод для убийства Лео по своей сути ничтожен и не имеет ничего общего с самоанализом и ключевыми событиями романа. Цинизм, с которым заявляется итоговая причина, подтверждает эту мысль: финальные строки «Бритого человека» лишь тезисно ее заявляют, при этом основное внимание уделяется не рефлексии героя, а описанию «крохотных червячков» [Там же, с. 205].

Следующий уровень, который требует рассмотрения в связи с жанром лирического романа, – уровень точек зрения. Повествование ведется от первого лица, т. е. от лица главного героя (и одновременно рассказчика) Михаила. По определению Б. Успенского, это «заведомо субъективная точка зрения», которая, по сути, является «описанием со ссылкой на то или иное индивидуальное сознание» [Успенский, 2000, с. 138].

Обращение к повествованию от первого лица типично для лирической прозы. Акцентирование внимания на протагонисте направлено, в первую очередь, на его самораскрытие. В «Бритом человеке» рассказчик совмещает функцию описания собственных переживаний, дополняя ее культурно-историческими отступлениями:

Теперь я спрашиваю себя: "Дорогой приятель, не похоже ли и найденное тобой спокойствие на серебряный рубль того голодного человека?" <...>

Ах, почему не Сковорода возделывал мое сердце. Разве не стал бы я мужественней, если бы и меня сызмалу он оставлял между гробов, будто для того, чтобы отменней было мне слушать его игру на флейтравере, доносящуюся из далекой рощи [Мариенгоф, 2013, с. 144].

Отсылки к трудам Сковороды появляются в тексте неоднократно. Они ассоциативно связаны с внутренними монологами протагониста. Через отсылки рассказчик пытается найти «отклики» в мировом культурном пространстве. Таким образом Михаил стремится к преодолению своего одиночества. По мнению Д. Машуковой, подобный подход является одной из характерных черт «прозы поэта»: «Одной из важных особенностей в воплощении лирического "Я" является способность раскрытия Поэта лишь в том случае, если найдена опора в лице другого отзывчивого человека» [Машукова, 2017, с. 90].

В то же время эти поиски некой аналогии своему внутреннему состоянию представлены с налетом известной доли цинизма, что можно считать частью процесса пародирования. Исповедальность, которой, по логике жанра, должны быть проникнуты подобные пассажи, превращается в высокопарное обращение к фактам, связанным с биографией Сковороды; об этом говорит лексика приведенного выше эпизода. По сути, герой не столько ищет утешения, сколько стремится к самолюбованию и упоению собственной эрудицией. Подобный герой уже встречался в предыдущем романе Мариенгофа «Циники» (1928).

Функции рассказчика не ограничиваются лишь раскрытием внутреннего мира. Принято считать, что лирический роман – это «камерный» жанр, который обычно не претендует на изображение культурно-исторической обстановки. Однако такая узкая трактовка представляется недостаточной: «Современный лирический роман обращается к индивидуальной психологии, но не для того, чтобы вывести личность из породившего ее ряда объективных закономерностей, а для того, чтобы, наоборот, глубже объяснить их природу» [Эльяшевич, 1961, с. 193].

Этот тезис особенно актуален в связи с прозой Мариенгофа. Адамович замечает по поводу «Бритого человека»: «Психологу быта и времени <...> книга эта даст материал первосортный» [Адамович, http]. Главной задачей любого произведения писатель считал создание «образа эпохи» [Мариенгоф, 2013, с. 652]. При этом речь идет не только о прямых описаниях событий, но и об изображении типичных для начала XX в. характеров «детей», которых породило данное время: Саша Фрабер стал принципиальным чиновником, Нюма Шарослободский – извест-

ным скрипачом, Ванечка Плешивкин принимал участие в Гражданской войне и из-за этого лишился обеих ног.

В лирическом романе доступными средствами изображения других персонажей могут быть либо автокомментарии, либо портреты. Так как точка зрения рассказчика ограничена, проникнуть во внутренний мир героев невозможно: «Они не существуют в произведении самостоятельно, а как бы входят в изображение характера героя, становятся объектами его переживаний» [Эльяшевич, 1961, с. 191]. Отчасти писатель играет с концепцией непознаваемой действительности, а именно: дает только отдельные исторические факты, в общем обрисовывает картину эпохи, но оставляет всё это без комментариев. Отчаяние, выражающееся в крике (и то – лишь предполагаемом), не побуждает рассказчика к последующей рефлексии, например, на тему противоборства «белых» и «красных», повлекшего за собой тысячи жертв. Именно в некой хаотичности и пребывает главный герой. И если в «классическом» лирическом романе этапы процесса познания будут отслеживаться протагонистом (наблюдение над самим собой), рефлексия над теми или иными событиями будет культивироваться, то в «Бритом человеке» мы наблюдаем несколько иную картину. Краткие описания собственного внутреннего состояния вытесняются обращением к культурно-историческому наследию. Пытаясь таким образом не только найти отклики на личные переживания, но и установить некую связь времен, рассказчик пытается упорядочить хаос жизни, отыскать возможные решения в прошлом. При этом выбор отсылок зачастую кажется парадоксальным и даже ироничным (что вновь возвращает нас к идее пародирования).

«Интерес к внутреннему миру человека необычайно возрос в нашу эпоху, эпоху колоссальных общественных и социальных сдвигов», – замечает в интервью Слуцкис [Слуцкис, 1968, с. 131]. Одним из выразителей этой тенденции стал жанр лирического романа. В «Бритом человеке» Мариенгоф акцентирует внимание на игре с категорией жанра, наполняя детектив (как фабульную канву) лирическим содержанием. Делает он это через пародирование, проявляющееся, прежде всего, на уровнях сюжетостроения и точек зрения. Имитация исповедального характера прозы, внесение во внутренние монологи иронии за счет различной (не) сочетаемости фрагментов, обращение к историко-культурному материалу, иногда заменяющему автокомментарии, – всё это подчинено цели «обыграть» основные черты лирической прозы. При этом справедливой представляется трактовка лирического романа не только как «камерного» жанра, зацикленного лишь на духовных исканиях протагониста. «Образ эпохи», созданный в проанализированном нами тексте, – яркое тому доказательство.

Литература и источники

Адамович Г.В. «Бритый человек» Анатолия Мариенгофа // *Адамович Г.* Литературные заметки, кн. 1 («Последние новости», 1928 – 1931) [Электронный ресурс] URL: https://coollib.com/b/118920/read#t13 (дата обращения 02.04.2018).

Адамович Г.В. О Советской литературе // Иллюстрированная Россия. 1930. № 13.

Бальбуров Э.А. Поэтика лирической прозы. 1960 – 1970-е годы. Новосибирск, 1985.

Белобратов А.В. Процесс «Процесса»: Франц Кафка и его роман-фрагмент // Кафка Ф. Процесс: роман. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2013.

Карельский А.В. Австрийский лиро-мифологический эпос // Зарубежная литература XX века / под ред. Л.Г. Андреева. М.: Высшая школа, 1996. [Электронный ресурс] URL: http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/hh-vek-andreev/avstrijskij-liro-mifologicheskij-epos.htm (дата обращения 12.04.2018).

Мариенгоф А.Б. Почти декларация // *Мариенгоф А.* Собр. соч.: в 3 т. Т.1. М.: Книжный Клуб Книговек, 2013.

Мариенгоф А.Б. Бритый человек // *Мариенгоф А.* Собр. соч.: в 3 т. Т. 2: Кн. 1: Проза; Мемуары; Комментарии. - М.: Книжный Клуб Книговек, 2013.

Машукова Д. Образ лирического «Я» в мемуарной прозе М.И. Цветаевой // Междунар. науч.-исслед. журн. 2017. № 1-3 (55).

Орехова Л.А. Образ автора и поэтика жанра: Русская лирическая проза XX века: учеб. пособие. Киев.: УМК ВО, 1992.

Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост.: Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. М.: Просвещение, 1974.

Слуцкис М.Г. Лирическая проза. Откуда и куда? // Вопросы литературы. 1968. №11.

Тернова Т.А. Жанр как парадокс: Модели маргинального жанрообразования в русском имажинизме // Вестн. ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2010, № 1.

Успенский Б.А. Поэтика композиции. СПб.: Азбука, 2000.

Шумакова М. Лирический роман Р.М. Рильке «Записки Мальте Лауридса Бригге»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2009.

Эльяшевич А.П. О лирическом начале в прозе // Звезда. 1961. № 8.

References

Adamovich G.V. «Brityy chelovek» Anatoliya Mariengofa. *Adamovich G. Literaturnyye zamyetki, kniga 1 («Posledniye novosti»*, 1928 - 1931) [Ehlektronnyy resurs]. Available at: https://coollib.com/b/118920/read#t13 (accessed 02.04.2018). (In Russian).

Adamovich G.V. O Sovetskoy literature. *Illyustrirovannaya Rossiya*, 1930, no. 13. (In Russian).

Bal'burov E.A. *Poehtika liricheskoy prozy*. 1960-1970-e gody. Novosibirsk, 1985. (In Russian).

Belobratov A.V. *Protsess «Protsessa»: Frants Kafka i yego roman-fragment. Kafka F. Protsess: roman.* SPb.: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2013. (In Russian).

Karel'skiy A.V. Avstriyskiy liro-mifologicheskiy ehpos. *Zarubezhnaya literatura XX veka.* Pod redaktsiei L. G. Andreeva. M.: Vysshaya shkola, 1996. [Ehlektronnyi resurs]. Available at: http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/hh-vek-andreev/avstrijskij-liro-mifologicheskij-epos.htm (accessed 12.04.2018). (In Russian).

Mariengof A.B. Pochti deklaratsiya. *Mariengof A. Sobr. soch.: v 3 t. T. 1.* M.: Knizhnyy Klub Knigovek, 2013. (In Russian).

Mariengof A.B. Brityy chelovek. *Mariengof A. Sobr. soch.: V 3 t. T. 2: Kn. 1:* Proza; Memuary; Kommentarii. M.: Knizhnyy Klub Knigovek, 2013. (In Russian).

Mashukova D. Obraz liricheskogo «Ya» v memuarnoy proze M.I. Tsvetaevoy. *Mezhdunar. nauch.-issled. zhurnal,* 2017, no. 1-3 (55). (In Russian).

Orekhova L.A. *Obraz avtora i poehtika zhanra: Russkaya liricheskaya proza XX veka: ucheb. posobiye*. Kiyev: UMK VO, 1992. (In Russian).

Slovar' literaturovedcheskikh terminov. Red. sost.: L.I. Timofeev, S.V. Turaev. M.: Prosveshcheniye, 1974. (In Russian).

Slutskis M.G. Liricheskaya proza. Otkuda i kuda? *Voprosy literatury*, 1968, no. 11. (In Russian).

Ternova T.A. Zhanr kak paradoks: modeli marginal'nogo zhanroobrazovaniya v russkom imazhinizme. *Vestn. VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 2010, no 1. (In Russian).

Uspenskiy B.A. *Poehtika kompozitsii*. SPb.: Azbuka, 2000.

Shumakova M. *Liricheskiy roman R.M. Ril'ke «Zapiski Mal'te Lauridsa Brigge»: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. SPb., 2009. (In Russian).

El'yashevich A.P. O liricheskom nachale v proze. Zvezda, 1961, no.8. (In Russian).

Ekaterina Yu. Belash (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Lyrical Novel Genre Parodying in "Shaved Man" by A. Marienhof

The features of the genre poetics of the novel "Shaved Man" by A. Marienhof are analyzed. In the text, the features peculiar to lyrical prose are parodied, which is vividly represented at the levels of plot construction and points of view. Due to the game with the installation of confession and exploitation of the image of the clown (jester), a special parody-character of the hero's self-disclosure is achieved. Of particular importance is the fragmentation of the novel: the inclusion of cultural and historical inserts, the choice of which often seems paradoxical, also underlines the game beginning in the treatment of the genre of lyrical novel.

Key words: *lyric prose, lyrical novel, Marienhof, parody, imagism, point of view.*

Ekaterina Yu. Belash – post-graduate student of Southern Federal University. Institute of Philology, Journalism and Cross-Cultural Communication. Phone: +7-908-513-38-70; e-mail: 200metrov@mail.ru

УДК 81
ББК 83.3(4Рос)

Л.В. Уманцева

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА КАК ПРЕДВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Вне всякого сомнения, слово – основное средство в общении и приобретении знания. С помощью слова мы получаем первичную информацию о существовании той или иной материи, её формах и законах. Психическое и духовное начало в нашей жизни формируется также с помощью слова. Юридическое знание, разумеется, необходимо каждому гражданину. Как достичь совершенства в юриспруденции с помощью знания русской литературы? На этот вопрос попытаемся ответить в этой статье.

Ключевые слова: *слово, информация, юридическое знание, духовное начало, совершенство, литература, общение.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-171-178

Уманцева Лидия Васильевна – канд. филол. наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин факультета непрерывного образования Ростовского филиала Российского государственного университета правосудия
Тел.: 8-909-402-35-78
E-mail: chen-vik@mail.ru

© Уманцева Л.В., 2018.

Гений судебных разбирательств А.Ф. Кони в начале XX в., давая наставления воспитанникам училища правоведения, писал в статье «Приёмы и задачи обвинения» (1911 г.) следующее: «Тот, кому дан дар слова, ощутит его, быть может, внезапно, неожиданно для себя и без всяких приготовлений. Его нельзя приобрести, как нельзя испытать вдохновение, когда душа на него не способна. Но старайтесь говорить хорошо, любите и изучайте величайшую святыню вашего народа – его язык. Пусть не мысль ваша ищет слова и в этих поисках теряет и утомляет слушателей, пусть, напротив, слова покорно и услужливо предстоят перед вашею мыслью в полном её распоряжении. Выступайте во всеоружии знания того, что относится к вашей специальности и на служение чему вы призваны, а затем – не лгите, т.е. будьте искренни, и вы будете хорошо говорить, или, как гласит французская судебная поговорка: “Вам будет принадлежать внимание (слух) народа”» [Кони, 2013, с. 44 – 45]. Такое напутствие желающим постигать азы правоведения было подтверждено огромным жизненным опытом и блестящим воспитанием, полученным А.Ф. Кони в семье. Он родился в семье высокообразованных, интеллектуальных людей: отец – преподаватель истории, литературно-театральный деятель, журналист, издатель, литератор; мать – актриса, писательница. Крёстным отцом его был первый русский исторический романист И.И. Лажечников. Плодотворными были встречи А.Ф. Кони с руководителем литературного

и общественно-политического журнала «Современник» и редактором «Отечественных записок» Н.А. Некрасовым (например, рассказ А.Ф. Кони об отставном майоре Федюкине, благодетеле крестьян, стал основой главы поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» – «О Якове верном – холопе примерном»). Знаменательной для А.Ф. Кони была встреча с защитником крестьян, «*совестью нации*», В.Г. Короленко, который присутствовал на всех заседаниях «По делу о мултанском жертвоприношении». А. Ф. Кони вынес оправдательный приговор: «Не виновны!» одиннадцати крестьянам из села Старый Мултан, «*обвиняемым в убийстве нищего Матюнина с целью приношения его внутренностей в жертву языческим богам*». После суда подошёл к Короленко и сказал: «Ехал я сюда с желанием закатать вотских. Вы меня переубедили. Теперь сердце у меня лёгкое» [Кони, 1989, с. 9]. У них завязалась дружба. Владимир Галактионович Короленко был признателен Анатолию Фёдоровичу Кони за проникновенное изучение мултанского судебного дела и за то, что вынес оправдательный приговор. В 1915 г. В.Г. Короленко поздравил А.Ф. Кони с 50-летием его общественно-служебной деятельности, отметив: «Есть много сторон Вашей работы на почве русского правосудия... Мне лично пришлось почувствовать в Вас защитника вероисповедной свободы. В истории русского суда до высшей его ступени – сената Вы твёрдо заняли определённое место и устояли на нём до конца» [Кони, 2013, с. 562].

Посещал А.Ф. Кони усердно и собрания знаменитого Общества любителей российской словесности при МГУ, где с лекциями выступали И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский и Л.Н. Толстой. Впоследствии его познания мира искусства благотворно сказались на построении судебных речей. С самого детства вместе с формированием художественного мира его приучили следовать правилам: быть дисциплинированным, морально устойчивым, думающим и соблюдающим правила общественного этикета. Такому кодексу чести и достоинства адвокат и почётный академик по разряду изящной словесности (это звание присваивалось выдающимся российским писателям пожизненно) А.Ф. Кони следовал всю свою жизнь.

Цель настоящей работы заключается в выявлении путей профессионального самосовершенствования языковой и речевой личности А.Ф. Кони – юриста, адвоката, обер-прокурора, сенатора, лектора и литератора. В задачи входит: 1) выявить пути влияния художественного творчества русских писателей и поэтов – Н.А. Некрасова, В.Г. Короленко, И.С. Тургенева, Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского – на мировоззрение А.Ф. Кони; 2) описать взаимоотношения («родство душ») писателей (поэтов) и юриста А.Ф. Кони; 3) определить языковую рефлексию А.Ф. Кони. В качестве рабочего материала используются книги А.Ф. Кони: «Закон и справедливость. Статьи и речи»; «Избранное», а также книга Сергея Высоцкого «Кони. Жизнь замечательных людей».

Заметим, что на протяжении 60 лет своей профессиональной деятельности А.Ф. Кони оставался всегда требовательным к себе и пытли-

вым человеком. Это был труженик. В 22 года защитил кандидатскую диссертацию на тему: «О праве необходимой обороны» (1865 г.) и начал трудиться на кафедре уголовного права Московского университета. В 24 года был награждён орденом Св. Станислава II степени, а в 30 лет – орденом Св. Владимира IV степени за гражданские заслуги. Так высоко были оценены профессиональные качества А.Ф. Кони. В 36 лет он начал сотрудничать с журналом «Вестник Европы», в котором на протяжении 40 лет были опубликованы многие его литературные и критические работы. В 1901 – 1909 гг. Академией наук А.Ф. Кони был награждён четырьмя Золотыми медалями за критический разбор и рецензирование художественных произведений Н.Д. Телешова, А.П. Чехова и других русских писателей.

Известно, что писатель всегда находится в поиске художественного материала. Иван Сергеевич Тургенев, по мнению А.Ф. Кони, «*...был тонким наблюдателем и изобразителем жизни*» [Кони, 2013, с. 9], его интересовали судебные разбирательства, он посещал судебные заседания и «*чрезвычайно внимательно следил за всеми подробностями процесса*». По воспоминаниям А.Ф. Кони, И.С. Тургенев был интересен для него как личность, сыгравшая «...такую влиятельную роль в умственном и нравственном развитии людей моего поколения, познакомившего их с несравненной красотой русского слова и давшего им много незабвенных минут душевного умиления» [Кони, 1989, с. 127]. Сам А.Ф. Кони учился мастерству слова у И.С. Тургенева и обращал внимание других служителей Фемиды на язык и стиль своих выступлений исходя из судебной поговорки, приведённой раннее: «*Вам будет принадлежать внимание (слух) народа*». Борьба за чистоту русского языка, начатая с эпохи И.С. Тургенева, продолжается и поныне. Вот как писал А.Ф. Кони о назревшей языковой проблеме в конце XIX века: «У нас в последнее время происходит какая-то ожесточённая порча языка, и трогательный завет Тургенева о бережливом отношении к родному языку забывается до очевидности: в язык вносятся новые слова, противоречащие его духу, оскорбляющие слух и вкус и притом по большей части вовсе не нужные, ибо в сокровищнице нашего языка уже есть слова для выражения того, чему дерзостно думают служить эти новшества... Неточностью слога страдают речи большинства судебных ораторов. У нас постоянно говорят, например, «внешняя форма и даже – horribile dictu" – «для проформы». При привычной небрежности речи нечего и ждать правильного расположения слов. Недавно в газетах было напечатано объявление: «актёры-собаки» вместо «собаки-актёры». Стоит переставить слова в народном выражении «кровь с молоком» и сказать «молоко с кровью», чтобы увидеть значение отдельного слова, поставленного на своё место» [Кони, 2013, с. 44]. Приведём ещё один пример, подтверждающий мысль А.Ф. Кони, его заботу о чистоте и богатстве русского языка: «Не применять в речи одних и тех же выражений, даже одних и тех же слов на близком расстоянии. Флобер и Мопассан советовали не ставить в тексте одинаковых слов ближе, чем на 200 строк» [Там же]. Такое скрупулёзное отношение к русскому слову было у А.Ф. Кони на протяжении всей его жизни. Он изучал и литературу по ораторскому искусству и оставил много мудрых

мыслей относительно судебного красноречия, но об этом здесь не будем говорить: это отдельная тема. Заметим, что И.С. Тургенев часто посещал судебные заседания и «*чрезвычайно внимательно следил за всеми подробностями процесса*». А. Ф. Кони за год до смерти И. С. Тургенева довелось прочитать и дать отзыв на его последнюю работу «Стихотворения в прозе»: «... я провёл всю ночь, читая и несколько раз перечитывая эти чудные вещи, в которых не знаешь, чему более удивляться, – могучей ли прелести русского языка, или яркости картин и трогательной нежности образов. Я выразил лишь сомнение, правильно ли в “Конце света” употреблено слово “круч” вместо “круча”» [Кони, 1989, с. 140]. Писатель И.С. Тургенев послал письмо А.Ф. Кони, где дал ответ: «... я буду хранить ваше письмо как документ. И “круч” – и “круча” существуют, но круча, я думаю, грамматически правильнее» [Там же]. Завершая рассказ о сотрудничестве ярких и неповторимых языковых личностей – юристе А.Ф. Кони и писателе И.С. Тургеневе, – можно сказать, что человеку подвластно многое, всё в его руках, он может постигать любое знание – было бы только желание.

Плодотворными и нравственно-духовными были встречи А.Ф. Кони и великого исследователя «*диалектики души*», «*великого писателя земли русской*» Л.Н. Толстого, который был для него учителем и нравственным судьёй. О Л.Н. Толстом А.Ф. Кони повествовал так: «... он существует как живой выразитель волнующих ум и сердце дум, как нравственный судья движений человеческой мысли и совести... он заставлял работать мысль, нарушал самодовольство молчания, будил окружающих от сна и не давал им утонуть в застое болотного спокойствия...» [Кони, 2013, с. 528]. Дружеские отношения между этими титанами мысли продолжались более двадцати лет. Они активно переписывались и встречались в Ясной Поляне. Это было общение людей духовно богатых и нравственно высоких. А.Ф. Кони был рецензентом его произведений, например, «После бала», «Божеское и человеческое», «Хаджи Мурат» и неоконченный трактат о Шекспире. Много спорили о Шекспире. А.Ф. Кони отмечает искусство Л.Н. Толстого вести полемику: «Я возражал Толстому, как умел, но Толстой, приводя исключительные примеры, стоял на своём с внешней мягкостью, но с внутренним упорством, носившим на себе даже оттенок некоторого раздражения» [Кони, 2013, с. 525]. Высокого мнения был А.Ф. Кони о рассказе «После бала»: его поразила страсть уже немолодого Толстого, написавшего этот рассказ и показавшего так ярко и выразительно рождение первой любви. В воспоминаниях о Л.Н. Толстом он напишет проникновенные строчки: «Нужно быть не только великим художником, но и нравственно высоким человеком, чтобы так уметь сохранить в себе, до глубокой старости, несмотря на “охлажденны лета”, и затем изобразить тот почти неуловимый строй наивных восторгов, чистого восхищения и таинственно радостного отношения ко всему и всем, который называется первой любовью» [Там же]. Не только Кони восхищался Толстым, но и Толстой просил помощи у профессионала Кони, называя его «*милый Анатолий Фёдорович*». Просил Толстой за обиженных крестьян, у которых отбирали детей, за невинно осуждённых и т.п. Вот одно из таких писем к А.Ф.Кони: «Та, о заступничестве за которую я вас

прошу, – пишет он в 1898 году, – молоденькое и наивное, как ребёнок, существо, так же похожее на заговорщика и так же опасное для государства, как похож я на завоевателя и опасен для спокойствия Европы. Вот я и снова к вам с просьбой. Но что же делать? Благородство (чувств) обязывает, а кроме того, мне не к кому обратиться в Петербурге» [Кони, 2013,с. 527]. Л.Н. Толстой дорожил дружбой с юристом А.Ф. Кони, желал ему выдержки и терпения в нелёгком труде, поддерживал его речи относительно культуры русской речи юристов и его стремление всё, что зависит от него, сделать для этого. В 1900 г. он писал А.Ф. Кони: «Очень сожалею о том, что ваша речь в Академии о русском языке вызвала неосновательные возражения. То, что вы сказали, было очень естественно и вполне целесообразно. Надо выучиться не обращать на это внимания, впрочем, вы это знаете лучше меня... Желаю вам духовного спокойствия, а телесное здоровье в сравнении с этим благом как щекотка при здоровом теле» [Там же, с. 528]. Дружба двух титанов мысли основывалась прежде всего на любви к делу, которому они служили: как можно больше сделать для процветания России, не жалея сил и здоровья, быть сподвижниками и верно служить отечеству. Их жизнь была посвящена исканию правды – художественной и достоверной, реальной с точки зрения закона. Для А.Ф. Кони творчество и жизнь Л.Н. Толстого были примером. В поздних воспоминаниях А.Ф. Кони напишет: «... у каждого, вошедшего с ним в общение в минуты колебаний, когда грозят кругом облепить житейские грязь и ложь, настойчиво и спасительно встаёт в душе вопрос: “А что скажет на это Лев Николаевич? А как он к этому отнесётся?”» [Там же]. Он сравнивает писателя Толстого с царём зверей львом, который своим рыканьем всегда пробуждает спящую пустыню, и она оживает. Так бывало и с Львом Толстым. Своим голосом, неравнодушным и справедливым, он заставлял работать мысль, «нарушал самодовольство молчания, будил окружающих ото сна и не давал им утонуть в застое болотного спокойствия...» [Там же].

Близкими по духу и нравственным качествам были отношения А.Ф. Кони и выдающегося писателя, защитника «*униженных и оскорблённых*», Ф.М. Достоевского. Писателю Ф.М. Достоевскому было суждено испытать в жизни всё: и успех (блестящий отзыв о романе в письмах «Бедные люди» – «*Новый Гоголь народился*»), и арест, и ожидание смертной казни, заменённой в последний момент на каторгу, и многолетнее пребывание в остроге, и материальная нужда, и болезнь (в ссылке он приобрёл эпилепсию и страдал ею до конца своей жизни), и счастье в семье, и любовь к жене и к детям. Юрист А.Ф. Кони, как никто другой, понимал, что значит для человека пройти «*муки адовы*» и не сломаться, а продолжать жить и творить, служить высокому искусству и народу. О мужестве и человечности Ф.М. Достоевского он написал так: «Он вернулся из каторги примирённым с жизнью, просветлённый пониманием смысла и значения последней. В душе надломленных, но не обезличенных товарищей по острогу и даже в самых закоренелых злодеях он сумел найти признаки человечности. Ему было дано проникновенно затронуть роковые и противоположные вопросы тяжкого отсутствия уединения и насильственного одиночества. Любовь к страждущим

и сострадание к людям стали затем господствующей и несмолкающей нотой в его творчестве» [Там же, с. 535 – 536]. «*Любовь к страждущим и сострадание к людям*», – вот самая точная формулировка творчества Ф.М. Достоевского, данная юристом и литератором А.Ф. Кони. В то время, когда на Достоевского оказывалось гонение за его роман «Преступление и наказание» (некоторые критики утверждали, что Достоевский написал «*донос на молодёжь*»), А.Ф. Кони смело вступился за писателя и за его героев, приведя достоверные факты, произошедшие в Москве в 1866 г. (это время опубликования «Преступления и наказания»), подчеркнул пророчество писателя, предчувствовавшего реальные события: «Двенадцатого января 1866 г., когда первая часть романа уже была напечатана, но ещё не вышла в свет, в Москве студент Данилов зарезал ростовщика и его служанку, а через тринадцать лет то же самое по отношению к своему кредитору и его прислуге совершил молодой и блестящий гвардейский офицер Ландсберг» [Там же, с. 537]. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» по достоинству был оценён только в восьмидесятых годах XIX в. в русской и западноевропейской литературе. Тщательное изучение романа Достоевского с правовой точки зрения привело юриста А.Ф. Кони к утверждению о том, что роман «Преступление и наказание» повлиял на приёмы и содержание некоторых произведений Габриэля де Аннунцио и Поля Бурже и на лекции французского судебного деятеля Аталена, который всегда свои лекции завершал словами: «*Читайте, – читайте Достоевского*». Встречаясь, писатель и юрист находили всё новые и новые темы для бесед. Их интересовали вопросы и литературы, и правопорядка, и защиты детей от жестокости общества и отдельных граждан. Они были нужны друг другу. Ф.М. Достоевский всегда был рядом с униженными и оскорблёнными, помогал им. Обращался за помощью к А.Ф. Кони. Упомянем о деле крестьянки Екатерины Корниловой, которая, будучи беременной, совершила преступление, выбросив в порыве раздражения из окна шестилетнюю падчерицу. Девочка чудом осталась в живых, уцелела. Мачеха девочки была приговорена к отбытию срока на каторге. Это дело заинтересовало Достоевского как человека, исследовавшего глубины души человеческой. Он обратился к Кони: «А неужели нельзя теперь смягчить как-нибудь этот приговор? Неужели никак нельзя? Право, тут могла быть ошибка...» [Там же, с. 537]. Компетентные врачи-эксперты оценили душевное состояние Екатерины Корниловой – и оправдали её. Достоевского интересовали и вопросы, связанные с детскими преступлениями. Он вместе с Кони посетил колонию для малолетних преступников на Охте, беседовал с детьми и проникся глубоким чувством сострадания к ним. Дети относились к нему доверчиво и просто. После этого Достоевский стал приезжать в колонию, проводить там целые дни, внимательно присматривался к каждому ребёнку, изучал характеры отдельных «*колонистов*». Затем эти наблюдения и зарисовки лягут в основу его романа-воспитания «Подросток» и «Братьев Карамазовых». Писатель Ф.М. Достоевский был пророческим и откровенным, чистым в помыслах и смелым гражданином, искателем правды, «*властителем дум*» почти всего общества России и особенно в последние два года по-

сле выхода его романа «Братья Карамазовы». Болезнь унесла Ф.М. Достоевского на пике славы и признания. По мнению А.Ф. Кони, со смертью Ф.М. Достоевского Россия «осиротела». Он многое предвидел и предугадал и многому научил людей, изучающих общество и образы, созданные русской литературой. А.Ф. Кони заключает: «Достоевский – образец и великий учитель. У него надо изучать и приёмы тончайшего, проникающего в самую глубину, анализа душевных движений натур усталых, ослабевших, надломленных в житейской борьбе, и изумительного изображения тонких и сложных психических состояний, свойственных людям, находящимся на границах действительности и целого мира грёз и болезненной игры фантазии. Все эти исстрадавшиеся, опустившиеся, нервные и мрачные люди, которых так умел описывать Достоевский, – не умрут среди образов, созданных русской литературой, пока в ней будет жить желание найти в самой омрачённой, в самой озлобленной душе задатки любящего примирения» [Там же, с. 543]. Произведения Ф.М. Достоевского призывают к милосердию и всепрощению, а милосердие – это высший уровень справедливости. В христианской традиции у справедливости и милосердия есть и другие имена: Закон и Благодать. Ф.М. Достоевский был истинным христианином, верующим и соблюдающим христианские заповеди и законы светской жизни (из ссылки он вернулся с Евангелием). Таким же нравственно чистым и знающим жизнь не только с её лицевой, но и оборотной стороны оставался Достоевский и в своих художественных произведениях. Охарактеризовать в полном объёме его творчество можно словами Илариона, автора «Слова о законе и благодати», чьё произведение было написано в XI в.: «... прежде Закон, потом Благодать; прежде тень, потом Истина. Христиане Истиною и Благодатью не оправдываются, а спасаются» [Иларион, http]. Мыслями Ф.М. Достоевского относительно поступков, выбора жизненного пути можно руководствоваться в жизни и сейчас. Советы Ф.М. Достоевского остаются актуальными и в XXI в. Вспомним, какие письма писал Макар Девушкин Вареньке Добросёловой, а главный герой «Подростка», Аркадий Долгорукий, стремился обрести семью. Писатель-гуманист Достоевский так же, как и автор «Слова...», призывает к равноправию всех христианских народов и советует управлять государством, полагаясь не только на закон, но и на умение «творить милостыню». Писатель Ф.М. Достоевский, следуя христианским канонам, всегда стремился делать добро, показывая на примерах своих героев, что за любым преступлением непременно следует наказание, и оно неотвратимо. Но у преступника всегда есть возможность покаяния, так как через покаяние мы приходим к истине. А это уже высшая степень осознания своей вины и наказания. В таком взгляде на Справедливость и Закон юрист А.Ф. Кони и писатель Ф.М. Достоевский были сродни и по духу, и по вере в то, что в человеке изначально заложено добро, а не зло. Оттого и существует мир и понимание на земле.

Русская литература, вне всякого сомнения, является форпостом гуманитарного знания, «*учебником жизни*» и «*душевным лекарством*». Без неё невозможно воспитание и формирование духовно-нравственной личности, так значимой в организации и существовании гуманно-

го, гражданского общества. А.Ф. Кони до конца своих дней верил в духовность русской литературы и в её предназначение – служить народу, служить человеку, воспитывать подрастающее поколение с помощью художественного слова. Рефреном через всё его творчество звучали слова: «*Воспитание, воспитание – это главное. Нужно перевоспитать себя. Воспитание глубоко, глубоко...*» [Высоцкий, с. 424]. Дружба с великими писателями, сформировавшими остов русской классической литературы, – Н.А. Некрасовым, В.Г. Короленко, И.С. Тургеневым, Л.Н. Толстым, Ф.М. Достоевским – стала опорной точкой отсчёта в блестящей карьере А.Ф. Кони прежде всего как юриста, а потом и литератора, и знатока культуры русского языка и русской речи, и литературного критика, и публициста, и писателя. И человека с большой буквы.

Литература

Высоцкий С.А. Кони. М.: Молодая гвардия, 1988. 430 с.

Иларион. Слово о законе и благодати [Электронный ресурс] // Образовательный портал. Слово. URL: http: // www.portal-slovo.ru (дата обращения 19 апреля 2018).

Кони А.Ф. Закон и справедливость. Судебные речи и статьи. М.: Эксмо, 2013. 640 с.

Кони А.Ф. Избранное. М.: Советская Россия, 1989. 496 с.

References

Vysotskiy S.A. *Koni*. M., Molodaya gvardiya, 1988. 430 p. (In Russian).

Ilarion. *Slovo o zakone i blagodati* [Ehlektronnyy resurs]. Obrazovatel'nyy portal. Slovo. Available at: http: // www.portal-slovo.ru (accessed 19.04. 2018). (In Russian).

Koni A.F. *Zakon i spravedlivost'. Sudebnyye rechi i stat'i*. M., Ehksmo, 2013. 640 p. (In Russian).

Koni A.F. *Izbrannoye*. M., Sovyetskaya Rossiya, 1989. 496 p. (In Russian).

Lidiya V. Umantseva (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Russian Literature as a Harbinger of Legal Knowledge

No doubt, the word is the primary means of communication and acquiring knowledge. With the help of the word we get primary information about the existence of a matter, its forms and laws. The mental and spiritual beginning in our lives is also formed by the word. Legal knowledge, of course, is necessary for every citizen. How to achieve excellence in law with the help of knowledge of Russian literature? We are trying to answer this question in the given article.

Key words: *word, information, legal knowledge, spiritual principle, perfection, literature, communication.*

Lidiya V. Umantseva – candidate of Philology, associate professor. General education disciplines dpt. Faculty of continuous education. Russian State University of Justice (Rostov branch). Phone: 8-909-402-35-78; e-mail: chen-vik@mail.ru

УДК 81
ББК: 81.2Рос

В.П. Гредель

МНОГОСТУПЕНЧАТОСТЬ ЖАНРОВОЙ СТРУКТУРЫ РОМАНА Е. ЗАМЯТИНА «МЫ»

Роман Е. Замятина «Мы» трактуется как своеобразный художественный сплав собственно автора и вымышленного соавтора Д-503. Для первого «Мы» – космос, для второго «мы» – нумера Единого Государства. Роман «Мы» представляет собой синтез жанровых образований, которые можно обозначить как композиционно-смысловые ступени романа: со стороны писателя – роман-антиутопия и классическая трагедия; со стороны повествователя Д-503 – конспект, дневник и драма.

Ключевые слова: *Е. Замятин, жанр, «МЫ», модус, концепт, эпитафия, «мудрейшая из линий».*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-179-187

Гредель Вероника Павловна – аспирант кафедры русского языка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена
Тел.: (981) 757-95-63
E-mail: nikas16@yandex.ru

© Гредель В.П., 2018.

Роман Е. Замятина «Мы» представляет собой синтез различных жанровых[1] форм. Приведем слова самого Е. Замятина: «В точной науке – анализ все больше сменяется синтезом, задачи микроскопические – задачами Демокрита и Канта, задачами пространства, времени, вселенной. И явно эти новые маяки стоят перед новой литературой: *от быта – к бытию, от физики – к философии, от анализа – к синтезу*». И далее «сама жизнь – сегодня перестала быть плоско-реальной: она проектируется не на прежние неподвижные, но на динамические координаты Эйнштейна, революции. В этой новой проекции – сдвинутыми, фантастическими, незнакомо-знакомыми являются самые привычные формулы и вещи. Отсюда – так логична в сегодняшней литературе тяга именно к фантастическому сюжету или к сплаву реальности и фантастики. <...> Если искать какого-нибудь слова для определения той точки, в которой движется сейчас литература, я выбрал бы слово *синтетизм:* синтетического характера формальные эксперименты, синтетический образ в символике, синтезированный быт, синтез фантастики и быта, опыт художественно-философского синтеза» [Замятин, 1923]. Итак, **синтез**: динамизм, фантастичность, символизм. Эти составляющие соприкасаются с проблемой «образ автора» (В.В. Виноградов). В статье «В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы» Е.В. Падучева предпочла виноградовскому термину «образ автора» термин «повествователь»: «автор, который обнаруживает себя в тек-

сте, может быть своего рода маской реального автора» [Падучева, 1995, с. 39 – 40]. В наше время под влиянием Е.В. Падучевой утвердился термин «повествователь» – представитель автора в рамках данного текста в том образе, который конкретный автор пожелал ему придать [Падучева, 1995, с. 40]. Отсюда в определенной мере вытекало и положение о многозначности романа как такового. Тем не менее эта идея нуждается в корректировке. Речь, на наш взгляд, должна идти не столько о многозначности, сколько о жанровой **многоступенчатости** романа. Здесь уместно назвать имя М.М. Бахтина который определяя суть жанра современного ему романа, писал: «не просто жанр среди жанров. Это единственный **становящийся жанр среди давно готовых и частично уже мертвых жанров.** Это единственный жанр, рожденный и вскормленный новой эпохой мировой истории» [Бахтин, 1975, с. 448]. По мнению М.М. Бахтина, другие большие жанры полученные, так сказать, по наследству в готовом виде, только приспособляются к новым условиям существования (одни лучше, другие хуже) [Там же]. В.М. Алпатов, говоря о проблеме речевых жанров М.М. Бахтина, справедливо назвал ее «пионерской концепцией, в ряде положений опередившей свое время» [Алпатов, 2002, с. 101].

Проблема же ментально-коммуникативной связи автор-повествователь органично входит в концепт «модуса текста». Эксплицитное предложение, по словам Шарля Балли, состоит из двух частей, где первая – диктум – означает процесс, образующий представление, а вторая – модус, являющийся «главной частью предложения», без которой вообще предложение может не состояться, поскольку именно модус есть «коррелятивная операция, производимая мыслящим субъектом», «душа предложения» [Балли, 1955, с. 44]. Модус состоит из модального глагола и модального субъекта, дополняя диктум [Балли, 1955, с. 44].

В самом деле, реальный автор Е. Замятин – известный в России и за ее пределами писатель – предстает в **двух** ипостасях: с одной стороны, как создатель идеи **космического**[2] концепта «Мы»[3], с другой – как пользователь слова «мы» в качестве создающего конспект Д-503, «поэмы» во славу Единого Государства с Благодетелем во главе. «Мы» писателя Е. Замятина – жители Вселенной, космоса, «мы» повествователя Д-503 – нумера. Эта двуликость и создает не просто многозначность романа, а его многоступенчатость, где каждая ступень задается некоторым модусом автора Е. Замятина и / или повествователя Д-503. И вот Строитель космического корабля «Интеграл» Д-503 поставил перед собой цель написать о своей невиданной среде – величии Единого Государства. Первоначальное стремление повествователя создать произведение литературы, восхваляющее и превозносящее жизнь Единого Государства, Благодетеля и нумеров становится причиной подобия произведения с похвальным словом или панегириком, разбавляемое поначалу размышлениями и замечаниями персонажа. Требование, что усвоил повествователь, звучит следующим образом: *«Всякий, кто чувствует себя в силах, обязан составлять трактаты, поэмы, манифесты, оды или*

иные сочинения о красоте и величии Единого Государства». Не все, однако у Д-503 получилось по замыслу, так как, по его же оценке, возникает *«какой-то **фантастический авантюрный роман**»*.

Первой ступенью выступает **антиутопия** Е. Замятина и **утопия** Д-503. Е.И. Замятина, как мыслителя и писателя, волновали общие тенденции (существующие и возможные) в общественно-политическом и научно-техническом, наряду с великими техническими открытиями, не без беспокоющего технократизма, развитии человеческого общества: несвобода, тоталитаризм, утрата духовности, насилие над личностью, полное бесправие, жестокость. Ощущая в себе способности предвидения, а если перейти на высокий стиль – силы пророка, долженствующего «бить в набат», Замятин создал роман-предупреждение, антиутопию – «Мы», связанную с созданием своеобразной картины мира – так называемого Единого Государства с Благодетелем во главе. Современники же Е. Замятина ощутили (некоторые не вдруг) похожесть этой картины на картину окружающей их действительности. Одним из способов подобного ощущения современников явилось описание конкретностей режима нумеров: *«...в одну и ту же, назначенную Скрижалью, секунду, **мы** подносим ложки ко рту и в одну и ту же секунду выходим на прогулку и идем в аудиториум, в зал Тэйлоровских экзерсисов, отходим ко сну...»; «...была изобретена **наша** теперешняя, нефтяная пища. Правда, выжило только 0,2 населения земного шара. <...> И зато эти ноль целых и две десятых вкусили блаженство в чертогах Единого Государства»*. Если оценивать это изображение с точки зрения замятинского современника, нельзя не увидеть здесь гротеска, но Д-503 всем этим восхищен, даже гибелью 99,8% при переходе на нефтяную пищу. Этот выбранный Замятиным парадокс гротеск – «похвальное слово» и создает восприятие изображенного в качестве сатиры.

Второй ступенью, выдвинутой в романе, является у Е. Замятина **классическая трагедия**, пришедшая из античности, наделенная **катарсисом**, очищающим среду, у Д-503 – **драма**. Предостережение Е. Замятина по энергетической силе не уступает античным образцам. Драма же Д-503 отражает его жалкое сценически демонстрируемое переживание рождения и смерти неслучившейся души. О сценическом изображении Замятин писал: «Творчество, воплощение, восприятие – три момента. Все три в театре разделены. В художественном слове – соединены: автор он же актер, зритель – наполовину автор» [Замятин, 1920].

Третьей ступенью жанра романа «Мы» становится особый жанр – **конспект.** Даже в этом, казалось бы, не эмоциональном изображении присутствует модус превознесения Единого Государства Строителем «Интеграла», математика по профессии: *«Хотел зачеркнуть все это – потому что это выходит из пределов **конспекта**. Но потом решил: не зачеркну. Пусть мои **записи**, как тончайший сейсмограф, дадут кривую даже самых незначительных мозговых колебаний: ведь иногда именно такие колебания служат предвестником – –»*. Что же касается вторичных (сложных)[4] риторических диалогических речевых жанров: 1) завуали-

зированный характер обращения к адресату, 2) демонстративная сжатость фрагментов бытийного характера, 3) подчеркнутость черт научного и учебного описания жизни Единого Государства 4) безразличие к истории; но они оказались в данном случае за пределами дискурса [Бахтин, http]. Так, например, Д-503 не приводит сколько-нибудь подробной истории Единого Государства, а останавливается только на выборочных фактах, таких как Двухсотлетняя Война или введение «розовых» талонов.

Конспекты состоят из 40 частей (названных записями). Каждая запись имеет подзаголовок «конспект», а также название, которое, по сути, является кратким содержанием или конспектом этой записи. Например, *«Запись 33-я. Конспект: (ЭТО БЕЗ КОНСПЕКТА, НАСПЕХ, ПОСЛЕДНЕЕ.)», «Запись 3-я. Конспект: ПИДЖАК. СТЕНА. СКРИЖАЛЬ»*. Уместно вспомнить высказывание Л.В. Поляковой: «Ориентированный не только на «планетного» читателя, но и на новую советскую жизненную реальность, на нового читателя, роман получился фантастическим, с элементами детектива, занимательности» [Полякова, 2014]. Как пишет Л.В. Полякова, «отвергая теории производственно-технического бытия, Замятин написал свой антиромантический литературно-художественный конспект, в котором с точностью им самим созданной Скрижали распределил роли, персонажей, главы записей» [Полякова, 2014].

Говоря о жанровых особенностях романа «Мы», нельзя пройти мимо конспектов Д-503, которые включают в себя **дневниковое** начало[5]. Как пишет Райнер Гольдт, «заслуга Замятина в том, что, используя прием вымышленного дневника, он впервые (насколько мне известно) в мировой литературе XX века показал методы живосечения человеческого сознания, скованного небывалым и ранее 1919 г. непредставимых масштабов тоталитаризма. Нарисован общественный строй, проникающий в самые интимные обстоятельства индивидуального бытия, вплоть до сновидений (Олеша) или до подсознательного употребления идеологизированной лексики для описания собственного психического состояния» [Гольдт, 2002, с. 58]. Примечательно, что именно жанр дневника более других жанров призван показать особенности человеческого сознания [Богданова, 2008, с. 29]. Так в своем дневнике повествователь не только описывает Единое Государство, но он, дневник, представляет собой воспоминания о жизни Д-503, чувства, переживания и размышления главного персонажа. Дневник дает краткие выборочные воспоминания повествователя о своем пути становления: школьные будни, выбор «талонного» нумера и профессиональной деятельности. Отсюда наличие таких средств выражения, как авторская пунктуация, неполные и эллиптические предложения, сокращения, риторические вопросы и восклицания, повторы, парцелляция: Эти особенности языка наглядно отражают порывы «человечности» в нумере Д-503: *«Да: проинтегрировать грандиозное вселенское уравнение. Да: разогнуть дикую кривую, выпрямить ее по касательной – асимптоте – по прямой. Потому что линия Единого Государства – это прямая. Великая, божественная, точная,*

мудрая прямая – мудрейшая из линий...» Однако среди таких записей обнаруживаем и те, что не могли принадлежать нумеру без души. Казалось бы неубедительно выглядит следующее: *«Я пишу это и чувствую: у меня горят щеки. Вероятно, это похоже на то, что испытывает женщина, когда впервые услышит в себе пульс нового, еще крошечного, слепого человечка. Это я и одновременно не я. И долгие месяцы надо будет питать его своим соком, своей кровью, а потом – с болью оторвать его от себя и положить к ногам Единого Государства»*. И тем не менее можно предположить в этих неоправданных для Д-503 словах наличие некого сдвига под влиянием О-90. По существу, можно считать, что на страницах «Мы» создается новелла, которую можно было бы назвать «рождение души Д-503». В жизнеописании Д-503 улавливаются некоторые этапы, точнее периоды, его инициализации[6] в качестве человека с душой, а не просто нумера Единого Государства. Первым периодом перерождения персонажа можно назвать состояние *«временной смерти»*, которое испытывает Д-503 при случайном перемещении из Древнего Дома в подземные катакомбы. Разумеется, на самом деле это был обморок, однако, с точки зрения символики, смерть является необходимым атрибутом инициализации персонажа[7]. Следующим периодом становится преодоление лабиринта из коридоров и труб, после чего Д-503 выходит из темноты к свету. Не обошлось в этом периоде и без волшебного помощника – помощником выступила I-330, которая и вывела персонажа обратно к Древнему Дому. Следующим периодом инициализации можно назвать «разряд», который испытывает персонаж: *«**Разряд** – самое подходящее определение. Теперь я вижу, что это было именно как **электрический разряд**. **Пульс** моих последних дней становится все суше, все чаще, все напряженней – полюсы все ближе – сухое потрескивание – еще миллиметр: взрыв, потом – тишина. <...> Быть может, этот **"разряд" излечил** меня, наконец, от моей мучительной **"души"** – и я снова стал, как все мы»*. Характерно, что ритуальное одобрение, а также совместная трапеза как последующие периоды инициации персонаж проходит за Зеленой Стеной при обсуждении планов по похищению «Интеграла» во время его испытаний. Именно в результате инициализации Д-503 **становится почти человеком**, а не просто нумером без души[8], который не может любить. Однако после удаления фантазии персонаж теряет и душу, превращаясь окончательно в человекоподобную машину. Так реальный автор создает эпитафию души Д-503, заканчивая образ главного персонажа. Эта эпитафия – своеобразная эвиденциальность, направленная на следующие поколения, потомков. И если «мудрейшая из линий», которой руководствовался «соавтор» Замятина, Строитель «Интеграла», имела строго очерченное, единственно правильное, «прямое» будущее со знаком точки на конце, Замятин оставляет финал открытым, может быть, с многоточием.

Завершая, заметим, Е. Замятин создал роман «Мы», представляющий собой синтез жанровых образований, которые можно обозначить как композиционно-смысловые ступени романа: со стороны писателя –

роман-антиутопия и классическая трагедия; со стороны повествователя Д-503 – конспект, дневник и драма. В этом уникальность романа «Мы», следствием чего является его загадочность, исследовательская трудность при анализе произведения. Специфика жанра романа позволила Е. Замятину создать особые образы персонажей, среди которых удачно сотворенный образ инициируемого наблюдателя Д-503.

Примечания

[1] Наиболее распространенным является определение жанра в формулировке В.Е. Гольдина и О.Н. Дубровской: «жанр – это тип, форма, коммуникативная организация речевого действия и соответствующего речевого произведения либо представление, знание о типах, формах, коммуникативной организации речевых действий и соответствующих речевых произведений, но не сами эти действия и произведения» [Гольдин, Дубровская, 2002, с. 6].

[2]В данном контексте рассматривается космос как «философская категория, фиксирующая представления о мире как об упорядоченной и структурно организованной целостности, подчиненной в своей динамике имманентной закономерности», «антиномичен Хаосу как бесформенной неупорядоченности» [История философии..., 2002].

[3]Как пишет В.В. Степанова, именно название является «символическим словесным выражением концепта, получающего свое воплощение в тексте» [Степанова, 2013, с. 67]. В данном случае концепт «мы» – это, в первую очередь, «коммуникативный ориентир для читателя – коллективного участника литературной коммуникации» [Степанова, 2013, с. 67].

[4]Под вторичными (сложными) речевыми жанрами М.М. Бахтин подразумевал «романы, драмы, научные исследования всякого рода, большие публицистические жанры и т. п.», которые «возникают в условиях более сложного и относительно высокоразвитого и организованного культурного общения (преимущественно письменного): художественного, научного, общественно-политического и т. п. В процессе своего формирования они вбирают в себя и перерабатывают различные первичные (простые) жанры, сложившиеся в условиях непосредственного речевого общения» [Бахтин «Проблема речевых жанров»].

[5] Как известно, у Л.Н. Толстого было особое отношение к дневникам в диапазоне «для потомков» – «для самых близких» – «для одного себя». После смерти Льва Николаевича супруга Софья Андреевна выступила против публикации дневников, потребовав возвратить их семье. «Его дневники, – писала она Черткову 18 сентября 1910 года, – это святая святых его жизни, следовательно, и моей с ним, это отражение его души, которую я привыкла чувствовать и любить, и они не должны быть в руках постороннего человека» [Цит. по Шифман, 2010].

[6] Как правило, под инициацией понимается «совокупность обрядов и устных наставлений, цель которых – радикальное изменение религиозного и социального статуса посвящаемого» [Элиаде, 1999, с. 12]. Как пишет А.М. Прилуцкий, «обряды инициации, в большинстве случаев представляющие собой сложные ритуальные комплексы, образованные взаимодействием различных ритуалогем, хорошо изучены этнографами и религиоведами. Совершаются эти обряды для мистико-ритуальной и сакрально-символической сигнализации перехода индивидуума на качественно новую ступень в соответствующей социальной иерархии отношений» [Прилуцкий, 2011, с. 24].

[7] Как пишет М. Элиаде, «большинство испытаний, входящих в обряд посвящения, предполагает, с большей или меньшей очевидностью, ритуальную смерть с последующим воскрешением или новым рождением. Центральный момент посвящения представлен обрядом, символизирующим смерть неофита и его возвращение к живым. Но к жизни он возвращается новым человеком, подготовленным к другому способу существования. Смерть при посвящении означает одновременно конец детства, неведения и состояния непосвященности» [Элиаде, 1999, с. 15-16].

[8]Любопытно отметить высказывание писателя о современной советской литературе и театре на своей лекции в Праге в 1931 г.: «Как вам известно, слово «душа» в хорошем советском обществе – одно из самых неприличных, одно из самых недопустимых слов» [Цит. по: Любимова, 2011, с. 28]. Писатель видел бездуховность идеологически выверенного творчества поэтов и писателей Пролеткульта и обличал ее.

Литература

Алпатов В.М. Проблема речевых жанров в работах М.М. Бахтина // Жанры речи: сб. науч. статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 92 – 103.

Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка / пер. с фр. Е.В. Вентцель и Т.В. Вентцель; ред., вступ. ст. и прим. Р.А. Будагова. М.: Изд-во иностр. лит., 1955. 416 с.

Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худ. лит., 1975. 504 с.

Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. [Электронный ресурс]. – URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (дата обращения 10.01.2018).

Богданова Е.В. Языковые особенности жанра дневника // Филол. науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1-1. С. 28 – 33.

Гольдт Р. Последнее убежище личности в подлинных дневниках межвоенного периода // Евгений Замятин и культура XX века. Исследования и публикации. СПб.: Изд-во РНБ, 2002. С. 37 – 63.

Гольдин В.Е., Дубровская О.Н. Жанровая организация речи в аспекте социального взаимодействия // Жанры речи: сб. науч. статей. Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 5 – 17.

Замятин Е.И. Лекции по технике художественной прозы. О языке. 1920. [Электронный ресурс]. – URL: http://zamyatin.lit-info.ru/zamyatin/public/lekcii-po-proze/o-yazyke.htm (дата обращения 11.12.2017).

Замятин Е.И. Мы. [Электронный ресурс]. – URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0050.shtml (дата обращения 15.09.2013).

Замятин Е.И. Новая русская проза. 1920. [Электронный ресурс]. 1923. URL: http://zamyatin.lit-info.ru/zamyatin/zamyatin-kritika/lica/novaya-russkaya-proza.htm (дата обращения 07.01.2018).

История философии. Энциклопедия. [Электронный ресурс] / под ред. А.А. Грицанова. Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. 1376 с. – (Мир энциклопедий).

Любимова М.Ю. Евгений Замятин – автор романа «Мы» // Евгений Замятин. «Мы»: текст и материалы к творческой истории романа / сост., подгот. текста, публ., коммент. и статьи М.Ю. Любимовой и Дж. Куртис. СПб.: Изд. дом «Міръ», 2011. 608 с., [20 с.] цв. ил., фронтиспис. – С. 3 – 136.

Падучева Е.В. В.В. Виноградов и наука о языке художественной прозы // Изв. РАН. Серия литературы и языка. Т. 54, № 3. 1995. С. 39 – 48.

Полякова Л.В. Россия движется вперёд странным, трудным путём... 130 лет со дня рождения Евгения Замятина // Литературная газета. 2014. № 6 (6449) (12.02.2014). [Электронный ресурс]. URL: http://lgz.ru/article/-6-6449-12-02-2014/rossiya-dvizhetsya-vperyed-strannym-trudnym-putyem-/ (дата обращения 28.02.2017).

Прилуцкий А.М. Защита диссертации vs. Обряды инициации. К вопросу о семиотике квазирелигиозных ритуалов // Религия как знаковая система: Знак. Ритуал. Коммуникация: сб. науч. статей. Вып. 1 / сост. В.Ю. Лебедев, А.М. Прилуцкий. Тверь: Изд-во ГЕРС, 2011. 154 с.

Степанова В.В. Лексическая структура текста и его заглавие // Слово. Словарь. Словесность: Коммуникация. Текст. Синтаксис (к 90-летию со дня рождения С.Г. Ильенко): Материалы Всерос. науч. конф. Санкт-Петербург, РГПУ им. А.И. Герцена, 13-15 ноября 2013. / Отв. ред. В.Д. Черняк. СПб.: САГА, 2013. С. 67 – 73.

Шифман А. Дневники светлого гения // Светлоград. Газета мечтателей и реалистов. 2010. № 6. [Электронный ресурс]. URL: http://old.svetgrad.ru/2010/06/dnevnik.php (дата обращения 10.01.2018).

Элиаде М. Тайные общества. Обряды инициации и посвящения / пер. с фр. Г.А. Гельфанд; науч. ред. А.Б. Никитин. М.; СПб.: «Университетская книга», 1999. 356 с.

References

Alpatov V.M. Problema rechevykh zhanrov v rabotakh M.M. Bakhtina, *Zhanry` rechi: Sbornik nauchnykh statey.* Saratov, Vyp. 3, pp. 92-103. (In Russian).

Balli Sh. *Obshchaya lingvistika i voprosy` frantsuzskogo yazyka*. Per. s fr. E.V. Venttsel` i T.V. Venttsel`; red., vstup. st. i prim. R.A. Budagova, Moskow, 1955, 416 p. (In Russian).

Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i ehstetiki*. *Issledovaniya raznykh let,* Moskow, 1975, 504 p. (In Russian).

Baxtin M.M. P*roblema rechevykh zhanrov.* Available at: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (accessed 10.01.2018). (In Russian).

Bogdanova E.V. Yazy`kovyye osobennosti zhanra dnevnika, *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki,* 2008, no. 1-1, pp. 28-33. (In Russian).

Gol`dt R. Posledneye ubezhishche lichnosti v podlinnykh dnevnikakh mezhvoyennogo perioda, *Evgeniy Zamyatin i kul`tura XX veka. Issledovaniya i publikatsii*. Sankt-Peterburg, 2002, pp. 37-63. (In Russian).

Gol`din V.E., Dubrovskaya O.N. Zhanrovaya organizatsiya rechi v aspekte sotsial`nogo vzaimodeystviya, *Zhanry` rechi: Sb. nauch. Statey.* Saratov, 2002, vyp. 3, pp. 5-17. (In Russian).h

Zamyatin E.I. *Lektsii po tekhnike khudozhestvennoy prozy. O yazyke*, 1920. Available at: http://zamyatin.lit-info.ru/zamyatin/public/lekcii-po-proze/o-yazyke.htm (accessed 11.12.2017). (In Russian).

Zamyatin E.I. *My.* Available at: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_0050.shtml (accessed 15.09.2013). (In Russian).

Zamyatin E.I. *Novaya russkaya proza*. Available at: http://zamyatin.lit-info.ru/zamyatin/zamyatin-kritika/lica/novaya-russkaya-proza.htm (accessed 07.01.2018). (In Russian).

Istoriya filosofii. Ehntsiklopediya, pod red. A.A. Griczanova, Minsk, 2002, 1376 p. (In Russian).

Lyubimova M.Yu. Evgeniy Zamyatin – avtor romana «My», *Evgeniy Zamyatin. «My»: tekst i materialy k tvorcheskoy istorii romana. Sost., podgot. teksta, publ., komment. i stat`i M.Yu. Lyubimovoy i Dzh. Kurtis.* Sankt-Peterburg, 2011, 608 p., [20 p.] czv. l., frontispis, pp. 3-136. (In Russian).

Paducheva E.V. V.V. Vinogradov i nauka o yazyke khudozhestvennoy prozy, *Izv. RAN. Seriya literatury` i yazy`ka*, 1995, t. 54, no. 3, pp. 39-48. (In Russian).

Polyakova L.V. Rossiya dvizhetsya vperyod strannym, trudnym putyom... 130 let so dnya rozhdeniya Evgeniya Zamyatina, *Literaturnaya gazeta,* 2014, no. 6 (6449) (12.02.2014). Available at: http://lgz.ru/article/-6-6449-12-02-2014/rossiya-dvizhetsya-vperyed-strannym-trudnym-putyem-/ (accessed 28.02.2017). (In Russian).

Prilutskiy A.M. Zashchita dissertatsii vs. Obryady initsiatsii. K voprosu o semiotike kvazireligioznykh ritualov *Religiya kak znakovaya sistema: Znak. Ritual. Kommunikatsiya. Sbornik nauchnykh statey. Vyp. I Sost. V.Yu. Lebedev, A.M. Priluczkiy*, Tver`, 2011, 154 p., pp. 23-30. (In Russian).

Stepanova V.V. Leksicheskaya struktura teksta i yego zaglaviye, *Slovo. Slovar`. Slovesnost`: Kommunikatsiya. Tekst. Sintaksis (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya S.G. Il`enko): Materialy Vseros. nauch. konf*. Sankt-Peterburg, RGPU im. A.I. Gertsena, 13-15 noyabrya 2013. Otv. red. V.D. Chernyak, SPb., 2013, pp. 67-73. (In Russian).

Shifman A. Dnevniki svetlogo geniya, *Svetlograd. Gazeta mechtateley i realistov,* 2010, no. 6. Available at: http://old.svetgrad.ru/2010/06/dnevnik.php (accessed 10.01.2018). (In Russian).

Ehliade M. *Taynyye obshchestva. Obryady initsiatsii i posvyashcheniya*. Per. s fr. G.A. Gel`fand; nauch. red. A.B. Nikitin, Moskow; Sankt-Peterburg, 1999, 356 p. (In Russian).

Veronika P. Gredel (St. Petersburg, Russian Federation)

Genre Structure Multistage in E. Zamyatin's "We"

E. Zamyatin's "We" is interpreted as peculiar of author's himself and imaginary co-author's D-503. For author "We" is cosmos, for D-503 – numbers of One State. "We" represents a synthesis of genres formations, which can be identified as composition-sense steps of the novel: from author's point of view – an anti-utopia novel and a classical tragedy; from narrator's D-503 side – a synopsis, diary and drama.

Key words: *E. Zamyatin, genre, "WE", modus, concept, epitaph, "the wisest of all lines".*

Veronika P. Gredel – post-graduate student of the Russian language dpt. Russian State Pedagogic University of A.I. Herzen, St. Petersburg, Russian Federation. Phone: (981) 757-95-63; e-mail: nikas16@yandex.ru

УДК 82-145
ББК 83.3 (2)

Т.А. Дьяченко

ТЕМА ВОСТОКА В ПОЭЗИИ ВАЛЕРИЯ БРЮСОВА (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «В МАГИЧЕСКОМ САДУ»)

Рассматриваются ориентальные образы и мотивы в произведении «В магическом саду». Большое внимание уделяется мотиву сада в поэтических традициях различных культур: античной, ренессансной, восточной (мусульманской), а также стилю поэзии на лексическом уровне и на уровне образов. Особенно отмечается использование символов суфийской поэзии в стихотворении В.Я. Брюсова.

Ключевые слова: *восточная поэзия, образ, суфизм, соловей, роза, сад, ориентальный мотив, суфийская поэзия.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-188-194

Татьяна Анатольевна Дьяченко – преподаватель иностранных языков кафедры общегуманитарных дисциплин Астраханской государственной консерватории; аспирант кафедры литературы Астраханского государственного университета
Тел.: +7-927-557-99-17, +7-917-081-58-50
E-mail: dyachenko_tatiana@mail.ru

© Дьяченко Т.А., 2018.

Валерий Яковлевич Брюсов уже на раннем этапе творчества (с 1895 г.) обращается к теме Востока, что проявляется, прежде всего, в использовании ориентальных образов как средства эстетизации жизни, однако восточная символика подается без детализации элементов, этнографической и национальной самобытности.

Ориентализм поэзии Брюсова представлен в общем потоке экзотики дальних стран: Индия, Персия, Ява, Восточная Полинезия, Перу [Мирза-Авакян, 1978, с. 159], в отличие от многих своих современников, в частности К.М. Фофанова, в произведениях которого («Из цветника роз Саади», «Соловей» и т.д.) ярко выражен акцент на Восток мусульманский. Например, в стихотворении «Еще гарем не спал» он описывает идиллию исламского сераля, воспроизводя орнаментальный стиль восточного поэтического искусства: *«Еще огни лампад таинственно мерцали / Сквозь голубой туман / Курильниц золотых, и брызги вод спадали / На мрамор звучных ванн»*.

Одним из первых произведений В.Я. Брюсова, в котором отчетливо звучат мотивы поэзии Востока, является «В магическом саду» (1895 г.):

К скамье у мраморной цистерны
Я направлял свой шаг неверный,
Но не дошел, но изнемог
И вдалеке упал на мох.

Там у бассейна в перебранке
Стояли стройные гречанки,
Я к ним взывал; мой стон
для них
Был слишком чужд и слишком тих.

Вот боль затихла в свежей ране...
Но целый ад пылал в гортани!
Святыней для меня тогда
Была б студеная вода!

Я встать пытался, но напрасно.
Стонал, – все было безучастно...
И мне пригрезилось в бреду,
Что я в магическом саду.

Цветут каштаны, манят розы,
Порхают светлые стрекозы,
Над яркой роскошью куртин
Бесстрастно дышит бальзамин.

И, все ж, нигде воды ни капли!
Фонтаны смолкли и иссякли,
И, русла обнажив свои,
Пленяют камнями ручьи.

Я, мучим жаждой беспощадной,
К ручьям, ключам бросаюсь жадно,
Хватаю камни, изнемог –
И вновь упал на мягкий мох.

Что мне до всех великолепий!
Волшебный сад – жесточе степи!
Воды! воды! – и тщетный стон
Холодным эхо повторен.

Мотив сада широко распространен: христианская мифология говорит о райском саде Эдема, где начинается история человечества; в Античности возникает любовная аллегория Запада, связанная с садом Афродиты и Эрота, перешедшим в византийский роман и ставшим источником вдохновения поэтов [Сазонова, 2012, с. 69], в том числе младосимволистов (у Брюсова в «Гимне Афродите»: *«Твой луч, как меч, взнесенный надо мной, / Вновь льет в мой сад слепительность и зной, / Что зелень светлым Аквилоном взвита, /Что даль в цветах и песни реют в них, – / Прими мой стих, / Ты, Афродита!»)*; литература эпохи Возрождения трактует образ сада как символ радости бытия. Подобное встречаем в итальянской ренессансной поэзии, в частности в сонете Франческо Петрарки, где лирический герой, переживая смерть возлюбленной, говорит о более невозможном жизненном удовольствии, метафорой которого становится сад:

...né d'aspettato ben fresche novelle
né dir d'amore in stili alti et ornati
né tra chiare fontane et verdi prati
dolce cantare honeste donne et belle;
né altro sarà mai ch'al cor m'aggiunga...
(Отрывок из сонета CCCXII, « На смерть мадонны Лауры»)

...Ни гости с вестью про чужие страны,
Ни рифм любовных сладкая краса,
Ни милых жен поющих голоса
Во мгле садов, где шепчутся фонтаны,
Ничто не тронет сердца моего...
(Перевод Вяч. Иванова)

...Ни ожидание небывалых вестей,
Ни любовные речи стиля возвышенного и нарядного,
Ни лучезарные фонтаны и зеленые сады,
Среди которых пение благочестивых и прекрасных жен;
Ничто иное никогда не станет тем, что в сердце мое войдет...
(Подстрочный перевод с итальянского мой. – Т.Д.)

Таким образом, сад – поэтический топос в европейских литературах, комплекс, заключающий в себе дохристианскую (языческую) и христианскую общеевропейскую культурную традицию. Однако брюсовский сад берет свое начало с Востока.

Магический (волшебный) сад является одним из центральных образов персидской суфийской поэзии, символизирующих, помимо места уединения влюбленных, с одной стороны – рай, с другой – мир как упорядоченное бытие:

В сад я в горести вышел и утру не рад,
Розе пел соловей на таинственный лад:
«Покажись из бутона, возрадуйся утру,
Сколько чудных цветов подарил этот сад!»
(Рубай Омара Хайяма)

Был в саду я, любимая, жаль, что тебя там не встретил,
Шел к тебе я, какая печаль, что тебя там не встретил,
Сколько писаных было красавиц в том райском саду,
Жаль, в такую забрался я даль, а тебя там не встретил.
(Персидская народная поэзия)

Волшебный сад (сад истины) – важный образ для эзотерического течения мусульманской философии. В Коране рай описан в виде четырех садов: души, сердца, духа и сущности, и в каждом из них находятся три вещи: фонтан (символ восприятия частного, форм, идей; источник просветления), вода (символ света, знания, озаренного откровением) и плоды (финик (им питалась Дева Мария, породившая дух [Бахтияр Лале, 2007, с. 29]), гранат – символ божественного единства) [Раскина, 2013, с. 20].

С позиций суфизма возможна интерпретация сюжета произведения Брюсова. Магический сад (мир) визуально великолепен, по-восточному разноцветен и роскошен (подобному восприятию способствуют ордологические образы, ставшие маркерами ориенталистики, цветущих каштанов, манящих роз, ярких куртин), однако в действительности предстает жестокой степью («*Что мне до всех великолепий! / Волшебный сад – жесточе степи!*»), в которой лирический герой (странник-суфий, ищущий

истину) претерпевает муки жажды (взыскивает правду). Попытки ее утоления тщетны: фонтаны – источники просветления, «*смолкли и иссякли, / И, русла обнажив свои, / Пленяют камнями ручьи*». Парадоксальное решение темы (пышный пейзаж изображаемого художественного пространства невозможно представить без воды) также указывает на прочтение образа магического сада сквозь призму суфийского мистицизма.

Брюсов выбрал в качестве эпиграфа четверостишие из стихотворения Ф.И. Тютчева «Пошли, Господь, свою отраду...»:

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жесткой мостовой.

Интертекстуальные связи между двумя поэтическими текстами безусловны, на них указывает сам автор. Разница заключается в том, что герой Ф.И. Тютчева наблюдает со стороны за нищим странником, а в брюсовском стихотворении оба субъекта (лирический герой и странник) слиты в едином образе лирического «я» (таблица):

Интертекстуальная связь текстов В.Я.Брюсова и Ф.И.Тютчева

В.Я Брюсов	Ф.И. Тютчев
Цветут каштаны, манят розы, Порхают светлые стрекозы, Над **яркой роскошью куртин** Бесстрастно дышит бальзамин.	Кто смотрит вскользь через ограду На тень деревьев, злак долин, На недоступную прохладу **Роскошных, светлых луговин**.
Изображение роскошного пейзажа, пребывание в котором недоступно лирическому герою – нищему страннику, имеет символическое значение, актуализирует мотивы скитальчества, одиночества, изгнанничества.	
И, все ж, нигде воды ни капли! **Фонтаны** смолкли и иссякли <...>	<...> И пыль росистая **фонтана** Главы его не осенит.
Мотив жажды выступает движущей силой сюжета.	
Что мне до всех великолепий! Волшебный **сад** — **жесточе степи**! <...>	<...> Как бедный нищий мимо **саду** Бредет по **знойной мостовой**.
Сад как метафора роскошной жизни является антитезой раскаленной степи и знойной мостовой – символов нищеты, жажды, возведенной в абсолют.	

Помимо перечисленных суфийских символов, в произведении «В магическом саду» в ряд ориентальных помещен образ розы («*Цветут каштаны, манят розы...*»).

Общеизвестно значение Розы для поэтического искусства Персии и культуры в целом. Являясь символом бессмертной красоты, роза становится устойчивым сравнением: ей уподобляется очарование возлюбленной лирического героя:

لگن مرخ زا رت ه زا ت ي ک ی دق ور س ا ب
لگن ماد و ي م م اج ه دم ت سد ز ا
لجا دا ب ز ا دوش ه گا ن ه ک ش ي پ ن از
لگن ه ا ر ي پ و چ و ت ر م ع ن ه ا ر ي پ
(Рубай Омара Хайяма)

Ты жив, здоров, беспечен, пей пока
С красавицей, как роза цветника,
Покамест не сорвет дыханье смерти
Твой краткий век подобьем лепестка.
(Перевод В.Державина)

С красавицей, которая свежее розы,
Не пропусти момент пить вино,
До той поры, пока ветер смерти не унесет
Рубашку твоей жизни как розовые лепестки.
(Подстрочный перевод с фарси мой. – Т.Д.)

Брюсовский сад, вне сомнения, не мог обойтись без этого неотъемлемого образа «сада истины».

Особого внимания заслуживает форма произведения «В магическом саду». Оно написано катренами, строки в которых зарифмованы по схеме AAbb, что является более простой разновидностью такого рода строф (состоит из двух двустиший, объединённых общей темой). Подобный тип рифмы особенно распространен в восточной поэзии, присущ стихотворной форме месневи, где рифмуются каждые две строки. В качестве примера приведем отрывок из суфийской поэмы «Китаб алмасневи» («Книга парнорифмующихся строк»), написанной Джалаладдином Руми:

دنکی م ت ی ا ک ش ن و چ ی ذ ن ی ا و ن ش ب
دنکی م ت ی ا ک ه ا ه ی ا د ج ز ا

دنا م د ی ر ب ب ا ر م ا ت ن ا ت س ی ذ ز ک
دنا م د ی ل ا ذ ن ز و د ر م م ر ی ف ذ ر د
(«Маснави», книга I, «Песня флейты»)

Послушай, как ней этот горько поет,
Рассказ о разлуке своей он ведет.

«С тех пор как мой стебель с землей разлучили,
Стенания дев и мужей в него заключили...»
(Подстрочный перевод с фарси мой. – Т.Д.)

Прислушайся к голосу флейты – о чем она, плача, скорбит.
О горестях вечной разлуки, о горечи прошлых обид:

«Когда с камышового поля был срезан мой ствол пастухом,
Все стоны и слезы влюбленных слились и откликнулись в нем...»
(Перевод В. Державина)

«В магическом саду» В.Я. Брюсова не только по содержанию, но и по стихотворной форме сближается с ориентальной поэтикой, обнаруживая при этом интертекстуальные связи с произведениями русских классиков, в частности Ф.И. Тютчева («Пошли, Господь, свою отраду»). Философское прочтение центрального образа волшебного сада (сада истины), а также образов фонтана (источник просветления) и воды (символ знания) позволяет говорить о суфийском подтексте в произведении. Символ вечной красоты – роза, образ которой также помещен Брюсовым в пространство художественного мира, роднит его работу с образцами поэтического искусства Востока.

Литература

Бахтияр Лале. Суфий. Образы мистического поиска. М.: Эннеагон Пресс, 2007. 120 с.

Любовный напиток. Лучшая персидская лирика. М.: Эксмо, 2015. 480 с.

Мирза-Авакян М. Восток в творчестве В.Я. Брюсова // Историко-филологический журн. Ереван, 1978. № 2. С.159 – 174.

Омар Хайям. Рубаи. Газели. М.: Эксмо, 2012. 544 с.

Песни Шираза. Персидская народная поэзия в переводах А. Ревича [Электронный ресурс]. М., 1987. URL: http://lib.ru/POEEAST/PERS/shiraz.txt (дата обращения 12.12.2017).

Раскина Е. Художественный мир персидской миниатюры в поэтическом творчестве Н. С. Гумилёва // Суфий. 2013, № 16, М.: Весна-лето, 2013. С.18 – 28.

Сазонова Л.И. Память культуры. Наследие Средневековья и барокко в русской литературе Нового времени / Учреждение Рос. акад. наук. Ин-т мировой литературы им. А.М. Горького РАН. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 894 с.

Смирнов А.В. Великий шейх суфизма (опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби). М.: Наука, 1993. 327 с.

Смирнов А.В. Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры. М.: Языки славянской культуры, 2001. 504 с.

Формы восточной поэзии. [Электронный ресурс] URL: http://culture-into-life.ru/stihotvornye_formy_vostochnoj_poezii/ (дата обращения 12.12.2017).

References

Lale Bakhtiyar. *Sufiy. Obrazy misticheskogo poiska,* Moscow, Enneagon Press, 2007, 120 p. (In Russian).

Lyubovnyy napitok. Luchshaya persidskaya lirika, Moscow, Eksmo, 2015, 480 p. (In Russian).

Mirza-Avakyan M. *Vostok v tvorchestve V.Ya. Bryusova*, Istoriko-filologicheskiy zhurnal. Yerevan, 1978, no. 2, pp. 159-174. (In Russian).

Omar Khayyam. *Rubai. Gazeli.* M.: Eksmo, 2012, 544.

Pesni Shiraza. Persidskaya narodnaya poeziya v perevodakh A. Revicha, Moscow, Khudozhestvennaya literatura, 1987. Available at: http://lib.ru/POEEAST/PERS/shiraz.txt (accessed 12.12.2017). (In Russian).

Raskina Ye. Khudozhestvennyy mir persidskoy miniatyury v poehticheskom tvorchestve N. S. Gumilyova, *Sufiy*. 2013, № 16, Moscow, Vesna-leto, 2013, 18-28. (In Russian).

Sazonova L.I. *Pamyat' kul'tury. Naslediye Srednevekov'ya i barokko v russkoy literature Novogo vremeni*, Uchrezhdeniye Ros. akad. nauk. In-t mirovoy literatury im. A.M. Gor'kogo RAN, Moscow, Rukopisnyye pamyatniki Drevney Rusi, 2012, 894 p. (In Russian).

Smirnov A.V. *Velikiy Sheikh Sufizma. Opyt paradigmal'nogo analiza filosofii Ibn Arabi*, Moscow, 1993, 327 p. (In Russian).

Smirnov A.V *Logika smysla: teoriya i yeyo prilozheniye k analizu klassicheskoy arabskoy filosofii i kultury*, Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 2001, 504 p. (In Russian).

Formy vostochnoy poehzii, Available at: http://culture-into-life.ru/stihotvornye_formy_vostochnoj_poezii/ (accessed 12.12.2017). (In Russian).

Tatyana A. Dyachenko (Astrakhan, Russian Federation)

Orient Theme in the Poetry by Valery Bryusov (on the Example of the Literary Work «In the Magic Garden»)

This paper is devoted to the images of the Orient poetry in the work by Valery Bryusov. The article describes the oriental images and motives in the literary work «In the Magic Garden». Much attention is given to the motive of «the garden» in the poetic traditions of various cultures (Ancient culture, Renaissance culture and especially Oriental muslim culture) and also to the poetry style at the linguistic level and the level of image. It is specially noted the use of the symbols of the sufi poetry in the literary work by Valery Bryusov.

Key words: *oriental poetry, image, sufism, nightingale, rose, garden, oriental motive, sufi poetry*.

Tatyana A. Dyachenko – lecturer in foreign languages, Astrakhan State Conservatory, Department of Humanitarian disciplines; post-graduate student, Astrakhan State University, Department of Literature. Phone: +7-927-557-99-17, +7-917-081-58-50; e-mail: dyachenko_tatiana@mail.ru

ОБРАЗОВАНИЕ

УДК 811.161.1'367.335+811.161.1'42
ББК Ш 141.2-22+Ш 100.11

Л.Д. Беднарская

ФАКТОР СИСТЕМНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЕ

Постижение систем содержания образования в процессе преподавания позволяет осуществить метапредметную основу ФГОС в реальном режиме, так как обеспечивает три важнейших эвристических направления: поэтапную практическую реализацию регулятивных и предметных УУД в учебном процессе, в том числе от школы к вузу, системное интегрированное изучение филологических дисциплин, в том числе в аспекте системного развития речи, создание оптимальных моделей учебных курсов, обеспечивающих уровневое личностно ориентированное образование. Осознание научной системности содержания предмета позволяет интенсифицировать и оптимизировать изучение систем на адекватной научной основе и создавать на этой основе современные интерактивные коммуникативно-деятельностные модели обучения.

Ключевые слова: *системно-деятельностная парадигма современного образования, системы содержания учебных курсов филологического цикла, пути интенсификации изучения системы языка, создание коммуникативно-деятельностных моделей обучения.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-196-205

Беднарская Лариса Дмитриевна – докт. филол. наук, профессор по кафедре русского языка, профессор кафедры теории и методики обучения русскому языку и литературе Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева
Тел.: 8-919-261-90-96
E-mail: bednarskaya.l.d@mail.ru

© Беднарская Л.Д., 2018.

Методологической основой ФГОС является системно-деятельностный подход, который создаёт развивающуюся единую образовательную среду на всех этапах школьного образования, а также задаёт импульс к развитию единой образовательной среды «школа – вуз».

Системно-деятельностная парадигма образования, совмещая в себе элементы творческой (креативной) и исследовательской деятельности, предполагая групповое выполнение заданий, взаимодействие обучающихся друг с другом с целью налаживания отношений и достижения общего результата, в своей основе не утрачивает знаниевый компонент. Наоборот, его роль возрастает, так как базис системно-деятельностной парадигмы – принцип коммуникативного обучения – невозможен без хорошо усвоенной теории, а качественное усвоение теории невозможно без осознания её научной системной основы. Таким образом, важнейшим условием коммуникативных стратегий является осознание **системности** предметного и метапредметного уровней образования. Это открывает возможности выявить проблемы метапредметного содержания образования, на основе универсальных учебных действий создать системы оптимальных обучающих алгоритмов и программ предметного и метапредметного характера; научно, методически и технологически обеспечить дидактико-методическую преемственность основных видов учебной деятельности во всей системе образования. Практика показывает, что как только в содержании учебных курсов по-

являются теоретические неточности, до сих пор содержащиеся в различных УМК, начинаются многолетние споры и невнятности, затрудняющие процесс обучения. **(**Глагольное ***-ть-*** – суффикс или окончание? Какая формулировка орфографического правила соответствует системе языка («Правописание **ё/о** в корне после шипящих»). Существуют ли сочинительные словосочетания? Что такое *главный член* односоставного предложения? и т.д.).

Теоретические знания о системе языка отражены в диагностической матрице ЕГЭ, контролирующей сформированность компетенций в материалах КИМ (контрольно-измерительных материалов). Эта матрица является системообразующим метапредметным фактором, диагностирующим результаты изучения русского языка, владение которым лежит в основе личностных (самоорганизация и самообразование), информационных (умение искать, преобразовывать и использовать информацию с разными целями) и коммуникативных (умение эффективно сотрудничать с людьми в устной и письменной форме) компетенций.

В лингвометодике модель современного образования, включающая репродуктивный, продуктивный и творческий уровни познания, представлена следующим образом: **сформированность элемента языковой компетенции – информационная переработка данного текста-образца с целью закрепления теоретических знаний – создание собственного письменного или устного текста на базе анализа текста-образца.** Эта модель имеет универсально деятельностный характер, так как интерферирует с другими предметами, прежде всего, гуманитарного цикла.

В конце XX – начале XXI в. определился новый этап в осмыслении роли и значения родного языка. В настоящее время изучение русского языка признаётся важнейшим средством духовно-нравственного, национального воспитания школьников, развития у них национального самосознания, национальной гордости, гражданственности, толерантности, формирования внутреннего мира, позитивных ценностных ориентаций. Учебно-методические комплексы по русскому языку под редакцией В.В. Бабайцевой, Е.А. Быстровой, М.В. Разумовской, С.И. Львовой созданы на этой основе. Цель обучения русскому языку состоит в том, чтобы создать условия для интеллектуального и нравственного развития ученика как субъекта деятельности. Результаты обучения уже не просто формулируются как данность, но планируются в форме уровней содержания образования, доступных каждому выпускнику, т.е. универсальные, личностные и познавательные результаты обучения, с одной стороны, интегрируются по предметам, с другой – дифференцируются по уровням личностных возможностей. Этот процесс закреплён в Примерной основной образовательной программе основного общего образования (2015), в Концепции преподавания русского языка и литературы (2016) и продолжен в новой «Примерной программе по учебному предмету «Русский родной язык» для образовательных организаций, реализующих программы основного общего образования» (2018).

В центре внимания новой Программы стоят «вопросы реализации языковой системы в речи» в русле «социокультурного контекста существования русского языка». Она направлена на интенсификацию внедрения системно-деятельностных методик и технологий, обеспечивающих дидактико-методическую поддержку интегративных процессов и достижения метапредметных результатов в современном образовании: «Программой предусматривается расширение и углубление межпредметного взаимодействия в обучении русскому родному языку не только в филологических образовательных областях, но и во всём комплексе изучаемых дисциплин естественнонаучного и гуманитарного циклов». Новая Программа функционально сочетается с интегративной направленностью предыдущей «Основной примерной программы...» (2015), содержащей систему универсальных учебных действий, дифференцированных в качестве регулятивных, личностных, познавательных и коммуникативных аспектов. УУД являются мощным системообразующим фактором современного образования, но успешные результаты обучения на их основе могут быть достигнуты только при условии научной системности изложения и изучения содержания школьных курсов.

На первом месте в образовательной системе стоит изучение родного языка, который всё больше осознаётся как основной канал социализации личности, приобщения её к культурно-историческому опыту человечества, как продукт культуры, условия существования нации. С этими факторами связано внимание к формированию языковой личности, фиксирующей связь языка с индивидуальным сознанием человека, с его мировоззрением, определяющим формирование целостной картины мира – продуктом речемыслительной деятельности сознания в процессе многоаспектной коммуникации. Всё это определяет отношение к курсу русского языка как к дисциплине метапредметного интегративного уровня. Всё отчётливее определяется тенденция диагностировать сформированность компетенций **в функциональном аспекте.**

По сути, в новой Программе представлена система разноуровневых языковых норм: текстоведческих, фонетических (акцентологических), лексических, морфологических (формообразовательных и частеречных), синтаксических и т.д. В основе системы норм лежит система языка: функционально-коммуникативный аспект опирается на системообразующую основу. Содержание Программы соответствует функционально-коммуникативному содержанию контрольно-измерительных материалов по русскому языку.

В рамках обозначенной проблемы большинство исследований носит дискретный характер и не выходит в плоскость педагогической и лингвометодической теории. Возникает несоответствие между требованиями к организации многоаспектного системно-деятельностного интегративного образовательного пространства и возможностями практической реализации данных требований. Это противоречие становится всё более ощутимым в решении глобальной проблемы соответствия научно-теоретических и методических основ дидактико-методической

преемственности в системно-деятельностной вертикали образования. Особенно ярко это проявляется в процессе организации интегративного филологического образования, так как главной целью сейчас является изучение не механизмов, а смыслов, но смыслы выявляются **системами** языковых форм, поэтому изучение языковых законов не отходит на второй план, а наоборот, мотивируется и актуализируется в процессе изучения литературных произведений. Филологический сегмент позволяет более чётко понять системообразующие смыслы универсальных учебных действий, особенно в их регулятивной части.

Осознание **системности** предметного и метапредметного уровней образования даёт возможность выявить проблемы универсального содержания образования, создать системы оптимальных обучающих алгоритмов и программ предметного и метапредметного характера, провести сравнительные исследования образовательных стратегий формирования системообразующих регулятивных универсальных учебных действий как в рамках образовательного процесса, так и при решении проблем в реальных жизненных ситуациях.

Сегодня цели и результаты образования выступают не только в виде суммы «знаний, умений и навыков», которыми должен владеть выпускник, а в виде характеристик сформированности личностных, универсальных, познавательных способностей (компетенций) **на базе усвоения знаний** на оптимально выверенных научных основах.

На основе перехода от нормативного к критериальному подходу в системе оценивания сформированных компетенций Федеральные государственные образовательные стандарты определяют целостный комплекс требований ко всей системе образования в стране, а не только к предметному содержанию конкретного учебного курса. Смена «субъект-объектных» отношений на «субъект-субъектные», системная вертикаль организации компетентностной модели образования требует перестройки сознания учителей, творческой работы по пересмотру собственной роли и функций, повышения своей личностной и профессиональной компетентности в качестве организатора интерактивного деятельностного учебного процесса, стимулирующего импульсы к постоянному обновлению знаний.

Особенно ярко переход от нормативного к критериальному подходу в системе диагностики и оценивания достигнутых компетенций проявляется в творческом процессе системно-интегративного преподавания родного языка и литературы. Эта диагностика осуществляется не только на основе сопоставления с другими учениками, но и по результатам выполнения уровневых заданий. В этой связи всё большее значение приобретают процессы преемственности основных видов учебной деятельности от основной к средней школе: коммуникативная деятельность приобретает всё большую творческую направленность. В то же время осознание системности содержания изучаемого курса позволяет выделить его базовую информацию и тем самым оптимизировать его усвоение. Сложившейся формой диагностики комплекса коммуникативных

компетенций следует считать разные виды сочинений, обучение которым заметно активизировалось в практике школьного преподавания под влиянием содержания контрольно-измерительных экзаменационных материалов по разным предметам школьного цикла.

Осознать модель системно-деятельностной парадигмы современного образования помогает структура контрольно-измерительных материалов Единого государственного экзамена по русскому языку. Часть 1 проверяет «знаниевый» уровень образования, но в функциональном аспекте. Часть 2 предлагает творчески претворить эти знания в практику создания сочинения. В центре контрольно-измерительных материалов находится несколько текстов, и это не случайно, так как текст является ядром школьного образования: это основной источник информации, «естественная среда» для анализа изученного языкового явления, это и результат – создание собственного произведения на основе данного текста.

Эта же модель определяет интегрированные параметры современного развития речи и на уроке русского языка и на уроке литературы. Сочинение любого вида, являясь традиционной формой творческой работы, становится центром деятельностно-интерактивных технологий, сочетает репродуктивный, продуктивный и творческий уровни познания, так как цель творчества – выход за рамки заданной ситуации.

Создание собственного произведения на основе текста-образца воспроизводит модель современного образования: языковая компетенция – информационная переработка данного текста – создание собственного текста (высказывания) устного или письменного на базе текста-образца. Эта текстоцентрическая модель диктует новые технологии развития речи, которые образуют единую систему от начальной школы до итогового контроля в 9-х и 11-х классах. Обучение сочинению и на уроке русского языка и на уроке литературы создаётся по единой матрице рассуждения [Беднарская, 2015, 2018].

Текст объединяет изучение русского языка и литературы, так как является единицей языка и речи. Это основная информативная единица и в компетентностной, и в системно-деятельностной парадигме образования. Текст осознаётся как самая доступная аналитико-синтетическая основа и для организации интерактивной деятельности учащихся, так как организует синтез уровней познания: «знаниевого», репродуктивного, компетентностного, продуктивного и творческого. Текстовая компетенция является конкретным проявлением коммуникативной компетенции, когда учащийся свободно оперирует текстовыми действиями в процессе и репродуктивной и творческой работы. Под влиянием итогового контроля текст осознаётся и как результат обучения на каждом его этапе – чаще всего это рассуждение разной формы и жанра, что обусловлено основной целью образования: развитие мыслительной, коммуникативной и творческой деятельности ученика неразрывно связано с развитием его речевой и языковой деятельности и в «знаниевом», и компетентностном, и креативном аспектах образования.

Мыслительная деятельность предваряет и сопровождает говорение и письмо. Самый сложный вид деятельности – говорение – осуществляет непосредственное общение адресанта и адресата на этапах рождения мысли, её языкового выражения, её речевого воспроизведения. По точному замечанию В. В. Бабайцевой, язык нам дан в речи, а речь в тексте [Бабайцева, 2015], поэтому создание собственного текста связывает воедино *мышление – язык – речь*, а в методическом аспекте изучение языковой системы воплощается в творческие формы развития речи. Эта творческая работа – речетворчество – возможна только в интерактивном режиме: учитель – ученик, ученик – ученик, ученик – учитель, т.е. она становится центром системно-деятельностных технологий. Речетворчество – это деятельность субъекта речи по формированию и выражению мыслей с помощью арсенала языковых средств – единиц разных уровней языковой системы, образующих как результат нечто единое целое – новый продукт. Развитие языка происходит именно в процессе речетворчества. Речетворчество как компонент структуры языка известно под двумя синонимичными названиями: *языковая деятельность* (деятельность языка) и *речевая деятельность* (создание речи). Оба названия не учитывают деятельность субъекта речи, без которого невозможна любая деятельность. Эта речетворческая деятельность и должна стать основной целью филологического образования, стать доминантой буквально каждого урока.

Требования итогового контроля обращают внимание учителя на развитие текстовой компетенции. В её основе лежит **понятие структуры текстовой компетенции**, составляющей ядро всех видов УУД и представляемой как иерархия трёх основных компонентов:

1. Осознанная ориентация на текстовый способ создания речемыслительного произведения в устной или письменной форме, т.е. ученик должен осознавать цельность представленной темы, расчленять её на микротемы, устанавливая их логическую иерархию.

2. Осознание структурной связности текста, умение членить его на смысловые части, иерархически связанные логическими и языковыми отношениями, адекватно синтаксически оформленные.

3. Третий компонент связан с владением системой разноплановых морфологических и лексических средств воплощения текста.

Эти компоненты являются основой для предварительного анализа любого текста и на уроке русского языка и на уроке литературы.

Осознание системности позволяет интенсифицировать и оптимизировать **изучение системы языка**, сохранять эти знания на протяжении многих лет. Но осознание системности возможно при условии досконального знания педагогом своего предмета. Система – это упорядоченная совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих единиц (элементов), выступающих как целостное образование, поэтому становится возможным научное структурирование содержания предмета: **выделение ядерной, базовой, и дополнительной информации, нейтрализация повторов, которые занимают до 30-40 % учебного времени.** Систем-

ность является основой для дифференцированного предъявления информации от адаптивного до исследовательского уровня. Системность в первую очередь обеспечивает личностно ориентированное уровневое образование.

В этих условиях развивается оформленная память абстрактного уровня: сворачивание информации и разворачивание её до нужного объёма. Гипертекст, схема, таблица, график, гистограмма, формула и т.д. наполняются конкретным содержанием, и наоборот, конкретное содержание оформляется в абстрактную схему. Здесь сочетаются разные виды технологий: репродуктивные (восстановление системы по памяти на основе формул, таблиц, графиков и т.д.), продуктивные (изменение схемы с заданной целью, сокращение, дополнение, расширение, привлечение иллюстративного материала), креативные (создание собственной модели по образцам).

Системное изучение языковых фактов применимо в любом классе при знакомстве с любой темой. Например, изучение частей речи в 6-7-х классах следует не заканчивать, а начинать с предъявления таблицы их морфологических признаков [Бабайцева, Беднарская, 2017] и с вопросов, мотивирующих изучение нового материала: *Что мы знаем? Что мы не знаем?* Выясняется, что школьники не знают минимальное количество сведений о каждой из частей речи, что является лучшей психологической разгрузкой при изучении новой темы, мотивацией на успешность.

Содержание сложного курса синтаксиса простого предложения в 8-м классе можно сжать до одной страницы А4 с условием заучивания основных положений и формулировок. Сжатое представление содержания курса помогает ученикам отвлечься от кажущейся безразмерной конкретики, уложить многочисленные языковые факты в систему и оптимально применить эти знания, в том числе в процессе итогового контроля в 9-х и 11-х классах.

8 класс

Словосочетание. Подчинительные связи

согласование	**управление**	**примыкание**
прилагательные и похожие части речи	существительные местоимения-сущ.	неизменяемые части речи и словоформы

Простое предложение

Главные члены — **Второстепенные члены**

подлежащее сказуемое — **дополнение определение обстоятельство**

Составные сказуемые (вспомогательные глаголы)

Односоставные предложения

Глагольные		**Именные**	
определ.-личные	**неопредел.-личные**	**безличные**	**назывные**
1-2 л. ед.-мн. ч.	**3 л. мн.ч.**	Вечереет.	
	прош. время мн.ч.	Грустно.	Раннее утро.

Осложнение простого предложения

Однородные члены

Признаки: относятся к общему члену, связаны сочинительной связью

Обособленные члены

Обособленное определение и приложение:
стоят после определяемого слова, относятся к личному местоимению

Обособленные обстоятельства:
выражены деепричастиями
с именными предлогами (*несмотря на болезнь***)**
уточняющие: *завтра*, (когда именно?) *вечером*

Обособленные дополнения с предлогами *кроме, помимо, включая, исключая.*

Не члены предложения

вводные **вставные** **обращения**
организуют рассуждение **(дополнит. информация)**
уверенность/неуверенность

Прямая речь

Результаты заучивания этой системы или её фрагментов легко проверить на любом этапе урока – достаточно её письменно воспроизвести по памяти и проиллюстрировать примерами.

Содержание всего курса синтаксиса сложного предложения в 9 классе в сопоставлении с курсом простого предложения можно представить на первом же уроке, используя элементы учебной проектной деятельности [Бабайцева, Беднарская, 8-9, 2017]. Трансформируя предложения с одинаковым лексическим составом, учащиеся составляют их схемы:

Осенью льют дожди. Земля насыщается влагой. [ ]. [ ].
Осенью льют дожди и насыщают землю влагой. [ ].
Осенью льют дожди, насыщая землю влагой. [ ].
Осенью льют дожди, насыщающие землю влагой. [ ].
Осенью льют дожди, и земля насыщается влагой. [ ], и [ ].
Когда осенью льют дожди, земля насыщается влагой. (Когда), [ ].
Если осенью льют дожди, земля насыщается влагой. (Если, [ ].
Так как осенью льют дожди, земля насыщается влагой. (Так как), [ ].
Осенью льют дожди, так что земля насыщается влагой. [ ], (так что).
Осенью льют дожди, которые насыщают землю влагой. [ ], (которые).
Осенью льют дожди, земля насыщается влагой. [ ], [ ].
Осенью льют дожди – земля насыщается влагой. [ ] – [ ].

Задания.

Подчеркните грамматические основы.

Определите типы и виды предложений. Обозначьте овалами средства связи.

Чем отличаются предложения по строению и значению?

Какие сочинительные и подчинительные союзы вы знаете?

Какие типы предложений характерны для разговорной речи, а какие – для книжной?

Проектные задания усложнённого характера:

Подберите два предложения с одинаковым лексическим составом по образцу, чтобы с ними были возможны подобные трансформации.

Каким условиям должен соответствовать их лексический состав?

Системность как основа инновационного образования закладывает фундамент для проектирования метапредметности в сфере изучения не только русского родного языка, но и других предметов. Осознание культурного кода языка способствует выстраиванию парадигмы тектоцентрического подхода на протяжении всех лет обучения в школе, его смысл заключается в постижении целостной, системной информации о мире в условиях функционирования системно-деятельностной горизонтали и вертикали филологического образования. Понимание метапринципа системности как основы современного российского образования приводит к необходимости поиска оптимальных средств повышения эффективности личностного развития учащихся.

Литература

Бабайцева В.В. Слово, язык, речь // *Бабайцева В.В.* Избранное. Т. 3: Статьи последних лет. М.: Ставрополь, 2015.

Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д. Русский язык: углублённое изучение: сб. заданий: 6-7-е классы. М.: ДРОФА-Вертикаль, 2017.

Бабайцева В.В., Беднарская Л.Д. Русский язык: углублённое изучение: сб. заданий: 8-9-е классы. М.: ДРОФА-Вертикаль, 2017.

Беднарская Л.Д. Современные технологии развития речи: учеб. пособие. М.: ФЛИНТА-Наука, 2015.

Беднарская Л.Д. Учимся писать сочинение: учеб.-метод. пособие. М.: ФЛИНТА-Наука, 2018.

References

Babaytseva V.V. Slovo, yazyk, rech'. *Babaytseva V.V. Izbrannoye. T. 3. Stat'i poslednikh let.* M.; Stavropol', 2015. (In Russian).

Babaytseva V.V., Bednarskaya L.D. *Russkiy yazyk: uglublennoye izucheniye: Sb. zadaniy: 6-7-ye klassy.* M.: DROFA-Vertikal', 2017. (In Russian).

Babaytseva V.V., Bednarskaya L.D. *Russkiy yazyk: uglublennoye izucheniye: Sb. zadaniy: 8-9-e klassy.* M.: DROFA-Vertikal', 2017. (In Russian).

Bednarskaya L.D. *Sovremennye tekhnologii razvitiya rechi: ucheb. posobiye.* M., FLINTA- Nauka, 2015. (In Russian).

Bednarskaya L.D. *Uchimsya pisat' sochineniye: ucheb.-metodicheskoye posobiye.* M., FLINTA-Nauka, 2018. (In Russian).

Larisa D. Bednarskaya (Orel, Russian Federation)

Factor of Consistency in the Modern Educational Paradigm

Comprehension of educational content systems in the process of teaching allows to carry out metasubject basis of FGOS in real mode, as it provides three important heuristic directions: step-by-step practical implementation of regulatory and subject UUD in the educational process, including from school to University, system integrated study of philological disciplines, including in the aspect of system development of speech, creation of optimal models of training courses, providing level personality-oriented education. Awareness of the scientific system of the subject content allows to intensify

and optimize the study of systems on an adequate scientific basis and to create on this basis modern interactive communicative and active learning models.

Key words: *system-activity paradigm of modern education, system of content of philological cycle courses, ways of intensification of language system study, creation of communicative-activity models of education.*

Larisa D. Bednarskaya – Ph. D. of Philology, professor. Institute of philology, Orel State University of I.Turgenev. Phone: 8-919-261-90-96; E-mail: bednarskaya.l.d@mail.ru

УДК 371.321.3
ББК 74.48

Е.Л. Дашко

ИЗУЧЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБРАЗА ВОЙНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ В.БОРХЕРТА И А.РОБ-ГРИЙЕ НА ЗАНЯТИЯХ ПО МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ В ВУЗЕ

Представлены методические рекомендации по изучению экспериментальных художественных произведений второй половины XX в., сюжет которых связан с отражением проблемы человека в условиях военной и послевоенной действительности. Даётся анализ новых подходов к психологизации личности в романе А.Роб-Грийе «В лабиринте» и рассказе В.Борхерта «Останься, жираф!».

Ключевые слова: *Новый Роман, теория вещизма, экспрессионизм, метафора, символ, типологические связи.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-206-214

Дашко Елена Любомировна – канд. филол. наук, доцент кафедры «Русский язык и русская литература» Севастопольского государственного университета
Тел.: +7-978-776-28-60
E-mail: dashko_elena@mail.ru

© Дашко Е.Л., 2018.

Постановка проблемы. Вторая мировая война, изменившая страны Западной Европы в экономическом и политическом плане, породила пласт литературы, реагирующей на вопросы формирования и развития фашизма. Столкновение человека с мощным тоталитарным режимом, военными и послевоенными реалиями нашло отражение в многочисленных документальных и художественных текстах. Особый интерес в этом плане вызывают произведения, недостаточно изученные в современном отечественном литературоведении, однако дающие представление о вариативности подходов к решению проблемы человека в прозе на военную тематику. Немецкий писатель В.Борхерт и французский прозаик и кинорежиссёр А.Роб-Грийе практически не известны широкому кругу читателей. Сложность восприятия их произведений обусловлена, на наш взгляд, модернистским характером постановки вопроса о взаимоотношении человека с жизнью, метафоричностью текстов. Показательны в этом плане рассказ В.Борхерта «Останься, жираф!» и роман А.Роб-Грийе «В лабиринте».

Центральная метафора у В. Борхерта сопряжена с внутренним, духовным состоянием человека, вернувшегося с фронта. Ощутить внутренний настрой героя помогает экспрессионистская манера письма немецкого автора. Произведение А.Роб-Грийе реализует основные принципы «Нового Романа», развивавшегося во французской литературе в 50 – 60-х гг. XX ст. Французский автор, опира-

ясь на идеи шозизма (вещизма), позволяет соприкоснуться с внутренним миром своего героя (солдата) благодаря описанию предметов внешнего мира, являющихся частью центральной метафоры лабиринта. Оба произведения направлены на передачу потерянности, неприкаянности прошедших войну, их отчаянные попытки войти в мирное существование.

Цель статьи заключается в разработке теоретического и методического материала, позволяющего представить студенческой аудитории результат художественных поисков писателей, реагирующих в своём творчестве на события Второй мировой войны и представляющих новый подход к психологизации персонажа в прозаическом тексте.

Образ войны создавался многими западноевропейскими авторами, по-разному ощутившими на себе её влияние: немецкие писатели А.Зегерс, Бодо Узе, Б.Брехт, Э.Носсак, Г.Казак, члены «Группы-47», Г.Бёлль и др.; представители французской литературы Сопротивления, экзистенциалисты А.Камю, Ж-П.Сартр, Веркор; К.Симон, Р.Мерль и др.; английские – И.Во, У.Голдинг, М.Спарк и многие др. сосредоточивали своё внимание на переосмыслении исторического опыта и формировании мотива предостережения. По-особому создают образ войны тексты, формирующие определённую образную картину мира через эмоции и чувства, погружающие в лабиринты человеческого сознания. Именно такими видятся рассказ В.Борхерта «Останься, жираф!», а также роман А.Роб-Грийе «В лабиринте».

А.Г. Вишняков отмечал: «... два наиболее ярких примера работы с концептом войны как тотального – всё в себя засасывающего и стирающего все различия на текстуальном и на проблемно-понятийном уровнях – насилия дали два... новороманиста Клод Симон и Ален Роб-Грийе» [Борхерт, 1977].

Лабиринтом для героя и сознания читателя в романе А.Роб-Грийе «В лабиринте» становится мир предметов, втягивающихся во временной круговорот. Предметы и явления внешнего мира: фонари, снег, дома, убранство комнат и т.д. – несут определённую информацию и имеют важную смысловую нагрузку. С самого начала повествования пространственный мир разделён на две составные – это мир улицы и мир помещения/комнаты. Студенты могут оформить доминантные определители двух миров в таблице.

Пример оформления двух миров

Пространство улицы	Пространство комнаты
• Снег, дождь, ветер, вызывающие ощущение стужи • Тёмный асфальт тротуара, покрывающийся снегом • Газовый и электрические фонари • Дома • Следы от обуви на снегу	• Красные шторы, разделяющие два мира • Натёртый пол, медленно покрывающийся пылью • Лампа с абажуром • Камин, картина • Следы от бумаг, предметов, тапок в пыли

Учащиеся должны прийти к выводу о том, что улицу и комнату можно воспринимать как элементы лабиринтных тупиков внешнего и внутреннего мира. Они хаотично воспроизводят жизнь главного героя, засасывают его и не дают возможности вырваться. Описание улицы, где главенствующую роль занимает непогода, создаёт ощущение враждебности, дискомфорта, отторжения. Мир внешний проецируется на мир внутренний, стремящийся к стабильности, уюту (подтверждением чему становится акцент на символах комнаты – абажуре, камине, домашних суконных тапочках), но не обретающий его. Тщетность человеческих потуг в этом плане подтверждают символы снега и пыли, тесно связанные с созданием необычного хронотопа. Движение времени передаётся движением предметов, зафиксированных на снегу или пыли: *«На полированном дереве стола пылью обозначены места, где какое-то время – несколько часов, дней, минут, недель – находились куда-то потом переставленные вещи, их контуры ещё столько-то времени отчётливо рисуются на поверхности стола...»* [Роб-Грийе, 1999, с. 1–2]; *«Но эти небольшие скопления снега частично сметены подолом шинели, а белая пелена вокруг местами порыжела; до того истоптана она башмаками, которые, переминаясь на месте, оставили на ней отпечатки расположенных в шахматном порядке гвоздей»* [Там же, с. 4]. Временные пласты сдвинуты, прошлое, настоящее и будущее смешаны и представляют лабиринт человеческой жизни. При прочтении произведения часто теряется нить повествования, не сразу удаётся понять, в какое именно время или место отправляет автор читателя и происходило ли это на самом деле или в затуманенном сознании героя. Благодаря такому временному и пространственному хаосу сюжет дробится на отдельные сцены. Фрагменты жизни человека подобны театральной постановке, где в виде декораций выступают вещи: *«Всё вокруг представляется какой-то плоской декорацией, и кажется, ничего нет ни за этими стёклами, ни за этими дверьми, ни за этими фасадами. Сцена остаётся пустой: ни мужчины, ни женщины, ни даже ребёнка»* [Там же, с. 5]. Создаётся ощущение заброшенности человека в этот мир, в котором ситуации и предметы предопределяют события и являются судьбоносными.

Характерной приметой лабиринта становится слияние образов. Например, солдат на картине, отражающей былую реальность, напрямую связывается с главным героем. Некий художник запечатлел безразличие, усталость воюющего: *«У первого – единственного, чьи черты можно хорошо разглядеть, – неподвижные, пустые, ничего не выражающие глаза... В нём нельзя угадать ни проблеска мысли. Это попросту усталая, довольно худощавая физиономия, худоба которой подчёркивается уже много дней не бритой щетиной»* [Там же, с. 6]. Эти же чувства испытывает и главный герой романа: *«Человек одет в старую военную шинель неопределённого цвета... На его сером осунувшемся лице следы крайней усталости, но, возможно, этому впечатлению способствует уже несколько дней не бритая щетина»* [Там же, с. 3]. В одной из сцен, происходящей в кафе, не ясно, кто именно является её участником – главный

герой или другой солдат, чья жизнь в этот момент схожа с ещё чьей-то жизнью.

Жизнь-лабиринт становится экзистенциальной моделью существования. Замкнутое пространство города, сознания героя, домов усугубляет мотив одиночества и безвыходности. Смысл жизни для героя связан исключительно с передачей некой коробки с вещами, принадлежащей погибшему товарищу. Опять-таки вещи приобретают особую знаковость: это всё, что остаётся от человека и несёт на себе память о нём.

Блуждание солдата по лабиринту, неожиданные появления в уже знакомых местах, кратковременные знакомства, нелепое ранение – всё это косвенно создаёт образ войны, разрушающей, калечащей, опустошающей человека. Подобный подход к отражению темы войны можно наблюдать в произведениях «потерянного поколения» и «поколения вернувшихся».

Для подтверждения сказанного рекомендуется провести сопоставительный анализ романа А.Роб-Грийе и рассказа В.Борхерта «Останься, жираф!».

В рассказе В.Борхерта главный герой, побывавший на войне, пытается найти себя в новой вневоенной реальности. Однако, как и герой романа «В лабиринте», он словно зависает во вневременье. Часы для него остановились. Потерянность и покинутость своего героя В.Борхерт передаёт благодаря описанию перрона. Особую функцию в данном описании несут фонари, как бы выхватывающие из мглы фигуру солдата, не знающего, куда двигаться далее, остановившегося на перепутье: *«за фонарями вырастала устрашающая тьма. Не было черноты более чёрной, чем тьма вокруг белых фонарей по ночному пустынному перрону»* [Борхерт, 1977].

Герой А.Роб-Грийе также периодически оказывается возле газового фонаря. Кажется, это единственное место, позволяющее увидеть некую перспективу. Однако фонари не могут осветить дальнейший жизненный путь героев. В рассказе он представлен железнодорожными путями и улицей, в романе – улицей. Описание улицы позволяет ощутить отчуждённость героев, отсутствие у них духовной опоры для начала жизни вне войны. Так, в рассказе читаем: *«...жираф уже шагал гулкими шагами по мостовой. А позади него серо-лунная улица вновь замолкала, вновь замыкалась в своё каменное одиночество»*. Особую роль в рассказе играет описание окон домов: *«окна были как мёртвые, уже остекленелые, глаза пресмыкающихся»* [Борхерт, 1977]. Экспрессионистская манера повествования усугубляет понимание одиночества героя, и тех, кто находится по другую сторону окон. Подобное описание встречаем и у А.Роб-Грийе: *«у перекрёстка справа открывается точно такая же улица: та же пустынная мостовая, те же высокие серые фасады, те же запертые окна, те же безлюдные тротуары»* [Роб-Грийе, 1999, с. 3]. Безлюдность, пустота внешнего пространства становится выражением внутреннего состояния. Этому же служит и колористика текстов. И в рассказе, и в романе используется бледная и тёмная гамма. Так расцвечен мир для вернувшихся

с фронта. Единственной яркой деталью являются окрашенные в красный губы молодой девушки в рассказе и красные шторы в романе. В рассказе красные губы могут иметь многозначную трактовку: это и вызов той, которая отчаянно не хочет оставаться в одиночестве, и извращённое сознание солдата, связывающего цвет помады с проливавшейся кровью раненных и убитых на фронте. В романе красные шторы разделяют два мира. Цвет также можно трактовать как цвет войны, пролитой крови, смерти, разделившей две жизни героя, и тех, кто пребывал в тылу, – прошлую и настоящую. Благодаря особому воссозданию внешнего мира отражается и главный конфликт произведений, напрямую связанный с созданием концепта войны. Духовная драма, противоречие между внешним и внутренним направлены на передачу бессмысленности происшедшего в жизни целого поколения. По словам А.Г. Вишнякова, «Такое отношение к конфликту (как элементу текста и трагедии целых народов, в том числе и собственного) вызвало раздражение многих современников, но со временем стало понятно, что Роб-Грийе, как и все его товарищи по Новому Роману, считает недопустимым “вставать на сторону”, “поднимать голос за (против)” и рассматривает конфликт со всем присущим и сопутствующим ему зарядом взаимно уничтожающего насилия как вечный, а значит, нескончаемый источник разворачивания и текста, и того, что обычно называют “процессом истории”» [Вишняков, 2010]. Описанный фрагмент из жизни солдата у Борхерта также осознаётся как результат некоего насилия, содеянного государством. Особой характеристикой данного фрагмента является метафора крика: *«И она растит крик в тебе: неслыханный рыбий крик, крик одинокого зверя, загубленного собственным морем. Этот крик рвёт на части твоё лицо, испещряет его промоинами, полными страха и опасности, так, что другие шарахаются от тебя. Так нем ужасный тёмный крик одинокого зверя в родимом море. Он прибывает, как полная вода, рокочет, бушует, как прибой. Шипит гибельно, как пена»* [Борхерт, 1977]. Метафора рыбьего крика связана с зовом, воплем отчаяния и безнадёжности, немым плачем по разбитым иллюзиям, разочарованием, болью и т.п. Всё это характеризует состояние увидевшего истинное лицо войны. В живописи наглядно это могут продемонстрировать картины художников – экспрессиониста Эдварда Мунка, дадаиста Отто Дикса. Сопоставление картин и художественных текстов выведет на новый уровень понимания концепта ‘*война*’ и лейтмотива насилия, выраженного в отражении отчаяния, страха, изувеченной психики.

Эдвард Мунк (1863 – 1944). Одна из картин серии норвежского художника «Крик». Серия создавалась в промежутке с 1893 по 1910 гг. и состояла из 4 полотен: два масляных и две пастели. Передаёт ощущение автора от прочувствованного им крика природы. Причины этого крика толкуют по-разному. Одна из версий – автор передал предчувствия от надвигающегося XX в. и его катаклизмов. Пастель.

Э.Мунк «Крик». Вторая версия.

Возможны вопросы:

1. Может ли картина явиться иллюстрацией чувств героев Борхерта и Роб-Грийе?

2. Какие эмоции передаются на картине?

3. Почему искусствоведы сравнивают голову кричащего то с грушей, то с эмбрионом, то с черепом?

Отто Дикс (1891 – 1969). Немецкий художник и график. Под влиянием событий Первой мировой создаёт серию «Война», состоящую из ряда офортов: Засыпанные, Застреленные, Раненый часовой, Мёртвый солдат. Цель офорта – продемонстрировать полную враждебность войны жизни и человеку.

Возможные вопросы для работы с данной иллюстрацией:

- При помощи чего передан крик автором?
- Какие чувства Вы испытываете, глядя в глаза солдата?
- Передают ли подобные чувства писатели, пережившие Вторую мировую войну?
- Возможно ли сопоставление героев картин с героями изучаемых произведений?

Герои Борхерта и Роб-Грийе типизированы: они не имеют имён, персонификация сведена до минимума. В их судьбах прочитывается судьба поколения, тех, кто потерпел не только физический, но и духовный крах. Концепт '*война*' определяется также передачей способа выживания оставшихся в тылу. В этом плане и для Борхерта, и для Роб-Грийе показательны диалоги. Так, у Борхерта диалог между солдатом и девушкой раскрывает с неожиданной стороны героиню. На первый взгляд легкомысленная, напористая, развязная она вдруг позволяет осознать то, что всё это внешнее, показное, обусловленное новой военной реальностью, позволяющее выстоять в сложных условиях. Ситуация встречи и разговора вскрывает глубинные потребности, естественно реализуемые в мирной жизни – быть необходимой и любимой, создать семью?

«Её тёмные волосы тускло блестели.

– А твои волосы, – прошептал он.

– Ты останешься? – спросила она тихонько.

– Да.

– Надолго?

– Да.

– Навсегда?

– Твои волосы пахнут, как влажные ветви, – сказал он.

– Навсегда? – переспросила она» [Роб-Грийе, 1999].

У Роб-Грийе диалоги направлены в основном на освещение желания и потребностей главного героя. Не случайно он неоднократно повторяет вступившему с ним в беседу мальчику фразы:

«– Ты не умеешь накручивать обмотки, – говорит мальчуган.

Солдат, поглядев вниз, нагибается к своей обувке.

*– **Знаешь, теперь это уже не важно**.*

– А что у тебя в свертке? – повторяет малыш, не отвечая и не отводя глаз от приотворенной двери.

– Я уже сказал: вещи.

– Какие вещи?

– Мои.

Мальчуган переводит взгляд на собеседника.

– Для вещей у тебя есть ранец. У каждого солдата есть ранец.

Во время этого диалога мальчик держится с каждой минутой все увереннее. Его голос доносится уже не так глухо, как прежде, он звучит неколебимо, почти резко. Солдат, напротив, говорит все тише:

*– **Война уже кончилась, слышишь, кончилась война**...»* [Роб-Грийе, 1999, с. 11] (Выделено нами. – *Е.Д.*).

В ходе диалога собеседники по-разному проявляют себя. Любопытный мальчик демонстрирует знания, почерпнутые от взрослых. Основной темой разговоров в тылу является война, фронт, дезертиры, шпионы. Мальчик пытается узнать, с кем он имеет дело. Он недоверчив, как и все остальные, вступающие в разговор с главным героем. Война разъединяет людей. Собранные в одном месте, в одном доме, квартире, они глубоко одиноки и переживают личную драму самостоятельно, крепко цепляясь за прошлые мирные воспоминания и оставляя их до лучших времён. Солдат страстно стремится отвергнуть войну: ему уже не важно, как накручены обмотки, как выглядит его шинель. Но как бы он не отвергал войну, она его не отпускает. Мирная жизнь не оказывается спокойной. Квартиры, в которые попадает солдат, наполнены страхом, предчувствием беды. Особую роль в описании мира-лабиринта играет у Роб-Грийе символ двери. Дверь разграничивает мир улицы и мир дома, миры квартир, внутренние миры обитателей домов и солдата. Закрытые или открытые двери характеризуют тех, кто находится за ними.

Выводы. Проведённый анализ должен подвести студенческую аудиторию к выводу о том, что между произведениями А.Роб-Грийе и В. Борхерта существуют типологические связи. Роман и рассказ отражают всеохватывающее влияние войны и создают её образ, подтверждающийся документальными свидетельствами, мемуарной литературой, кадрами фото и киносъёмок. Не случайно не названы ни место действия у Борхерта, ни город у Роб-Грийе. Это говорит о достаточно высоком уровне художественного обобщения: подобные города, деревни можно было встретить в любом западноевропейском государстве, вовлечённом в ход Второй мировой войны.

Сходной оказывается и метафоричность текстов: в рассказе Борхерта использована метафора крика, в романе Роб-Грийе – лабиринта (российский исследователь В.А. Пестерев в целом воспринимает данный роман как метафору, где «...художественный мир “лабиринта” един с художественной формой “лабиринта”. Запечатлённый в названии “лабиринт” есть симультанность и метафоры мира, и метафоры авторского “я”, и метафоры романной формы» [Пестерев, 1999, с. 62]). Использование авторами метафор неслучайно: благодаря метаморфическому переносу создаётся новый художественный смысл, расширяющий границы читательского восприятия. Как отметил В.А.Пестерев, «метафора – иррациональна как порыв творческого воображения. И принцип переносности в сближении и соединении явлений основан на безграничной свободе «логики воображения» [Там же, с. 60]. Важную роль играют в текстах символы (перрона, фонаря, улицы, дома, окна, двери), дающие возможность интерпретации духовного состояния героев и того, что его породило. Конфликт в произведениях основан на столкновении внешнего предметного и внутреннего духовного миров. Для раскрытия психического состояния героев авторы использовали немногочисленные диалоги. В обоих произведениях названные художественные средства и приёмы спроецированы на создание концепта ‘*война*’.

Литература

Борхерт В. Избранное. М.: Художественная литература, 1977. [Электронный ресурс] URL: http: lib.ru/INPROZ/BORHERT/borhert.txt? (дата обращения 15.06.2018).

Вишняков А.Г. Концепт войны и насилия во французском Новом Романе // Вестн. военного ун-та. 2010. № 1(21). [Электронный ресурс] URL: www.naukaxxi.ru/UserFiles/Image/ (дата обращения 15.06.2018).

Пестерев В.А. Модификация романной формы в прозе Запада второй половины XX столетия. Волгоград: Изд-во ВолГу, 1999. 312 с. [Электронный ресурс] URL: window.edu.ru/resource/613/25613/files (дата обращения 15.06.2018).

Роб-Грийе А. В лабиринте. СПб: Азбука, 1999. [Электронный ресурс] URL: http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_RobbeGrillet.htm (дата обращения 15.06.2018).

References

Borhert V. *Izbrannoye*. M., Khudozhestvennaya literature, 1977. [Ehlektronnyy resurs] Available at: lib.ru/INPROZ/BORHERT/borhert.txt? (accessed 15.06.2018). (In Russian).

Vishnyakov A.G. Kontsept voyny i nasiliya vo frantsuzskom Novom Romane. *Vestn. voennogo un-ta,* 2010, no. 1(21). [Ehlektronnyy resurs] Available at: www.naukaxxi.ru/UserFiles/Image/ (accessed 15.06.2018). (In Russian).

Pesterev V.A. *Modifikatsiya romannoy formy v proze Zapada vtoroy poloviny XX stoletiya*. Volgograd. 1999. 312 p. [Ehlektronnyy resurs] Available at: window.edu.ru/resource/613/25613/files (accessed 15.06.2018). (In Russian).

Rob-Griye A. *V labirinte [roman]*. CPb., Azbuka, 1999. [Ehlektronnyy resurs] Available at: http://www.philol.msu.ru/~forlit/Pages/Biblioteka_RobbeGrillet.htm (accessed 15.06.2018). (In Russian).

Elena L. Dashko (Sevastopol, Russian Federation)

Study of the War Image Formation in the Creativity of V. Borhert and A. Rob-Griye during Lessons in World Literature at the University

The article represents methodological guidance concerning the study of experimental literary works of the second half of the XX century the plot of which is connected with reflecting the problem of the human under the circumstances of the war and post-war reality. The analysis of new approaches to psychologization of an individual in the novel by A.Robbe-Griet "In the labyrinth" and a short story by W.Borhert "Stay, giraffe!" is given.

Key words: *New Novel, theory of crude materialism, expressionism, metaphor, symbol, typological bonds.*

Elena L. Dashko – Ph. D in Philology, associate professor of the Russian language and Russian literature dpt. Sevastopol State University. Phone: +7-978-776-28-60; e-mail: dashko_elena@mail.ru

УДК 378
ББК 74.58.6

М.А Лубянова,
Т.А. Ханюкова

РЕЧЕВАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

Рассматривается развитие речевой самостоятельности как необходимое условие формирования коммуникативной компетенции в процессе школьного обучения иностранным языкам. Речевая самостоятельность является важной составляющей иноязычной деятельности, что предполагает наличие личной инициативы в речевом поведении, готовность вступать в общение для решения коммуникативных задач. Иноязычная речевая самостоятельность подлежит совершенствованию на протяжении всего процесса обучения под контролем и при непосредственном участии учителя.

Ключевые слова: *врожденное свойство личности, коммуникативная компетенция, самостоятельность, речевая самостоятельность, метакогнитивный уровень.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-215-223

Лубянова Марина Алексеевна – канд. пед. наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: +7-908-516-03-80
E-mail: lubyanova@inbox.ru

Ханюкова Татьяна Александровна – студент Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета
Тел.: +7-950-854-00-90
E-mail: tanya-khanyukova@yandex.ru

© Лубянова М. А., Ханюкова Т.А., 2018.

Современной целью обучения иностранным языкам в средней школе является воспитание личности не только знающей и умеющей применять полученные знания в рамках учебного процесса, но также инициативной, стремящейся к самостоятельному иноязычному общению в реальной жизни.

Формирование иноязычной коммуникативной компетенции – необходимое условие достижения этой цели, предполагающее развитие *речевой самостоятельности* учащихся, как необходимого качества личности.

Базовые компоненты коммуникативной компетенции сформулированы в материалах Совета Европы:

- лингвистический – включают в себя фонологический, лексический, грамматический аспекты;
- социолингвистический – предполагающий выбор языковых средств в зависимости от ситуаций;
- прагматический – определяет навыки, которые помогают влиять во время общения и взаимодействия между людьми. [Современные языки, 1996, с. 18]

В отечественной методике обучения иностранным языкам базовые компоненты коммуникативной компетенции получили дальнейшее развитие и осмысление.

По мнению В.В. Сафоновой, в коммуникативную компетенцию входят следующие компоненты: языковой (лингвистические аспекты); речевой (прагматические, стратегические, дискурсивные аспекты); социокультурный (социолингвистические и лингвострановедческие аспекты) [Сафонова, 2014, с. 10].

Е.Н. Соловова выделяет комплекс расширяющих компетенций:

• социокультурная компетенция – включает понимание специфики культуры людей, а также выбора поведения в различных речевых ситуациях;

• социальная компетенция – позволяет реализовать желание и способность общения с людьми, умение выстраивать речь в зависимости от ситуаций и круга общения;

• стратегическая компетенция – выражается в умении грамотно построить общение для достижения поставленной цели, «в знании и владении различными приемами получения и передачи информации, как в устном, так и письменном общении, компенсаторными усилиями».

• дискурсивная компетенция – включает понимание учащимися возможности использования определенных алгоритмов для работы с текстом;

• предметная компетенция – отражает умение разбираться в содержательном плане общения. [Соловова, 2008, с. 146]

Основой коммуникативной компетенции, по мнению Е.Н. Соловой, является речевая компетенция, которая предполагает развитие *коммуникативных* умений в четырех основных видах учебной деятельности.

В данной работе мы рассмотрим речевую самостоятельность учащихся как фактор формирования иноязычной коммуникативной компетенции.

В области методики обучения иностранным языкам речевая самостоятельность рассматривается как важная характеристика иноязычной речевой деятельности, изучением которой занимались такие ученые, как Дж. Кэррол, П. Пимслер, В. Риверс, И.А. Зимняя, Е.И. Пассов, И.А. Коверзнева, А.Н. Леонтьев, П.Я. Гальперин, В.П. Фурманова, Е.А. Быстрова, Е.А. Архипова, Н.И. Гез, Т.В. Гусейнова и др.

Речевая самостоятельность является частью речевой деятельности, поскольку любая деятельность динамична, стремится к саморазвитию и самостоятельности, а речевая деятельность, по определению И.А. Зимней, «включает язык и речь как внутренние средства и способы ее реализации». [Зимняя, 1991, с.137] Отсюда вытекает понимание того, что обучение речи на иностранном языке «предполагает, прежде всего, формирование у учащихся мотивационно-потребностного плана деятельности» [Зимняя, 1991, с.156], т.е. стремления к самостоятельному решению поставленной речевой задачи. Такое понимание речевой деятельности основывается на концепции А. Н. Леонтьева о том, что «мотивы побуждают человека к деятельности, а деятельность есть форма активности, побуждаемая потребностью». [Леонтьев, 2005, с.124]

Активность в речевой деятельности, в свою очередь, коррелирует с взаимосвязанными понятиями инициативности и самостоятельности личности. «Инициативность заключается в способности человека к *самостоятельным* волевым проявлениям. *Инициативность выражается в самостоятельной* постановке целей и в *самостоятельной* организа-

ции действий, направленных на достижение этих целей». [URL: http://psyznaiyka.net/view-xarakter.html?id=iniziativnost]

Изучение сущности понятия «речевая самостоятельность» применительно к процессу обучения общению на иностранном языке опирается на базовые знания в различных сферах научной деятельности, непосредственно связанных с учебным процессом.

В психологии под самостоятельностью понимают «обобщенное свойство личности, проявляющееся в *инициативности*, критичности, адекватной самооценке и чувстве личной ответственности за свою *деятельность* и поведение». При этом отмечается, что «развитие мыслительных и эмоционально-волевых процессов — необходимая предпосылка самостоятельных суждений и действий», что непосредственно связано с темой исследования – самостоятельностью иноязычной речевой деятельности. [Альмуханова, 2007, с.336]

В социологии под самостоятельностью (англ. self dependence; нем. Selbstandigkeit.) понимают «независимость, склонность полагаться скорее на себя, чем на других, и не искать поддержки у других» [URL: http://onlineslovari.com/entsiklopediya_sotsiologii/page/samostoyatelnost.3475], что предполагает, на наш взгляд, наличие личной *инициативы*, в том числе и в речевом поведении, готовность вступать в общение и решать речевые задачи.

В отечественной педагогике самостоятельность в учебном процессе рассматривается в русле диалектики учебной активности и учебной деятельности (В.Б. Ежеленко). Проблеме воспитания самостоятельности школьников посвящены работы многих российских ученых (М.А.Данилов, З.В. Елисеева, Л.В. Жарова, Л.М. Захарова, В.Н. Зинченко, В.Д. Иванов, Л.М. Кувико, В.Д. Максимова, Л.И. Маленкова, С.А. Марутян, Л.М. Пименова, Н.А. Половникова, Г.Н. Сартан, Р.Б. Срода, Т.Э. Токаева и др.).

Начало изучению и формированию самостоятельности в учебном процессе было положено К.Д. Ушинским, который подчеркивал важную роль учителя и считал, что самостоятельность это такое качество человека, которое развивается посредством мышления и лежит в основе самостоятельности в рассуждении, однако важную роль в данном процессе играет учитель, который руководит процессом приобретения знаний. [Ушинский, 1952, с. 415]

Такие известные российские ученые XX в., как П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина, вслед за К.Д. Ушинским, также подчеркивали, что познавательная деятельность невозможна без инициативы и самостоятельности учащегося, которые развиваются под контролем учителя, направляющего ученика. [Гальперин, 1971, с. 6, Талызина, 1998, с. 120]

В 50-70-х гг. XX в. ученые П.Я. Гальперин, Б.П. Есипов, М.П. Кашин выделили ряд аспектов в развитии самостоятельности личности в школьных условиях, без которых самостоятельная работа школьников не могла состояться. К ним относятся:

• скоординированность самостоятельной работы с планом учебной деятельности;

• реализация принципа посильности и доступности при организации самостоятельной работы, т.е. учет индивидуальных особенностей и возможностей учащихся;

• соотнесенность учебной самостоятельной работы с уровнем обученности учащихся по профильной дисциплине;

• активная роль учителя в качестве организатора и координатора самостоятельной работы учащихся;

• контроль учителя и самоконтроль учащихся за ходом самостоятельной работы и адекватностью ее результатов поставленной цели. [Гальперин, 1971, с. 3; Есипов, 1961, с. 197; Кашин, 1957, с. 54]

И.Я. Лернер рассматривал самостоятельность в контексте деятельности, которая «проходит под руководством учителя, но ученик вносит свои мысли, рассуждения при выполнении задания». [Лернер, 1974, с. 97]

Для Т.С. Панфиловой самостоятельная работа ученика также не исключает участия учителя. [Панфилова, 1960, с. 39]

Американский ученый Дж. Брунер в середине XX в. утверждал, что самостоятельная работа является самым продуктивным методом обучения, в том числе и иноязычному общению. При этом подчеркивалась важность роли учителя, которая заключается как в контроле результатов работы, так и в мотивации школьников к поиску решения проблемы. [Брунер, 1962, с. 41]

В ходе дальнейшей научной дискуссии возникла тенденция рассмотрения самостоятельной деятельности учащегося без учета роли учителя в учебном процессе. Л.П. Аристова под понятием «самостоятельность» рассматривает *деятельность*, которая «совершается без помощи и наставления учителя или кого-то еще». [Аристова, 2005, с. 36] Б.П. Есипов также считает, что самостоятельная работа – это деятельность, которая выполняется учеником без включения учителя в данный процесс. [Есипов, 1961, с. 82] А.А. Леонтьев рассматривает самостоятельность в ракурсе самообучения, которое эффективно помогает ученику углубить знания, потому что это осознанная самостоятельная деятельность самого школьника. [Леонтьев, 1998, с. 14] Г.Б. Рогова, Ф.М. Рабинович, Т.Е. Сахарова акцентируют внимание на развитии самостоятельности, как результате активности самих учащихся в учебном процессе, так как это повышает эффективность обучения. [Рогова, Рабинович, Сахарова, 1991, с. 73 – 74]

И.А. Зимняя выделяет определенные характеристики личности, необходимые для самостоятельной работы ученика: инициатива, самосознание, самодисциплина, ответственность [Зимняя, 1997, с. 48 – 53], ставя на первое место инициативу как важную, возможно, первоначальную составляющую в развитии самостоятельности учащегося.

С.Л. Рубинштейн в своих работах также подчеркивал важность личной инициативы для развития самостоятельности. Ученый утверждал, что самостоятельность связана с волей ученика, так как только мо-

тивация может способствовать самостоятельной деятельности. [Рубинштейн, 2002, с. 65 – 72]

Тем не менее, в процессе создания «теории деятельности» Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев и др. рассматривали самостоятельную деятельность как правильно организованную деятельность между учителем и учеником, где процесс можно распределить на самостоятельных исполнителей. [Выготский, 2005, с. 313 – 315] Ученые подчеркивали, что самостоятельная деятельность учащегося, его понимание предмета изучения невозможна без личной инициативы и заинтересованности.

Особенностью современного этапа развития самостоятельности учащихся становится формирование так называемой метакогнитивной компетенции, под которой понимается осознание «собственной способности решить определённую задачу на определённом уровне, а также выбор стратегий для её решения». [URL: https://psy.su/feed/3966/]

Переход на метакогнитивный уровень означает «смену стратегии обучения, поскольку школа не успевает обновлять и сообщать знания учащимся с той скоростью, с которой они появляются в мировом сообществе. На современном этапе необходимо научить учеников самостоятельности в поиске и усвоении информации, а также самостоятельности в ее использовании». [URL: https://psy.su/feed/3966/]

Таким образом, в базовых для методики обучения иностранным языкам науках, самостоятельность рассматривается как особое свойство личности, присущее всем сферам человеческой деятельности, включая самостоятельность в применении полученных знаний на практике. Самостоятельность подлежит развитию и совершенствованию в рамках учебного процесса под руководством и контролем учителя.

В процессе обучения иностранным языкам развитие самостоятельности учащихся осуществляется на всех этапах овладения предметом. В работах таких ученых, как З.Я. Горностаева, А.М. Каменский, Е.И. Пассов, выделяются следующие аспекты самостоятельной работы:

- поиск и нахождение проблемы;
- ее понимание;
- формирование гипотезы;
- самостоятельный поиск решения. [Пассов, 1988, с. 116]

Е.И. Пассов в работе «Урок иностранного языка в средней школе» пишет, что самостоятельность является необходимым условием творческой деятельности и активной работы на уроке. Более того, он выделяет четыре вида самостоятельной познавательной деятельности, в которой цели урока могут быть определены не только учителем, но и учителем совместно с учениками:

1. Цель урока определяется учителем;
2. Учитель помогает ученикам определить цель урока;
3. Учитель ставит перед учениками задание, а те сами определяют цели;
4. Ученики сами ставят цели без помощи учителя. [Пассов, 1988, с. 120 – 123]

О.Б. Копосова также считает, что задача учителя состоит в том, чтобы стимулировать речевую инициативу учеников, так как от этого зависит уровень качества обучения, а также интерес школьников к иностранному языку. Автор подчеркивает, что без активного управления учителем процессом формирования коммуникативной компетенции речевая инициатива развивается у учащихся только на старшем этапе обучения и не может появиться у учеников без влияния учителя, так как формируется посредством реализации коммуникативного подхода, использования интерактивных форм работы. Использование современных методов обучения позволяет развивать речевую инициативу уже на начальных этапах обучения иноязычной речевой деятельности, наряду с развитием речевой самостоятельности. [Копосова, 2001, с. 95 – 101]

В рамках формирования метакогнитивной компетенции одной из конечных целей обучения иноязычному общению является развитие речевой самостоятельности как умения «конструктивно применять знания не только в учебной деятельности, но в любой ситуации, где их использование будет способствовать решению проблем». [URL: https://psy.su/feed/3966/]

Таким образом, анализ научной литературы позволяет прийти к ряду выводов.

1. *Иноязычная речевая самостоятельность* – это одна из составляющих речевой деятельности, формируемая в процессе развития коммуникативной компетенции на уроках иностранного языка. Критериями сформированности речевой самостоятельности можно считать:

- осознанное желание и умение вступать в беседу;
- проявление инициативы в общении;
- умение спонтанно и адекватно реагировать на полученную информацию [Лубянова, 2017, с. 20 – 24];
- комплексное развитие всех компонентов коммуникативной компетенции.

2. Речевая самостоятельность подлежит развитию на протяжении всего процесса обучения иностранным языкам путем мобилизации трех компонентов иноязычной речевой деятельности: язык – речь – речевая инициатива с целью развития умения применять полученные знания для решения коммуникативных задач.

3. Процесс формирования речевой самостоятельности в *школьных* условиях опирается на ряд положений:

- формирование и развитие речевой самостоятельности учащегося возможно и необходимо проводить в процессе обучения в опоре на врожденное качество личности, присущее каждому человеку;
- иноязычная речевая самостоятельность учащихся формируется под руководством учителя, целью которого является развить у учащегося стремление к самостоятельному иноязычному общению, чувства равноправного участия в глобальной коммуникации.

Литература

Альмуханова А.Б. Большая психологическая энциклопедия: самое полное современное издание. Более 5000 психологических терминов и понятий. М.: Эксмо, 2007.

Аристова Л. П. Воспитание познавательной самостоятельности школьников в процессе обучения основам наук. Казань: Таткнигиздат, 2005.

Бим И.Л. Личностно-ориентированный подход – основная стратегия обновления школы // Иностранные языки в школе. 2002. № 2. С. 12 – 15.

Брунер Дж. Процесс обучения. М.: АПН РСФСР, 1962.

Выготский Л. С. Педагогическая психология. М.: Астрель: Люкс, 2005.

Гальперин П.Я. Новые возможности обучения, в частности, иностранным языкам // Вопросы методики преподавания иностранных языков на неязыковых факультетах университетов. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. С. 11 – 15.

Есипов Б.П. Самостоятельная работа учащихся на уроке. М.: Учпедгиз, 1961.

Зимняя И.А. Педагогическая психология. Ростов н/Д.: Феникс, 1997.

Зимняя И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе. М.: Просвещение, 1991.

Инициативность [Электронный ресурс]. URL: http://psyznaiyka.net/view-xarakter.html?id=iniziativnost (дата обращения 08.05.2018).

Кашин М. П. Самостоятельная работа учащихся на уроке // Советская педагогика. 1957. № 5.

Копосова О. Б. Актуализация речевой инициативы младших подростков в процессе обучения их устной иноязычной речи: на материале английского языка: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук. М., 2001.

Леонтьев А.А. Психолого-педагогические основы обновления методики преподавания иностранных языков: лекция-доклад. М.: Исслед. центр проблем качества подгот. специалистов, 1998.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Смысл, Академия, 2005. 352 с.

Лернер, И. Я. Проблемное обучение. М.: Знание, 1974.

Лубянова М.А. Интерактивные технологии общения в подготовке учителя иностранного языка // Современный ученый. 2017. № 4, 2017. С. 20 – 24.

Николаева Е.Н. Метакогнитивная компетенция – в чём проблема? // Вестн. практической психологии образования. СПб., 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://psy.su/feed/3966/ (дата обращения 08.05.2018).

Панфилова Т.С. Воспитание самостоятельности школьников в учебной работе. М.: Учпедгиз, 1960.

Пассов Е.И. Урок иностранного языка в средней школе. М.: Просвещение, 1988. 223 с.

Рогова Г. В., Рабинович Ф. М., Сахарова Т. Е. Методика обучения иностранным языкам в средней школе. М.: Просвещение, 1991.

Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2002. 712 с.

Сафонова В. В. Социокультурный подход: основные социально-педагогические и методические положения // Иностранные языки в школе. 2014. № 11. С. 2–13.

Соловова Е. Н. Методика обучения иностранным языкам. Базовый курс. М.: АСТ, Астрель, 2008.

Современные языки: Изучение, преподавание, оценка: общеевропейские компетенции владения иностранным языком. Страсбург, 1996.

Талызина, Н.Ф. Педагогическая психология: учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений. М.: Издат. центр «Академия», 1998.

Ушинский К. Д. Собр. соч. Т. 11. М.: Изд-во Академии пед. наук, 1952.

Энциклопедия социологии [Электронный ресурс]. URL: http://onlineslovari.com/entsiklopediya_sotsiologii/page/samostoyatelnost.3475/ (дата обращения 08.05.2018).

References

Al`mukhanova A.B. *Bol`shaya psikhologicheskaya ehntsiklopediya: samoye polnoye sovremennoye izdanyie. Boleye 5000 psikhologicheskikh terminov i ponyatiy.* M., Ehksmo, 2007. (In Russian).

Aristova L. P. *Vospitaniye poznavatel`noy samostoyatel`nosti shkol`nikov v protsesse obucheniya osnovam nauk.* Kazan`, Tatknigizdat, 2005. (In Russian).

Bim I.L. Lichnostno-oriyentirovannyy podkhod – osnovnaya strategiya obnovleniya shkoly. *Inostrannyye yazyki v shkole,* 2002, no. 2, p. 13.

Bruner Dzh. *Protsess obucheniya.* M., 1962. (In Russian).

Vygotskiy L. S. *Pedagogicheskaya psikhologiya.* M., 2005. (In Russian).

Gal`perin P.Ya. Novyye vozmozhnosti obucheniya, v chastnosti, inostrannym yazykam. *Voprosy metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov na neyazykovykh fakul`tetakh universitetov.*M., 1971. (In Russian).

Yesipov B.P. *Samostoyatel`naya rabota uchashchikhsya na uroke.* M., 1961. (In Russian).

Zimnyaya I.A. *Pedagogicheskaya psikhologiya.* Rostov n/D., 1997. (In Russian).

Zimnyaya I.A. *Psikhologiya obucheniya inostrannym yazykam v shkole.* M., 1991. (In Russian).

Initsiativnost`. Available at: http://psyznaiyka.net/view-xarakter.html?id=iniziativnost (accessed 08.05.2018). (In Russian).

Kashin M. P. *Samostoyatel`naya rabota uchashchikhsya na uroke.* M., 1957. (In Russian).

Koposova O. B. *Aktualizatsiya rechevoy initsiativy mladshikh podrostkov v protsesse obucheniya ikh ustnoy inoyazychnoy rechi: na materiale angliyskogo yazyka: avtoref. dis.... kand. pedagogicheskikh nauk.* M., 2001. (In Russian).

Leont`ev A.A. *Psikhologo-pedagogicheskiye osnovy obnovleniya metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov: Lektsiya-doklad.* M., 1998. (In Russian).

Leont`ev A.N. *Deyatel`nost`. Soznaniye Lichnost`.* M., 2005. 352 p.

Lerner I. Ya. *Problemnoye obucheniye.* M., 1974. (In Russian).

Lubyanova M.A. Interaktivnyye tekhnologii obshcheniya v podgotovke uchitelya inostrannogo yazyka. *Sovremennyy uchenyy,* 2017, no. 4, pp. 20-24. (In Russian).

Nikolayeva E.N. Metakognitivnaya kompetentsiya – v chyom problema? *Vestnik prakticheskoy psikhologii obrazovaniya.* SPb., 2014. Available at: *https://psy.su/feed/3966/* (accessed 08.05.2018). (In Russian).

Panfilova T.S. *Vospitaniye samostoyatel`nosti shkol`nikov v uchebnoy rabote.* M., 1960. (In Russian).

Passov E.I. *Urok inostrannogo yazyka v sredney shkole.* M., 1988. (In Russian).

Rogova G. V., Rabinovich F. M., Sakharova T. E. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam v sredney shkole.* M., 1991. (In Russian).

Rubinshteyn S. L. *Osnovy obshchey psikhologii.* SPb., 2002. (In Russian).

Safonova V. V. Sotsiokul`turnyy podkhod: osnovnyye sotsial`no-pedagogicheskiye i metodicheskiye polozheniya. *Inostrannyye yazyki v shkole,* 2014, no. 11, pp. 2-13. (In Russian).

Solovova E. N. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam. Bazovyy kurs.* M., 2008. (In Russian).

Talyzina N.F. *Pedagogicheskaya psikhologiya: ucheb. posobiye dlya stud. sred. ped. ucheb. zavedeniy.* M., 1998. (In Russian).

Ushinskiy K. D. *Sobr. sochineniy.* T. 11. M., 1952. (In Russian).

Ehnciklopediya sotsiologii. Available at: http://onlineslovari.com/entsiklopediya_sotsiologii/page/samostoyatelnost.3475/ (accessed 08.05.20018). (In Russian).

Marina A. Lubyanova, Tatyana A. Khanyukova (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Speech Self-dependence as the Factor of Developing a Foreign Language Communicative Competence

Development of speech self dependence is the necessary condition for the formation of communicative competence in the process of school instruction in foreign languages.

Self dependence, as the innate property of a personality, which is manifested in the ability to set as a goal and to accomplish the actions, directed toward achieving this goal, is the basis of the formation of speech self dependence under the school conditions in the adequate self-appraisal and the responsibility for its activity.

In the foreign language teaching methods the speech self dependence is considered as an important component of foreign language speaking activity, which assumes the presence of personal initiative in the speech behavior, the readiness to enter into the contact for the solution of communicative problems.

The special feature of contemporary development stage of the speech self dependence of students becomes its formation at the metacognitive level, which assumes self dependence not only in search and mastering of information, but also self dependence in its use in the speech practice.

Foreign language speech self dependence is formed in the process of the development of communicative competence at the lessons of foreign language and is subject to improvement during entire process of instruction under the control and direct participation of a teacher.

Key words: *innate property of a personality, developing communicative competence, quality of personality, foreign language speech self dependence, metacognitive level.*

Marina A. Lubyanova – candidate of Pedagogy, associate professor. Southern Federal University. Phone: +7-908-516-03-80; e-mail:: lubyanova@inbox.ru

Tatyana A. Khanyukova – graduate student. Southern Federal University. Phone: +7-950-854-00-90; e-mail: tanya-khanyukova@yandex.ru

УДК 378.147: 811.161.1
ББК 74.04

Г.Г. Шутько

СПЕЦИФИКА НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА В МЕТОДИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Рассматриваются особенности влияния национальных менталитетов американских, европейских и азиатских студентов, обусловленных особенностями их национальных образовательных систем и культурными ценностями, на специфику изучения иностранными обучающимися русского языка в России.

Ключевые слова: *национальный менталитет, специфика мировоззрения, методы и приемы обучения, субъект и объект обучения, мотивация.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-224-229

Шутько Галина Григорьевна – преподаватель русского языка как иностранного кафедры русского языка № 1 подготовительного факультета по обучению иностранных граждан Ростовского государственного медицинского университета
Тел.: +7-909-412-33-73
Email: lekseva@rambler.ru

© Шутько Г.Г., 2018.

За последние десятилетия мир сильно изменился. Это касается не только внешней стороны жизни и политической ситуации, но и базовых ценностей, жизненных установок и привычек людей. Никогда ранее в истории человечества изменения не происходили в таком быстром темпе, как сейчас. Смена манеры мышления и поведения людей не может не отражаться и на методах обучения.

Как отметил С. Ф. Шатилов, «методика обучения иностранным языкам должна располагать всем разнообразием приемов, способов и видов работы, быть гибкой и дифференцированной, учитывать все факторы, влияющие на успешность обучения» [Гез и соавт., 1982, с. 50]. По мнению известного психолога и лингвиста И.А. Зимней, в психологии были созданы все основные предпосылки для теоретического обоснования нового подхода к обучению иностранным языкам. В качестве нового объекта обучения И.А. Зимняя выделяет «иноязычную речевую деятельность» [Зимняя, 1985, с. 87]. Таким образом, акцент в обучении иностранным языкам перемещен с языка как системы и речи как процесса пользования системой на речевую деятельность на иностранном языке.

В современной педагогической науке наиболее распространенным направлением следует считать конструктивизм, суть которого заключается в том, что преподаватель больше не является простым транслятором знаний и навыков – процесс обучения подразумевает активный умственный труд обучаемого. То есть от препо-

давателя требуется не только наличие максимального количества знаний по предмету, но и выполнение им тьюторских функций, а именно помощь учащимся в процессе обучения.

Как представляется, в связи с этими изменением особое внимание необходимо дополнительно уделить специфике национальных менталитетов иностранных обучающихся русскому языку как в России, так и за рубежом, и их отражению в особенностях методов и приемов РКИ.

В статье делается попытка проследить различия в национальных менталитетах американских, европейских и азиатских студентов, обусловленных особенностями их национальных образовательных систем, в частности в аспектах взаимоотношений преподавателя и студента, а также культурными ценностями и мировоззренческими установками в контексте их влияния на специфику изучения иностранными обучающимися русского языка.

Как уже отмечалось ранее, в современной российской методической школе провозглашается принцип «студент – субъект обучения». Таким образом, взаимоотношения преподавателя и студента в процессе обучения признаются партнерскими, а их участие в реализации цели урока считается равным.

Так, исходя из цели конкретного урока преподавателем выбираются наиболее соответствующие этой цели упражнения и задания, т.е. подача материала осуществляется нелинейно (точное следование порядку заданий в учебнике нарушается).

Необходимо отметить и то, что в российской системе образования все более ценным признается творческое отношение к материалу и содержанию учебного курса, а личностное восприятие и самостоятельная интерпретация иностранным студентом изучаемого материала – нормой. В практическом плане данному подходу соответствуют такие задания, как «выразите свою точку зрения», «обобщите приведенные примеры», «дайте оценку событиям, ситуациям», «сопоставьте две точки зрения и выразите свое отношение к ним», «сделайте выводы» и т. д.

Более того, так как давление преподавателя на студента минимально, и последний рассматривается как полноценный субъект учебного процесса (его инициатива поощряется, сам процесс обучения строится на интересе обучаемого и направлен на создание мотивации личности учащегося), то, таким образом, реализуется один из основных принципов методики преподавания РКИ – принцип сознательности в обучении.

Далее будут рассмотрены три типа образовательных моделей и частные методы в организации обучения студентов иностранному языку: азиатская, американская и европейская.

В отличие от российской азиатская образовательная традиция видит в студенте не субъект обучения, а его объект, которому приписана роль пассивного слушателя. Сам урок построен по принципу жесткой субординации с максимальным давлением со стороны преподавателя, подача учебного материала линейна (преподаватель четко следует

структуре учебника, задания выполняются последовательно одно за другим), творческие задания, направленные на интерпретацию и анализ изученного не предлагаются, самостоятельная работа студента не поощряется.

Креативный тип заданий, таким образом, является проблемой для большинства студентов, а функции преподавателя и студента фактически сводятся к озвучиванию учебника. Единственным плюсом такой организации учебного процесса можно считать беспроблемное воспроизведение заученного текста азиатскими студентами.

По мнению С.И. Лебединского и Л.Ф. Гербик, «изучение русского языка имеет для *(азиатских. – Г.Г.)* учащихся особую познавательную и культурную значимость, т. к. в нем отражается национальная менталитетная специфика» [Лебединский, Гербик, 2011, с. 247].

Противоположной в этом аспекте выступает американская культура и система ценностей, так как американские студенты, прежде всего, ставят перед собой прикладные задачи в изучении иностранного языка. Отсюда основная цель обучающихся – овладение общением на иностранном языке, а следовательно, большее внимание в процессе обучения уделяется языковым средствам и речи.

Под развитием речи нами понимается способ деятельности преподавателя и учащихся, обеспечивающий у последних формирование речевых навыков и умений. В методике преподавания РКИ выделяются три группы методов – наглядные, словесные и практические.

К наглядным методам, направленным на накопление содержания речи и закрепления знаний, словаря, развития обобщающей функции слова, обучения связной речи, относятся всевозможные экскурсии, посещение выставок, осмотры помещения, рассматривание картин, фотографий, описание увиденного и т.д.

Словесные методы включают чтение и рассказывание фрагментов художественных произведений, заучивание наизусть, пересказ, обобщающая беседа, рассказывание без опоры на наглядный материал.

Практические методы направлены на применение речевых навыков и умений и их совершенствование. К практическим методам относятся различные дидактические игры, игры-драматизации, инсценировки, дидактические упражнения, пластические этюды. Они используются для решения всех речевых задач.

Все вышеперечисленные методы условно можно разделить на репродуктивные и продуктивные. На практике же эта граница не так резка – от механического овладения новым языковым материалом студент постепенно переходит к его творческой, самостоятельной интерпретации, встраивании уже известной модели в новый контекст, порождение нового смысла. Все виды методов успешно применяются как в американской, так и в азиатской группах обучающихся. Однако стоит отметить, что американские студенты с большем энтузиазмом реагируют на практические методы, в то время как в группах с азиатскими учащимися це-

лесообразнее применять словесные методы как более соответствующие привычной им модели образования.

Исходя из собственного многолетнего опыта преподавания русского языка как иностранного разноязычным группам обучающихся, считаю необходимым отметить особую мотивацию к изучению русского языка в американской группе студентов: они очень ясно представляют себе сферу дальнейшего применения языка и достаточно точно формулируют свои коммуникативные потребности. От преподавателя русского языка американская аудитория требует умение четкого определения практической цели урока и каждого конкретного задания, в особенности речевых задач, которые будут задействовать одну из ведущих черт американского менталитета, а именно запроса на индивидуализм. В этом аспекте преподавателю предлагается уделять равное внимание каждому из студентов и давать задания, выполнимые всеми учащимися, предоставляя, таким образом, равные возможности обучения для всех.

В этой связи некоторую сложность могут вызвать задания типа «попросите у друга совета в трудной ситуации» или «расспросите у более опытного и знающего товарища, как подготовиться к экзамену» и т.п.

В американской национальной культуре не принято подсказывать друг другу, интересоваться успехами друг друга, помогать. То же касается и оценки достигнутого прогресса в обучении: тесты воспринимаются как наиболее адекватный и справедливый способ оценки знаний а, следовательно, и успеха.

Еще одной отличительной чертой американской образовательной системы является использование дискуссии на уроке как метода введения нового учебного материала. Дискуссия подразумевает ответно-вопросную часть по анализируемому материалу, сопоставление ранее известных фактов, сравнение, обобщение и т.д. Кроме того, она позволяет каждому из студентов проявить себя, свой индивидуализм, выразить свою точку зрения. Поэтому лекция или монолог преподавателя на уроке имеют низкую популярность среди американских студентов.

Говоря об общих чертах в американской и российской системах образования, следует отметить главенствование в обеих системах принципа «студент – субъект обучения». Однако стоит подчеркнуть и то, что авторитет преподавателя в России намного выше, чем в США.

Объединяющей обе системы является также и свойственная как российской, так и американской аудитории рефлексия, стремление студента к самоанализу и анализу своих успехов и результатов обучения.

Немаловажную роль в изучении иностранного (русского) языка играет соответствующая атмосфера заинтересованности в общении учащихся, которая располагает студентов к общению на неродном языке, вызывает интерес участников диалога друг к другу.

Наиболее эффективными в этом ключе являются задания, направленные на совместное обсуждение какой-либо проблемы, создание группового проекта, т.е. предполагающие групповые приемы работы и носящие креативный характер. Создаваемое, таким образом, самостоятель-

ное речевое произведение, например собственные ответы на вопросы, интерпретация текста, выявление авторской позиции, характеристика действующих лиц и т.д., носит яркий индивидуальный творческий характер и с легкостью выполняется как российскими, так и американскими студентами в отличие от азиатских, которые без особых трудностей справятся с пересказом текста.

Таким образом, запрос на изучение русского языка американскими учащимися имеет выраженный прагматический характер, а потенциальная сфера применения языка в дальнейшем требует от преподавателя проведения усиленной работы над реальными коммуникативными жанрами, т.е. создание реальных ситуаций коммуникации в повседневной жизни.

Как отмечают С.И. Лебединский и Л.Ф. Гербик, «меньше всего затруднений, вызванных проблемами межкультурного взаимодействия, преподаватель русского языка испытывает при работе с европейцами» [Лебединский, Гербик, 2011, с. 249]. Это объясняется общим историческим прошлым, взаимопроникновением культур и традиций в целом и образовательных систем в частности.

Очень важно отметить, что для европейцев изучение иностранного языка не сводится к овладению его грамматикой и умению выразить ту или иную мысль. Это всегда приобщение к культурным ценностям, картине мира, истории носителей изучаемого языка. Поэтому урок для европейской аудитории должен быть наполнен не только языковым материалом, но он должен иметь эстетическую, культурную и познавательную ценность.

В качестве вывода следует отметить, что преподавателю следует учитывать специфику национальных менталитетов для успешной организации учебного процесса в многонациональной аудитории. В первую очередь, надо выстраивать свою работу так, чтобы в центре педагогического внимания преподавателя находился интерес каждого отдельного студента, чтобы учащиеся были заинтересованы в обучении, коммуникации и видели перспективы в решении как прагматических, так и общекультурных задач каждого конкретного урока, имели возможность достигнуть своей индивидуальной цели.

Кроме того, для успешного развития речи иностранных студентов преподавателю РКИ необходимо учитывать специфические особенности разнонациональных студенческих коллективов в плане выбора методов и приемов обучения соответствующих не только целям и задачам конкретного урока русского языка, но и максимально адекватных для усвоения учебного материала в силу ментальных, когнитивных и культурных особенностей иноязычной аудитории.

Литература

Зимняя И.А. Аспекты обучения говорению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1985. 160 с.

Лебединский С. И., Гербик Л. Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие. Минск, 2011. 309 с.

Гез Н. И., Ляховицкий М. В., Миролюбов А. А., Фоломкина С. К., Шатилов С. Ф. Методика обучения иностранным языкам в средней школе: учебник. М.: Высш. школа, 1982. 373 с.

References

Zimnyaya I.A. *Aspekty obucheniya govoreniyu na inostrannom yazyke*. M., Prosveshcheniye, 1985. 160 p. (In Russian).

Lebedinskiy C. I., Gerbik L. F. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo: ucheb. posobiye*. Minsk, 2011. 309 p. (In Russian).

Gez N. I., Lyakhovitskiy M. V., Mirolyubov A.A., Folomkina S.K., Shatilov S.F. *Metodika obucheniya inostrannym yazykam v sredney shkole: uchebnik*. M., Vyssh. shkola, 1982. 373 p. (In Russian).

Galina G. Shut´ko (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Specifics of the National Mentality in the Teaching Methodology of Russian as a Foreign Language

The article attempts to trace the differences in the national mentality of the American, European and Asian students, due to the peculiarities of their national educational systems, in particular in the aspects of the relationship between the teacher and the student, as well as cultural values and worldview in the context of their influence on the specifics of the study of foreign students of the Russian language. It also provides some practical suggestion concerning the teacher's professional behavior as to the implementation of the certain methods and techniques depending on the national mentality and cultural peculiarities of the foreign students.

Key words: *national mentality, worldview peculiarity, teaching methods and techniques, subject and object of teaching process, motivation.*

Galina G. Shut´ko – lecturer. Rostov State Medical University. Phone: +7-909-412-33-73; e-mail: lekseva@rambler.ru

УДК 372.881.161.1
ББК 74.268.1Рус

Е.И. Цуканова

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТОДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

В статье даётся характеристика терминологии методики преподавания русского языка с позиции лексико-семантических возможностей термина. Учёт системных связей терминов позволяет осмыслить место термина в системе методической науки и в профессиональном обучении студентов-филологов.

Ключевые слова: *термины методики преподавания русского языка, лексико-семантические характеристики терминов, парадигматические отношения, терминосистема.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-230-234

Цуканова Екатерина Ивановна – аспирант кафедры методики преподавания русского языка Московского педагогического государственного университета
Тел.: 8-925-111-79-98
E-mail: poka90@list.ru

© Цуканова Е.И., 2018.

Терминология, являясь совокупностью и системой терминов определённой области знаний, выполняет функции категоризации научной действительности, вербально закрепляет и ограничивает систему специальных понятий. Термины служат своеобразным инструментом познания в той отрасли научного знания, которую они обслуживают. Важнейшей характеристикой терминологии признаётся её системность. И хотя системность может проявляться на разных уровнях языка (грамматическом, словообразовательном и др.), в данной статье представлены лексические системные отношения терминов методики преподавания русского языка. Актуальность обращения к такому типу отношений между словами-терминами специального языка в вузовском обучении обусловлена практической необходимостью: лексико-семантическая характеристика терминологии позволяет студенту осмыслить категориально-понятийный аппарат методики как науки и сформировать прочный фундамент знаний в области профессионально ориентированной дисциплины.

Говоря о термине как особой единице лексического состава русского языка, отметим основные позиции различения терминов и слов общеупотребительного языка. Для этого воспользуемся характеристиками термина, представленными в монографии В.М. Лейчика «Терминоведение: предмет, методы, структура» [Лейчик, 2007, с. 32]. Учёный признаёт, что термины обладают теми же формальными и семантическими

признаками, которые присущи словам и словосочетаниям естественного языка, но имеют существенные отличия, выражающиеся в том, что:

- термины фигурируют как таковые именно в лексике языка для специальных целей, а не в лексике того или иного естественного языка в целом;
- в лексике языка для специальных целей термины являются средством обозначения специальных общих понятий – результата когниции в специальных сферах знаний и (или) деятельности;
- термины представляют собой элементы терминосистем, отражающих теории, которыми описываются объекты языка для специальных целей.

Итак, термин признаётся понятием, присущим только лексике языка для специальных целей, но в то же время к нему могут быть применимы семантические и формальные характеристики слов естественного языка. Кроме того, обратим внимание ещё на одно отличие терминов от общеупотребительных слов. Любое слово с точки зрения лексики обладает признаком мотивированности/немотивированности. В терминоведении понятие «мотивированность» рассматривается иначе. Обратимся к мнению Н.П. Романовой в этом вопросе, которая пишет, что «понятность», «прозрачность» семантической структуры термина должна пониматься в сопоставлении с единицами общеупотребительного языка: «языковая мотивированность может быть свойственна только термину, ибо она основывается на том, что терминологическая система – система вторичная по отношению к естественному языку» [Романова, 1976, с. 22]. Выходит, что мотивированность термина определяется возможностью связать значение термина с предшествующим нетерминологическим значением. В терминоведении приняты следующие типы мотивированности термина с точки зрения формы: полностью мотивированный, частично мотивированный, ложномотивированный, немотивированный [Лейчик, 2007, с. 39]. Приведём примеры таких терминов в методике преподавания русского языка: *норма* – полностью мотивированный, *натуральный метод обучения* – частично мотивированный, *номинация* – ложномотивированный, *диктант* – немотивированный.

Обращение к понятию «значение термина» отсылает нас к вопросу о парадигматических отношениях: явлениям гипонимии, полисемии, синонимии и антонимии. Остановимся на каждом из них подробнее и охарактеризуем с этих позиций термины методики преподавания русского языка как науки.

Важнейшим универсальным отношением, позволяющим классифицировать и структурировать состав терминов, признается *гипонимия* (родо-видовые связи слов). Опора на данное языковое явление помогает более точно представить дефиницию термина. Примеры находим в терминологических словарях, когда толкование даётся через более общее понятие (гипероним): *изложение – вид письменного упражнения, подход – базисная категория методики, ролевая ситуация – учебная речевая ситуация* либо представлены гипонимы термина: *виды речевой деятельности – чтение, говорение, аудирование, письмо*.

Термины, развиваясь в целом по тем же законам, что и язык естественный, могут иметь несколько значений, хотя это и нарушает требование к «строгой» однозначности термина. В современном терминоведении явление полисемии терминов объясняется следующими причинами [Лейчик, 2007, с. 45]:

1) образованием так называемых «семантических омонимов», когда одним и тем же термином обозначают процесс и результат, предмет изучения и науку. Приведём примеры из словаря терминов и понятий по методике русского языка Э. Г. Азимова, А. Н. Щукина [Азимов, Щукин, 2009].

ПОНИМАНИЕ. 1. Когнитивный процесс постижения содержания, смысла. 2. Продукт процесса понимания – само толкование события, факта, объекта и т. п.

ГРАММАТИКА. 1.Система объективно действующих в языке правил изменения слов. 2. Раздел лингвистики.

2) результатом межсистемного заимствования терминов:

СВЯЗНОСТЬ. 1. Структурно-смысловое свойство текста. 2. Коммуникативное качество речи.

КОНЦЕПТ. 1. В логике: *содержание понятия. 2.* В культурологии: *национально-маркированный образ культуры.*

Явление многозначности термина устраняется в ходе упорядочения терминологии путём добавления конкретизирующего определяющего элемента.

В терминологии методики преподавания русского языка, как и в общей лексике, представлены явления синонимии и антонимии, но и они имеют свои особенности и ограничения. В «Словаре омонимов русского языка» О.С. Ахманова настаивает на употреблении применительно к специальному языку термина «терминологические дублеты» вместо термина «синонимы» [Ахманова, 1974, с. 13]. В самом деле, в терминологии синонимы соотносятся с одним и тем же понятием и объектом, они не характеризуют разные его свойства, как правило, не выполняют стилистических функций. Основная причина такого явления, по мнению В.П. Даниленко, – разные источники формирования терминов: разные теоретические направления, школы, концепции [Даниленко, 1977, с. 73]. Примеры терминологических дублетов в методике русского языка: *внеклассная работа – внеаудиторная работа, выборочное чтение – просмотровое чтение, двуязычие – билингвизм, синтетическое чтение – курсорное чтение.*

В терминологической лексике методики преподавания русского языка реализуются два типа антонимии – лексическая и словообразовательная. Данное явление в языке науки методики существенно не отличается от соответствующего явления в естественном языке. Приведём примеры: *активная* грамматика – *пассивная* грамматика, *переводная* семантизация – *беспереводная* семантизация.

Все перечисленные семантические характеристики терминов – свидетельство того, что терминология методики преподавания русского

языка, являясь составной частью лексики литературного языка, подразумевает подчинённость общеязыковым тенденциям. Но «естественные» лексические связи, как писал Р. Якобсон, искажаются необходимой для терминологии связью понятий, определяющей и связи соответствующих терминов [Jakobson, 1961, с. 248]. Поэтому, чтобы понять место термина в системе методической науки, нужно осознать все лексико-семантические характеристики термина. Решению этой задачи может способствовать составление таблиц подобного рода (*таблица*).

Лексико-семантические связи термина

Термин	Гипероним	Гипонимы	Синонимы	Антонимы
чтение вслух	приём обучения	Хоровое и индивидуальное	громкое чтение	чтение про себя
рецептивные виды речевой деятельности	виды речевой деятельности	слушание (аудирование) и чтение		продуктивные виды речевой деятельности

Учитывая тот факт, что методика преподавания русского языка как наука является самостоятельной дисциплиной в вузе, необходимо обращать внимание студентов в процессе преподавания на лексико-семантические связи терминов в рамках общей терминосистемы методики русского языка. Такая направленность в работе с терминами, на наш взгляд, не только способствует осознанному освоению терминов методической науки, но и формирует ценностное отношение студентов-филологов к изучаемой предметной области, расширяет профессиональное сознание как исследователей методической науки, так и будущих учителей русского языка [Дейкина, 2009]. Культура научного исследования и методическая культура учителя в немалой степени определяются используемой терминологией.

Литература

Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Издательство ИКАР, 2009. 448 с.

Ахманова О.С. Словарь омонимов русского языка. М.: Советская энциклопедия, 1974. 448 с.

Даниленко В.П. Русская терминология: опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 243 с.

Дейкина А.Д. Формирование языковой личности с ценностным взглядом на русский язык: методологические проблемы преподавания русского языка. М.; Оренбург: ООО «Агентство “Пресса”», 2009. 305 с.

Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура: 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.

Романова Н.П. О мотивированности исконных и заимствованных терминов // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1976. С. 18 – 26.

Jakobson R. Linguistics and communication theory // Proceedings of symposia in applied mathematics. 1961. V. XIII.

References

Azimov E.G., Shchukin A.N. *Novyy slovar' metodicheskikh terminov i ponyatiy (teoriya i praktika obucheniya jazykam)*, Moscow, Izdatel'stvo IKAR, 2009, 448 p. (In Russian).

Akhmanova O.S. *Slovar' omonimov russkogo yazyka,* Moscow, Sovetskaya ehntsiklopediya, 1974, 448 p. (In Russian).

Danilenko V.P. *Russkaya terminologiya: opyt lingvisticheskogo opisaniya*, Moscow, Nauka, 1977, 243 p. (In Russian).

Deykina A.D. *Formirovaniye yazykovoy lichnosti s tsennostnym vzglyadom na russkiy yazyk: Metodologicheskiye problemy prepodavaniya russkogo yazyka*, Moscow, Orenburg: OOO «Agentstvo "Pressa"», 2009. 305 p. (In Russian).

Leychik V.M. *Terminovedeniye: predmet, metody, struktura,* 3-ye izd., Moscow, Izd-vo LKI, 2007, 256 p. (In Russian).

Romanova N.P. O motivirovannosti iskonnykh i zaimstvovannykh terminov, *Voprosy terminologii i lingvisticheskoy statistiki,* Voronezh, Izd-vo Voronezhskogo un-ta, 1976, pp. 18-26. (In Russian).

Jakobson R. Linguistics and communication theory, *Proceedings of symposia in applied mathematics*, 1961, V. XIII.

Ekaterina I. Tsukanova (Moscow, Russian Federation)

Lexico-semantic Characteristics of the Methodological Terminology

The article describes the terminology of the Russian language teaching methods from the perspective of lexical and semantic possibilities of the term. It is about the peculiarities of language motivation of terms, as well as about such paradigmatic relations as the phenomena of hyponymy, polysemy, synonymy and antonymy of terms. The description of these linguistic phenomena in the terminological system of the Russian language teaching methods is presented in comparison with the units of the natural language: significant differences and similarities are shown. Language for special purposes, being an integral part of the vocabulary of the literary language, reveals subordination to General language trends, differences are due to the desire of the language of science to accuracy, uniqueness and unambiguity. Accounting for systemic relations of terms in vocational training of students-philologists allows you to comprehend the place of the term in the system of methodical science, makes a conscious assimilation of the course methods of teaching the Russian language.

Key words: *methods of teaching Russian language, lexical and semantic characteristics of terms, paradigmatic relations, term system.*

Ekaterina I. Tsukanova – Postgraduate at the Department of the methods of teaching Russian, Moscow State Pedagogical University.
Phone: 8-925-111-79-98; e-mail: poka90@list.ru

ЖУРНАЛИСТИКА

УДК 070
ББК 76.01

В.И. Козлов

РАЗВИТИЕ ЭКОСИСТЕМЫ ДЛЯ БИЗНЕСА КАК ТЕХНОЛОГИЯ РОСТА МЕДИАКОМПАНИИ*

В статье рассматривается пример развития региональной медиакомпании «Эксперт Юг» в контексте падающего рынка печатной прессы. Компания сумела достичь роста в ситуации падения за счет принятия новой стратегии, диверсификации бизнеса, освоения проектного подхода к публичным коммуникациям, создания экосистемы для бизнеса вокруг предприятия. Результатом реализации антикризисной стратегии стал рост не только компании в целом, но и прежде всего традиционного печатного направления.

Ключевые слова: *российские медиа, публичные коммуникации, печатная пресса, региональный рынок, экосистема для бизнеса, реклама.*

DOI 10.23683/1995-0640-2018-4-236-242

Козлов Владимир Иванович – докт. филол. наук, профессор кафедры отечественной литературы Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета, Генеральный директор Аналитического центра «Эксперт Юг».
Тел.: (863) 285-09-45
E-mail: kozlov.ingup@gmail.com

© Козлов В.И., 2018.

Последние годы, отсчитываемые от 2009-го кризисного, рынок рекламы в России, а в особенности рынок печатной прессы, жили под давлением, с одной стороны, сокращения бюджетов у ключевых клиентов, с другой – под давлением негативных ожиданий, связанных с перспективой традиционной прессы вообще. Еще неясно, какой из этих факторов нанес больший вред индустрии, и тем не менее само их воздействие на медиарынок отрицать невозможно, а это значит, что традиционным игрокам индустрии, которым довелось в этот период работать, нужно было вырабатывать стратегию, которая бы позволила преодолеть как падение бюджетов, так и падение ожиданий.

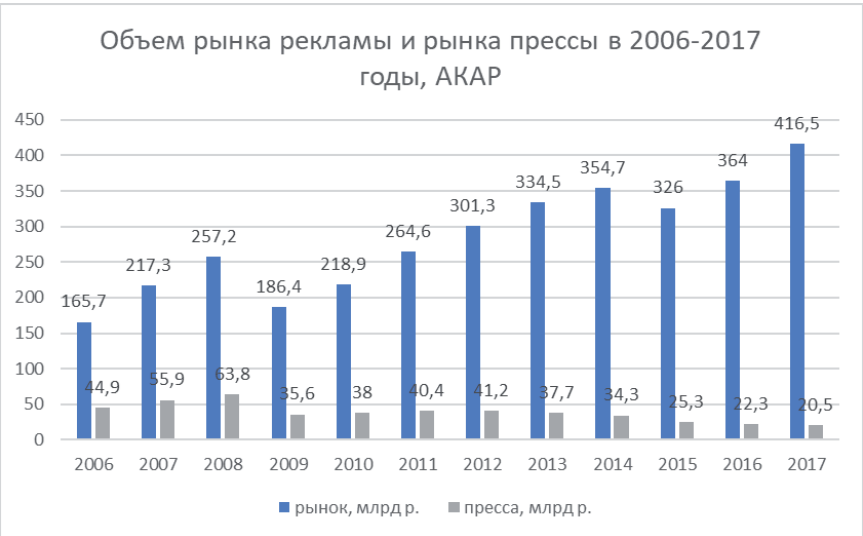
В 2008 г., когда рынок рекламы в целом вырос на 17 %, печатная пресса росла на 11 %, тогда как телевидение, например, – на 22 %, а интернет-реклама – на 32 % [Российский рынок..., 2008]. По данным компании «Видео Интернешнл», проседание сегмента печатной прессы в 2009 г. было наибольшим на рынке – 41 %. Прирост в тот год только интернет – на 8 % [Медиарекламный рынок..., 2010]. Сравнение динамики по разным сегментам рекламного рынка в России показывает, что ситуация в печатной прессе была заметно тяжелее, чем на рынке в целом: падение было глубже в самой острой фазе, отскок был меньше, а в последние три года печатная пресса в отличие от рынка в целом не растет, а падает (см. график 1) [Объём рекламного рынка].

* Статья печатается в авторской редакции.

Динамику рынка в данном случае видеть недостаточно. По ней трудно понять, что рынок рекламы в целом на отрезке последних десяти лет вырос почти вдвое, а рынок прессы втрое сократился (см. график 2) [Объём рекламного рынка].

График 1

График 2



Несмотря на эти данные, кажется, что негативные ожидания, связанные с перспективами печатной прессы, прошли свою нижнюю точку. Так, данные компании «TNS Gallup Media» свидетельствуют, что пресса как медианоситель продолжает оставаться важнейшим каналом коммуникации с активной (25–44 лет) и обеспеченной аудиторией. Рост читательской активности показывают такие социальные группы, как менеджеры/владельцы бизнеса и специалисты. Рынок развивается неравномерно, и при общем сокращении рекламных бюджетов рекламо-

датели предпочитают ключевые издания, так как в условиях кризиса только они могут гарантировать качество контента, надежную систему распространения и своевременность выхода в свет очередных номеров – в результате доля первой десятки изданий, например, только за 2015 г. выросла с 35 до 39 % [Российская печатная пресса, 2017].

Таков фон, на котором развивается компания «Эксперт Юг». В 2017 г. рост выручки предприятия составил 21 %. Лидером роста среди нескольких бизнес-направлений – реклама в журнале, реклама на сайте, деловые мероприятия, обучение, исследования – стал деловой журнал «Эксперт Юг», продажи по этому направлению выросли примерно на 40 %. Годом ранее ситуация была такой же – локомотивом роста также оказался журнал. На фоне общей температуры по рынку печатной прессы этот результат выглядит необъяснимым, несмотря на замечания о том, что ценности наиболее платежеспособных потребителей медиа консервативны, поэтому в кризис они склонны доверять сложившимся лидерам. В докладе Роспечати 2016 г., однако, эти факторы приводились лишь как объяснение сравнительной устойчивости лидеров, т.е. они позволяют медленнее падать, но их все же недостаточно, чтобы расти.

Действительно, рост компании на падающем рынке стал результатом реализации антикризисной программы, главный пункт которой – запуск ассортимента специальных проектов для бизнеса в течение 2015 – 2017 гг. Существует убеждение, что из каждого кризиса медиаотрасль выходит с новым антикризисным продуктом. Старожилы рассказывают, что из кризиса 1998 г. печатная пресса вышла с идеей тематических приложений, которые затем много лет кормили рынок. Сейчас, когда большая часть аудитории даже печатных изданий проходит, как правило, через интернет-каналы, это решение кажется слишком элементарным. Мы осознанно искали такой антикризисный продукт, понимая, что он должен быть убедительной альтернативой как привычной полосе рекламы, так и рекламному баннеру на сайте. На самом деле мы очень ценим любого клиента, который продолжает покупать у нас эти традиционные продукты, но мы понимали, что, если мы будем делать ставку на них, максимум, на что мы сможем рассчитывать, — падать немного медленнее рынка.

Кризис 2009 г. ударил по «Эксперту Юг» сильнее, чем по другим игрокам рынка. Журнал к этому моменту присутствовал на рынке лишь около полутора лет, он еще не прошел стадии старт-апа, при этом имел непривычный – окружной – формат, который не успел еще прижиться. В этой ситуации по всем законам журнал должен был закрываться. Однако команда проявила силу воли и изобретательность. Было ясно, что возможностей быстро покорить интернет у нас нет. Для этого не было ни компетенций, ни инвестиций, ни понимания рекламных бюджетов в сети, ни – возможно, это главное – времени для маневра. Нужно было действовать в кратчайшие сроки. И мы занялись мероприятиями для бизнеса, а точнее – живыми деловыми коммуникациями. Расчет был простой: мы обладали большими связами и узнаваемостью в бизнес-среде, мы занимались аналитикой, что давало нам преимущества при орга-

низации дискуссий, при этом мы видели, что бизнес хочет общаться, но не вполне умеет это делать. И мы предложили несколько рабочих форматов, в достаточно короткие сроки запустив новое бизнес-направление в компании, на которое по итогам 2017 г. приходится около 40 % выручки компании. К этому времени аналитический центр «Эксперт Юг» стал лидером на рынке деловых мероприятий юга России, проводя в год около 40 круглых столов, конференций и форумов. Из частных компаний в регионе, по нашим данным, столько не проводит никто.

Однако за счет запуска деловых мероприятий мы только выиграли время для более существенных преобразований в своей работе. Для них было серьезное обоснование – ключевой своей компетенцией мы считали понимание процессов в региональном бизнесе. Журнал «Эксперт Юг» с момента своего образования отличался тем, что в содержании значительное место занимала аналитика – рэнкинги крупнейших компаний, банков, проектов. Подготовка такого рода контента предполагала наличие в штате специалистов, нехарактерных даже для деловых СМИ, и в конечном счете – большие, чем у конкурентов, затраты на контент. И с запуском конференционного направления в компании эта проблема не исчезла.

Следующим этапом стал вывод стратегического характера. Мы решили, что мы не просто медиа, а компания, которая занимается деловыми коммуникациями. И журнал – один из каналов, со своими особенностями, наряду с другими – сайтом, мероприятиями, исследованиями, обучающими программами, конкурсами и т.д. У такого расширения было простое, упомянутое выше обоснование – очевидное сокращение рынка печатной прессы. Сокращение бюджетов на классическую рекламу в журнале, однако, порой прямо предполагало рост других бюджетов– «на pr», на мероприятия, на маркетинг, на обучение. Нашей задачей, по большому счету, был выход на рынок, на котором гораздо больше денег, чем на резко беднеющем рынке печатной прессы. При этом никогда не допускался отказ от печатной составляющей. Более того, всегда было понимание того, что именно журнал и помогает нам открывать нужные двери. Наличие независимого влиятельного СМИ в структуре бизнеса придает устойчивость всей конструкции. Наша медийность всегда была преимуществом перед конкурентами по другим продуктам. То есть что бы мы не продавали, мы в каком-то смысле продавали журнал.

Однако возможностей даже в сфере деловых коммуникаций слишком много для того, чтобы маленькая компания могла заниматься всем. По этой причине мы ввели для структурирования своей деятельности понятие «специальный проект». Особенность таких проектов заключается в том, что у каждого из них есть своя специфическая аудитория, проблематика которой отражена в идее проекта. То есть проект – это фактически создаваемая нами в медийной сфере коммуникативная ситуация, необходимая именно там, где коммуникации очевидным образом не хватает. Пример: специальный проект «Социальные инвестиции юга России», запущенный «Экспертом Юг» в 2014 г. Мы как журналисты видели, что увеличилось количество неформатных информационных поводов, связанных с социальными активностя-

ми компаний, некоммерческих организаций (НКО) и городских сообществ. Однако и сами понимали, что подавляющее большинство сообщений о таких поводах отправляется в мусорные корзины – т.е. коммуникация между СМИ и некоммерческим сектором на нуле. Коммуникации других участников сферы социальной активности выглядели, впрочем, не лучше. Власть обращала внимание на компанию, которая тащит на себе тяжелый проект, только после того, как силы у компании кончались и проект закрывался. Представители НКО находились в состоянии перманентного поиска ресурсов для своих инициатив. То есть им опять же нужны эффективные коммуникации с бизнесом, властью, СМИ. А бизнесу важно, чтобы, с одной стороны, их инициативы видели, с другой – он может поддерживать наиболее достойные проекты НКО. Проект для нас начинается, таким образом, с осознания или конструирования коммуникативной ситуации, в которой сама коммуникация обладает ценностью. Следующий шаг – подбор инструментов для этой ситуации.

В случае с социальными инвестициями он выглядел следующим образом. Мы создали конкурс лучших инвестиционных проектов Юга России, через который за три года прошло более 250 таких проектов. Экспертный совет конкурса включил бизнес, НКО, СМИ, власть. Этот конкурс позволил нам собрать базу для первого исследования в области социальной активности Юга России. Одновременно мы выпускали 10-12 статей в специальной рубрике журнала о лучших проектах Юга. Итоги конкурса подводились на ежегодной конференции, которая впервые собирала аудиторию руководителей социальных проектов.

Таких проектов компания реализует до десяти в год. Продаются всякий раз партнерские пакеты, каждому уровню партнера соответствует свой пакет опций. В результате компания выбирает прежде всего аудиторию, с которой она хочет системно взаимодействовать. Партнер получает фактически медиакалендарь на полгода, наполненный различными активностями в работе с аудиторией, при этом партнер дает возможность реализовать проект, который несомненно нужен всей этой сфере деятельности. Это неплохая альтернатива полосе рекламы – и для нас, поскольку размер чека иной, и для партнера, поскольку эффективность гораздо выше.

В этой работе, как кажется, остается уже очень мало от журналистики. Конкурс, конференции, исследования. И, тем не менее, каждый такой проект создает спрос на журнал, увеличивает его ценность в глазах аудитории. Именно на страницах журнала подводятся итоги исследований и специальных проектов, именно там публикуются серии интервью с героями проектов. Безусловно, все материалы дублируются на сайте, однако специальный номер по проекту «Социальные инвестиции Юга России» – это все же уникальное предложение, потому что это именно тот аналитический эксклюзив, которому место на полке.

Специальные проекты оказались тем способом, которым мы смогли на данном этапе продать свои компетенции как аналитиков. Да, нас и раньше ценили как журналистов, но мы хотели регулярно получать премию на рынке за то, что помимо журналистики мы умеем системно погружаться в

различные области региональной экономики. Однако при этом мы не были готовы выходить на традиционный рынок аналитики, который, с одной стороны, состоит из рынка маркетинговых исследований и бизнес-планов для компаний, с другой – из тендеров власти на проведение опросов и написание документов стратегического планирования. И мы пошли по пути продажи исследования как значимого медиасобытия. Допустим, крупная компания-поставщик услуг для компаний, которые занимаются растениеводством, поддерживает проект под названием «Эффективное растениеводство Юга России». В рамках проекта будет проведено анкетирование 50 предприятий, взято и опубликовано 10 глубинных интервью с руководителями, дважды аудитория соберется в разных регионах на круглые столы, наконец, выйдут результаты исследования в журнале, везде компания будет фигурировать как партнер, а в конце партнер еще и получит по итогам аналитическую записку, написанную с учетом ее интересов. Вопрос: зачем партнеру поддерживать такое исследование? Ответ: с нашей помощью он опросил свою стратегическую аудиторию, втянул ее в ту дискуссию, которая ему самому нужна для развития бизнеса, при этом он помог отрасли и получил большой медийный шлейф. А мы сделали заметную продажу, которая загрузила нас на полгода, получили партнера, которого вообще никогда не существовало на рынке печатной прессы, а также получили возможность реализовать проект, генерирующий для нас эксклюзивный контент. Тот самый – наиболее дорогостоящий, за который в начале пути нам приходилось платить самим.

Вывод на данном этапе пока простой. Если бы мы несколько лет назад все силы бросили на развитие журнала, мы бы падали вместе с рынком, в лучшем случае – чуть медленнее рынка. Но мы занялись специальными проектами, образующими вокруг компании своеобразную экосистему, в которой у героев и партнеров масса возможностей для коммуницирования, проявления своей экспертности, обучения, обмена опытом, поиска партнеров и клиентов. И поскольку мы сконцентрировались на проработке того, с кем и по какому поводу представители разных наших аудиторий хотят общаться друг с другом, то мы получили рост востребованности журнала. Не исключено, что эффект этот временный.

Этот кейс по-своему иллюстрирует несколько мировых трендов, выделяемых сегодня медианалитиками. Первый – диверсификация собственно медийного бизнеса. Логика этой диверсификации может быть самой разной, как правило, она подсказывается сочетанием собственных компетенций и потребностей клиентов. Второй тренд – монетизация, под которой обычно понимаются перспективы развития нативной рекламы. Специальные проекты в нашем понимании генерируют эксклюзивный контент, производство которого было инициировано или поддержано партнерами, – безусловно, это сложный случай работы с нативным контентом. Третий тренд, в который опыт «Эксперта Юг» вполне вписывается, – диверсификация каналов дистрибуции как контента, так и ценности бренда, именно это создает эффект экосистемы вокруг компании. Но эта экосистема выглядела бы чистым маркетинговым арсеналом, если бы мы к этим трендам не добавляли кое-что от себя, о чем

медиааналитики говорят сегодня гораздо реже, – готовность работать с живыми, а не виртуальными коммуникациями, готовность создавать публичную повестку.

Литература

Медиарекламный рынок России в 2010: стагнация или восстановление? // URL: http://www.akarussia.ru/knowledge/research (дата обращения 17.07.2018).

Объём рекламного рынка России в 2000-2017 гг. // URL: http://www.akarussia.ru/node/7849 (дата обращения 17.07.2018).

Российская периодическая печать. Состояние, тенденции и перспективы развития. 2017 // URL: http://www.unkniga.ru/images/docs/2017/otr-doklad-ros-period-pechat-2016.compressed.pdf (дата обращения 17.07.2018).

Российский рынок рекламы в 2008 году // URL: http://www.region-media.ru/market_2008.php (дата обращения 17.07.2018)

References

Mediareklamnyy rynok Rossii v 2010: stagnatsiya ili vosstanovleniye? Available at: http://www.akarussia.ru/knowledge/research (accessed 17.07.2018).

Ob'em reklamnogo rynka Rossii v 2000-2017 gg. Available at: http://www.akarussia.ru/node/7849 (accessed 17.07.2018).

Rossiyskaya periodicheskaya pechat'. Sostoyaniye, tendentsii i perspektivy razvitiya. 2017 Available at: http://www.unkniga.ru/images/docs/2017/otr-doklad-ros-period-pechat-2016.compressed.pdf (accessed 17.07.2018).

Rossiyskiy rynok reklamy v 2008 godu Available at: http://www.region-media.ru/market_2008.php (accessed 17.07.2018).

Vladimir I. Kozlov (Rostov-on-Don, Russian Federation)

Ecosystem Development for Business as Mediacompany Growth Technology

The article is an example of the development of the regional media company "Expert South" in the context of the falling market of the printed press. The enterprise could gain growth by adopting a new strategy, diversifying the business, developing a project approach to public communications, creating an ecosystem for business around the firm. The result of the implementation of the anti-crisis strategy was the growth not only of the company as a whole, but also, first of all, of the traditional printing direction.

Key words: *Russian media, public communications, print press, regional market, ecosystem for business, advertising.*

Vladimir I. Kozlov – Ph. D. of philology, professor. Native Literature dpt. Institute of Philology, Journalism and Cross-cultural communication. Southern Federal University. Managing Director of the Analytic center "South Expert". Phone: (863) 285-09-45, e-mail: kozlov.ingup@gmail.com

AD MEMORIAM

СВОЯ ЧУЖАЯ РЕЧЬ: О ГРАММАТИСТЕ М.К. МИЛЫХ ВСПОМИНАЮТ УЧЕНИКИ И КОЛЛЕГИ

Позиция наблюдателя, точка зрения, «чужое слово», соотношение повествовательных структур – эти темы сегодня в фокусе внимания лингвистов. Именно этими направлениями, задолго до того, как они стали «научным мейнстримом», занималась профессор Ростовского государственного университета Мария Карповна Милых.

Мария Карповна Милых – это особое имя для кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета. Эту кафедру Мария Карповна возглавляла на протяжении многих лет, с момента ее основания. Доктор филологических наук, профессор Георгий Георгиевич Хазагеров вспоминает о профессоре Милых: «Мария Карповна многие свои идеи дала нам «на перспективу». Только сейчас можно это оценить. Начнем с того, что она сделала одну важную вещь – сумела задать очень высокий стандарт человеческих отношений на факультете. Я много где работал – во многих ростовских и московских вузах. Так вот кафедра Марии Карповны была исключительной кафедрой с точки зрения атмосферы. (Речь идет о кафедре русского языка филологического факультета Ростовского госуниверситета, которую Мария Карповна возглавляла с 1962 по 1980 год). В этом была ее пассионарность. Настоящий культурный герой, армирующий вокруг себя пространство: культ учителей, культ предков, поданный, как сказали бы сегодня, с правильным дизайном. Помните, как в “нулевые” говорили о модных заведениях – “атмосферное место”. Да, кафедра Марии Карповны была таким местом – местом, где хотелось находиться. Это важно, ни в каком приказе не написано “Будьте стильными. И как этого добиться”. А она все так делала – с чувством стиля, на хорошем уровне, всему придавала отличную форму, применяла высокие стандарты. Она была проводником классической грамматики и стилистики в духе Виноградова. Со студентами работала по-настоящему, и умела проделать этот важный филологический трюк – с помощью грамматики научить человека мыслить. Правильно подать интригующие лингвистические темы вроде глагольного вида или залога. И, конечно, культ грамотного русского языка. До запятой – все должно быть на своих местах».

Елена Леонидовна Григорьян, доцент кафедры общего и сравнительного языкознания Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ, еще один представитель университетской династии, так вспоминает о своей бабушке: «В грамматике Мария Карповна была традиционалистом. Скажем, детерминантов она не признавала. Ей категорически не нравилась идея именного примыкания. Так что я с ней все время спорила: “Ну, какое же это управление?” При этом я отлично ее понимаю. Надо учитывать, что такое были эти “передовые работы 1970-х годов”: тогда все были помешаны на цифрах и формулах, при этом в подавляющем

большинстве эти цифры и формулы ни в каком приращении смысла не участвовали. Все эти стрелочки часто были сплошь декоративные элементы. С другой стороны, Мария Карповна не была русистом-пуристом в каком-то страшном смысле этого слова. Она всегда сетовала, что на русском отделении студенты плохо знают иностранные языки, всегда выступала за широту взгляда».

Мария Карповна родилась в 1907 г. в Ставрополе. Ей досталось тяжелое время. В Гражданскую умерли отец и сестра, потом была Великая Отечественная война, эвакуация с двумя маленькими детьми.

В 1930-е гг., после окончания университета, Мария Карповна работала старшим научным сотрудником и ученым секретарем Северо-Кавказского краевого Комитета нового алфавита в Ростове. Это было вполне в духе времени. Комитет нового алфавита – организация, призванная создать письменность для ранее бесписьменных народов Северного Кавказа – часть глобального советского эксперимента, когда новая реальность творилась буквально на глазах. Мир перестраивался, перекраивался, а в данном случае еще и переписывался. Мария Карповна занималась изучением тюркских языков – ногайского, кумыкского, карачаевского, балкарского.

Елена Леонидовна Григорьян вспоминает: «Бабушка всегда хотела, чтобы я стала тюркологом, знакомила меня в детстве с карачаевскими песнями и считала, что приличный индоевропеист должен знать хотя бы один из тюркских языков. Ее первая диссертация была посвящена тюркологии. Но в 1942 году Ростовский государственный университет отправился в эвакуацию в город Ош Киргизской республики. Рукопись просто потерялась в тяжелой дороге: люди прожили несколько месяцев в пути, на открытой платформе в постоянной попытке оторваться от подступающих немцев. Мария Карповна часто вспоминала эвакуацию: настоящий Восток, с арыками, верблюдами и баранами, разгуливающими по улицам. По воле судьбы тюрколог оказался в своем профессиональном ареале. По воспоминаниям Марии Карповны, знаний ногайского для бытового общения вполне хватало».

Свою следующую кандидатскую диссертацию Мария Карповна посвятила «вопросам грамматической стилистики русского языка». Постепенно центральное место в ее лингвистических исследованиях заняли проблемы, касающиеся описания конструкций с чужой речью. Докторская диссертация Марии Карповны посвящена конструкциям с прямой речью в русском языке. Монографии профессора Милых «Синтаксические особенности прямой речи в художественной прозе» (1956), «Прямая речь в художественной прозе» (1958), «Конструкция с косвенной речью в современном русском языке» (1975), «Проблемы языка и стиля А.П. Чехова» (1983) хорошо знакомы исследователям языка художественных текстов. Большое внимание в своих работах Мария Карповна уделяла лексическому составу вводящих слов автора в структуре прямой речи. Она впервые так детально и системно описала огромное разнообразие глаголов, вводящих прямую речь.

Марии Карповны Милых не стало в 1983 г., но в ее книгах намечено большое количество направлений исследований, которые осваиваются и развиваются ее последователями по сей день. В частности, профессор Милых обратила внимание на эллиптические ремарки в прозе А.П. Чехова – безглагольный тип неполного предложения в словах автора. Мария Карповна показала, что отсутствие глагола говорения в чеховских текстах возможно в тех случаях, когда основное действующее лицо сцены оказывается говорящим. Подобные бессказуемные вводящие конструкции стали стилеобразующим средством «неиерархической прозы» XX в., а разного рода эллиптические ремарки – продуктивным направлением исследований современных лингвистов.

Мария Карповна стояла у истоков донского чеховедения, она организовала «Чеховские чтения», объединив усилия лингвистов и литературоведов, занимающихся изучением произведений писателя. Сегодня – в век тотальной междисциплинарности – это звучит странно, но тогда такое объединение казалось новаторским, смелым решением. Елена Леонидовна Григорьян вспоминает характерную фразу Марии Карповны Милых «все есть у Чехова». Это не просто о сюжетах или о «больших смыслах», это – о фактах языка. Все, что было найдено в языке русской литературой до Антона Павловича Чехова и после Антона Павловича Чехова – все можно найти у Чехова. Чехов – это своего рода «предел русского языка».

Профессор Николай Николаевич Маевский, ученик и хранитель памяти о Марии Карповне Милых, так говорит о своем учителе: «Спокойный голос, вдумчивый взгляд, изящество и настоящая, чеховская интеллигентность. У нас на кафедре есть портрет Марии Карповны: она замерла в таком красивом, артистичном жесте. Так вот, это не поза. Вот именно такой она и была. Изящной, хрупкой, миниатюрной. При этом уверенной и самодостаточной. Мария Карповна неспроста занялась стилистикой. Она сама была воплощенный стиль».

Е.С. Максимова,
научный сотрудник Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации Южного федерального университета

РЕЦЕНЗИИ

ФЕНОМЕН МЕТАРОМАНА ТОМАСА БЕРНХАРДА

(*Котелевская В.В.* Томас Бернхард и модернистский метароман: монография. Ростов р/Д.; Таганрог: Изд-во Южного федерального ун-та, 2018. 352 с.)

В западноевропейском литературоведении творчество австрийского прозаика и драматурга Томаса Бернхарда (*Thomas Bernhard*, 1931–1989) изучено достаточно полно: исследования последних десятилетий лишь уточняют этот особый немецко-австрийский феномен в новых историко-эстетических обстоятельствах. Но и в отечественной науке градус культурного и интеллектуального внимания к романам Бернхарда, ярким литературным образцам европейского модернизма, остается очень высоким.

Монографическое исследование В.В. Котелевской впервые в отечественном литературоведении раскрывает суть феномена Бернхарда, саморефелексивность его поэтики и языковое мастерство. Творчество австрийского мастера исследуется в парадигме модернистского метаромана – специфической художественной формы, концептуализирующей жизнь как письмо. Весь XX век отмечен смелыми экспериментами с литературными жанрами, когда активной становится важная составляющая литературы – саморефлексия как художественного текста, так и его создателя. Формируемая парадигма метаромана (англ. *metafiction,* нем. *Metaroman*), в которой конструктивным элементом поэтики выступает саморефлексия, обнажает внутренний механизм написания текста: писатель выступает одновременно и субъектом, и объектом своей художественной мысли.

В.В. Котелевская прослеживает рождение уникального авторского стиля Бернхарда, в творчестве которого поэтология выходит на передний план. «Поздний сын модернизма» (эту характеристику, данную Т. Манном Ницше, В.В. Котелевская по аналогии переносит на свой предмет), Бернхард в своём творчестве обозначает знаковые проблемы XX в.: топос настойчивого поиска истины (фаустианская модель), обостренное чувство лживости языка (с. 49), изоляционизм творческой личности, осознание мира как текста и жизни как наррации.

В поле исследования – романы «Стужа» (*Frost,* 1963), «Амрас» (*Amras,* 1964) «Корректура» (*Korrektur,* 1975), «Бетон» (*Beton,* 1982), «Изничтожение: Распад» (*Auslöschung. Ein Zerfall,* 1986), малая проза и некоторые драматургические произведения Томаса Бернхарда.

В первой главе автор монографии, выявляя специфику становления саморефлексивной поэтики Бернхарда, обращается к роману зрелого периода «Бетон». В нем особенно ярко обозначена экзистенциальная мотивация к творчеству: множественная травма писателя (личная, послевоенная и эпохальная травма «смерти Бога»), искажающая экзистенцию человека и его нарративную природу. Отсюда – герметичность артистического субъекта, смысловые провалы (казус «первого предложения», с. 27), минимализм прозы, апелляция к музыке как утопическому языку.

Человеческая экзистенция перетекает в текст, и, таким образом, текст понимается как самоуничтожение человека, как попытка избыть себя в тексте (с. 17). Главная стратегия творчества Бернхарда – его сосредоточенность на письме – переключает изображение окружающего мира в регистр рефлексии о человеке пишущем, в регистр письма. Поэтика трансформируется в поэтологию, а изобразительно-миметическая природа повествования мимикрирует

под абстрактно-выразительную природу музыки. Именно музыка, как «математическая загадка» искусства (с. 23), выступает спасением романного героя, наполняя бытие и наделяя его безусловным смыслом. Семантический ряд «музыка – литература – математика» исследуется в текстах Бенрхарда «Амрас», «Дыхание: выбор», «Корректура», «Бетон».

Обширная вторая глава посвящена анализу лингвофилософских оснований литературного проекта модернизма и метафикциональной поэтики. Подробно описывается ситуация «критики языка» в западноевропейском литературном пространстве, когда жанр романа в полной мере реализует свой ресурс «самокритичности» (М. Бахтин).

Обстоятельно прослеживается модернистский генезис поэтики Бернхарда. В культуре позднего модерна Бернхард (как и Витгенштейн, Хайдеггер, Адорно, Музиль, Целан, Бахман) участвует в эпохальном проекте критики языка. Модернистская критика языка реализуется у Бернхарда как стилевое новаторство и авторская поэтика. Модернистский солипсизм, выраженный в персонологии, в сюжетах и стилистике романов, настойчиво-маниакальные поиски самости – всё это сопряжено с рождением уникального авторского письма Бернхарда, а именно: принципами построения фразы, выбором эмфатических языковых средств, многочисленными повторами и кружением текста вокруг понятий (смерть, жизнь, природа, наука, искусство), отбор протагониста (маргинал, художник-гений), предельная упрощенность сюжетов (с. 45).

В монографии особо акцентирует связь критики языка (от Ф. Ницше до представителей «негативной диалектики») с литературой модернизма, в частности, с творчеством Бернхарда (с. 66). Травматический опыт, разрушение коммуникативных связей, непригодность языка для выражения истины – отсюда поэтологическая тема лживости и фальши письма, «море отдельных слов», которые невозможно собрать в осмысленные предложения и составить убедительный текст – такова картина модернистского мироощущения. В контексте рассмотрения – знаковый текст «Письмо» Гуго фон Гофмансталя, «Статьи по критике языка» Фрица Маутнера, акцентирующие идеи языка как инструмента «непонимания», издательский проект медиакритика Карла Крауса, пытающегося в своем сизифовом стремлении расчистить язык от информационного захламления, пьеса «Каспар» Петера Хандке, в которой пульсирует тоска по связной речи и внятной картине мира.

Ценные наблюдения В.В. Котелевской касаются проблемы смысловых искажений, решаемой в аспектах обновления художественных форм (новые авторские поэтики: параболический минимализм Кафки, монтажная поэтика Джойса, многосубъектная наррация Вулф, «беспредметная» поэтика Бернхарда и Беккета). Анатомируя сознание человека, живущего во «времена распада языка», Бернхард развивает модернистскую линию романа о художнике с его «антибюргерской праздностью» (с. 95) и творческим изоляционизмом.

Радикальному обновлению жанровых форм при интенсивном процессе саморефлексии искусства XX в. способствует и «вторжение» литературы на территорию других семиотических кодов. Так, из «духа времени» рождаются роман-коллаж (Джойс, Дёблин) и музыкализированный романный дискурс (Т. Манн, Бернхард, Елинек).

В третьей главе убедительно показано, что метапроза Бернхарда реализует безостановочную рефлексию слова над собственным рождением, обнаруживая типологически родственные формы в романном фрагменте (Монтень, Паскаль, Валери), в романе-эссе (Музиль, Брох), в «мерцательной»

прозе (Р. Вальзер, Вулф), в поэтике Беккета, деконструирующей предметный мир (с. 119). Метапроза модернистского этапа становления самосознающей прозы сосредоточена, главным образом, на феномене (творческого) сознания с его ярко выраженным солипсизмом и направленностью на «нарциссическое повествование» (роман о романе). Здесь В.В. Котелевская верно акцентирует амбивалентную эстетическую функцию метапрозы, обнаруживающей как признаки «литературы истощения», так и «литературы восполнения» (термины Дж. Барта).

Поэтологическая сущность метаромана обнаруживается в архетипическом сюжете блудного сына (Р. Вальзер, Янн, Вулф), в сюжетной ситуации «писатель на прогулке» (Хандке, Р. Вальзер, Бернхард), в солипсизме и протеизме модернистского героя-художника, творческая изоляция которого амбивалентно помогает «собирать себя» в рассказываемых историях и в то же время эти истории разрушать. В романе Бенрхарда «Амрас» проявляется характерная для модернистской метапрозы редукция мимесиса (с. 181). Бессюжетность роднит прозу Бернхарда с прозой Беккета («Уотт», «Безымянный»); различает их, однако, характер риторизации: деконструктивная у Беккета и конструктивная у Бернхарда.

В четвертой главе исследуется метафикциональная природа ранних текстов «Стужа», «Амрас» и итогового романа «Изничтожение: Распад». Проблематизация целостности произведения (утрата и поиски новых оснований целостности) связывает Бернхарда с Томасом Манном (с. 195). Коллизия одновременной ностальгии по «старым добрым временам» и вместе с тем понимания невозможности достижения этой цельности наиболее отчетливо выражена в поэтике романа «Доктор Фаустус» Т. Манна.

Процессы разрушения сознания художника («смерть художника» как ключевой мотив модернистской метапрозы) стилистически воплощаются в романах Бернхарда «Стужа» и «Амрас». В.В. Котелевская выделяет здесь две модели метаромана – «позитивистскую» модель наблюдения за художником-гением, дистанцированное наблюдение («Стужа»), и «романтическую» модель, «вчувствование» («Амрас») (с. 208). Выделяется еще и третья модель, наиболее аутентичная стилевая форма Бернхарда, – это квазимузыкальный дискурс, сконструированный как «словесный эквивалент барочной полифонии». Очевидно, что полифония у Бернхарда становится формой преодоления хаоса и сложением новой целостности на иных, гетерономных основаниях.

Укажем на блестяще выполненный анализ поэтики романа «Стужа» с неизменным героем-наблюдателем. В романе обозначены центральные мотивы метапрозы Бернхарда (мотивы холода и тьмы, равнодушной природы, отвратительной телесности, мотив добровольной изоляции и крушение артистической карьеры), демонстрируется исходная интертекстуальная связь с текстом Паскаля «Мысли».

Подробно и обстоятельно анализируется роман «Амрас». Здесь прочтение истории «гибели одного семейства», находящегося под колпаком «семейного заклятия», осуществляется как в медицинском ключе, так и через интертекстуальные связи с идеями романтиков о причастности тела человека к универсуму, о «двойничестве», о романтическом типе художника, сочетающего в себе интеллектуально-абстрактное и конкретно-чувственное (Ф. Шлегель, Новалис, Жан-Поль).

Травматический опыт писателя сигнализирует о себе и в романе Бернхарда «Изничтожение: Распад». Текст романа исследуется как образцовая

модернистская история о травмированном субъекте-писателе, который конструирует себе идеального Другого в интеллектуальной текстуальной игре агонистического характера, дающей человеку опыт суверенного существования (Монтень, Паскаль, Жан-Поль, Кафка, Витгенштейн).

В заключительной главе выявляются интертекстуальные связи романа «Корректура» с Витгенштейном, который занимает в творчестве Бернхарада место Другого. Обстоятельно рассматривается свойственный поэтике Бернхарда изоморфизм между музыкальной, архитектурной и литературной формами (художественная реализация идей Витгенштейна). Отметим целостное видение исследователя В.В. Котелевской метапрозы Томаса Бернхарда. Последняя глава книги возвращает нас к исходной проблеме точного языкового описания мира (с. 323), центральной для всего творчества Бернхарда с фактом пересмотра логицистской модели мира в пользу модели языковых игр, а также констатации невозможности упорядочивания мира как текста. Здесь четко обозначена присущая всей метапрозе Бернхарда «одна, но пламенная страсть» – создать абсолютный текст, построить утопический дом, исполнить «абсолютную игру», создать тип художника-гения, одновременно стремящегося к совершенству и демонстрирующего безнадежность своих перфекционистских устремлений.

Добавим в рецензию и небольшую «ложку дегтя». В едином поле исследования автор монографии сводит романы, драмы и рассказы Бернхарда, исследуя сюжетно-тематические параллели и интертекстуальные вложения. Не согласимся, что метаструктура в романе равна метаструктуре в драме или даже в рассказе. Метаструктура романа устроена и функционирует иначе: она наполняет текст специфически романными смыслами, например, усиливает и представляет в виде конкретной проблемы несовпадение героя с самим собой и/или может абсолютизировать «незавершенное настоящее романа» (М. Бахтин). Метароман выступает как специфическая художественная форма, чьи законы и возможности, а также место в общей системе жанров в настоящее время еще только начинают осмысляться.

В целом, плотный, удивительно красивый и живой текст монографического исследования В.В. Котелевской завораживает тщательностью разработки деталей и универсальностью обобщений. По своим задачам, уровню исполнения, зрелости рассуждения и глубины рассмотрения проблемных вопросов западноевропейской литературы XX в. монография В.В. Котелевской вносит значительный вклад в отечественное литературоведение и, несомненно, будет востребована в дальнейших исследованиях. Благодарим автора за прекрасную книгу, которая расширяет круг ассоциаций, возможностей и контекстов осмысления уникального австрийского феномена «Томас Бернхард и его проза».

Г.В. Кучумова,
доктор филол. наук,
Самарский национальный
исследовательский университет
им. академика С.П. Королёва

ХРОНИКА

«ИЗУЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА М.А. ШОЛОХОВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ПРОБЛЕМЫ, КОНЦЕПЦИИ, ПОДХОДЫ»: XX ШОЛОХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ (ст. ВЕШЕНСКАЯ)

(11 – 13 сентября 2018 г., ст. Вешенская)

XX Шолоховские чтения прошли с 11 по 13 сентября 2018 г. в ст. Вешенской, в экскурсионно-выставочном центре музея-заповедника М.А. Шолохова «Народный дом». В них приняли участие шолоховеды из Москвы, Сургута, Ульяновска, Ростова-на-Дону, сотрудники ГМЗШ в ст. Вешенской, а также ученые из Азербаджана, Сирии, гости из Японии.

По сложившейся традиции перед началом работы конференции ее участники возложили цветы к могиле М.А. Шолохова.

Открыла конференцию директор Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова О.А. Анистратенко, обратившаяся к истории проведения Шолоховских чтений в г. Ростове-на-Дону (до 2006 г.) и ст. Вешенской, подчеркнув, что они представляли уникальное явление в отечественном шолоховедении конца XX – начала XXI в. Были зачитаны приветствия заместителя председателя комитета по культуре Государственной Думы РФ А.М. Шолохова, дочерей писателя Светланы Михайловны и Марии Михайловны Шолоховых.

Первым на пленарном заседании был заслушан доклад ведущего научного сотрудника ИМЛИ Ю.А. Дворяшина «Роман М.А. Шолохова “Тихий Дон” в научном издании: обновление текста – постижение смысла», подчеркнувшего, что изучение прижизненных изданий произведения позволило не только уточнить текст «Тихого Дона», получить представление о развитии творческого замысла писателя, но, что особенно важно, защитить честь одного из главных романов XX в.

Член-корр. РАН Н.В. Корниенко в своем докладе «Чистое искусство» Шолохова в контексте революционной эпохи» отметила, что, хотя революционная эпоха «очищала» литературу от «чистого искусства», тем не менее Шолохов не только знал и любил творчество его представителей, в частности А.К. Толстого, но и развивал одну из основных его тем: «путь человека в мире зла».

В течение нескольких лет группа исследователей ИМЛИ и музея-заповедника М.А. Шолохова ведёт работу над проектом Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Письма читателей к М.А. Шолохову: 1930 – 1970-е гг.». Промежуточными результатами этого кропотливого труда поделилась старший научный сотрудник ИМЛИ О.В. Быстрова в докладе «...каждый из нас пишет по указке своего сердца» (Отклики читателей на выступление М.А. Шолохова на Втором Всесоюзном съезде писателей)».

В целом ряд выступлений ставилась проблема «Шолохов и русская литература XIX – XX вв.». Здесь особо следует выделить доклад Н.А. Дворяшиной (Сургут) «Две девочки – девушки – женщины: Дуняшка Мелехова и Наташа Ростова», высказавшей предположение о том, что на первом этапе создания образа Дуняшки, наряду с прототипами, присутствовал образ толстовской героини. О литературной ситуации 1920-х гг. говорила старший научный сотрудник ИМЛИ Е.А. Папкова – «Тихий Дон» в контексте дискуссий 1929 г. о подлинно крестьянской литературе». А в докладе доцента Е.А. Шириной (Белгород) речь шла о шолоховской традиции в творчестве Бориса Екимова.

Большая часть выступлений была посвящена анализу романа «Тихий Дон»: проф. А.А. Дырдин (Ульяновск) выступил с докладом «Пространство

в художественном мире М.А. Шолохова (эстетико-аксиологический аспект)»; о многозначности финала романа «Тихий Дон» в свете споров прошлых лет говорил проф. Д.В. Поль (Москва) – «Григорий Мелехов в социалистическом строительстве: к вопросу об открытом финале “Тихого Дона”».

К актуальным проблемам изучения творчества М.А. Шолохова в средней школе обратились профессора С.А. Васильев (Москва) – «Фрагменты романа “Тихий Дон” в методических материалах к ЕГЭ по литературе: взгляд через призму научного издания романа», И.Г. Минералова (Москва) – «Загадки и открытия “плотного стиля” М.А. Шолохова» и др.

В ряде выступлений освещались малоизвестные страницы жизни и творчества писателя: старший научный сотрудник ИМЛИ Г.Н. Воронцова поделилась собранными архивными данными об истории личных и творческих отношений М.А. Шолохова и известного советского дипломата И.М. Майского – «М.А. Шолохов и И.М. Майский: к истории визита писателя в Англию в 1935 г.», интересные сведения и факты о двоюродном брате писателя были представлены в докладе старшего научного сотрудника ГМЗШ Н.В. Кирсановой – «Новые страницы родословной М.А. Шолохова: Николай Петрович Шолохов».

В первый день работы конференции был заслушан доклад проф. Л.Б. Савенковой (Южный федеральный университет) «Любовь на фоне реальности в раннем творчестве М.А. Шолохова (лингвистический аспект исследования)». Далее проблемы, связанные с языком шолоховских произведений, были заявлены в выступлениях молодых исследователей ЮФУ: А.В. Малаховой – «Когнитивный диссонанс как причина развития ситуации в романе “Тихий Дон”», К.С. Максюты – «Лицо как индикатор антипатии в романе “Тихий Дон”», А.И. Межуевой – «Эпистолярный текст как отражение духа эпохи: письма читателей к Шолохову».

Одним из самых запоминающихся событий второго дня конференции стала встреча с японской арфисткой Киоко Танака, ученицей Иосие Абэ, которая в далеком 1935 г. приезжала в Вешенскую, чтобы взять интервью у Шолохова. Теперь вместе со своей подругой и помощницей Йоко Оцука Киоко Танака решила проехать по донским местам, собирая материал для будущей книги об Иосие Абэ.

В заключительный день конференции был проведён круглый стол, посвящённый юбилею Шолоховских чтений. В докладе доц. ЮФУ Т.О. Осиповой и главного научного сотрудника музея-заповедника М.А. Шолохова Л.П. Разогреевой был представлен обстоятельный обзор истории Шолоховских чтений, начиная с 1980-х гг. и до сегодняшнего дня.

Подводя итоги конференции, все участники отметили ее высокий научный уровень.

Материалы XX Шолоховских чтений будут опубликованы в очередном выпуске «Вешенского вестника».

Т.О. Осипова, *доцент,*
Южный федеральный университет

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ФОРТУНАТОВСКИЕ ЧТЕНИЯ В КАРЕЛИИ»

(10–12 сентября 2018 года, Россия, Петрозаводск)

Научная конференция «Фортунатовские чтения в Карелии» состоялась 10 – 12 сентября 2018 г. в Петрозаводском государственном университете. Организаторами конференции (помимо Петрозаводского государственного университета) выступили ведущие вузы страны: МГУ им. М.В. Ломоносова, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербургский государственный университет, Московский государственный областной университет, Вологодский государственный университет. В программный комитет конференции вошли 29 известных учёных из научных учреждений России, Белоруссии, Словакии, Японии, Италии, Финляндии, Эстонии, Армении. Отдельно хочется отметить вклад сотрудников Петрозаводского государственного университета (особенно зав. кафедрой русского языка, докт. филол. наук, проф. Н.В. Патроевой) в нелёгкий процесс организации такого грандиозного события. Это масштабное мероприятие вызвало широкий интерес научной общественности: более 250 докладов было представлено для обсуждения на пленарном и секционных заседаниях. Филологи, историки, работники архивов, культурологи приехали из более чем 50 научных учреждений России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Италии, Киргизии, Латвии, Словакии, Эстонии, Японии.

Очень насыщенной была работа пленарного заседания: участники конференции услышали 16 докладов ведущих филологов страны. Открыла пленарное заседание зав. кафедрой русского языка Петрозаводского госуниверситета, докт. филол. наук, проф. Н.В. Патроева, председатель организационного комитета. Она напомнила слушателям об основных направлениях деятельности академика Ф.Ф. Фортунатова: сравнительное и типологическое языкознание, общая и частная грамматика, историческая фонетика, морфология. Докт. филол. наук, проф. О.В. Никитин выступил с докладом «Академик Ф.Ф. Фортунатов: жизнь и судьба на перекрёстке двух столетий». Доклад был проиллюстрирован неопубликованными фотографиями академика Ф.Ф. Фортунатова в кругу учеников и семьи. С большим интересом слушатели узнали о ранее неизвестной стороне жизни великого учёного, о том, что он был не только выдающимся исследователем, но и чутким, добрым, отзывчивым человеком, всю жизнь помогавшим окружавшим его людям.

Огромный интерес вызвали и доклады О.В. Лукина («Ф.Ф. Фортунатов и немецкое языкознание»), А.Л. Шарандина («Теория частей речи в трудах Ф.Ф. Фортунатова и его последователей и перспективы её развития в современной русистике»), Ф.И. Панкова («Творческое наследие Ф.Ф. Фортунатова и концепция категориальных классов слов»), Е.М. Лазуткиной («Значение грамматических исследований Ф.Ф. Фортунатова для синтаксиса предложения в русистике XXI века»), О.А. Волошиной («Диссертация Ф.Ф. Фортунатова «Самаведа Араньяка самхита» в контексте развития индологии и компаративистики конца XIX в.»), В.Г. Вовиной («Ф.Ф. Фортунатов и А.А. Шахматов по материалам переписки»), Е.Ю. Басаргиной («Портрет Ф.Ф. Фортунатова из собрания А.А. Шахматова»), Е.В. Петрухиной («Грамматикализация словообразовательных формантов и словообразовательная функция флексий в русском языке (в соотношении с учением Ф.Ф. Фортунатова о грамматической форме»), А.В. Никитевича («Наследие формальной школы Ф.Ф. Фортунатова и методо-

логия преподавания русского языка в современной школе»), В.С. Храковского («О некоторых дискуссионных проблемах современной аспектологии»), Т.В. Пентковской («Настоящее неактуальное в церковнославянских переводах экзегетических текстов»), Т.В. Шмелёвой («Залог глагола с позиций семантического синтаксиса»), Ю.П. Князева («Конструкции со словом *менее* в русском языке»), Н.Н. Болдырева («Доминантный принцип формирования значения и смысла»), Н.В. Патроевой («Проблемы описания синтаксической формы поэтического высказывания»).

В рамках конференции проходила работа 10 секций, также была организована секция молодых исследователей. Доклады сотрудников Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ были представлены на секциях «Синтаксический ярус системы современного русского языка» (доц. Е.Л. Григорьян), «Фонология, словообразование, семасиология и ономасиология: традиционные и новые аспекты исследования» (проф. Л.В. Табаченко), «Лингвистическая поэтика и историческая стилистика» (проф. Н.В. Изотова, доц. А.А. Козакова, доц. И.А. Литвинова). В рамках последней секции было представлено 16 докладов разнообразной тематики. Выступление доцента О.В. Шкуран было посвящено медиаторам десакрализации концепта «богатырь» в современном языковом пространстве. Формально-семантическая структура описательного фрагмента в прозаическом тексте стала предметом исследования доцента Н.В. Халиковой. Два доклада были посвящены разным аспектам творчества Ф.М. Достоевского (концепту «винопитие» и древним языкам в произведениях автора). Доцент Петрозаводского государственного университета А.А. Скоропадская выступила с докладом «Древнегреческие истоки слова “пророк” (на примере творчества А.С. Пушкина)», в котором осветила новые и интересные аспекты достаточно изученной темы. Исследование Н.В. Изотовой на тему «Актуальное членение диалогического текста в художественной литературе (реплики с местоимениями-подлежащими)» было проведено на материале прозы А.П. Чехова. Доклады А.А. Козаковой и И.А. Литвиновой были посвящены особенностям идиолекта М.И. Цветаевой. В рамках секционного заседания были сделаны также доклады на материале творчества Д.И. Фонвизина, А.П. Сумарокова, В.В. Капниста, В.А. Жуковского, К.Н. Батюшкова, П.А. Вяземского, А.А. Дельвига и др. Большой интерес вызвало исследование, представленное доцентом Северного (Арктического) федерального университета А.В. Петровым на тему «Этнографизмы в северном тексте».

А.А. Козакова,
канд. филол. наук, доцент,
Южный федеральный университет,
И.А. Литвинова
канд. филол. наук, доцент,
Южный федеральный университет

Светлой памяти Вадима Николаевича БЕЛОПОЛЬСКОГО

23 мая 2018 года на 86-м году ушел из жизни доктор филологических наук, почетный работник высшего профессионального образования РФ, член Международного общества Ф.М. Достоевского, профессор Южного федерального университета Вадим Николаевич Белопольский.

Творческое наследие профессора В.Н. Белопольского

Вадим Николаевич Белопольский – один из наиболее авторитетных современных исследователей творчества Ф.М. Достоевского. Можно сказать, что разгадке «тайны» великого писателя ученый посвятил всю жизнь, с тех пор, как девятиклассником прочитал полное собрание сочинений запрещенного в то время классика.

Монографии Вадима Николаевича «Достоевский и позитивизм» (1985), «Достоевский и философская мысль его эпохи: концепция человека» (1987), «Достоевский и философия: связи и параллели» (1998), его многочисленные статьи давно заслужили известность в цехе достоевистов и востребованы как исследователями старшего поколения, так и молодыми учеными. Его работы внесли значимый вклад в изучение проблемы «Достоевский и философия», заложили прочный фундамент для дальнейших исследований глубинной связи произведений Ф.М. Достоевского с философскими идеями, как современными писателю, так и предшествующими. Важнейшим методологическим посылом исследований В.Н. Белопольского стала мысль о том, что «русская литература – это своего рода «философия человека», подлинная русская культура всегда была «синтетической», философичной по существу. Достоевский предстает в его работах как выдающийся русский мыслитель, стоящий на уровне лучших западных философов и указавший на недостатки некоторых «недоконченных» теорий мировой философской мысли. Вадим Николаевич убедительно показал, что знакомство Достоевского с учениями И. Канта, Г. Гегеля, М. Штирнера, И. Фихте, Ф. Шеллинга, А. Шопенгауэра, О. Конта и др. побудило писателя дать свои ответы на поставленные в этих работах проблемы человеческого и космического бытия.

Выход в свет последней книги Вадима Николаевича «Достоевский и другие. Статьи о русской литературе» (2010) стал ярким событием в современной научной жизни. Говоря о двух воззрениях на науку: сугубо рациональном и целостном – с участием всего существа человека, его духа, разума, чувства и воли – ученый отстаивает второе, столь характерное для русской традиции. Этот важнейший принцип работы

В.Н. Белопольского опирается на авторитет Достоевского, который был глубоко убежден в национальной специфике научного познания. В работе высвечивается и основной приоритет великого писателя – Православная идея как положительный идеал. В монографии исследуются генезис и преемственность идей и художественных образов Ф.М. Достоевского в широком контексте русской культуры. Это издание отразило многолетний опыт ученого в осмыслении не только творчества Ф.М. Достоевского, но и других авторов русской классики, представляющих цвет отечественной художественной литературы и культуры в целом.

Основная часть трудовой деятельности Вадима Николаевича была связана с его alma mater – филологическим факультетом Ростовского госуниверситета (ныне ИФЖиМКК Южного федерального университета), где он работал с 1969 г. доцентом кафедры русской и зарубежной литературы. После защиты докторской диссертации в МГУ (1991 г.) он возглавил кафедру истории русской литературы, руководство которой осуществлял в течение двадцати одного года. Многие годы В.Н. Белопольский успешно руководил научной подготовкой студентов и аспирантов, щедро делясь накопленными знаниями и опытом.

Коллеги и ученики всегда чрезвычайно высоко ценили личные качества Вадима Николаевича, его исключительно ровный, мягкий характер, природную деликатность, высокую культуру человеческого и профессионального общения, не исключающую при этом твердости и принципиальности научной позиции.

Светлая память и бесконечная благодарность дорогому Коллеге и Учителю навсегда сохранится в наших сердцах!

М.Ч. Ларионова
Заведующая лабораторией филологии ЮНЦ РАН,
профессор кафедры отечественной литературы
ИФЖиМКК ЮФУ

ПОЛОЖЕНИЕ
о правилах рецензирования статей в журнале «Известия Южного федерального университета. Филологические науки»

Научные статьи, поступившие в редакцию журнала «Известия Южного федерального университета. Филологические науки», проходят через институт одностороннего «слепого» рецензирования (single-blind – рецензент знает об авторе, автор – нет).

Заведующий редакцией журнала передаёт статьи редакторам разделов (в распечатанном или электронном виде). Редакторы разделов определяют рецензентов согласно научной тематике статей.

Рецензент должен рассмотреть полученную статью в течение 3 месяцев и представить в редакцию рецензию (по e-mail, с досылом по почте или непосредственным представлением в редакцию).

Рецензент может рекомендовать статью к опубликованию; рекомендовать к опубликованию после доработки с учетом замечаний; не рекомендовать статью к опубликованию.

В рецензии должен быть оценён научный уровень материала. Необходимо обратить внимание на соответствие названия, цели и задач содержанию статьи, наличие элементов новизны, достаточность научной аргументации, наличие обобщений и выводов, научную и практическую значимость работы.

Если рецензент рекомендует статью к опубликованию после доработки с учетом замечаний или не рекомендует статью к опубликованию, в рецензии должны быть указаны причины такого решения.

Заведующий редакцией журнала знакомит автора статьи с рецензией в обязательном порядке в том случае, если в рецензии есть замечания, которые необходимо учесть для улучшения содержания статьи, а также в случае отклонения статьи.

Если статья по рекомендации рецензента подверглась авторской переработке, она направляется на повторное рецензирование тому же рецензенту, который сделал критические замечания. Срок повторного рецензирования – до одного месяца.

Редколлегия вправе направлять статьи на дополнительное анонимное рецензирование. При наличии отрицательных рецензий на рукопись от двух разных рецензентов или одной рецензии на ее доработанный вариант статья отвергается без рассмотрения другими членами редколлегии.

Заведующий редакцией доводит до сведения автора принятое решение. Максимальный срок рецензирования между датами поступления рукописи в редакцию и вынесения редколлегией окончательного решения составляет четыре месяца.

В дальнейшую переписку с авторами отклонённых статей заведующий редакцией журнала не вступает.

Наличие положительных рецензий не является достаточным основанием для публикации статьи.

Окончательное решение о целесообразности публикации принимает редакционная коллегия на специальном заседании, посвящённом выпуску очередного номера журнала.

Рецензии хранятся в редакции журнала в течение 5 лет. Копии рецензий могут быть направлены в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении соответствующего запроса.

ТРЕБОВАНИЯ К МАТЕРИАЛАМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ

Журнал является научно-прикладным, рецензируемым; выходит на русском языке (4 раза в год); имеет подписной индекс в каталоге Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы».

С 2010 г. журнал включен в перечень российских рецензируемых научных журналов ВАК, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

В журнале получают отражение фундаментальные и прикладные исследования по филологии (языкознанию и литературоведению), методике преподавания русского (в том числе как иностранного) и иностранных языков, литературы и журналистики.

В журнале публикуются научные статьи, материалы конференций, симпозиумов, круглых столов, информация о научных мероприятиях, рецензии, отчёты об исследованиях, переводы трудов зарубежных авторов и другие научные работы.

Издание информирует читателей о состоянии и перспективах развития филологических наук в России и за рубежом. Журнал адресован ученым, преподавателям вузов, колледжей и средних учебных заведений, аспирантам и докторантам. Издание направляется в ведущие научные и образовательные учреждения РФ и зарубежных стран, крупнейшие национальные библиотеки, научные фонды и иные структуры и учреждения, работающие в сфере науки и образования.

Высокий научный уровень журнала обеспечивается не только учёными Южного федерального округа, но и ведущими учёными вузов и научных организаций других регионов РФ, а также ряда стран ближнего и дальнего зарубежья.

Сайт журнала на международной платформе Open Journal Systems http://www.philol-journal.sfedu.ru

ПРАВИЛА ПУБЛИКАЦИИ ДЛЯ АВТОРОВ

В предлагаемых для публикации научных статьях должны содержаться обоснование актуальности темы, четкая постановка цели и задач исследования, научная аргументация, обобщения и выводы, представляющие интерес своей научной новизной, теоретической и практической значимостью.

Статья должна быть тщательно вычитана. Редакционная коллегия оставляет за собой право при необходимости сокращать статьи, подвергать их редакционной правке и отсылать авторам на доработку.

Для публикации в журнале необходимо отправить статью на русском или английском языке по электронной почте igornef@yandex.ru (зав. редакцией журнала).

Предлагаемые к публикации материалы должны быть оформлены согласно указанным ниже требованиям.

Материалы, присланные в редакцию, не возвращаются.

Требования к оформлению статьи

Объем научной статьи – 0,4 – 0,7 п.л. (16000-28000 печ. зн.). В случае превышения указанного объема условия публикации статьи оговариваются в индивидуальном порядке. Объём сообщения, рецензии, хроники научной жизни и т.п. определятся в индивидуальном порядке.

Структура публикации

- УДК и ББК;
- инициалы и фамилия автора (-ов) в правом верхнем углу строчными буквами;
- название (посередине строки прописными буквами);
- аннотация статьи на русском языке (не более 500 знаков); в аннотации следует избегать «пустых» выражений типа «в данной (предлагаемой) статье рассматривается...»;
- ключевые слова (не более 10);
- текст статьи;
- список литературы и источников в алфавитном порядке;
- желательно название статьи, ключевые слова и аннотацию (объёмом 20-25 строк) представить и на английском языке, при этом английский текст аннотации предпочтительно давать в более распространённом виде, по сравнению с русским (если автор не может дать квалифицированный перевод, это будет выполнено редакцией);
- сведения об авторе (-ах): фамилия, имя, отчество; место работы (город, страна, вуз, факультет, кафедра и т.п.); учёная степень, ученое звание, должность; дом. адрес (на русском и английском), телефон, e-mail.

Технические установки

- редактор MS WORD 6/0 и выше;
- формат бумаги – А4, шрифт Times New Roman, стиль Normal, кегль –14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – 2,5 см;
- примеры в тексте выделяются курсивом;
- ссылки на литературу даются в квадратных скобках с указанием автора (-ов) или (если это коллективный труд) – названия работы, года издания и страницы через запятую: [Иванов, 2013, с. 4]; [Философия культуры..., 2009, с. 176];
- цитаты тщательно сверяются и заверяются подписью автора (-ов) на последней странице статьи следующим образом: «Цитаты, приведенные в тексте статьи, верны»;
- иллюстрации должны включать объяснения значений всех компонентов, порядковый номер, подрисуночную подпись. Таблицы должны иметь порядковый номер и заголовок, расположенные над ней. В головке таблицы текст пишется с прописной буквы, сокращения слов не допускаются. На иллюстрации и таблицы должны быть ссылки в тексте. Данные иллюстраций и таблиц не должны дублировать текст;
- статья должна быть подписана автором (-ами) на последней странице.

Примеры оформления списка литературы и ссылок на неё

Список использованной литературы оформляется под заголовком «Литература», или «Литература и источники». Примечания лучше оформлять в виде затекстовых ссылок, используя для них общепринятую индексную нумерацию, и помещать их перед списком литературы. Например:

В тексте:

«...лучшей книги о Сахалине до сих пор не было и нет»[2].

В примечаниях:

[2] См.: Комментарии к «Острову Сахалину», составленные М.Л. Семановой. С. 580.

Описание источника приводят в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка». Источник описывают в следующем порядке:

- фамилия и инициалы автора курсивом, название работы, место, название издательства (издающей организации) и год издания, количество страниц, например:

Гусев А.Ф. Граф Л.Н.Толстой, его «Исповедь» и мнимо-новая вера. Ч. 1. М., б. и., 1890. 460 с.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 384 с.;

- если это статья, то после двойного слэша (//) указывается журнал (допустимы при этом стандартные сокращения) или выходные данные сборника, например:

Апресян Ю.Д. Коннотации как часть прагматики слова (лексикографический аспект) // *Апресян Ю.Д.* Избр. тр. Т. 2. М.: Наука, 1995. С. 115 – 124.

Трубецкой Н.С.. Общеславянский элемент в русской культуре // ВЯ. 1990. № 2, 3. С.17 27.

- если ссылка дается на сборник или иное аналогичное издание, то его описывают либо под фамилией научного редактора (-ов) с указанием «ред.» (для других языков – ed., и т.п.); либо под заглавием книги, например:

Greenberg J. (ed.). Universals of human language. Vol. I. Method and theory. Stanford (California), 1978. 420 p.

Или:

Universals of human language. Vol. I. Method and theory. Stanford (California), 1978. 420 p.

Для электронных ресурсов допускается вместо слов «Режим доступа» (или их эквивалента на другом языке) использовать для обозначения электронного адреса аббревиатуру «URL» (Uniform Resource Locator – унифицированный указатель ресурса). После электронного адреса в круглых скобках приводят сведения о дате обращения к электронному сетевому ресурсу, после слов «дата обращения» указывают число, месяц и год:

Непомнящий В.С. Пушкин и судьба России [Электронный ресурс]. // Глагол. – Электрон. дан. М., 2001. URL: http//www.glagol-online.ru/n5/115/ (дата обращения 03.09.2009).

Список литературы необходимо продублировать транслитерацией на латинице в соответствии с требованиями Scopus и дать под заголовком *«References»* после оригинального списка литературы по приводимым ниже образцам, при этом в качестве разделительных элементов не следует использовать косую линию (слэш), а применять шрифтовые выделения (курсив):

Описание книги (монографии, сборника):

Gusev A.F. *Graf L.N.Tolstoy, ego «Ispoved'» i mnimo-novaya vera, Chast' 1,* Moscow, b.i., 1890, 460 p. (In Russian).

Peshkovskiy A.M. *Russkiy sintaksis v nauchnom osveshchenii,* Moskow: Yazyki slavyanskoy kultury, 1956, 384 p. (In Russian).

ApresyanYu.D. *Konnotatsii kak chast' pragmatiki slova (leksikograficheskiy aspect),* Apresyan Yu.D., Izbrannye Trudy, Tom 2, Moskow: Nauka, 1995, 256 p. (In Russian).

Описание статьи в журнале:

Trubetskoy N.S. Obshcheslavyanskiy element v russkoy kulture, *Voprosy yazykoznaniya, 1990, no 2, pp. 17-27. (In Russian).*

Описание диссертации или автореферата диссертации:

Braslavec L. A. *Internet-servisy sotsial'nykh setey v sovremennoy sisteme sredstv massovoy kommunikatsii: diss. ... kand. filol. nauk*. Voronezh, 2010. 180 p. (In Russian).

Kuznetsova N. V. *Struktura i stilistika yazykovykh sredstv v tekstakh internet-forumov: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk*. Tyumen', 2008. 24 p. (In Russian).

Описание статьи из электронного журнала:

Ushakov A. A. Internet-diskurs kak osobyy tip rechi. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedeniye*. 2010, no 4. Avialable at: http://cyberleninka.ru/article/n/internet-diskurs-kak-osobyy-tip-rechi-retsenzirovana (accessed 01.10.2016). (In Russian).

Описание Интернет-ресурса:

Nepomnyashchiy V.S. Pushkin i sud'ba Rossii. *Glagol*. Moskow, 2001. Available at: http//www.glagol-online.ru/n5/115/ (accessed 03.09.2009) (In Russian).

Условия передачи авторских прав

Авторы, которые публикуются в данном журнале, соглашаются со следующими условиями:

1. Авторы сохраняют за собой авторские права на работу и передают журналу право первой публикации вместе с работой, одновременно лицензируя ее на условиях Creative Commons Attribution License, которая позволяет другим распространять данную работу с обязательным указанием авторства данной работы и ссылкой на оригинальную публикацию в этом журнале.

2. Авторы сохраняют право заключать отдельные, дополнительные контрактные соглашения на неэксклюзивное распространение версии работы, опубликованной этим журналом (например, разместить ее в университетском хранилище или опубликовать ее в книге), со ссылкой на оригинальную публикацию в этом журнале.

3. Авторам разрешается размещать их работу в сети Интернет (например, в университетском хранилище или на их персональном веб-сайте) до и во время процесса рассмотрения ее данным журналом, так как это может привести к продуктивному обсуждению, а также к большему количеству ссылок на данную опубликованную работу (смотри The Effect of Open Access).

4. Ознакомиться с полным текстом лицензионного соглашения Creative Commons Attribution License можно на сайте: http://creativecommons.org/licenses/by/3.0/deed.ru

За оригинальность текстов статей и достоверность сведений, изложенных в них, ответственность несут авторы.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных требований, редакцией не рассматриваются.

Адрес редакции:
344006, Российская федерация, г. Ростов-на-Дону,
ул. Пушкинская, 150, к.11
Институт филологии, журналистики и межкультурной коммуникации,
Южный федеральный университет
Заведующий редакцией журнала: Нефёдов Игорь Владиславович
Телефон: +79604643321
E-mail: **igornef@yandex.ru**
Сайт журнала: http://www.philol-journal.sfedu.ru

Сдано в набор 02.12.2018. Подписано в печать 20.12.2018.
Формат 70х100/16. Бумага офсетная. Гарнитура «PetersburgC»
Печать цифровая. Усл. печ. л.20,95. Уч.-изд. л. 19,20. Тираж 500 экз.
Заказ № 386

Типография ООО «Фонд науки и образовния»
344006, г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая 111,
тел. 8-918-570-30-30.